Годы и войны

Александр Васильевич Горбатов

SHOUT
SHARE
IT

- Горбатов Александр Васильевич

Горбатов Александр Васильевич
Годы и войны

Горбатов Александр Васильевич
Годы и войны

Аннотация издательства: От солдата царской армии до командующего армией Советских Вооруженных Сил - таков боевой путь участника первой мировой, гражданской и Великой Отечественной войн, Героя Советского Союза генерала армии А. В. Горбатова. Не просто складывалась судьба воина-коммуниста. Необоснованно репрессированный в период культа личности Сталина, он с честью прошел через все испытания, вернулся в боевой строй, и его полководческий талант в полной мере раскрылся в ходе сражений против немецко-фашистских захватчиков. О жизни и воинской службе, крутых поворотах судьбы, походах в боях, встречах с видными полководцами и военачальниками рассказывает А. В. Горбатов в своих мемуарах, которые не переиздавались с 1965 года. В это издание внесены некоторые уточнения. Для массового читателя.

Биографическая справка: ГОРБАТОВ Александр Васильевич (род. 21.3.1891) в деревне Пахотино ныне Палехского района Ивановской области в семье крестьянина. Русский. Член КПСС с 1919. Участвовал в 1-й мировой войне в качестве унтер-офицера. В Советской Армии с 1918. В годы Гражданской войны командовал полком. В 1926 окончил кавалерийские командные курсы, в 1930 КУКС. На фронтах Великой Отечественной войны с июня 1941. Командир стрелковой дивизии, стрелкового корпуса, а с июня 1943 - командующий армией. За умелое руководство войсками 3-й армии (2-й Белорусский фронт) в январе-феврале 1945 при прорыве долговременной обороны противника и отражении его контрударов в ходе Восточно-Прусской операции, личное мужество генерал-полковнику Горбатову 10.4.45 присвоено звание Героя Советского Союза. После войны командовал армией, воздушно-десантными войсками, войсками военного округа. С 1955 генерал армии. С 1958 в Группе генеральных инспекторов МО СССР. Кандидат в члены ЦК КПСС в 1952-61. Депутат Верховного Совета 2-5 созывов. Награжден 3 орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, 4 орденами Красного Знамени, 2 орденами Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, Суворова 2-й степени, Кутузова 2-й степени, 2 орденами Красной Звезды, медалями, Почетным оружием, иностранными орденами. Умер 7.12.1973. Похоронен

на Новодевичьем кладбище в Москве. (Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. Воениздат. 1987. Стр. 349)

Содержание

Глава первая. Крестьянский сын
Глава вторая. Царская армия
Глава третья. За власть Советов
Глава четвертая. Боевая служба продолжается
Глава пятая. Так было
Глава шестая. Фронт откатывается на Восток
Глава седьмая. Вперед!
Глава восьмая. Днепр
Глава девятая. Ветер Победы
Глава десятая. Мир на земле
Слово о советском полководце. Маршал Советского Союза А. М. ВАСИЛЕВСКИЙ
Примечания

Глава первая. Крестьянский сын

Наша семья состояла из отца, матери, пяти братьев и пяти сестер.

Отец был набожный, трудолюбивый, не пил, не курил и не сквернословил. Роста он был среднего, болезненный и худощавый, но нам, детям, он казался обладателем большой силы, ибо тяжесть его руки мы часто ощущали, когда он нас хотел "поучить" - учил он нас на совесть...

Мать, тоже набожная, была доброй женщиной и великой труженицей, вечно озабоченной, чем накормить, во что обуть и одеть свое многочисленное семейство. Новая одежда покупалась только старшим брату и сестре, а вся старая переходила к младшим;

но мы всегда были одеты чисто, без дыр и прорех, а на заплаты внимания не обращали. Мать ухаживала за коровой и лошадью, успевала работать не только по дому, а еще в поле и в огороде, правда с нашей посильной помощью. Даже семилетняя Аня считалась работницей и присматривала за тремя малышами.

К хлебу в нашей семье относились крайне бережливо, потому что хватало его только до нового года. Мать, когда резала хлеб, тщательно соразмеряла куски, не оказался бы чей больше: в нашей дружной семье иногда по такому поводу вспыхивала ссора, порой и потасовка. Впрочем, вмешательство отца быстро наводило порядок.

Несмотря на то что все работали, жили мы впроголодь. Молоко, сметану, масло - все несли на базар; ежегодно выпаивался теленок, но и его тоже вели на базар.

Я упоминал, что была у нас и лошадь. Но лошади как-то "не

приживались" у нас, к великому нашему горю, - конечно, не потому, что за ними плохо ухаживали или заставляли непосильно работать. О хорошей лошади отец и мечтать не смел она в те годы стоила рублей шестьдесят - семьдесят. Он покупал лошадь рублей за десять. Понятно, это уже была старая, изработавшаяся кляча, находившая у нас в скором времени свой естественный конец. Такое горе наша семья пережила четырежды за десять лет. Большого труда стоило отцу и мне, его главному помощнику в этом деле, содрать с худой павшей лошади шкуру, нигде не порезав,каждый изъян понижал ее стоимость. Продавалась шкура за три, а иногда даже за четыре рубля, и таким образом выручалась часть стоимости живой лошади.

В нашей и окрестных деревнях существовал обычай поздней осенью, по окончании полевых работ, уходить на зиму в отхожий промысел на выделку овчин. Все мужское население, достигшее двенадцати лет, покидало свои дома до масленицы, а порой задерживалось и на первые недели великого поста, и этому все радовались: чем дольше работа, тем больше заработок, да, кроме того, и начесанной с овчин шерсти привозили больше. Женщины и девушки - те, что не работали на фабриках в городе Шуя, - всю осень и зиму пряли шерсть, вязали на продажу варежки.

Но вот наступали весна, лето. К западу от нашей деревни Пахотино находились большие леса, порубки и болота. Начиналась своеобразная "страда" хождение по грибы, по ягоды. Собирать их ходили целыми семьями, приносили много. Но лучшая, самая красивая ягодка отправлялась в кузовок, а не в рот. Какой соблазн нам, ребятам! Но мы знали, что на базаре будет цениться только лучшая ягода, и это почти всегда удерживало нас от искушения. И грибы оставлялись для собственного потребления только с червоточинкой и большие. Осенью брали клюкву, а после первых морозов и калину.

И мал и стар - все стремились заработать для хозяйства лишнюю копейку. Для лошади и коровы требовался объемистый фураж, да нужно было заготовить сена в запас, чтобы продать излишки на базаре, а потому косили траву везде, где она только была: в лесу, на полянах и просеках, и осоку в болоте. Выкошенное в болоте вытаскивали целую версту, идя по пояс в воде.

Давно это было, но на всю жизнь мне запомнился день 9 марта 1899 года, когда мне исполнилось восемь лет. В этот день, по народному поверью, прилетают жаворонки, и существовал обычай: пекли из теста подобие птиц и в одну из них запекали копейку. Тот, кому достанется жаворонок с копейкой, будет счастливым целый год! Вот мать и побаловала нас - напекла из

ржаной муки жаворонков, и счастливый достался мне, - правда, не без некоторого участия матери в этой случайности. День был солнечный, теплый, на столе лежал ворох жаворонков, у всех братьев и сестер было радостное настроение, тем более что поджидали отца из города, куда он повез на продажу воз сена; мы с нетерпением ждали возвращения отца, потому что он всегда после базара привозил нам по горсти семечек или по баранке.

Вдруг пришел сосед, вернувшийся из города, и сообщил нам ужасную новость: наша лошадь пала, не доезжая двух верст до города. Радость сменилась горем и плачем. Накануне весенних работ остаться без лошади! Даже маленькие дети понимали весь ужас положения...

1899 год памятен мне еще тем, что я этой осенью пошел в школу, находившуюся в деревне Харитоново, в пяти верстах от нас. Школьнику того времени приходилось переживать такие затруднения, которым трудно поверить теперь. Учение сельских школьников ограничивалось обычно тремя зимами в сельской или церковноприходской школе. После этого образование считалось законченным, так как никаких других школ в сельских местностях не было, учиться же в городе не позволяли средства. Трехклассных сельских школ тоже было мало, и они бывали очень удалены друг от друга. Осенью детям приходилось брести по непролазной грязи проселочных дорог, а зимой, при морозе с ветром, пробираться по сугробам и бездорожью в плохонькой одежонке и убогой обуви. Иногда казалось, что не сможешь дойти, застынешь от холода.

Путь наш проходил через два леска и две деревни. По преданию, когда-то в одном лесу кто-то повесился;

когда мы пробегали через этот лес, каждый шорох заставлял нас замирать от ужаса. Только на опушке леса мы вздыхали с облегчением. Зато через деревни проходили шумной и беззаботной толпой.

Невдалеке от деревни Харитоново, между деревнями Овсянница и Черняткино, тянулась пологая возвышенность; ходила легенда, будто в ней зарыта лодка с золотом (почему-то именно лодка). Проходя это место, все говорили о том, что когда-нибудь нам удастся найти эту лодку, и каждый высказывал свои желания, что бы он на эти деньги купил. Осенью больше всего хотелось иметь крепкие кожаные сапоги, зимой мечталось о теплой шубе, шапке и особенно о валенках по ноге. Иногда же, совсем по-ребячьи, мечтали на это золото сообща выстроить дом с закоулками, чтобы можно было играть в прятки...

Летом 1901 года, когда я уже неплохо умел читать, мне в руки попалась книжонка в 32 страницы о цветке папоротника; в

ней подробно рассказывалось о том, что папоротник цветет ровно в полночь на Ивана Купалу. Увлекательно описывалось могущественное свойство цветка: завладевший им получал способность все видеть и слышать, а самому оставаться невидимым и неслышным. Автор подробнейшим образом перечислял меры предосторожности, которые необходимо соблюдать, возвращаясь с цветком, чтобы его сохранить. С другом моим, Ванькой Натальиным, мы читали, перечитывали, почти выучили наизусть все наставления. Главным местом наших заседаний были старые ясли под осиной. Мы рисовали себе, что могли бы сделать, став невидимками; возможности представлялись нам неисчерпаемыми! Однако трудности и опасности, связанные с добыванием цветка, заставляли сильно задумываться. Ванька дрожал при одной мысли об этом. Мне же все больше и больше хотелось достать волшебный цветок, и не дальше, как этим летом. О своем решении я не говорил никому, даже Ваньке.

В соседних лесах было много папоротниковых зарослей. За три дня до Ивана Купалы я сходил в лес, осмотрел заросли, наметил подходящую кочку для сидения, уходя, заломил кусты, чтобы в темноте безошибочно выйти к этому месту. В самый канун Иванова дня потихоньку, никем не замеченный, взял с божницы небольшой медный крест, запрятал за пазуху и в сумерки отправился в путь, хотя до полуночи было еще далеко.

В поле я чувствовал себя отлично, но лишь только вошел в лес - стало жутко. Видно, правду писали в книжке, что нечистая сила на человека, идущего искать цветок, будет наводить "страшный страх", чтобы заставить его вернуться. Не дойдя до намеченной кочки, я уже изнемогал от страха. Но вдруг меня осенила мысль: если нечистая сила так хочет заставить меня вернуться, значит, папоротник будет цвести! Это придало мне храбрости.

Дойдя до моей кочки, я концом креста очертил три раза круг (так было указано в книжке), вошел в него, трижды перекрестился, поклонился на все четыре стороны с коленопреклонением, сел на кочку и стал ждать. В левой руке зажал крест, а правую держал навытяжку, чтобы сразу схватить цветок: ведь он будет цвести одно мгновение. Немного беспокоило, что я не знаю, где именно появится цветок: у корня или на листах.

Малейшее дуновение ветерка казалось мне приближением нечистой силы. Руки немели от напряжения. Осторожно перекладывая крест из левой руки в правую, я вытягивал свободную руку, чтобы схватить цветок. Но он не появлялся. Изо

всех сил старался не двигаться, не моргнуть, напряженно вглядываясь в темноту. Несколько раз мне виделась вспышка огня совсем рядом со мной, я быстро сжимал руку, но желанного цветка в ней не оказывалось. Задремал ли я, или так померещилось уставшим глазам - но вдруг что-то засветилось. Я не смел оглянуться, боясь, не уловка ли и это нечистой силы, чтобы отвлечь меня от цветка, когда он появится. Но это занималась заря.

Я понял, что ночь прошла и ждать больше нечего, надо возвращаться домой. А вот как это сделать? В книжечке указано было, как возвращаться с цветком, а как быть мне теперь, не имея его? Я перешагнул через спасительный круг и бросился бежать без оглядки. Лишь очутившись на лугу, возле речки, немножко пришел в себя.

Солнышко вставало, роса поблескивала под его лучами. Неведомое до сих пор восхищение красотой природы охватило мою измученную ночным напряжением душу. Я почувствовал такое радостное облегчение от того, что теперь никакая нечистая сила не властна надо мной, что повалился на траву и заснул крепким сном.

Дома никто не заметил моего отсутствия. Но вдруг до меня долетел удивленный возглас отца: "Да где же крест-то? Он ведь стоял на божнице". У меня, что называется, душа в пятки ушла - креста у меня не было! Неужели я его потерял? Если бы дознались, кто взял крест, да, главное, на какое "бесовское" дело, - мне бы крепко досталось. Я сбегал в лес и нашел крест. Вечером он был на своем месте. Вновь начались удивленные вопросы: где же он был? Я, конечно, молчал.

Никому ни одним словом я не обмолвился о своем неудачном поиске. Вопрос о цветке так и остался нерешенным: не цвел папоротник или я, уснув, прозевал его? Но книжечку я порвал.

Кажется, это была последняя детская фантазия о внезапном богатстве, рожденная вечной нуждой, в которой жила наша семья.

Учеба моя закончилась весной 1902 года. После экзамена я, сияющий, принес домой похвальный лист. Мать заплакала от радости, вся семья радовалась вместе со мной, все меня хвалили. Но окончание школы накладывало на меня совсем уже другие обязанности по хозяйству. Два старших брата, Николай и Иван, а также старшая сестра Татьяна работали в городе; мальчик, окончивший школу, становился помощником родителям и работал вместе с ними.

Осенью отец уехал искать работу по выделке кож, и в октябре пришло от него письмо, что он подыскал место в селе Ольшанка, Хвалынского уезда, Саратовской губернии. Отец приказывал

Николаю бросить работу в Шуе, забрать с собой Саньку и приехать к нему.

Мать провожала нас на лошади до пристани, там мы сели на пароход и поплыли по Клязьме, Оке и Волге. Помню, на рассвете мы причалили в Хвалынске; на берегу возвышались горы арбузов, мы долго выбирали и купили два немного помятых, зато самых крупных за три копейки.

До Ольшанки нам предстояло пройти двадцать верст по размытой дождем дороге, а мы были навьючены сумками и котомками с необходимым для выработки овчин инструментом: крючьями, косами, чесалками и т. д. Надо было взобраться на крутой берег, а раскисшая меловая почва так и ползла под ногами. Я был обут в материнские полуботинки с резинками, на каждом шагу они оставались в грязи, идти же босиком было холодно. Несколько раз брат пытался посадить меня к себе на плечи, но ничего не получалось, потому что он тоже был нагружен изрядно. Как бы мы добрались до места - трудно сказать, если бы, на наше счастье, нас не нагнал крестьянин на телеге. Разговорились. Он оказался жителем Ольшанки. Крестьянин разрешил мне сесть на подводу, а когда выехали с крутого подъема на ровную местность, позволил положить на телегу и все вещи.

В Ольшанке дела оказалось немного, так как там работали еще два овчинника. Мы закончили все к половине зимы и заработали так мало, что, даже продав начесанную шерсть, после уплаты 25 рублей за квартиру (деньги по тому времени большие) могли бы лишь купить билеты и вернуться домой с пустыми руками. Как быть? Даже твердый по характеру отец был настолько этим смущен, что посоветовался с нами.

Брат Николай предложил уехать ночью, тайком, благо паспорта были у нас на руках, а не у хозяина: денег хватило бы на билеты и мы сохранили бы шерсть. Я осмелился добавить, что иного выхода нет. Отец, привыкший всю жизнь быть честным, склонялся к тому, чтобы расплатиться с хозяином, продав шерсть здесь. Но брат его отговаривал, уверяя, что и опасного здесь ничего нет:

"Хозяин - человек богатый, и он видел нашу бедность и нужду. Не станет он за нами гоняться". Безвыходность положения и наша настойчивость принудили отца согласиться. Наняли мы подводу, ночью погрузились и уехали втихомолку из Ольшанки. По Волге плыли до Сызрани. Там на железнодорожной станции получилась непредвиденная задержка: отец хотел купить два полных билета и один четвертной, но мне уже полагался половинный. Пришлось отцу упросить соседа, чтобы тот за три

двухкопеечные булки одолжил для показа кассиру своего шестилетнего мальчика. Так удалось сэкономить и на билетах.

Мы с братом облегченно вздохнули и развеселились, когда поезд тронулся: все-таки, шептались мы, могло ведь случиться, что хозяин послал бы за нами погоню... Отец же был по-прежнему молчалив и печален. Жестокое, несправедливое к труженику устройство жизни вынуждало даже такого твердого в нравственных правилах человека, как наш отец, решаться на поступки, которые он считал дурными, и это его терзало.

Впрочем, некоторые "преступления" против имущественных прав "казны" и богачей настолько вошли в крестьянский быт, что нравственная их оценка начисто отмерла, и когда их совершали, то заботились лишь об удаче и безнаказанности.

Недалеко от нашей деревни начинались большие леса. Мы, да и все наши соседи, ездили туда за хворостом, ибо дрова стоили дорого. Иной раз удавалось свалить и сухое дерево и, разрубив или распилив его на небольшие части, тщательно замаскировать на телеге хворостом - иначе встреча с лесником сулила большие неприятности. Особенно страшно было проезжать мимо его сторожки на берегу реки, как раз у самого моста.

Однажды, после окончания весенних работ в поле и на огороде, выдалось свободное время. Мы с отцом поехали в лес. Нам повезло: три сухих бревна лежали у нас под хворостом. Отец приказал мне ехать с возом домой, пообедать и возвратиться к нему; сам он остался заготавливать дрова.

Из лесу можно было ехать по торной дороге или через луг. Дорога через дуг была короче, но надо было переезжать канаву. Провожая меня, отец строго приказал не ездить лугом. Я, конечно, обещал сделать все так, как он приказал, но в душе решил сэкономить полтора километра и, выехав из лесу по дороге, свернул на луг. Подъехав к канаве, остановился, прикинул, в каком месте лучше ее переехать, и тронул лошадь. Вдруг - о ужас! - застряв в канаве, сломалось колесо, и воз сел. Меня обуял такой страх, я так растерялся, что никак не мог сообразить, что же делать; сваливать хворост о телеги страшно, на дне заложены три бревна, а сторожка лесника в каких-нибудь трехстах шагах; вернуться к отцу - еще страшнее. Решил отпрячь лошадь и ехать в деревню верхом.

Но отец, по-видимому, не очень мне верил. Он вышел на опушку и, увидев, что я поехал по лугу, стал наблюдать, как я преодолею канаву. Только я стал отпрягать лошадь, как увидел отца, идущего ко мне. Дрожа от страха и обливаясь слезами, я прикидывал, что теперь со мной будет. Когда же отец был уже

недалеко от меня, я бросился что было сил в лес. С опушки увидел, что отец действует по моему замыслу - выпряг лошадь и верхом поехал в деревню. Я продолжал стоять на опушке, наблюдая, не появится ли около воза лесник. Но лесника не было. Долго я ждал возвращения отца и, не дождавшись, удрученный, вернулся в лес.

Там, горько плача, я упал на колени, страстно умоляя бога и всех известных мне святых смягчить сердце отца. Страх перед побоями заставлял меня дрожать. Но этот же страх гнал меня посмотреть, где отец и что делает. Выбежав снова не опушку, я увидел возвращающегося верхом отца. В руке он держал новое колесо, вероятно, занял у кого-то. С помощью ваги отец поднял телегу и надел колесо. Мне хотелось подбежать к нему, помочь, попросить прощения, но страх пересилил, и я остался стоять за кустами. Я видел, как отец по временам всматривается в лес; видел также, как он, сияв половину хвороста, запряг лошадь и как они напрягают силы, стараясь выехать из канавы. Был момент, когда я уже решил: "Ну, будь что будет, выбегу к отцу", но в это время, преодолев препятствие, отец снова наложил хворост на воз и тронулся к мосту.

Я дождался темноты и только тогда рискнул вернуться в деревню. Ночевал в клуне и почти всю ночь молился. Заснул лишь на рассвете. Проснулся я, когда солнце стояло уже высоко. Подходя к дому, увидел отца; он тоже заметил меня и пошел в мою сторону. Я остановился в ожидании расправы. Но в это время поблизости послышался голос, протяжно тянувший: "Продаю косы-серпы, косы-серпы, косы-серпы!" - и появилась обтянутая брезентом повозка. Отец круто повернул к ней.

Я уже был в избе, когда отец вернулся с двумя косами, двумя серпами и, любуясь, внимательно их рассматривал. "Взял в долг, - сказал он матери и довольным тоном добавил: - А ведь не обманул, правду сказал: косы-то австрийские, на них и написано не по-нашему".

Как я удивился, что отец только строго посмотрел на меля и даже пальцем не тронул! Ведь я хорошо знал, что даже самый малый проступок он не оставляет без наказания. Наверное, до бога и святых дошла моя усердная, отчаянная молитва... Но позднее мать рассказала, что пережили они с отцом в ту ночь, когда я не ночевал дома. Тогда я понял, что не бог со святыми угодниками. а мать смягчила сердце отца.

Следующей осенью отец решил подыскать работу поближе к нашей деревне, чтобы не платить за дальний переезд. Устроился он в верстах сорока от Рязани. На этот раз Николай, наученный горьким опытом прошлого года, наотрез отказался бросать свою

работу в Шуе. Мне пришлось ехать к отцу одному. От Рязани я шел пешком.

Трудная, неблагодарная и, главное, грязная эта работа - выделка овчин! Для начала надо было набрать у крестьян партию овчин, штук полтораста. Сухие овчины замачивались в речке, чтобы с них лучше очищалась грязь. Вымоченные и вымытые овчины переносились в дом. Острой косой счищались с мездры остатки мяса. Потом в большие чаны с водой засыпалось пуда полтора муки. Закладывались туда овчины и квасились там, а потом поступали в окончательную обработку. Запах в помещении стоял убийственный, он пропитывал всю одежду, волосы, кожу. Дышалось с таким трудом, что о непривычки в овчинной нельзя было пробыть больше десяти минут сряду - необходимо было выскакивать, подышать свежим воздухом. Неразлучно тянулся этот запах кислятины за человеком и долго не выветривался. Овчинника можно было безошибочно узнать, вернее, "унюхать" издалека.

После сбора первой партии овчин отец прихворнул и послал меня одного на речку. Было очень морозно. Надо было прорубить прорубь и в ней мыть овчины. Приходилось очень часто делать перерывы, чтобы отогреть коченеющие руки. Работа подходила к концу, когда мои пальцы, совсем обессилевшие от холода, выпустили очередную овчину, и ее моментально унесло течением под лед. Отец строго-настрого приказывал не упускать овчины, и я сам отлично понимал, какая это огромная потеря: сырая овчина стоила пятьдесят - шестьдесят копеек, за выделку одной в белый цвет получали мы тринадцать копеек, за дубленую семнадцать, а за выделку в черный цвет - двадцать пять копеек. Я и про мороз забыл, сразу стало жарко от мысли: как идти и говорить отцу о беде... Придумать я ничего не смог и, надеясь лишь на то, что "авось обойдется", ничего не сказал отцу. Но он несколько раз пересчитывал овчины, и одной все недоставало. Пришлось признаться, что упустил ее я. Больно избил меня отец, да и не один раз. Сначала я терпеливо переносил наказание, чувствуя себя виноватым, но после третьей взбучки заявил, что уйду. За эту дерзость отец избил меня еще сильнее. На другой день, зачем-то пересчитав вчерашние овчины, отец снова разгневался и опять меня избил. После этого я окончательно решил уйти от него домой.

Сбежать было нетрудно. Я всегда ходил за водой. На этот раз, взяв ведро, я оставил его в сенях и отправился в Рязань, наметив себе путь вдоль узкоколейки до Владимира, оттуда в Шую и в деревню к матери. В моем кармане не было ни гроша, одежонка была "ветром подбита", а путь не близкий - до дому триста верст.

Но всему этому я не придавал значения.

По шпалам узкоколейки идти оказалось очень трудно, тем более что она местами была занесена снежными перекатами. Пришлось свернуть на шоссе, а это значительно удлиняло путь. Проходить в день я мог бы верст по двадцать пять, но дни были очень короткие; ночью идти я опасался - боялся волков - и старался к ночи попасть в какую-нибудь деревню. На ночевку меня пускали везде с большой неохотой, так как от меня несло запахом кислой овчины.

Был морозный крещенский сочельник, когда я пришел в какую-то деревню. Изредка скрываясь за облаками, светила яркая луна, на улице было много молодежи. Долго ходил я от дома к дому, но все напрасно-ни одной хозяйке не хотелось, чтобы ее вымытая к празднику хата пропахла кислятиной. Горькая обида! Вдобавок я был голоден и озяб. Пройдя всю деревню, я даже заплакал от своего одиночества: куда же мне деваться? В отдалении увидел какие-то дома и побрел к ним. Это были бани. На дверях висели замки, но из дверей струился пар, - значит, бани вытоплены. На одной двери замка не было. Робко толкнул я эту дверь и очутился в предбаннике. Там не было ни души. Тогда я открыл дверь в баню - там тоже не было никого, и я решил, что лучшего места для ночлега не найти. На счастье, в кармане нашелся замерзший кусочек хлеба, я сгрыз его, нащупал в темноте лавку, не раздеваясь, улегся на нее, подложил под голову шапку и в полном блаженстве заснул. Долго ли спал - не знаю, но разбудил меня какой-то грохот. Что-то тяжелое упало с полка. Домовой! Луч луны, выглянувшей из-за облаков, слабо пробился сквозь маленькое оконце и тускло осветил внутренность бани. К своему ужасу, я вдруг увидел человека: голова и руки его лежали на полу у двери, а одна нога зацепилась за лавку. Я затрясся от страха. Единственная мысль - бежать! Но как? Оконце было маленькое, значит, спасение только через дверь, а там лежал человек!

Не помня себя, перепрыгнул через тело, распахнул дверь и пулей вылетел наружу. Плача и крича о помощи, я полетел в деревню. Там еще гуляла молодежь. Услышав мои вопли, побежали мне навстречу, начали расспрашивать, что со мной. Сквозь слезы я рассказал, как очутился в бане и что там произошло. Дружный хохот был мне ответом. Оказывается, вечером подобрали полузамерзшего пьяного прохожего и, чтобы он отогрелся, положили его в баню.

Но тут кто-то наконец сжалился надо мной и пустил ночевать.

Когда я добрел в свою деревню и открыл дверь, мать замерла

на месте, потом бросилась ко мне, рыдая, и все твердила: "Санька, да ты ли это, сынок? Ты живой?" Отец сообщил ей, что я исчез и никто не знает, куда я пропал. Меня оплакивали, как погибшего. Даже отец, когда вернулся, не ругал меня, а подошел, ласково погладил по голове и только сказал с упреком: "Зачем ты, Санька, так сделал?" Он никогда не вспоминал об этом случае.

В эту зиму я уже не возвратился к отцу под Рязань и все подумывал, как бы мне подработать, чтобы внести свою долю в семью.

В нашей деревне в длинные зимние вечера девушки собирались на посиделки пряли шерсть и вязали варежки и перчатки для продажи. Однажды подошла очередь собраться в нашей избе. Я выполнял обязанность "заведующего освещением": щипал лучину, вставлял ее в каганец, следил, чтобы горело хорошо, а падающий нагар попадал бы в таз с водой. Девушки удовлетворялись таким освещением: большие мастерицы, они вязали иногда даже впотьмах, и это не ухудшало качества их работы.

В тот вечер и зародилась у меня мысль, как заработать для семьи. Все эти вязаные изделия продавались в городе Шуя по двенадцать - шестнадцать копеек за пару. "А что, - подумалось мне, - если продать эти варежки и перчатки не в Шуе, а повезти в санках туда, где вязанием не занимаются? Наверняка можно будет продать дороже". Утром рассказал матери о том, что надумал. Она согласилась, что так было бы выгоднее, но сказала, что возить пришлось бы верст за пятьдесят - семьдесят, а это не по силам такому маленькому мальчику. В детстве, лет до шестнадцати, я рос медленно и был очень маленького роста, в двенадцать лет выглядел девятилетним; поэтому мать долго считала меня маленьким и по возрасту.

Гонять так далеко лошадь с малым количеством товара, имевшимся у нас, не имело смысла - все равно никакой прибыли не получилось бы. Но возможность кое-что заработать пленяла меня, да и само путешествие казалось увлекательным. Я принялся уговаривать мать, убеждал ее, что отвезти легкие варежки на санках за семьдесят верст для меня, прошедшего триста, - совсем нипочем. Мать боялась и пугала меня: "Тебя и волки могут загрызть, и худой человек обидит, отнимет все варежки..." А я ей все повторял, как хорошо будет, когда вернусь с деньгами.

Наконец, с великими "охами", мать согласилась отпустить меня. Подсчитали, сколько пар я возьму с собой, за какую цену буду продавать. По моим вычислениям (а в арифметике я был силен), выходило, что я получу на три рубля больше, чем можно выручить в Шуе,- столько не заработает брат Николай за неделю

на своей фабрике. Начались сборы. Чинилась моя одежда, приводились в порядок санки. Запасли еще семьдесят пар варежек к тем, что имелись у нас, заплатили за них по ценам Шуи.

И вот мы с матерью выехали из дому - она провезла меня на лошади верст пятнадцать. Хорошо помню последние минуты перед расставанием. Вдвоем сняли мы санки с поклажей - два больших мешка; по глубокому снегу завернули лошадь в обратный путь. Мать плакала, крестила меня и все повторяла: "Санька, может, вернешься? Бог с ними, с деньгами, а, Санька?" А мне и самому было жалко с ней расставаться, и, когда она скрылась из глаз; я заревел - уж очень я любил свою мать. Потом подтянул кушак, оправил груз, впрягся в санки и отправился в путь.

Идти было нетрудно. От нашей деревни до первого торгового села было тридцать верст, я там заночевал: наутро должен был быть базар. На базаре спрос на мои варежки был большой, и я, немножко труся в душе, надбавил на каждую пару три копейки. Один мешок убавился наполовину. Обрадованный успехом, я направился в следующее большое торговое село. Проходя деревнями, лежащими на моем пути, я бодрым голосом, как настоящий коробейник, выкрикивал: "Варежки, варежки, продаю хорошие варежки", останавливался, показывая, похваливал товар и, осмелев, продавал уже с надбавкой в четыре копейки. Так же успешно шло дело и в следующем торговом селе, в шестидесяти пяти верстах от нашей деревни. Конечно, оставшиеся варежки можно было бы продать и на обратном пути, но казалось более верным пройти еще несколько верст и продать их в каком-нибудь большом селе. Я не ошибся в своем расчете и успешно распродал еще шестьдесят пар, набавляя уже по пятаку. Последние двадцать пар продал на обратном пути.

Через неделю я в самом бодром настроении вернулся домой, к великой радости матери и родных. "Подумать только, - говорили соседи, - такой малец, а оказался молодец!" Я заработал семь рублей десять копеек!

Ободренный успехом, я дня через три снова принялся снаряжаться в путь. Своих варежек было очень мало, пришлось покупать у соседей, а так как мы брали их на дому, то их охотно отдавали по двенадцать копеек.

Путь был теперь знакомый, и расставание с матерью на том же месте было не столь тяжелым, как в первый раз: мать хотя и смахивала порой слезы, но иногда даже улыбалась.

В тот день был крепкий мороз с сильным ветром, дорогу заметало снегом идти было трудно, а сбиться с пути легко. Проходя лесом, я вдруг заметил двух волков, пересекавших

дорогу. Я остановился затаив дыхание и стоял, один, беспомощный, со своими варежками. Волки оглядывались в мою сторону, раз даже остановились, словно совещаясь, что им со мной делать, но потом скрылись в лесу. Долго стоял я в нерешительности - идти ли дальше или вернуться в соседнее село? Самолюбие заставило продолжать путь, но долго еще я боязливо озирался по сторонам. Вскоре меня догнала подвода и подвезла до ближайшего села.

Поскольку я приобрел уверенность и умение предлагать свой товар, дела мои шли так успешно, что за те же семь дней я заработал уже девять рублей сорок копеек. Когда я с пустыми санками возвратился домой, во всей округе заговорили о моих удачных поездках; родственники и соседи приходили взглянуть на "умельца". Мать с гордостью влажными главами смотрела на своего Саньку. В глазах братьев и сестер я читал уважение, смешанное с завистью. А я? Я чувствовал себя героем!

Началась русско-японская война. Она требовала все новых и новых солдат. Мужчины уходили из своих семей. Летом это горе пришло и в наш дом: моя старшая сестра Таня, год назад вышедшая замуж за очень хорошего человека в своей же деревне, проводила на фронт мужа, солдата запаса. Вся семья была удручена свалившейся на нее бедой. Родителям захотелось поставить в известность о случившемся своих братьев, работавших в Кохме и в Иваново. Было решено роль вестника возложить на меня. Адреса дядей записали на бумагу, а бумагу спрятали за околыш моей фуражки.

Ранним летним утром я выбежал из дому, босоногий, но гордый доверенным мне делом. Мой путь пролегал через Шую, Кохму и Иваново. Заночевать я решил сперва в Иваново. Но там моя весть была принята довольно равнодушно. Я даже услышал в ответ: "Стоило из-за этого бежать пятьдесят верст! Других-то уж давно призвали на войну". Такое равнодушие я посчитал большой обидой для нашей семьи, ночевать у дяди отказался и, несмотря на усталость, ушел в Кохму.

В Кохме дядя Павел встретил меня приветливо, пожалел сестру Таню, пожелал благополучного возвращения ее мужу. Очень удивился моей выносливости: за один день пробежать шестьдесят две версты - не шутка! И похвалил за то, что я пришел ночевать к нему.

Утром, прощаясь с дядей Павлом и его женой, я получил в подарок серебряный гривенник - по тому времени это были деньги! Поблагодарив за все, я крепко зажал гривенник в руке и тронулся в обратный путь.

После неудачной поездки в Саратовскую губернию отец

теперь всегда искал зимнюю работу поближе к дому, чтобы не тратиться на билеты. Так было и в этот раз. Он сообщил письмом, что нашел работу в ста пятидесяти верстах от дома. Точно указывал маршрут, которого я должен был держаться, называл подробно те деревни, через которые я должен был проходить, упомянул, что в середине пути будет большой лес. В нем часовня, возле которой протекает ручей с целебной водой - отец велел из него и умыться, и напиться.

Собрал я необходимые для выделки овчин инструменты. Мать, как всегда, поехала на лошади проводить меня. "Все поменьше верст будешь шагать, Санька". Конечно, мать заплакала, когда увидела все сумки и котомки, которые я навьючил на свои плечи. Мне так ее было жаль, так хотелось ее утешить, что я веселым голосом воскликнул: "Ничего, маменька, не плачь, не горюй, ходить мне не привыкать, да и сумки легкие, хотя их много".

Путь был рассчитан на шесть дней. Ночевал я в указанных отцом деревнях, точно держался дорожных примет и наконец дошел до леса.

Вдоль дороги вилась тропинка, она меня привела прямо к часовне с родником, откуда вытекал ручеек светлой холодной воды. Умывшись в ручье, выпив воды, я помолился на часовню и обошел ее кругом. Часовня была большая, срубленная из крупных бревен, ее дверь была заперта на огромный замок. Я знал, что у часовни всегда висят кружки для сбора даяний. Бросить бы в кружку монету - авось бог обратит внимание на мой дар и пошлет исполнение желаний. Но кружки у часовни не нашел, да и денег у меня не было, и я отложил свое намерение до обратного пути - если заработаем. Потом я все-таки заинтересовался: почему нет кружки? "Эх, какой же я дурак! - подумал я. - Разве можно повесить кружку в таком лесу? Ее могут сорвать и унести". Я подошел к одному из окон, рамы в нем были забраны железной решеткой. Приглядевшись, я заметил, что в одной шипке нет стеклышка. Взглянул внутрь, и велико же было мое удивление: на полу валялось много медяков, виднелись и серебряные гривенники... С самых ранних лет я привык слышать в семье, что "деньги на полу не валяются", - а тут деньги валялись на полу!

Я снял с себя весь груз, отдохнул, заправился куском хлеба, данным мне хозяйкой на последней ночевке, выпил еще целебной водички. Можно было идти дальше, но меня неудержимо тянуло к часовне. Обошел ее еще раз, еще раз заглянул в окно, только потом снарядился и, вздохнув, тронулся в путь. Однако мысль о деньгах, валяющихся на полу, назойливо лезла мне в голову. А что, если бы я попользовался ими? Разве бог не знает, как мы

нуждаемся? Неужели не простит меня, если я подберу немного? Я помолюсь и пообещаю поставить ему свечку на обратном пути... Но как собрать деньги? Войти в часовню нельзя.

Я шел, шел и все прикидывал: как бы достать деньги?

Незаметно очутился на опушке леса. Невдалеке виднелась деревня. Уже темнело, пора было останавливаться на ночевку.

Горький опыт моих прежних хождений заставил меня искать дом не богатый в не бедный: в богатый не пустят, а в бедном не накормят - у самих не густо. Один дом показался подходящим. Около него стояла женщина средних лет, приветливого вида, - вероятно, хозяйка. Она спросила, откуда я, куда иду. Ответил, что я из деревни, что рядом с Палехом (рассчитывая, что Палех знают многие), а иду в село Лопатино, в семидесяти верстах отсюда, на помощь к отцу, который там выделывает овчины.

Хозяйка посочувствовала мне: столько уже прошел и еще впереди такой путь, и разрешила переночевать.

Меня вообще во время этого путешествия довольно охотно пускали на ночевку: одет я был бедно, но чисто, главное же - за мной не тянулся противный запах прокисших овчин, как это всегда бывало при возвращении с работы.

Войдя в избу, хозяйка сказала хозяину, подшивавшему валенки, что привела ночлежника. Ничего не ответив, он мельком взглянул и что-то пробурчал под нос. Хозяйка сытно накормила меня и отправила спать. Но, несмотря на усталость, заснуть я никак не мог. Неотступно стояли перед глазами валяющиеся на полу деньги.

У хозяина кончилась дратва, он стал смолить варом новый конец. Что-то толкнуло меня: вот что поможет! Притворяясь спящим, я внимательно следил, куда хозяин положит вар, и, только убедившись, что, ложась спать, он его никуда не переложил, уснул и я.

Утром, чуть свет, хозяйка зажгла лампу и пошла доить корову. Я тоже потихоньку собрался и взял кусочек вара, но не уходил в надежде, что хозяйка меня чем-нибудь покормит. Я не ошибся: она дала мне большую кружку молока, а на дорогу завернула кусок пирога с картошкой. Поблагодарив хозяйку, я вышел из дома.

Миновав несколько дворов, я свернул на задворки и пошел обратно, к часовне. В огороде лежала телега без колес, на ее деревянных осях было много застывшего липкого дегтя; я наскреб и его - авось пригодится - и завернул в тряпку.

Подойдя к часовне, я сильно встревожился: ведь это грех! Но так нужны были сейчас деньги, когда отец еще ничего не заработал!.. Как отдохнула бы от забот мать, если бы у нее был

хоть рубль, чтобы кое-что купить для обихода.

Долго я молился, стоя на коленях, попил из родника, потом выбрал длинную, но тонкую березку, с трудом скрутил ее у корня, замазал варом и дегтем нижний, расщепленный конец и приступил к делу. В разбитое отверстие окна просунул свою березку, нацелился на пятак. Он прилип, точно только того и дожидался! Работа пошла быстро. Сперва я нацеливался на пятаки, потом дошла очередь до мелких монет. Изредка прилипал гривенник. Лысина на полу все увеличивалась, березка все труднее доставала до денег, а вместе с тем меня все больше беспокоила мысль: а не довольно ли? Не разгневался бы за мою жадность бог! Я забросил березку подальше в кусты, подсчитал деньги и ахнул: два рубля и восемь копеек! Быстро стер с монет деготь и вар, еще раз усердно помолился богу и еще раз подтвердил уже данное обещание поставить ему свечку. Перед хозяином дома, где я ночевал, мне было не так совестно: ведь целый фунт вара стоил одну копейку, а я взял совсем маленький кусочек. Но все-таки, вернувшись на ночевку в то же село, я пошел задворками в другой конец.

Еще другая забота не оставляла в покое мою бедную голову: как спрятать деньги от отца? Ведь я хотел отдать их матери.

Моему приходу отец был очень рад, но его первый вопрос был: "Денег принес?" Я сказал, что нет. Но как я ни перепрятывал свое богатство, отец в конце концов его обнаружил. Начались допросы - откуда взял? Пришлось выложить все начистоту. Бил меня отец и приговаривал: "Ах ты негодный! Как посмел у бога деньги взять?" Велел немедленно отнести деньги в часовню. Тут уж и я вскипел: "Ведь это три дня туда да три обратно, а помогать тебе кто будет? А может, я и не брошу деньги в часовню, а только скажу, что бросил? Пойдем обратно, тогда и бросим".

Отец просто затрясся от гнева и уже занес руку, чтобы проучить меня вдобавок и за дерзость, но я закричал: "Тронешь - уйду сейчас же!" Вероятно, отец вспомнил прошлогодний случай, и я отделался сравнительно благополучно. Собрали мы полтораста овчин, пора было их квасить, а рубля на пуд муки не было, и бакалейщик не давал больше в долг. Тогда я предложил взять рубль из "моих" денег. Отец снова разбушевался: "Это из каких таких "твоих"? Они божьи". Опять поднялась, было, на меня его рука. Но отец помнил мою угрозу уйти, и, кроме того, как он ни ругался, все же пришлось ему взять из "моих" денег рубль... А потом нужда все более давила нас и заставила отца взять и остальные деньги, хотя он ворчал, что это грех, что на обратном пути мы должны положить их обратно в часовню и т. д. Так же, как раньше обещал я, и отец обещал поставить богу свечку. Себя я

ругал ужасно, но только за то, что не догадался обменять серебро и медяки на две рублевые бумажки - спрятать их было бы легче, и они достались бы матери.

Как я теперь понимаю, чувство вины перед богом у меня тогда уже почти исчезло.

Работу скоро кончили. Оказалось, что заработали чистыми деньгами тридцать три рубля да еще четыре пуда шерсти. Шерсть отправили багажом, а сами пошли пешком. Мне хотелось тропинками увести отца подальше от часовни, но все тропинки были занесены снегом, приходилось идти по дороге. Чтобы отвлечь внимание отца от часовни, я с ним заводил самые интересные разговоры: какую он нашел хорошую работу - и денег заработали. и шерсти порядочно; как хорошо он придумал не тратить деньги на билеты, а идти пешком... Когда часовня наконец мелькнула сквозь деревья, я почувствовал, что веселых разговоров больше придумать не могу. Пришлось затронуть горькие воспоминания - как сломалось колесо под телегой с хворостом, как пала лошадь. На последнее воспоминание отец отозвался: "Что же поделаешь? Это все от бога. А потом, хотя и заплатили за лошадь восемь рублей, она честно их отработала, а там и за шкуру взяли три рубля".

Я все продолжал свою болтовню. Но вдруг отец вспомнил: "А где же часовня?" С самым невинным видом я сказал, что, вероятно, мы ее прошли не заметив; но не возвращаться же туда за девять верст! Уже вечереет. Если нужно, завтра утром схожу и отнесу деньги. А может, и этого не надо; бог-то везде один, придем домой и бросим в церковную кружку. "Знаю я тебя, - проворчал отец. - Схожу... брошу... одно другого лучше... Одному только и верю из всего, что ты тут наговорил, - что бог везде один. А тебя-то я уж знаю, как ты деньги в кружку бросишь!"

Больше об этом разговоров не было. Так и не знаю, ставил ли отец свечку, чтобы замолить мой грех, и опустил ли деньги в церковную кружку...

Жизнь в деревне впроголодь стала мне наконец казаться не в жизнь. Я стал задумываться о будущем. Заветным желанием было "выйти в люди". Мои старшие братья жили в городе. Работать им приходилось много, а получали они самое большее пятнадцать рублей в месяц, из которых надо было платить за квартиру и харч. К тому же они всегда жили под угрозой увольнения и новых поисков работы. И тем не менее братьям не хотелось возвращаться в деревню. А вот дядя Василий, брат моей матери, заведовал большим мануфактурным магазином в Верхнеуральске и получал шестьдесят рублей в месяц, дарил моей матери то ситец на платье, то платки. Это уже положение завидное! А может

быть, в городе можно достичь и большего? Такие мысли неясно бродили в моей голове.

Лето 1905 года выдалось теплое, с хорошими дождями. В лесах становилось "тесно от грибов". Знать грибные места - всегдашняя забота грибников. Одно такое место было хорошо известно мне. Там в изобилии росли грузди и белые. Место это, конечно, держалось мною в секрете: набрать там две большие корзины самых маленьких грибков было нетрудным делом.

Меня посылали часто на базар в город продавать грибы, ягоды, молочные продукты, ибо находили, что я продаю все удачнее других. Однажды, направляясь на базар, я подумал, что надо воспользоваться этим случаем и подыскать себе место в Шуе. Вскоре все грибы были распроданы. Два ведра мелких грибов у меня купил священник Спасской церкви и договорился со мной, что я их донесу ему до дома. Дорогой он расспрашивал меня, откуда я, сколько мне лет и почему мне доверяют ездить в город самостоятельно. Мои ответы, видимо, его удовлетворили. Я же, ободренный его вниманием, в свою очередь спросил, не знает ли он подходящего для меня места в городе. Немного подумав, он сказал, что есть хозяин, торговец обувью, которому нужен "мальчик". Расплатившись, мой покупатель согласился проводить меня к обувщику.

Хозяина звали Арсением Никаноровичем Бобковым. Кроме лавки он имел мастерскую и еще отдавал товар для пошивки обуви на дому. Критически оглядев меня с ног до головы и поглаживая свою большую седеющую бороду, он с подозрением спросил: почему я в городе без родителей? Я без утайки рассказал, что родители потому посылают меня продавать грибы, что я продаю дороже, чем они. Хозяин и священник рассмеялись. Бобков сказал: "Вот это нам как раз и нужно".

Совсем деловым тоном я спросил об условиях работы, но хозяин ответил, что об этом он подробно поговорит с родителями. "Примерно так, - добавил он. Четыре года бесплатно, за харч и одежду. А вообще, приходи с родителями, потолкуем".

По возвращении домой я отчитался в продаже и сделанных покупках и рассказал о разговоре с Бобковым. Начали обсуждать предстоящий шаг в моей жизни. Отец не хотел отпускать: "Я часто болею, нужен помощник, а Санька старший из детей, должен помогать". Это меня очень расстроило, и однажды, откровенно все рассказав матери, я рано утром, как был - в рубашке, штанах и босиком, ушел в город и явился к хозяину.

Дня через три приехали родители, долго уговаривали меня вернуться в деревню, но я наотрез отказался, и им пришлось согласиться.

Хозяин мой, лет пятидесяти пяти, с густой бородой, запомнился мне больше всего своим носом, луковицей сизо-красного цвета от постоянного пьянства, и безудержной руганью. Скуп он был до невероятности. Не помню дня, чтобы он не был пьян, но он никогда не тратил на водку своих денег, а всегда пил за счет работавших на него мастеровых и называл это "распить магарыч". Семья у него была большая: жена, невестка - вдова старшего сына - с внуком и еще четверо детей. Из них старший - Александр, лет двадцати, никогда меня не обижал и по воскресеньям давал пятак за чистку его обуви. Другой сын, восемнадцатилетний Николай, был очень похож на отца: любил выпить и был скуп.

Двухэтажный деревянный дом заселен был до отказа: дети и внук Бобковых помещались во втором этаже, а внизу, в кухне за перегородкой, жили сам хозяин с хозяйкой. Передняя половина сдавалась квартирантам.

Мне было отведено на зиму место на полатях в кухне, а летом - в сарае. Там я и прожил семь лет, до призыва на военную службу. Мои обязанности были многообразны: я был и дворником, и истопником, доставлял из города кожу в кладовую, а обувь из кладовой в магазин, во всем помогал хозяйке по дому, ухаживал за коровой, носил хозяину обед и водку. С начала второго года я стал продавать в магазине. Несмотря на свой маленький рост, я был мускулист и всю работу выполнял бегом. Казалось, хозяин был доволен мной, хотя частенько ругался.

Одевали меня отвратительно, даже тогда, когда я превратился в юношу. Вся одежда шла ко мне с хозяйских плеч без малейшей переделки и, конечно, в самом жалком состоянии. Но все невзгоды и колотушки (их было немало) я переносил терпеливо, ибо верил, что все это ступеньки и достижению моей заветной мечты "выйти в люди". Ведь все приказчики тоже прошли через те же унижения и муки. Но как хотелось человеческого к себе отношения! Спасибо хозяйке Неониле Матвеевне и Александру: они всегда относились ко мне с сочувствием. Добры ко мне были также и некоторые приходившие к Александру товарищи.

Лучшим из них был приезжавший каждое лето на каникулы студент Рубачев. Сын умершего мелкого чиновника, он учился на стипендию и жил с матерью-вдовой бедно. Рубачев видел мое унизительное положение. Видел он и то, что я часто и много приношу хозяину и рабочим водки. "Ох, Санька, - говорил он мне, - не пройдет и трех лет, как выучишься пить, курить и так же безобразно ругаться". На это я всегда горячо отвечал: "Никогда этого не будет". Очевидно, он не придавал серьезного значения

моему ответу и, приходя в магазин, настойчиво возвращался к тому же разговору. Он заботился о моем развитии, давал решать задачи, которые в школе нам никогда не задавали и не объясняли, - а арифметику я любил - и часто хвалил меня за быстрые и правильные решения. Однажды он как-то по-особому, не как прежде, сказал: "Я вижу, Санька, ты хорошо относишься к Александру и ко мне. Дай нам твердое слово, что никогда не начнешь пить спиртного, не будешь курить и ругаться!"

Не задумываясь, я ответил искренне, от всего сердца: "Клянусь, никогда, никогда не буду пить, не буду ругаться и курить!"

Эта мальчишеская клятва сыграла большую роль в моей дальнейшей жизни. Сколько встречалось людей, насмехавшихся над моим воздержанием от водки и табака! Называли меня и больным, и старообрядцем - насмешки не действовали. Встречалось и начальство, которое "приказывало" пить, но я и тут оставался твердым. Были испытания и потрудней: я пережил немало тяжелого, но никогда не приходило ко мне желание забыться в водке.

Пришла, однако, пора и мне отступиться от строгого исполнения моего обета. Во второй половине Отечественной войны, когда наметились и уже отчасти осуществились наши успехи, я как-то сказал, что нарушу свою клятву не пить, данную в 1907 году, только в День Победы - тогда выпью при всем честном народе.

Действительно, в День Победы, в день слез и торжества, я выпил три рюмки вина под аплодисменты и возгласы моих боевых товарищей и их жен. Но и поныне минеральную или фруктовую воду я предпочитаю алкоголю. Курить же и сквернословить не научился до сих пор.

Но обещания никогда не играть в карты Рубачев с меня не брал, и в длинные зимние вечера мы с хозяйкой, большой любительницей карт, играли в дурака - я был ее безотказным партнером. Хозяину наше занятие не нравилось, он всегда ворчал, что сжигаем много керосина, хотя лампа была маленькая. Направляясь к себе за перегородку, он строго приказывал не засиживаться за картами и ложиться спать, а сам он засыпал мгновенно. Как-то, проснувшись, он вышел на кухню, увидел, что часы показывают десять вечера, и грозно предупредил, чтобы мы немедленно ложились, а не то... Но, увлеченные игрой, мы забыли про этот наказ и продолжали сражаться с большим азартом. Вдруг из-за перегородки вновь выполз хозяин и, увидев, что уже половина первого, разозлился ужасно, ведь керосина сожгли копейки на две. По привычке поплевав в кулак, он

размахнулся, чтобы ударить меня, но я увернулся, нырнул под стол, а хозяин, все еще нетрезвый, потерял равновесие и с размаху ударился о табуретку. Я выскочил в холодные сени как был, раздетый и разутый, и тотчас услыхал, что хозяин запер дверь на крючок.

Стоя босиком зимой на холодном полу, я страшно продрог. Но вот в кухне все стихло, моя партнерша беззвучно сняла крючок, и я прошмыгнул к себе на полати.

Хозяин все стонал за перегородкой и наконец позвал: "Мать, а мать, где у нас липок?" Это был настой березовых почек на водке, растирание - любимое лекарство хозяина от всех болезней. Вероятно, и любил-то он его за милый его сердцу запах водки. Хозяйка ответила сонным голосом: "Там, под зеркалом".

Проснулся я, как обычно, до света, пошел работать во дворе, с большой охапкой нарубленных дров вернулся на кухню. Из-за перегородки вышел хозяин. Все его лицо, даже седая борода были черным-черные. От неожиданности я выронил дрова и бросился во двор: никогда раньше не знал, что, если ушибить бок, от этого чернеют лицо и борода! Оказалось, что в темноте хозяин взял вместо липка бутылку с чернилами и растерся ими, а руками по привычке оглаживал щеки и бороду. Мне было приказано немедленно топить баню. Два дня хозяин отмывался, но борода все оставалась черной, к большому развлечению соседей.

Вовлекли меня карты и в другое приключение. В мои обязанности входила чистка сапог хозяину и его обоим сыновьям. Александр давал мне за это по воскресеньям пятак, а Николай, такой же скупой, как отец, никогда не давал ни копейки за мои труды. Наоборот, узнав как-то, что у меня скопилось шесть пятаков, он загорелся желанием прибрать их и, ничего не придумав другого, предложил сыграть с ним в карты на деньги. Я ответил, что с ним мне играть невыгодно - у меня только тридцать копеек, он забьет меня деньгами; да и карт у меня нет. Но Николаю не терпелось заполучить мои деньги, и он стал уверять: "Темнить больше, чем на твои деньги, не буду, а карты возьмем те, которыми ты играешь с матерью". Карты были старые, видавшие виды и хорошо известные мне. Прикинув, что это, во всяком случае, уравнивает наши шансы, я согласился. "Лезь на сеновал, - сказал я, - а я сбегаю за картами".

Прежде чем идти к Николаю, я зашел за поленницу, помолился богу, как всегда испрашивая его помощи, чтобы обыграть Кольку, и обещал поставить свечку ценой в зависимости от выигрыша. Играли в три листика. За час я выиграл двадцать восемь копеек. В следующее воскресенье он опять позвал меня играть, и опять я выиграл, на этот раз уже шестьдесят копеек.

Играл я во второй раз спокойно, ибо приобрел уже некоторый опыт в денежной игре, лучше прежнего изучил карты и крепко верил в помощь божью, тем более что свечку перед иконой поставил, как обещал. Колька же оказался очень азартным игроком, его горячила жадность. Вскоре он перестал удовлетворяться игрой по воскресеньям и требовал игры на неделе.

Конечно, случалось, и я проигрывал, но сравнительно редко. Когда у меня скопилось больше рубля, я поторопился отдать деньги матери. Она не хотела их брать и все допытывалась откуда они. "Такие деньги!" - повторяла она. И только когда я сказал, что выиграл у Кольки, взяла со вздохом, но просила больше на деньги не играть.

Вероятно, покажется странным, что я вспоминаю мелкие бытовые случаи, рассказывая о своей жизни в те годы, когда происходило огромной важности событие - первая русская революция. Да еще где - в Шуе, в пролетарском городе, в котором разгорелось мощное рабочее движение и действовал товарищ Арсений Михаил Васильевич Фрунзе.

Но ничего не поделаешь - я жил в такой мещанской обстановке, так был прикован к лавке и дому хозяина, что круг моих впечатлений и интересов почти всецело ими замыкался, тем более что привычная жизнь моей собственной семьи, патриархальной и набожной, тоже приучила меня жить лишь повседневными мыслями о труде, о заработке и хлебе насущном. Старшие братья, работавшие на фабрике, были в моих глазах, да и в глазах наших родителей, просто-напросто людьми, нашедшими себе другой, не крестьянский способ как-то перебиться в жизни; о том, что принадлежность к рабочему классу изменила их мысли, их отношение к миру, вряд ли догадывались даже отец и мать, не говоря уже обо мне, все-таки еще мальчишке. Не считая возможным изображать себя лучше, чем я был, я и пишу лишь о том, что действительно заполняло в те годы мою жизнь.

Должен сказать, что о товарище Арсении я вообще-то слышал. Мне запомнилось возмущение рабочих в связи с его арестом в 1907 году. Власти считали Арсения организатором всех забастовок в районе Иваново и Шуя и обещали, как говорили, награду в десять тысяч рублей тому, кто доставит его живым или мертвым. Как ни оберегали рабочие Арсения, какому-то провокатору удалось его выдать. Арсений был арестован и заключен в шуйскую тюрьму. Весть об этом быстро распространилась и в городе, и по окрестным заводам и фабрикам. Рабочие ринулись в Шую. На второй день город был

наводнен рабочими и работницами. Вся площадь и улицы, прилегавшие к тюрьме, заполнились людьми, требовавшими освобождения Арсения. В городе появился батальон пехоты, вызванный из Владимира, солдаты оцепили тюрьму. Фабрики бастовали, лавки закрылись, обычная жизнь замерла.

Потом разнесся слух, что Арсений написал обращение ко всем собравшимся рабочим, призывая их не предпринимать никаких насильственных действий во избежание бесполезного кровопролития, и поблагодарил за товарищескую солидарность. На следующий день под усиленным конвоем Арсения увезли во владимирскую тюрьму, а Шую недели три будоражили повальные обыски и аресты.

Однажды я увидел у окна магазина, где работал, брата Николая и поспешно вышел к нему. Мы зашли за ворота. Николай мне сообщил, что он вынужден бежать, иначе его арестуют. Жену и ребенка он оставит пока в деревне, но при первой возможности заберет их к себе. Просил передать поклон родителям, всем родным. На мой вопрос, сколько у него денег, он ответил, что двадцать копеек. К несчастью, и у меня было всего шестьдесят копеек. Я хотел занять у Александра, но брат не разрешил. Крепко обнялись мы с ним и попрощались. Я не знал, что в последний раз вижу брата. Только через два года его жена с ребенком уехала к нему в Сибирь, где брат устроился на работу на станции Оловянной. В 1915 году он был мобилизован, отправлен на фронт, но не доехал туда: был расстрелян в Бресте за агитацию среди солдат, за призыв к неповиновению. Об этом родителям сообщил человек, не назвавший своего имени.

Минуло три года службы у хозяина. Я уже многое понимал в обувном деле и торговле обувью. Мне казалось, что знаю это дело не хуже, чем пожилые приказчики, а покупатели охотней обращались ко мне, чем к другим, возможно рассчитывая купить у мальчишки дешевле, чем у взрослых. Но приобретенные в разъездах с варежками торговые навыки помогали мне и тут любую пару обуви продавать дороже, чем сам хозяин. За последние полгода я заметно подрос. Сознавая себя взрослым, решил на год раньше назначенного срока заявить хозяину, чтобы он мне платил за работу. Хозяин не удивился, только спросил: "А чего же ты хочешь?" "Сто рублей в год,- ответил я твердо. - И по-прежнему с хозяйской одеждой и харчами". Я поставил, кроме того, условие, чтобы мне белье на речку через весь город не носить и чтобы хозяин меня не бил.

Договорились так: за 1908 год я получу шестьдесят рублей, а за следующий сто. Остальные условия были приняты.

К концу 1908 года я подрос еще, превратился в юношу.

Хозяйское "обмундирование" стало мне почти впору, только были непомерно широки и сильно изношены.

Хозяин отпускал меня иногда к родителям на праздник. До нашей деревни надо было пройти от города двадцать верст. Радуясь свободе и скорому свиданию с матерью, я шел быстро и доходил до дому часа за три.

Однажды поздней осенью я ушел из деревни утром, еще затемно, и очень торопился, чтобы к восьми часам быть на месте, в магазине. Недалеко от города простирался большой Кочневский лес, о котором всегда рассказывали всякие страхи. Этот лес лежал в низине, и даже летом не просыхавшая дорога осенью становилась почти непроходимой. Обычно все ходили через лес тропинками, проторенными вдали от дороги. Я тоже выбрал этот путь и вдруг увидел висевшего на суку бедно одетого мужчину, с лицом, искаженным мукой. Это так меня испугало, что я бросился бежать.

Чувство страха я по-настоящему испытал до того лишь один раз - в детстве, когда искал цветок папоротника. (Детская боязнь перед отцовскими колотушками не в счет.) Но это чувство уже исчезло давно, не оставив следа. А вот после этого повесившегося я никак не мог отделаться от страха и даже днем избегал ходить лесом. Меня это очень удручало: ведь в то время мне шел уже восемнадцатый год. "Нет,- думал я,- надо что-то сделать, чтобы этого не было, а то совсем трусом стану..."

И придумал делать то, что, наверное, делали не раз другие мальчики из бахвальства: решил ночью ходить на кладбище. Для меня это было не озорство, а лечение. Выбрал для начала кладбище рядом с городским садом; туда долетали голоса и смех гуляющих, и это очень подбадривало. Все-таки сначала я не заходил далеко, обходил только ближайшие могилы; потом стал ходить дальше, до середины кладбища, и, наконец, до самой отдаленной стены. Противное чувство страха было все еще велико, но я не бросал задуманного и через некоторое время стал замечать, что страх становился менее мучительным. Для проверки отправился на дальнее кладбище. Ни один живой звук не нарушал царившей там тишины. Я заставлял себя приходить туда и в полночь - в самый "мертвецкий" час по преданию,- и снова какая-то необъяснимая боязнь охватывала меня. Однако когда я наконец достиг самой дальней стены, то с облегчением почувствовал, что

победил страх.

Теперь и Кочневский лес я проходил безбоязненно ночью, а днем отыскивал то злополучное дерево, на котором когда-то висел человек, и, гордясь победой над собой, стоял под этим

деревом.

Впоследствии, уже служа в армии, я часто вспоминал свои "тренировки" и, наблюдая за собой на фронте, с удовлетворением отмечал, что страх мною больше не владеет. Правда, иногда он заползал в сердце - мало ли что бывало,- но я всегда подавлял его.

Годы шли. Я был уже заправским приказчиком. Однажды к нам в магазин вошла невысокая девушка, очень миловидная и застенчивая. Она выбрала себе туфли, тихо сказала "до свидания" и ушла... С тех пор мне очень хотелось увидеть ее, хотя бы издали. Мое желание исполнилось: она пришла купить резинки на каблуки к туфлям. Завертывая покупку, я набрался храбрости и предложил, чтобы она принесла туфли, а я привинчу резинки к ним. Она поблагодарила, но отказалась. Вскоре пришла опять, уже с туфлями, и попросила привинтить резинки. Стараясь продлить ее пребывание, я привертывал как можно медленнее, а она сидела и внимательно следила за моей работой. Мы не обмолвились ни одним словом.

В лавке напротив нашего магазина служил мой приятель Ленька Мокеичев. Он был на год моложе меня, но гораздо бойчее с девушками. В будни мы с ним ходили гулять вдвоем. По воскресеньям Ленька отправлялся на прогулку в обществе девушек, я же бродил в одиночестве. Как-то в один из летних дней я встретил в городском саду Леньку с двумя девушками, в одной из которых я узнал так понравившуюся мне покупательницу. Как я ругал себя за глупую застенчивость, которая помешала мне подойти и присоединиться к их компании! Вероятно, мы так и не познакомились бы, если бы в другое воскресенье я опять не встретил Леньку. Он сказал мне, что одна девушка хочет познакомиться со мной. Я стал отказываться, но от Леньки не так легко было отделаться. Он уговаривал меня, упрекал в невежливости и доказывал, что это знакомство меня ни к чему не обязывает: "Ну не понравится,- сказал он,- при встречах будешь только раскланиваться".

Две девушки шли нам навстречу, Ленька сказал: "Вот она!" Оказалось, что это моя покупательница. Ее звали Олей, а ее подругу - Верой. Ленька с Верой скоро ушли, а мы остались вдвоем с Олей. Сели на скамейку и... молчали. Ее первые слова были: "Уже поздно, пора идти домой..." Мы тихими шагами направились к ее дому, продолжая молчать. Не доходя до дому, Оля протянула руку, и мы расстались. Она, конечно, заметила, какими счастливыми глазами я смотрел на нее.

Прошло четыре месяца со дня нашего знакомства. Каждое воскресенье я встречал ее в городском саду, но всегда она была в

обществе своих подружек, мы здоровались издали, а подойти я не решался.

Ленька как-то рассказал, что Оля учится на портниху, у нее есть родители и два брата. Тот же Ленька через некоторое время сказал, что Оля удивляется моим всегдашним прогулкам в одиночестве и не понимает, почему я не подхожу к ней. Я откровенно признался, что причина лишь в том, что она всегда с подругами. В следующее же воскресенье я встретил Олю одну, быстро подошел к ней, мы ходили вдвоем, сидели на скамейке часа три и... не проронили ни слова. Разошлись счастливые и печальные.

Более двух лет длились наши молчаливые свидания, которые одними взглядами углубляли взаимную привязанность. В сентябре 1912 года мы встретились на главной улице. Оля была чем-то взволнована. Когда стемнело, она тихо сказала: "Шура, мне надо с тобой поговорить, пойдем в переулок". Мое сердце замерло от счастья: вдруг Оля решится первой сказать о том, что чувствуем мы оба? Но она через силу прошептала: "Меня сватают за Петра". Сам не знаю, как у меня вырвалось: "Я его знаю и думаю, он будет хорошим мужем и отцом. Выходи за него". Оля заплакала и с укором сказала: "Что ты мне его расхваливаешь? Ты же знаешь, я люблю тебя". Тут я тоже заплакал и сказал, что я люблю ее так сильно, что у меня нет слов это высказать. Сквозь слезы Оля воскликнула тогда: "Шура, чего же нам ждать? Если мы любим друг друга, почему же ты советуешь?.." Не сдерживая уже своего горя, я сказал ей, что через три недели меня забреют в солдаты, я уйду в армию на три-четыре года. Могу ли я на ней жениться, чтобы она осталась ни жена, ни вдова? Кроме того, серьезно поговаривают о войне на Балканах, она уже началась. В бою ведь все может случиться... "Вот я и говорю тебе: выходи замуж..." Оля снова горько заплакала. Мы долго ходили по темным переулкам и впервые без всякого стеснения говорили о том, что накопилось за два с половиной года. Оля благодарила меня за верную и чистую любовь. Не стыдясь своих слез, мы плакали оба.

Через три недели меня действительно забрили в солдаты, в тот самый день, когда у Оли была свадьба, на которую она меня приглашала, чтобы увидеться в последний раз, но я не пошел.

Глава вторая. Царская армия

В октябре 1912 года, после того как меня забрили, я рассчитался со своим хозяином. Он поблагодарил за честную службу, к моему удивлению, попросил прощения за грубость и, видно, сам так растрогался своей добротой, что дал мне три

рубля сверх положенной платы. Я поехал в деревню проститься с родителями, но не пробыл там в недели. Отец взял с меня крепкое обещание служить верой и правдой.

В конце месяца я вместе с другими рекрутами прибыл в Орел и был назначен в 17-й гусарский Черниговский полк, прежде именовавшийся 51-м драгунским Нижегородским полком.

Мне приходилось слышать, что самая тяжелая служба - в пехоте, а самая длинная - на флоте, поэтому я был очень доволен, что попал в кавалерию. Но кавалеристы утверждали, что самая тяжелая служба именно у них: у пехотинца только винтовка, а у кавалериста еще и шашка, и пика, и лошадь, и седло, все необходимо изучить, за всем ухаживать, особенно за лошадью - на уход за ней требуется не менее пяти часов, а там еще учеба... Единственное, где кавалеристу легче - это в походе: не идешь пешком. Да и то, какая еще лошадь Попадется: иная идет все время рысью, все кишки вытрясет, согласишься лучше пешком идти.

Но служба в кавалерии не показалась мне тяжелой: военная наука давалась легко, я считался исправным и дисциплинированным солдатом. Вначале мне попалась одна из тех строптивых лошадей, которые не ходят шагом, а только трусцой, обносят препятствия и станки при рубке позы, - лошадь, от которой вообще можно ожидать всяких неприятностей в любую минуту. Однако вскоре мне заменили ее другой, уверенно шедшей на препятствия, на станки при рубке лозы; даже по утрам она была более суха и меньше в навозе, чем другие, очень облегчая этим утренний туалет. Конь этот, по кличке Амулет, в значительной степени помогал мне даже в усвоении конного дела - он хорошо знал команды "Рысью", "Шагом", "Галопом" и др. По строевой и физической подготовке я получал оценку "хорошо", по стрелковому делу и тактике - "отлично".

В каждом эскадроне были свои песенники, но в нашем, шестом, они считались лучшими. Мы выучили много украинских песен, и нас часто вызывали в офицерское собрание ночью, часов в двенадцать, иногда и позже, чтобы развлекать подвыпивших офицеров. Я тоже был в числе песенников и нередко в награду получал двухкопеечную булку. Правда, львиная доля "наградных" приходилась вахмистру Щербаку.

Наш полк, имевший богатую боевую историю с конца XVIII века, с 1910 года находился под командованием брата царя великого князя Михаила Александровича. Шла молва о его большой физической силе. Как память о ней в офицерском собрании хранилась под стеклом свернутая в трубку серебряная тарелка и разорванная вся сразу колода карт.

Отдельной кавалерийской бригадой командовал генерал-майор Абрам Драгомиров, сын известного генерала Михаила Ивановича Драгомирова. Его мы видели только на парадах и больших учениях; командира полка - полковника Плохина - тоже очень. редко. Командир эскадрона, ротмистр Пантелеев, приходил к нам каждый день, но всего на один-два часа. Основную работу с солдатами вели вахмистр и унтер-офицеры.

В нашем эскадроне молодых солдат обучал штабс-ротмистр Свидерский мужчина 182-сантиметрового роста, широкий в плечах. Он обладал страшной физической силой. Службу он знал хорошо, никогда не опаздывал на занятия, но строг и суров был невероятно: за малейшую оплошность бил зверски. Меня он ударил один раз, обнаженным клинком плашмя по ноге выше колена, и долго не сходил у меня длинный след... Многих других солдат он бил часто и еще больней. В 1915 году в звании полковника Свидерский ушел от нас, а в 1925 году мае пришлось встретиться с ним в совершенно другой обстановке. Но эту встречу я. опишу позднее.

В первый год службы я считался одним из лучших стрелков, всаживая в мишень тридцать восемь пуль из сорока. Меня часто ставили в пример и на тактических занятиях за смекалку и за стремление обмануть условного противника.

Несмотря на то, что свободного от занятий времени было мало, мы, солдаты, все же находили возможность дружески поговорить между собой, поделиться воспоминаниями, порассуждать о поведении офицеров; при этом офицерам давали обычно очень меткую оценку, хотя половина солдат были неграмотными, человек двадцать на сто - малограмотными, а у остальных образование ограничивалось сельской школой.

От офицеров солдаты были далеки, но от их денщиков мы частенько узнавали, о чем разговаривают начальники. Так мы узнали о вероятности скорого вступления России в войну. Все ожидали этой войны со страхом. И вот она объявлена!

Наш полк в составе своей бригады сосредоточился в районе губернского города Холм (теперь Хелм, Польша). К нам присоединились уланский и драгунский полки, и таким образом была сформирована 17-я кавалерийская дивизия; командование ею принял генерал Абрам Драгомиров. Боевой путь этой дивизии проходил через города Замостье, Томашов, Ярослав, Тарнув, с выходом на реку Дунаец. Пасху 1915 года встречали в районе Ясло и Кросно. Потом наш полк занимал оборону в Карпатских горах.

После первых успешных боев полковник Блохин, произведенный в генералы, принял командование бригадой, а на

его место был назначен полковник Дессино.

Рослый мужчина лет пятидесяти пяти, сутуловатый, с седеющими висками, он нравился нам, солдатам, а офицеры его недолюбливали. Трудно сказать, кто был прав в оценке полковника Дессино - солдаты или офицеры. Приведу несколько характерных для него фактов.

Факт первый. Разорвавшимся снарядом в нашем эскадроне были убиты четыре лошади. Их закопали. Когда полк продвинулся еще верст на пятьдесят, командир эскадрона рапортом командиру полка просил разрешения исключить этих лошадей из списков. На рапорте была наложена резолюция: "Лошадей откопать, шкуры содрать, по представлении квитанции об их сдаче лошадей из списка исключить". Три солдата (я за старшего) были посланы выполнить этот приказ. Мы отрыли лошадей, закопанных за семь дней до того, содрали шкуры и сдали под квитанцию. После этого лошади были исключены из списков.

Факт второй. Командир полка получил сведения от ветеринарного врача, что многие лошади под офицерскими вьюками оказалась с набитыми спинами. Тотчас последовал приказ, чтобы вес вьюков не превышал три пуда (два чемодана по бокам, наверху постель); не выполняющих этот приказ будут строго наказывать, а излишек веса отнимать и уничтожать безвозмездно. Примерно через неделю, после одной из ночевок, полк выстроили за селом, всех вьючных лошадей выведи вперед и развьючили. Появились весы, началось взвешивание. Допускалось превышение в десять фунтов против приказа. Излишек складывался по выбору денщиков в общую кучу, обливался керосином и сжигался.

Факт третий. Однажды после ночевки полк был построен, и командир полка, обращаясь к солдатам, сказал: "Братцы, до меня дошел слух, что вас плохо кормят, короче говоря - обкрадывают. В вашем присутствии обращаю внимание всех господ офицеров на то, что они должны лучше смотреть за питанием и за своими вахмистрами, а вам, братцы-солдаты, приказываю: если будут давать порцию мяса меньше двадцати четырех золотников, приносить эту порцию непосредственно мне, минуя своих прямых командиров". После этого приказа наше питание заметно улучшилось.

Факт четвертый. В горах кормить лошадей было нечем, поэтому их отправили в долину, верст за двести, мы же, спешенные, держали оборону Дукельского перевала. Но правее нас, у города Тарнув, немцы прорвали фронт и оттеснили наших на восток. Поступил приказ сниматься и нам. Рано утром Дессино

собрал полк в местечке и обратился к нам со словами:

- Братцы-солдаты, немцы прорвали фронт правее нас, нам угрожают окружение, плен и гибель. Нам нужно в пешем строю за трое суток пройти сто восемьдесят двести верст. Сумеем это сделать - сохраним наше знамя, штандарт, который наш полк с честью носит более ста лет, и спасем свои жизни. У господ офицеров имеются лошади, но я не позволю им сесть на них, сам я тоже не сяду, а буду идти все время впереди полка, хотя я старше вас на много лет. Для нашей славной пехоты дневной переход в пятьдесят - шестьдесят верст не редкость неужели мы хуже ее? Так что же вы ответите мне, братцы?

Как один человек, весь полк отозвался: "Пройдем". Командир просиял от столь дружного отпета. Мы тронулись в путь.

Действительно, командир полка все время шел впереди, опираясь на длинную, как посох, палку. После каждого привала эскадроны менялись местами, задние переходили вперед, так как передним легче идти. К концу первого перехода некоторые офицеры, в их числе оба брата Андреевские, сыновья орловского губернатора, вышли из строя и под смех и шутки солдат разместились в повозках. К концу третьего дня половина офицеров перебралась на повозки и двуколки, так как в санитарных линейках места не хватало. Но у солдат, несмотря на сильную усталость, настроение держалось бодрое, а когда мы увидели ожидавших нас в долине лошадей, оно поднялось еще больше.

Вот таков был командир полка Дессино.

Скажу попутно несколько слов о генерале Драгомирове, командовавшем в начале войны вашей дивизией. На войне мы его видели чаще, чем в мирное время. Несмотря на свой небольшой рост, он был всадником заметным, потому что, как клещ, впивался в свою лошадь и ездил только галопом. Солдат сторонился, и, хотя слыл храбрецом, они его не любили.

Со мной он заговорил только один раз. Однажды я находился в головном дозоре, завязавшем перестрелку с врагом. Минут через пятнадцать к нам подскакал генерал Драгомиров в сопровождении адъютанта и еще двух всадников. Выслушав мой доклад, он в бинокль внимательно осмотрел местность, приказал наблюдать и ускакал со своей свитой обратно. Через час наши эскадроны начали атаку.

Говорят, генерал Драгомиров был вообще командиром решительным и часто бывал в самых опасных местах. В конце войны он командовал уже Северо-Западным фронтом.

В дивизии наш полк считался наиболее боевым, особенно в начале войны. Поэтому мы часто ходили в атаку в конном строю.

Помню случай, когда конница противника приняла нашу атаку. С пикой наперевес помчался я навстречу приближающемуся врагу, и моя пика с такой силой пронзила его, что я сам едва удержался в седле. Думать о том, чтобы освободить пику, не было времени. Выхватив саблю, зарубил еще двух врагов...

Хорошо дрались черниговцы и в пешем строю. Но помнится мне случай, позорный для нашего полка. При общем отступлении из Галиции конница часто спешивалась, прикрывала отход наших войск. Однажды спешенный полк отбил четыре атаки, но, когда враг пошел в пятый раз густыми цепями, за которыми шли роты в колоннах, полк не выдержал и отступил. В окопах остались только два пулемета с расчетами, которые возглавлялись старшими унтер-офицерами Тарелиным и Козловым, имевшими уже по три Георгиевских креста. Двумя пулеметами "максим" они отбили атаку немцев. Наш полк со стыдом вернулся на удержанную ими позицию.

Оба героя получили но Георгиевскому кресту первой степени и были произведены в первый офицерский чин - прапорщика. Естественно, весь полк гордился ими. Но, к общему удивлению, их неожиданно перевели в уланский полк: господа офицеры нашего полка заявили, что они не желают подавать руку бывшим нижним чинам...

Не все офицеры в нашем полку были настроены так. Но многие ставили свои кастовые и сословные привилегии выше всего, и такие офицеры, разумеется, не могли обеспечить своим авторитетом моральную устойчивость солдат, подвергающихся превратностям войны.

Наступая в 1914 году, мы одерживали победу за победой, и тогда даже большие потери не оказывали удручающего действия на настроение солдат; даже отход с Дукельского перевала в пешем строю ни в какой степени не ослабил - я об этом уже говорил - боевого духа войск, хотя горечь отступления все же они испытывали. Но, когда началось общее отступление, когда без боя оставляли кровью завоеванные позиции и территории, тогда чувство подавленности резко проявилось, и часто можно было слышать злые замечания солдат в адрес командиров, особенно вышестоящих. Прибывающее из глубины страны пополнение еще увеличивало такое настроение своими рассказами о близком голоде, о бездарности правителей. Все говорило о бедности нашей страны, о полной ее неподготовленности к войне. При отступлении у нас в подсумках оставалось по пяти патронов, а в зарядных ящиках только по два снаряда на орудие, да вдобавок еще дано было распоряжение: "Без особого приказа не расходовать!"

Если неуверенность и уныние возбуждались нераспорядительностью властей и командиров, то небрежное отношение офицеров к насущным требованиям солдат еще усиливало недовольство. Бывало, приближаешься к населенному пункту для ночевки - ничего не приготовлено; стоишь, стоишь, дожидаешься, когда же разместят по квартирам смертельно уставших солдат. Бывали и такие случаи: лошади уже расседланы, солдаты набрали в котелки ужин, как вдруг раздается: "Седлать!" Оказывается, надо перейти на другую улицу или в другую деревню, так как занятое нами место отведено другим. Тут уж в адрес начальников отпускается полная мера едких эпитетов и ругательств.

Конечно, все это способствовало упадку дисциплины, наиболее заметному в обороне. Правда, в Карпатах переход к обороне нисколько не вселял сомнений или тем более неверия. Наоборот, после длительного и успешного наступления солдаты были довольны, что получают заслуженный отдых. Совсем иное дело переход к обороне после длительного отступления, да еще при такой неразберихе. Солдаты пали духом, стали приписывать противнику непобедимость, не верили в прочность обороны и считали ее только отсрочкой дальнейшего отступления. Все это я видел, все это откладывалось в моей памяти и заставляло думать.

Моя всегдашняя готовность ввязаться в рискованное дело превратилась в разумный риск солдата-фронтовика. Пригодилась здесь и присущая мне с детства привычка к разумной расчетливости.

Многие мои товарищи по полку, впервые попав на войну, боялись, думали о том, что их ранят и оставят на поле боя или убьют и похоронят в чужой земле. Поэтому они со страхом ожидали встречи с противником. Таких переживаний, сколько помню, у меня не было. Между прочим, на фронте я обнаружил, что от былой религиозности, привитой мне с детства и сохранявшейся - впрочем, уже формально, только по привычке, - в первую пору юности, теперь не осталось и следа. Там, где многие, прежде равнодушные к религии, стали частенько "уповать на бога", я уверился, что вся сила в человеке, в его разуме и воле. Поэтому, не встречая противника, я испытывал даже разочарование в всегда предпочитай быть в разведке или дозоре, чем глотать пыль, двигаясь в общей колонне. Начальники ценили мою безотказную готовность идти к любую разведку, но, надо правду сказать, никогда не злоупотребляли этим, - наоборот, очень часто удерживали меня.

Я уже сказал, что война учила меня серьезно думать о виденном и пережитом. Однако размышлять о социальных

вопросах я стал позднее, под прямым влиянием революции; до того я почти целиком был занят мыслями, относящимися к повседневному военному труду, и, даже думая, скажем, о недостойном и эгоистическом поведении офицеров, говорил себе только "так воевать нельзя", не делая более глубоких выводов.

Размышляя над своим солдатским делом, я выработал себе даже некоторого рода тактику. Первое правило - не открывать огонь сразу после обнаружения противника; я старался укрыться, пропустить его и проследить, от кого был выслан дозор: от разведки или от походного охранения, идущего за ним. Нередко прибегал и к общепризнанному способу разведчиков - вызвать огонь противника на себя. С этой целью подъезжал к какому-нибудь населенному пункту или к опушке леса метров на триста, всматривался, а потом круто поворачивал, уходя галопом. Неоднократно уходил я из-под огня противника, стрелявшего в меня, на мой счастье, безрезультатно.

За 1914-1917 годы случилось немало интересного, но всего не перескажешь. Расскажу хоть что-нибудь.

Однажды я был назначен начальником разъезда и должен был произвести разведку. Мы двигались по шоссе, обсаженному высокими липами. Направление держали к большому селу, подходя к нему со всеми предосторожностями. Два наших дозорных кавалериста осмотрели дом, стоящий отдельно, и дали знак, что противника в нем нет. Условным сигналом я приказал им направиться в село, обследовать крайние дома, сам с остальными солдатами поспешил к дому, оставил их снаружи с приказом вести внимательное наблюдение по сторонам и за дозором, а сам спешился, забросил поводья на забор в вошел в дом, чтобы расспросить живущих там. Но никто не отозвался на мои оклики, дом был пуст, а снаружи я услыхал два выстрела и крики. Выскочив из дома, увидел печальную картину: наш разъезд удирал по шоссе, преследуемый выстрелами противника. Быстро вскочив в седло, я поскакал вслед за своими. Не успел я отъехать от дома и трехсот шагов, как вокруг меня засвистели пули. Мою лошадь ранило, она споткнулась и упала. Жалко было оставлять врагам седло, и я попробовал его снять, но град пуль заставил меня отказаться от этого. Увидев спешащих ко мне пехотинцев противника, я немедля побежал в ближний кювет и по нему стал уходить.

Немцы уже добежали до моей лежащей лошади, но преследовать меня дальше почему-то не стали. Наших кавалеристов и след простыл.

Мой путь пересекала небольшая речка, через нее был перекинут мостик. Я было направился к нему, но заметил разъезд

противника, тоже идущий к этому мостику. Теперь главной заботой моей стало, чтобы противник меня не обнаружил.

Удачно спустившись с крутого берега, я укрылся под мостом, но не был уверен, что немцы не заметили моего маневра. Осмотрелся, недалеко от моста увидел большой куст ивняка, нависший над водой, и решил, что под ним мне будет менее опасно, чем под мостом, ибо сквозь ветки я хорошо могу видеть приближающегося противника, а сам буду от него скрыт. Я пополз к кусту и засел там, держа винтовку наготове.

Невольно вспомнилась прочитанная в детстве книжонка о цветке папоротника. В ней говорилось, что нашедший этот волшебный цветок сможет все видеть и все слышать, сам оставаясь невидимым. Вот бы разведчику быть таким. Но так как цветка папоротника до сих пор еще никто не срывал, умение быть невидимым и неслышным для противника нам приходилось приобретать без помощи волшебства.

Вскоре приблизился вражеский разъезд. Вот уже он поравнялся с кустом и прошел мимо. Когда он удалился от меня шагов на пятьдесят, я выпустил ему вслед пять пуль, быстро перезарядил винтовку в начал вновь стрелять. Двое раненых остались лежать на дороге, а остальные трое ускакали.

Я выбрался из-под куста, с винтовкой на изготовку подошел к лежащим раненым, снял с них оружие и знаками приказал им встать и идти. Но они или не понимали меня, или не могли подняться. Что делать? На мое счастье, из близлежащего леса показался наш головной эскадрон. Дозор шел на рысях к мосту. Окликнув своих, я указал, где противник. Подошедшему эскадрону передал раненых немцев, а командиру доложил о случившемся.

Вспомнил я тогда, что на стрельбище из сорока выстрелов в цель у меня ложились тридцать восемь пуль, а здесь на близком расстоянии и в такую крупную цель только сорок процентов попадания! Однако неудачно начавшаяся разведка кончились благополучно, а все могло бы обернуться для меня очень плохо. Пленные немцы дали ценные сведения о своих войсках, и это вознаградило меня и за пережитые волнения, и за плохую стрельбу.

Прибыли мы в местечко в двенадцати километрах от Дукельского перевала, отправили лошадей в предгорье.

Вторая половина дня оказалась свободной, так как оборонительную позицию наш эскадрон должен был занять лишь утром. Высокие горы окружали местечко, и мне очень захотелось взойти на одну из них, чтобы осмотреть окрестность. Но раньше мне не приходилось взбираться на подобные горы, и я ошибся в

расчете времени. Идти по густо заросшей лесом круче оказалось трудно, и мне пришлось затратить много времени, пока я достиг вершины.

Когда я осмотрелся но сторонам, меня поразила невиданная красота. Внизу, у подножия горы, лежало местечко с уходящей за гору дорогой, по которой мы пришли сюда; вокруг высились еще более могучие горы; передо мной лежало большое плато. Мне захотелось осмотреть его.

Пройдя около километра, я очутился в окопах, которые не так давно занимали русские. Окопы были неглубокие, обвалившиеся. Какая же здесь была стрельба! Тысячи гильз были разбросаны по окопам, огромными кучами они были навалены там, где, по-видимому, стояли пулеметы. Вокруг валялись лопаты, вещевые порожние мешки и окровавленное обмундирование. Много было могил, и ни одна ни была отмечена ни надписью, ни надписью, ни вешкой. Удручающе действовал вид небрежно засыпанных трупов: то тут, то там выглядывало плечо, торчали ступни босых ног, иногда виднелось лицо... Очевидно, наши цепи, выскочившие из укрытий, в самом начале наступления были расстреляны врагом, а убитых оставшиеся в живых успели только кое-как засыпать землей.

Мне захотелось пройти в окопы противника, откуда он вел огонь по нашим.

Когда я очутился в немецких окопах, они меня тоже поразили, но совсем по-иному: окопы были глубокие, оплетенные ветками, чистота в них была абсолютная, не заметно было предметов военного обихода, гильз не было и в помине. На большом кладбище в долине, куда я спустился, на каждой могиле был аккуратно оформленный холм, на каждой могиле был крест с надписью о захороненном. Офицерских могил не было вовсе, - вероятно, трупы офицеров увозились в Германию, - а на ефрейторских и фельдфебельских могилах все кресты были большего размера, чем над могилами солдат; с немецкой аккуратностью даже в смерти люди не уравнивались в правах и начальники возвышались над подчиненными.

Я вернулся на брошенные русскими позиции. Удрученный мыслью о том, что родные всех этих солдат никогда не узнают, где похоронены дорогие им люди, я почувствовал такую тоску и такой страх, что невольно прибавил шаг, потом что-то громко запел и наконец побежал, и бежал без остановки, как когда-то мальчиком, когда ходил на поиски цветка папоротника и очутился один на один с непонятной ночной жизнью леса.

Во время обороны в горах мне часто приходилось с группой ходить в разведку. Ни у нас, ни у противника сплошного фронта

там не было, поэтому покрытые частым лесом горы помогали нашим разведчикам проникать в тыл противника.

В одну из лунных ночей наша группа из семи человек миновала линию охранения и перешла никем не занятую долину. Мы осторожно взбирались по склону, где, по нашему мнению, должно было находиться охранение противника. Больше прислушивались, чем приглядывались. Невдалеке явственно раздалась чужая речь. Было ясно, что мы находимся на линии постов или застав охранения. С особой осторожностью подались вправо, чтобы обойти противника, напасть на него с тыла и захватить хотя бы одного "языка", но хруст сухой ветки выдал наше присутствие. Разговор моментально прекратился, раздались оклики на немецком языке. Мы притаились. Через некоторое время немцы, видимо, успокоились, разговор возобновился, мы снова начали к ним приближаться. Но вот снова оклик, команда - и началась неприцельная стрельба. Около часа осторожно и медленно продолжали мы двигаться в глубь леса. Неожиданно впереди мы услышали выкрики и смех. "Такая беспечность будет нам на руку и поможет нашей удаче", - подумал я, осторожно продвигаясь вперед. Мы очутились на обрыве. Заглянули вниз, и нам представилось занятное зрелище: человек пятьдесят немцев принимали "лунные ванны" у речки, купались, бегали по берегу, громко хохотали. Долго мы наблюдали за их развлечениями и поняли, что "языка" нам захватить не придется - немцев больше, чем нас, и они находятся глубоко под обрывом. Но уж испортить их безмятежное настроение у нас была возможность!

У каждого из нас было по две ручные гранаты, и мы решили израсходовать все четырнадцать штук. Немедленно привели их в боевую готовность, распределили участки, кто куда должен бросать, и по команде наши "гостинцы" полетели вниз. Через 4-5 секунд граниты начали рваться. Началась невообразимая суматоха, раздались крики ужаса, а гранаты все рвались и рвались. Уцелевшие или легко раненные стремительно убежали, а человек двадцать стонущих и охающих остались лежать.

Теперь нашей задачей было выбраться из расположения противника. Только когда мы переходили нейтральную безлесную зону, освещенную луной, нас заметили и открыли стрельбу. Но мы вернулись к своим без потерь.

Мы держали оборону севернее города Луцка за рекой Стырь. Нас с противником разделяло болото около двух верст шириной. Сена для кавалерийской дивизии требуется много, оно закупалось и доставлялось всегда с трудом. А на болоте стояли стога сена, хотя оно и не было первосортным, но иногда и осока считалась хорошим кормом.

Сначала мы брали сено из ближних стогов, потом перешли на середину болота, не прекращая работу даже под пулеметным огнем. Во второй половине зимы сено приходилось таскать уже из стогов, которые находились совсем близко от противника, и, несмотря на все предосторожности, один мой товарищ попал в плен. Эти вылазки, крайне рискованные, были необходимы: невыносимо было смотреть на голодных лошадей, которые уже съели даже побуревшую солому с крыш. Во время вылазок за сеном мы находили и прошлогоднюю клюкву. Обобрали все ближние кочки, стали добираться до средних. Противник пулеметным огнем заставлял нас ползать, но все-таки мы про - должали собирать ягоды.

На сбор сена, связанный с риском, офицеры смотрели сквозь пальцы - сено было нужно, и им было выгодно, отчитываясь, выдавать собранное нами сено за купленное; но сбор клюквы они строго запрещали.

Вылазки за ягодой все-таки продолжались. Солдат - лакомка! А вернее, всем надоедает есть из казенного котла и хочется чего-нибудь свежего и вкусного. Желание это иногда оказывается достаточно сильным, чтобы толкнуть на серьезный риск.

На одном участке мы долго были в обороне и некоторое время не имели пленных. Офицеры ужо давно объявили "конкурс" на захват "языка", но обстановка никак не позволяла действовать, ибо у нас было проволочное заграждение в три кола, а у противника оно было в шесть кольев, вдобавок нас разделяла речка. Мы внимательно присматривались к обороне противника - не выставляет ли он на ночь часовых или секрет за свою проволоку, но ничего не обнаруживали. Естественно, что, несмотря на все посулы, желающих идти за "языком" не находилось.

Один раз мы с товарищами вышли за свои заграждения, пролежали три часа недалеко от проволоки противника в надежде, что он выставит секрет, но все было напрасно, и мы вернулись ни с чем.

По всему было видно, однако, что у противника оборона, несмотря на хорошее инженерное оборудование, не плотная, как у нас. Изучая обстановку в бинокль, я заметил, что от одного из бугорков, занятых немцами, тянется ряд небольших столбиков. Из этого заключил, что там наблюдательный пункт врага, а столбики обозначают линию телефонной связи с ротным командиром или батареей. Поговорил с тремя моими товарищами, они согласились присоединиться ко мне. Доложил командиру эскадрона о задуманной нами попытке захватить "языка".

Три дня мы внимательно изучали местность, стараясь

определить лучшее место, чтобы пройти к окопу наблюдателя. Наше внимание привлекла к себе лощина, проходившая левее бугорка в тыл врага. Мы хорошо знали, что в темноте находящийся на бугре виден на фоне неба, которое всегда светлее земли. В два часа ночи мы сделали проход в проволоке противника, пробрались в его тыл и перерезали телефонный провод. Рядом стоял куст, мы под ним спрятались и стали ждать связистов, которые придут исправлять линию.

Ждали около часа. Наконец появились двое, идущих вдоль проволоки; они о чем-то оживленно разговаривали. Кроме оружия у нас с собой были две увесистые палки, тонкая веревка и тряпки. Мы договорились между собой, кто будет брать одного, кто - другого. Как только связисты поравнялись с нами, их оглушили, схватили, заткнули им рот тряпками, связали руки и повели, приговаривая при этом "тихо", "не убью", "иди за нами" - заученные немецкие слова.

Проход в проволоке миновали вполне благополучно и привели вместо одного "языка" - двух. Фельдшер перевязал пленным ссадины. Будить так рано командира никто не соглашался, решили ждать утра. Но командир эскадрона как-то о нашем приходе узнал и пришел сам в нашу землянку поблагодарить за успешное выполнение задания.

Вскоре мы на этом участке наступали и захватили окопы противника. Как же нас поразило их прекрасное оборудование! В землянках было даже электрическое освещение! Перед окопами тянулось много рядов проволочных заграждений, несмотря на то что от нас немцев отделяло широкое болото. Какое сравнение с нашими отдельными окопчиками, шалашами из веток! Горько было русскому солдатскому сердцу, когда мы видели такую разницу.

В 1915 году мы отошли с Карпат и заняли заранее подготовленную оборону с проволочными заграждениями. Патронов у нас было мало, а снарядов совсем не осталось. Немцы, преследовавшие нас, окопались шагах в восьмистах на опушке леса. На самом краю стоял домик лесника под соломенной крышей. Одно окно было обращено к нам, другое вбок, а дверь не была видна. Все были уверены, что этот домик как-то используется немцами.

Наши офицеры, жаждущие сильных ощущений, объявили: "Кто спичкой подожжет крышу этого домика, получит Георгиевский крест". Я и мой друг Сергей вызвались на это дело. Офицеры поставили условие; "Подходить можете ночью, а поджигать, когда станет светать". Они хотели полюбоваться на момент поджога, не портя себе притом ночного отдыха.

За час до рассвета мы залегли у проволоки противника, прислушиваясь и приглядываясь к окружающему. Когда начало светать, из окопчика, шагах в ста от нас, за кустом поднялись два немца и скрылись в лесу. По нашему мнению, это был секрет, который выставлялся на ночь к проволоке; днем, по всей вероятности, наблюдение велось откуда-то с опушки. Это заставило нас быть очень осторожными. Мы продвигались к нашей цели ползком, используя высокую траву и неровности почвы.

Подрезали нижний ряд немецкой проволоки и поползли к той стороне дома, где не было окна. Шагах в пятидесяти мы остановились. Сергей остался на месте, в готовности в любой момент отразить внезапную опасность, а я пополз вперед. Около дома встал. Но только я хотел поднести к крыше зажженную спичку, как дверь отворилась и в ней показался немец. Сергей тотчас дал выстрел по нему. Немец с криком захлопнул за собой дверь. Спичка у меня погасла. Мы пустились бегом по кустам, потом снова поползли к проходу в проволоке. Сначала нас обстреливали из двух винтовок с опушки леса, потом несколько немцев выскочили из дома и открыли беспорядочную стрельбу. Но мы были уже за проволокой и, применяясь к местности, уходили к своим. Стрельба со стороны противника усилилась. Понемногу постреливали и с нашей стороны, и пули летели через нас. Мы залегли в лощине.

Офицеры и все солдаты нашего эскадрона внимательно следили за нашей вылазкой. Многие видели, как я подходил к дому, как мы оба бросились бежать, слышали, конечно, и стрельбу и считали нас погибшими. Солдаты ругали офицеров за их затею - за то, что велели действовать на рассвете, а не ночью. Все очень удивились и обрадовались нашему благополучному возвращению.

Вместо Георгиевских крестов нам вручили медали.

После очередного сидения в окопах нас сменили, и мы отдыхали в лесу, в пятнадцати верстах от реки Стоход. Однажды, получая порции мяса на обед, я их взвесил, в них оказалось на круг до восемнадцати золотников вместо законных двадцати пяти. (Золотник - 4,26 грамма.) Помня приказ командира полка в подобных случаях обращаться непосредственно к нему, я так н поступил. Когда доложил полковнику, он спросил меня: из какого я эскадрона, точно ли взвесил порции? После моего ответа он приказал идти и обещал принять меры.

Уходя от полковника, я уже раскаивался в сделанном и думал, что было бы лучше эти порции снести командиру своего эскадрона. Угрызения совести усиливались еще и потому, что я

знал - виноват в этом не командир, а вахмистр.

Ни другой день меня вызвал командир эскадрона. Мне уже было стыдно идти к нему. Командир сидел за столиком, сделанным нашими руками, и курил. Пригласил меня сесть и после паузы сказал с укором: "Зачем ты, Горбатов, обратился к командиру полка? Почему не принес эти порции мне? Неужели ты и другие солдаты думаете, что я мог воспользоваться вашими золотниками?" "Нет, мы так не думаем. Но так приказывал командир полка", - ответил я. Пристально посмотрев на меня, он предложил папиросу, но тут же спохватился: "Да, ведь ты не куришь и не пьешь. Ты, Горбатов, хороший солдат, но мог бы быть еще лучше, если бы меньше всех учил, как жить, побольше думал бы о себе. Ты имел бы уже четыре креста! Брось ты эту привычку, она тебя до добра не доведет. Но я вижу, ты раскаиваешься в своем поступке. Правда?"

Я вышел красный как рак. Ведь наш строгий ротмистр Сабуров по сравнению с другими командирами эскадронов был справедливым человеком...

Там же, на Стоходе, нас застала Февральская революция.

Мы, солдаты, еще ничего не зная, все-таки заметили, что офицеры почему-то растеряны: ходят один к другому, собираются группами, что-то обсуждают, горячатся. Что случилось?

Денщикам удавалось иногда услышать из офицерских разговоров отдельные слова: "все прогнило, все продажно", "этого нужно было ожидать", "бездарные правители", "на краю пропасти" и т. п. Все это немедленно передавалось нам. Начальство молчало, а "солдатский вестник" работал, в скоро мы узнали об отречении царя.

Нас интересовало отношение офицеров к этому событию. Через денщиков мы старались узнать их настроение. В солдатской же среде большинство считало так: "Раз покончено с царем, значит, скоро будет покончено с войной". Лишь немногие тревожились; как же мы будем жить без царя.

Нашлись среди нас и такие люди, которые, как оказалось, разбирались в политике, понимали, что к чему, и старались разъяснить события солдатам. Раньше я не догадывался, что у нас в полку есть революционеры. Возможно, они со мной не заговаривали о политике, потому что видели, что я целиком захвачен солдатским фронтовым трудом и фронтовым бытом, и не рассчитывали заинтересовать меня политикой.

Официально об отречении царя Николая II от престола нам объявили через несколько дней, - вероятно, ждали инструкций "сверху". Ввиду того что мы были на передовой, объявили манифест поэскадронно. Командир нашего эскадрона Сабуров -

теперь уже подполковник - каким-то несвойственным ему ласковым голосом после чтения манифеста объявил нам, что сейчас создано Временное правительство, которое состоит из людей умных, солидных. Нашей задачей по-прежнему остается крепкая дисциплина, безоговорочное выполнение приказов начальства; вся армия должна подчиняться правительству, а солдат - своим начальникам. Будем вести войну с немцами до победного конца.

Так до поры до времени и продолжалось. Воевали по-прежнему, но "победный конец" отодвигался все дальше, и его было не видно. Как раз вскоре после февральской революции произошла трагедия на реке Стоход.

Наша кавалерийская дивизия стояла в обороне на правом берегу этой реки. Названа она Стоходом потому, что, протекая по широкой заболоченной долине, имеет множество "ходов" - проток.

Осенью 1916 года непосредственно левее нас была проведена операция по захвату плацдарма на левом берегу. Ценой больших потерь плацдарм небольшой глубины был захвачен. Оборонялся он стрелковым корпусом в составе трех дивизий, из которых две находились на плацдарме, а третья - на восточном берегу. Артиллерия дивизий также почти вся находилась на плацдарме. Через долину реки были проложены три дороги с большим количеством мостов.

Немецкое командование боялось, что весной мы перейдем в наступление с этого плацдарма, и решило его ликвидировать при первой возможности. Для этой операции было выбрано время весеннего паводка, когда всю долину зальет водой.

Потому командованию было известно, что немцы готовят удар по плацдарму, но срок его не был известен.

В конце марта вся долина реки была затоплена. Наши войска стояли в тревожном ожидании.

Темной ночью (кажется, это было 24 марта) к войскам, размещенным на плацдарме, перебежал немецкий солдат, по происхождению француз из Эльзаса. Он был хорошо осведомлен о предполагаемых действиях и сообщил, что утром немецкие войска перейдут в наступление, они сосредоточили много артиллерии, подвезли баллоны с отравляющими газами. Позднее нам стало известно, что ночью наше командование долго колебалось: верить ли сведениям, полученным от перебежчика, и что делать - вводить ли третью дивизию на плацдарм дли его удержания или выводить оттуда обороняющие его две дивизии? Было решено ввести третью дивизию на плацдарм и удерживать его всеми способами и средствами.

На рассвет началась канонада, какой раньше мы не слышали.

Огонь велся одновременно по окопам, по всем мостам, по артиллерии, включая стоящую на восточном берегу Стохода. За короткое время все мосты через реку были разрушены, так как большая часть их была хороши видна противнику.

К концу артподготовки немцы пустили тремя волнами газы. Ветер благоприятствовал противнику. Вслед за волнами ядовитого тумана пошли в наступление плотные цепи пехоты.

Поскольку наши войска были предупреждены о наступлении заранее, они укрылись от артогня, вовремя использовали противогазы и полностью отбили атаку, сами понеся сравнительно мало потерь. Проникнуть за наши проволочные укрепления немцам не удалось, хотя во многих местах оборонительные сооружения сильно пострадали от артогня. Противник отошел в свои окопы, понеси большие потери. Но вскоре он повторил артиллерийскую и газовую подготовку, а затем снова двинулась его пехота, Ни этот раз противнику удалось частично вклиниться в нашу оборону и занять первую линию окопов. Немцы снова понесли большие потери, но еще больше от огня потеряли наши дивизии, так как укрытия были в значительной части разрушены. Противник в третий раз провел артподготовку, а затем бросил свежие силы. Наша пехота на плацдарме не могла уже сопротивляться. Длительное пребывание в противогазах сделало нетренированных людей небоеспособными. Большая часть наших артбатарей была подавлена и не могла поддержать пехоту своим огнем. А отвести войска через залитую водой долину было невозможно - поэтому наши потери были громадны.

Мы потеряли и плацдарм, и три пехотные дивизии. Не надо было иметь военного образования, чтобы понять, какое неверное решение было принято нашим командованием Солдаты возмущались. Для меня же лично эта трагедия на реке Стоход стала в последующие годы, когда мне самому пришлось принимать решения, великим уроком.

Глава третья. За власть Советов

Раньше лишь самому тесному кругу было известно, что солдат Муравьев - член партии большевиков. Теперь он этого не скрывал. Мы часто обращались к нему, чтобы он разъяснил, кто такие большевики, почему они так называются. Я узнал от него впервые о Ленине и о других революционерах, живущих интересами рабочих и крестьян, интересами будущих поколений.

Сославшись на болезнь матери и тяжелое положение в семье, Муравьев отпросился у командира эскадрона в отпуск на неделю. На самом же деле ему надо было съездить в Петроград для

ознакомления с обстановкой. Вернувшись, Муравьев рассказал, что в Петрограде творится что-то невообразимое, что там фактически две власти - Временное буржуазное правительство и власть рабочих и солдатских Советов, где все большее влияние приобретают ленинцы, что долго так быть не может, и наверное, буржуазия потерпит крах.

Не буду рассказывать о событиях этих месяцев, потому что мне пришлось бы повторить известное читателям из множества источников.

В начале октября, по неизвестным для солдат причинам, наша дивизия перекочевала в район города Нарва. Ходили разные слухи по поводу нашего прибытия в этот район: одни говорили, что мы прибыли для борьбы с "большевистской крамолой" в Петрограде, другие - для того чтобы прикрыть Петроград от возможного наступления немецкой армии из Эстонии.

В нашей дивизии начальство стало выборным: вместо полковника командиром полка был избран поручик, а командиром эскадрона вместо подполковника корнет. Еще летом меня избрали в полковой комитет, вероятно, из-за хорошей боевой и товарищеской репутации, потому что в смысле политической сознательности я вряд ли был выше среднего уровня, хотя, конечно, общественные интересы у меня уже пробудились.

Случилось так, что наша дивизия осталась в стороне от первых боев за власть Советов и от боев с германской армией, пытавшейся захватить революционный Петроград. Мы только по газетам, а больше по слухам знали о выступлении Корнилова и о других событиях.

После Октября наш полк передислоцировался в район станции Волосово и был расквартирован по близлежащим деревням. Мы знали, что с созданием Красной Армии старая армия будет демобилизована. Знали также, что кое-где солдаты, уставшие от войны и обеспокоенные тяжелым материальным положением своих семей, уходят домой, не ожидая демобилизации.

5 марта 1918 года нам было объявлено о расформировании полков нашей дивизии и о демобилизации личного состава. Только солдат, прошедший по дорогам войны с ее первого дня, может понять наше ликование. Живы! Едем домой!

Мой путь домой лежал через Гатчину, Петроград, Москву.

В мирное время в Петрограде я не бывал. Сейчас город был запущен. Улицы очищались от снега только так, чтобы можно было проехать, из окон торчали трубы печек-времянок. По вечерам город тонул во тьме. По утрам большие очереди стояли у

булочных. Но чувствовалось, что город живет приподнятой жизнью и полон энергии.

Мне повезло: из Петрограда я выехал в Москву в классном вагоне. Правда, все стекла были выбиты, и холодный ветер гулял, как на улице, но никто и не думал сетовать на это: ведь многие ехали на крышах и на буферах.

Наконец после пяти лет отсутствия я снова дома. Встреча с родителями и родными была омрачена известием о гибели на фронте двух моих братьев. Родители сильно постарели. Огорчались, что не могут встретить меня "по-праздничному" кроме картошки, ничего нет. Я успокоил их, сказал, что привез свой солдатский гостинец, и достал из походного мешка семь фунтов свиного сала, четыре фунта хлеба и пять фунтов сахару - все, что досталось мне при дележке полкового склада. Преподнес все это матери. Потом вытряхнул подарки из Шуи - ситец для матери и сестер. Не досталось ничего лишь отцу и младшему брату - мужских вещей я не припас. Но брат сказал, что у него от меня подарок давно есть - он изрядно износил платье и обувь, которые я оставил, уходя на военную службу.

Утром я осматривал хозяйство. Если дом и надворные постройки и раньше требовали ремонта, то теперь они пришли в полную негодность, а отец стар, младший брат еще плохой работник, так что вся тяжесть хозяйства ляжет на меня. Больше всего беспокоило то, что идет весна, а семян для посева, кроме картошки, нет. Купить зерно здесь трудно, да и денег на покупку не хватит, очень дорого просят.

Отец сказал, что соседи ездили в Казанскую губернию и привезли зерно, выменяв на ситец. Услышав это, мать и сестра сейчас же предложили отдать тот, что я привез. Но этого я не хотел, да и мало было ситца для такой цели. У меня еще осталось немного денег, вот и решили на них купить в городе ситца. А тот, что я привез в подарок, забрать только в том случае, если купленного не хватит.

Поездка в Казанскую губернию за зерном длилась две недели. Много увидел я за это время.

Хозяйство в стране развалилось. Хлеба не хватало. Люди метались по деревням и городам в поисках продовольствия, создавая неразбериху на железных дорогах. Вокзалы, подъездные пути, привокзальные площади - все было забито людьми с мешками, котомками, чемоданами, ожидающими отъезда. Места на каждый проходящий поезд брались буквально с боем. Перегрузка поездов была невероятная: тамбуры, подножки, крыши вагонов - все было занято.

Через две недели я вернулся из Казанской губернии с зерном

на семена и для помола на хлеб; при поездке мне помогло удостоверение демобилизованного фронтовика. Оно обеспечивало мне не только бесплатный проезд, но и сохранность груза: чтобы пресечь спекуляцию, на дорогах работали заградотряды, отбиравшие провозимое продовольствие.

Управившись с посевом, мы решили отремонтировать свой ветхий дом. Лес для ремонта получили бесплатно. Тяжело было с доставкой, но помогли соседи. Трудно было подвести новый рубленый фундамент под дом, но и на этот раз мир оказался не без добрых людей.

В деревне я считался грамотным и много на свете видавшим человеком. Меня выбрали в члены волисполкома и волкомбеда. Работал я там с увлечением, чувствуя ответственность перед односельчанами, ждавшими от меня какой-то помощи.

В детстве и в юношеские годы я был очень набожным, часто молился с коленопреклонением и даже со слезой. Однако мои желания часто не сбывались, хотя я усердно молился. Это значительно поколебало мою веру. Но, даже когда я уходил на военную службу в 1912 году, вера в бога во мне еще теплилась, и только на фронте я утратил ее навсегда.

Теперь, узнав, что мощи святых, которых было двенадцать в соборе нашего губернского города Владимира, вскрыты для общего обозрения, я захотел их увидеть. Это были ведь те мощи, перед которыми я истово молился, стоя на коленях, после возвращения с заработков в Рязанской губернии - один раз с отцом, а другой раз один.

Владимир от нас находился всего в ста двадцати километрах. В один из осенних дней 1918 года я выехал туда.

Сидя в поезде, вспоминал Владимирский кремль с высокой зубчатой стеной, богатый старинный собор, гробницы святых, рассказы о чудесах, о святой жизни погребенных, о нетленности их тел, которые захоронены много десятков лет или века назад и до настоящего времени якобы сохранили облик умерших.

Без былого чувства умиления и благоговения я вошел в собор, переполненный людьми, пришедшими не молиться, и посмотреть на вскрытые мощи. Некоторые даже не сняли фуражки. Гробницы были раскрыты, а возле них на столах было выложено то, что скрывалось в гробницах годами под множеством покрывал, то, чему мы раньше поклонялись с такой верой и надеждой.

На столах лежало в лучшем случае подобие скелетов, в которых не хватало ряда главных костей, а на других столах просто находились кучки костей. Посетителям сообщалось, что при вскрытии гробниц кроме специально назначенной комиссии от рабочих, крестьян и интеллигенции присутствовало множество

народа.

На лицах окружающих я видел удивление и смущение или злобу, слышал, как многие говорили: "Долго же нас попы дурачили!"

Вернувшись домой, я рассказывал много-много раз о виденном и слышанном в соборе. Сначала беседовал об этом в своей деревне, а потом и в других деревнях. Отец Михаил, священник Семеновской церкви, дважды просил моего глубоко верующего отца воздействовать на меня, чтобы я прекратил богохульство и не вводил бы верующих в искушение. Но отец знал, что теперь меня уже не переубедишь и не переспоришь.

Во время этих бесед ко мне обращались со множеством вопросов, интересовавших в то время народ: что это за люди, которые поднялись на такое небывалое дело, как свержение царя? Зачем две революции, разве не довольно одной, чтобы кончить войну и дать землю? Больше всего интересовались Лениным, его жизнью, работой, замыслами на будущее.

Я рассказывал все, что сам знал: теперь мне понятно, насколько упрощенно отвечал я на некоторые вопросы, как часто желаемое выдавал за действительное; тогда мне, как многим, казалось, что победа социализма во всем мире совсем близка, потому что народы скоро поймут, где правда, и господам придет конец...

Но в стране разгорелось пламя гражданской войны, и я оказался одним из тех, кто должен был идти защищать добытую народом власть.

Как только я узнал о призыве В. И. Ленина: "Все силы рабочих и крестьян, все силы Советской республики должны быть напряжены, чтобы отразить нашествие Деникина и победить его, не останавливая победного наступления Красной Армии на Урал и Сибирь", мое решение было принято.

Мать плакала: мы уже потеряли двух сыновей, пусть теперь повоюют те, кто не нюхал еще пороха. Сестры, помогая матери, плакали еще усердней. Отец лежал больной на лавке, молчал и лишь временами тяжело вздыхал. Наконец он сказал:

- Перестаньте плакать. Санька воевал четыре года, и ничего с ним не случилось, бог даст, не случится и на этот раз. Дом мы почти обстроили, Михаил у нас уже стал большой... Не терзайте Санькино сердце, ему и так не легко!

Обращаясь ко мне, он сказал еще:

- Ты, сын, решил правильно. Если за царя пришлось воевать, то кто же Советскую власть защищать будет, как не мы?

После этого он снова замолчал.

Распрощавшись с родными и знакомыми, мы с одним из моих

друзей детства, Николаем Редковым, направились в Шуйский военкомат.

Службу в Красной Армии я начал с 1919 года красноармейцем, потом командовал взводом, эскадроном, а в боях с белополяками в 1920 году командовал уже полком и отдельной Башкирской кавалерийской бригадой.

Если издавна вошло в поговорку: "Плох тот солдат, который не надеется стать генералом", то в царской армии то была лишь сказка. При Советской власти, в Красной Армии, эта поговорка стала реальной возможностью.

За время гражданской войны видано и пережито было много, но, к сожалению, никаких записей я не вел, и многое теперь забылось. Забылись и имена многих отважных, прекрасных, преданных нашему общему делу людей, с которыми пришлось тогда, вместе воевать. Расскажу лишь самые характерные из тех эпизодов, которые сохранились в моей памяти.

Это было в августе 1919 года. Деникинцы наступали на Киев с юга и востока, а петлюровцы - с юго-запада и запада. Кавалерийский эскадрон Крепостного Киевского полка, в котором я находился, оборонял подступы к Киеву со стороны станции Бровары. Сначала мы вели бой спешенными, потом получили приказ атаковать залегшего перед нами противника в конном строю, и, несмотря на то что наш эскадрон был малочисленным, а приказ противоречил логике ведения боя, мы атаковали, да еще так удачно, что захватили позиции деникинцев и взяли пленных.

В этом бою моего коня прострелили двумя пулями. Вместе с ним и я упал в канаву, где нашел белогвардейца, которого мой конь, падая, чуть не придавил; он тут же сдался. Лишившись коня, я снял седло, положил его на плечи пленному и приказал ему идти в указанном мною направлении. В то время потеря коня, да еще и седла, считалась для кавалериста большим несчастьем. Запасных коней и седел не было, и потому это нередко кончалось тем, что кавалериста отправляли в пехоту. Но в этом бою у нас выбыло из строя людей больше, чем лошадей, а потому к вечеру я получил другого коня, и еще лучше.

На другой день я был послан для связи с соседом. Поскольку я уже имел немалый боевой опыт, то понял цену выражения командира, когда он сказал: "Сосед должен находиться вон в том лесу или на его опушке".

Спокойно преодолев поле, я к лесу подходил с большой осторожностью. Когда вошел в него, то вскоре услыхал песенку и, остановясь, нашел глазами того, кто ее пел. Это был человек в гражданской одежде, с винтовкой за плечами, с большим красным бантом на груди. На мой вопрос, где находится наша ближайшая

пехота, он ответил: "Иди по опушке, там увидишь".

Проехав еще с полверсты, я увидел человек 25-30 пеших Они кричали и крепко ругались. Винтовки у них были за плечами, казалось, они собираются куда-то идти и о чем-то не могут сговориться. Приблизившись, я различил слова: "А что ты нам сделаешь? Пошел ты... Без тебя обойдемся..."

Не доходя до них шагов тридцать, я спросил: "Вы такого-то полка?" Получил дружный утвердительный ответ. Последовал и встречный вопрос: "А тебе что надо?" Не отвечая на вопрос, я спросил: "Кто из вас командир?" Ответил тот, кому группа возражала и угрожала. Он стоял в центре толпы и попытался подойти ко мне, но несколько человек его грубо удержали. Подозрение, возбужденное отдельными услышанными фразами, заставило меня приготовиться ко всему. Это было не лишним: ко мне подошел один из наиболее "активных", взял лошадь за уздечку и предложил сойти. Все стало ясно. Взмахнув клинком, я категорически приказал: "А ну, оставь коня!" Крикун увернулся от удара, а я поскакал по опушке. Мне несколько раз выстрелили вслед.

Наутро мы узнали, что от левого соседа, находящегося в лесу, взвод пехоты перешел к белым, убив своего командира. После этой новости стало совсем понятно, что меня ожидало, если бы я слез с лошади.

В те годы в Красную Армию проникали порой анархические, полууголовные, а то и прямо бандитские элементы, причинявшие много зла.

Когда мы отходили к Чернигову, в нашем эскадроне было много молодых рабочих, добровольно пришедших в армию, ранее в ней не служивших. Они были готовы умереть за наше общее дело, но не умели как следует стрелять, рубить, ездить на коне, о строе и боевых порядках конницы имели смутное, представление.

Командир эскадрона и политрук были людьми исключительной преданности делу революции; любое затишье между боями они стремились использовать, чтобы научить своих подчиненных самому необходимому.

Однажды командир эскадрона проводил с нами занятия. Оказавшись во время перерыва вместе с командиром в стороне от других, я сказал ему, что обучать лучше не так, как обучает он, а как написано в кавалерийском уставе. Командир выслушал меня внимательно и сказал: "Я в коннице не служил, устава конного не знаю. Попробуй позанимайся сам - я посмотрю, как у тебя получится".

Занятие провел я. Командир пристально следил за мной и по окончании сказал: "Учил хорошо, впредь по конному делу заниматься будешь ты, а стрелковое дело я возьму на себя". Вечером он подозвал меня к себе и тихо спросил: "Слушай, да ты не из этих ли, не из бывших?" Получив отрицательный ответ, он успокоился.

Это было в селе Ядуты.

Наш эскадрон под давлением превосходящих сил белых вскоре вынужден был оставить это село в отойти в соседнее, всего в семистах метрах. Командир получил нагоняй от начальника и приказ вновь овладеть Ядутами. В то время он меня уже крепко уважал и спросил меня: "Как же нам быть?"

Сначала надо было произвести разведку. Желающих оказалось трое. План был прост; кустарником, огибавшим справа село, выйти в его тыл и у работающих в поле крестьян узнать, сколько белых туда вошло. Село мы обошли без осложнений, вышли кустарником на его противоположный край. Я оставил товарищей и свою лошадь, а сам направился к работавшему неподалеку крестьянину. "Сколько белых в селе?" - спросил я его. Он ответил: "Дуже богато". Я называл цифры 100, 300, 500 человек, ответ был один: "Бильше, бильше..." Вернувшись к

товарищам, я поделился полученными сведениями. Они решили, что мы узнали достаточно, чтобы не атаковать село одним эскадроном. Но мне пришла в голову мысль - проскочить село, ворвавшись с тыла, и лично убедиться, сколько это "дуже богато"; я рассчитывал, что противник не успеет сделать по нас и выстрела. Несмотря на то что план был, можно сказать, бесшабашным, он был принят моими товарищами единогласно.

К селу мы подъехали шагом, потом перешли на рысь, а по улице скакали галопом, обнажив клинки и громко крича "ура". Белых в селе было действительно очень много: одни сидели подле хат, другие группами ходили по широкой улице. Но, увидя нас, они, как брызги из-под лаптей, разбегались во все стороны и скрывались в огородах и садах.

Мы на это и рассчитывали - на то, что нас примут за головных отряда, атакующего село с тыла, и не посмеют на нас напасть.

Когда мы еще были в этом селе, командир нашего эскадрона помещался в доме священника; мы были уверены, что и теперь в этом доме, лучшем во всем селе, находятся офицеры или штаб. А от успеха у нас закружилась голова. Подлетев к поповскому дому, мы с Николаем соскочили с лошадей, бросили поводья Сереже, вбежали в дом... и увидели лишь зады офицеров, удиравших в сад! Мы взяли по небольшому чемоданчику, а я прихватил еще револьвер, лежавший на столе.

Снова помчались по селу с криками, держа в левой руке поводья и чемодан, а в правой обнаженный клинок. Мы знали, что главная опасность ожидает нас на выходе из села в сторону наших войск: находящееся там охранение должно было быть готово к открытию огня. Но белых так ошеломила наша выходка, что мы проскочили мостик через ручей на окраине, не услышав ни одного выстрела, и, только когда мы находились уже в трехстах метрах от села, стали раздаваться сначала отдельные выстрелы, а потом был открыт пулеметный огонь.

Мы вернулись невредимыми, да еще с трофеями. В чемоданах оказалось чистое белье, и это было очень кстати: запасного белья не было, и мы очень страдали от насекомых. Револьвер же, хотя и устаревшей системы, я сохранял до 1937 года - он был памятью о молодости и о нашей дерзкой выходке.

Вскоре после этого случая я стал командовать взводом.

Наш эскадрон влился в кавалерийский полк 60-й стрелковой дивизии. Однажды полк наступал на одно село, но успеха не имел. Несколько командиров собрались на дороге около командира полка Акулова, обсуждая создавшееся положение. Уже стемнело. Обсуждали вопрос о ночевке: возвращаться назад было

далеко, а ночевать в поле холодно. Командиры считали, что нужно сделать еще одну попытку захватить село.

Я предложил при атаке села полком с фронта одним эскадроном атаковать во фланг. Акулов, покуривая трубку, подошел ко мне и спросил: "А ты кто такой?" "Командир взвода третьего эскадрона", - ответил я. "Так ты говоришь эскадроном во фланг?"

Я ответил утвердительно. Тогда командир сказал, что село будем атаковать снова через час тридцать минут: "Готовьтесь!" Обращаясь ко мне, он добавил: "А ты попробуй со взводом пробиться и ударить во фланг или с тыла, да наделай побольше шума".

Село, о котором шла речь, имело одну улицу с севера до церкви и две улицы от нее на юг и юго-восток. Путь отхода противника лежал на юг. Когда полк начал атаку, наш взвод ворвался в юго-восточную часть села. С криками и стрельбой мы захватили первые десять хат, тесня слабо сопротивлявшихся белогвардейцев к церкви.

Через час противник оставил село, и мы в нем заночевали.

Трудно сказать, велика ли была помощь, которую оказал наш взвод в овладении селом, но с тех пор командир полка стал меня замечать, и вскоре я получил в командование эскадрон. В конце 1919 года я был принят в партию. В то время я почти ничего не знал о марксизме, но хорошо знал, что Ленина глубоко ненавидят все богатые люди и их прихвостни, что Ленин всю свою жизнь посвятил борьбе с капитализмом, за светлое будущее для рабочих и бедняков. Я давно был убежден, что идти нужно было только за Лениным, быть вместе с большевиками. Но именно такое понимание высокого звания коммуниста заставляло меня откладывать вступление в партию. Я думал так: коммунист должен, как Ленин, жить для других, а я еще не дорос до этого, мне хочется жить и для себя, жить получше, чем сейчас. И, только узнав близко коммунистов в армии, я понял, что если смогу когда-нибудь стать лучше, чем есть, то в этом мне поможет работа с товарищами по партии, под руководством Ленина. А уж если придется умирать, то пусть я умру коммунистом.

Однажды в начале 1920 года, когда мы уже теснили белых на юг, от нас ушли в разведку семь всадников. Вернулось пять. Старший из них рассказал: "Мы двинулись к селу, что в девяти километрах от нас, подходили с осторожностью, выслали в дозор двоих. Они вошли на окраину и дали сигнал, что противника нет. Мы дали ответный сигнал "Продвигаться вперед", а сами направились к селу. Наш дозор, наверное, что-то заметил. Мы видели, как они повернули коней и поскакали обратно. Но в это

время по ним открыли огонь, и они попадали с лошадей один за другим. Обстреливали и нас, но мы ускакали. Отскочив за бугорок, спешились и полчаса следили за селом - не подойдут ли наши, пешком или в седле, но их все не было. Не выходил из села и противник".

На другой день кавалерийский полк 60-й стрелковой дивизии после непродолжительного боя занял это село. От жителей узнали, что у наших дозорных были подстрелены лошади, а после этого захватили их самих. Захваченных сильно били, все расспрашивали, какой они части, сколько у нас конницы, кто командует. Но они ничего не сказали. Когда белые кавалеристы отходили - а их было человек пятьдесят, - обоих захваченных посадили на лошадей, в крови и босых. Так босыми ногами и опирались они ни железные стремена, хотя мороз был сильный.

За следующее село разгорелся сильный бой. Овладели мы им, когда было уже темно. В середине села увидели повешенных, на дереве двух наших кавалеристов. У обоих на обнаженном теле были вырезаны большие пятиконечные звезды.

Эскадрон, которым я командовал, был размещен на ночевку в этом же селе, на южной окраине. На нас было возложено охранение этого направления. Мы поставили полевой караул на дороге, идущей в сторону противника. Поздно вечером начальник караула привел ко мне крестьянина, ехавшего с той стороны. Из расспросов выяснилось: белые, когда стояли здесь, забрали у крестьян зерно, погрузили его на пятьдесят подвод и велели везти из села. Обоз конвоировали пять всадников. Но часа два назад белогвардейцы ускакали на юг, а крестьянам приказали гнать обоз в ту же сторону. Задержанный нами - один из пятидесяти возниц. Остальные его товарищи находятся на постоялом дворе в семи километрах отсюда. А шел он узнать, кто сейчас в родной деревне - красные или белые?

Хозяин хаты, в которой я остановился, подтвердил, что все рассказанное крестьянином - правда.

Обо всем этом я немедленно доложил командиру полка и вызвался поехать на постоялый двор, чтобы вернуть подводы с хлебом. Командир согласился, но предупредил, что надо быть весьма осторожным, иначе можно попасть в лапы врага и разделить судьбу двух погибших разведчиков. Быстро собравшись, я взял с собой двух красноармейцев - одного пешего, а другого конного. Мы с пешим сели к подводчику в сани, а конного я послал вперед, чтобы он держался в трехстах шагах от нас и, заметив хоть что-нибудь подозрительное, предупредил нас окликом или выстрелом.

Ночь была морозная и ясная, луна лишь изредка скрывалась

за облаками, так что мы почти все время видели нашего конного. Проехав около трех верст, мы оказались вблизи хутора. Подождали, пока конный осмотрел хаты, и снова двинулись в путь.

Через час крестьянин обратил наше внимание на силуэты высоких деревьев это и был постоялый двор.

Подъехали к нему. Я приказал сидевшему в санях красноармейцу проехать шагов полтораста вперед и там внимательно смотреть: если появится противник стрелять. Конного я оставил у ворот, а сам с крестьянином вошел в большой открытый двор. Тишина нарушалась лишь лошадьми, пережевывающими сено. Мы вошли в большой приземистый дом. Там слышался дружный храп. Стуком приклада о пол я разбудил спавших и спросил хозяина: "Есть ли здесь красные?" "Нет". - "А белые?" - "Тоже нет". Тогда я предложил зажечь свет; до этого мы разговаривали в темноте. Пока хозяин зажигал лампадку, все уже проснулись. Я объявил крестьянам, что в их село пришли красные и можно везти зерно обратно. Вначале они не поверили. И лишь когда мои слова подтвердил крестьянин, которого они посылали в разведку, все быстро вскочили, бросились во двор и начали поспешно запрягать лошадей. Приказав своему конному, стоящему у ворот, поторапливать крестьян, а сам отправился к красноармейцу, который остался при санях. Только он успел сказать, что все благополучно, как сзади нас, из-за постоялого двора, стали выбегать на дорогу вооруженные люди, человек двадцать пять. Тут мы почувствовали полную обреченность: снег был глубокий, свернуть с дороги невозможно.

Во дворе в это время наступила полная тишина.

Группа вооруженных направилась к нам. Я тоже пошел им навстречу, спросил: "Вы кто?" "Подойдешь - скажем". Теперь уже не я, а они спрашивали злыми голосами: "Кто ты?" Мне мгновенно вспомнились два повешенных разведчика, и я резко ответил: "Я красный командир". С их стороны раздались злобные, насмешливые крики: "Ах, так ты красный командир? Красный, говоришь?" Эти секунды показались мне часами.

В это время красноармеец с саней крикнул мне: "Товарищ командир, кто это?" Один из окружившей меня толпы еще раз крикнул с угрозой: "Так кто же ты?!" Другие в это время зажигали спички и подносили их к моему лицу. И вдруг раздались радостные возгласы: "Так он действительно красный командир!" Они увидели звезду на шапке и начали меня обнимать. Люди эти оказались красными партизанами; в последнее время их положение было очень тяжелым.

На дворе снова загомонили. Заскрипели ворота, и под общий

радостный говор подводы стали выезжать. Партизаны притащили двух связанных баранов, ведро меду и положили к нам в сани - подарок. Мы выступили вместе.

Через полтора часа были в своем селе. Утром партизаны попросили, чтобы их зачислили в наш полк. А крестьяне подарили нам несколько возов муки. Продолжая продвигаться к Кременчугу, мы почти в каждом населенном пункте находили то одного, то двух повешенных крестьян-бедняков, а в одном селе вынули из петли семь трупов; у каждого на груда была фанерная дощечка с надписью: "Ограбил помещика".

После освобождения Кременчуга наш кавполк был переброшен в район города Нежин, где из отдельны" кавполков сформировалась 17-я кавалерийская дивизия. Она вошла в состав Юго-Западного фронта, все полки получили новую нумерацию. Наш был "произведен" в 100-й кавполк.

Весной 1920 года в Крыму еще хозяйничал Врангель, на западе некоторые наши территории удерживали белополяки, Дальний Восток еще не совсем был очищен от интервентов и банд, а Средняя Азия - от басмачей, и в Закавказье держались мнимо национальные правительства, с потрохами продавшиеся иностранному капиталу. Однако почти на всей территории России была восстановлена Советская власть.

Антанта не могла примириться с провалом своих контрреволюционных усилий. Готовили к военным авантюрам помещичью Польшу.

С конца 1919 года Польше было предоставлено (главным образом Францией) 1500 артиллерийских орудий, 650 самолетов, 800 грузовых автомобилей, в избытке стрелковое вооружение, снаряжение, обмундирование. В Польшу возвратилась сформированная во Франции семидесятитысячная армия "легионеров" под командованием генерала Галлера. К 1920 году Польша имела хорошо оснащенную новейшей техникой полумиллионную армию.

Одновременно штабы Антанты оснащали и армию Врангеля, согласовывая действия польских интервентов и последних организаторов внутренней контрреволюции, активизировали действия всех банд, по преимуществу петлюровских.

Линия фронта на западе проходила по Чудскому и Псковскому озерам, по линии городов Опочка, Полоцк, Романов, Могилев-Подольский и далее по реке Днестр.

Ленин и Реввоенсовет Красной Армии, внимательно следя за подготовкой польской армии и за растущей агрессивной пропагандой в Польше, стремились, насколько возможно, усилить слабые по численности и вооружению Западный и Юго-Западный

фронты. Туда перебрасывали целые соединения с востока и юга, посылали в части тысячи коммунистов.

1 марта 1920 года вновь сформированная 17-я кавалерийская дивизия была переброшена восточнее Новоград-Волынска, недавно захваченного белополяками. Наш 100-й кавполк занимал район деревни Клара и села Андреевичи.

Вначале казалось, что, совершив провокационное нападение, интервенты остановятся. Но они продолжали наступать, втягивая нас в войну. Мой эскадрон, оборонявший село и железнодорожную станцию Андреевичи, под напором противника отошел в деревню Катюха.

Мне казалось, что 17-я кавалерийская дивизия должна восстановить положение, и я был очень рад, когда командир нашего полка попросил меня подыскать проводника, хорошо знающего этот лесной и хуторный район. У меня на примете был человек, который ранее сам предлагал свои услуги, но он жил в селе Андреевичи, захваченном теперь белополяками. Я решил проникнуть в Андреевичи и привезти его, хотя командир полка обращал мое внимание на сложность и опасность этого предприятия.

В следующую ночь, взяв с собой одного красноармейца, я отправился в путь. Ночь была светлая, мороз небольшой. Шли лесом без дорог, по азимуту. Расстоянии в семь верст прошли за два с половиной часа. Вышли на опушку леса и в полуверсте увидели село; ближе, на бугорке, возле дороги, стояла мельница. Дальше мы пошли лощиной. Когда очутились в двухстах шагах правее мельницы, заметили возле нее двух польских часовых. Это было охранение.

В селе - ни звука. Нам нужно было выйти к церкви, так как неподалеку от нее жил нужный нам человек. В окнах хат, с виду получше других, горели тусклые огоньки. Заглянув в одно окно, я увидел спящих на полу солдат. Незаметно подошли к нужному нам домику и тихо постучали в окно. Только после третьего стука услыхали шушуканье. Наконец мужской голос из хаты спросил: "Что надо?" Окликнув его по имени, я назвал свою фамилию и просил пустить в хату. Снова молчание, потом мы услышали тихий разговор, вздох, и дверь открылась. Я вошел один, а красноармейца оставил у двери, в укрытии. Услышав, зачем я пришел, жена моего знакомого заплакала; "Как это можно идти в ту сторону? Не пущу!" Муж ее уговаривал, потом замолчал и наконец, оборотясь ко мне, сказал: "Хорошо, пойдем. А ты, жена, не плачь. Я скоро вернусь". На прощание я сказал женщине, что мы дадим ее мужу хорошего рабочего коня. Но она, горько плача, все повторяла: "Не пущу, не пущу". Я уже начал опасаться, как бы

муж не раздумал, но он коротко сказал: "Будут меня спрашивать, скажи - ушел покупать лошадь. Да запри за нами". Мы вышли.

Двое суток спустя дивизия выступила двумя колоннами. Два полка, пользуясь указаниями проводника, удачно прошли лесными дорогами в тыл противника и уничтожили небольшой гарнизон в деревне; но выстрелы выдали нас, и в следующей деревне мы были встречены огнем. В то же время польские отряды были обнаружены за нашим правым флангом. Позади, через болотистую долину, тянулась гать, на которой остановился наш обоз на полозьях и на колесах.

Бой затянулся. Противник, получив подкрепление, стал нас теснить к гати, и положение становилось критическим. Я предложил командиру полка послать один-два эскадрона в тыл врага, чтобы отвлечь его внимание, а тем временем очистить от обоза гать и обеспечить себе отход. Командиры полка и дивизии этот план одобрили и дали мне еще один эскадрон.

Используя перелески, мы обошли фланг вражеской пехоты и пошли по тылам наступающих польских войск. Они почувствовали наше появление в своем тылу, болезненно на это реагировали и не только прекратили наступление, но и повернули главные силы на запад - против нас, скачущих по тылам. Наше же положение было исключительно тяжелым: мы скакали узкой, растянувшейся колонной между жердевыми заборами, а противник, наступая, обстреливал нас справа во фланг с расстояния пятисот шагов. Я повернулся, чтобы посмотреть на скачущих за мной людей, и увидел, что их мало. Подумал: где же остальные? В эту же минуту я почувствовал сильный удар в голову; из уха по щеке потекла кровь. Я даже не заметил, как выпал клинок из моей руки, понял только, что ранен в голову, что могу скоро потерять сознание. Полой шинели закрыл ухо и щеку, но продолжал скакать. Мне казалось, что жить мне осталось минуты, и я подумал о тех, кто скакал вслед за мной: не выбраться им без меня из тыла противника, погибнут они... Я громко сказал тем, что были ко мне ближе других: "Видите впереди высокие деревья? Скачите до них, круто поверните направо и держитесь на восток, тогда выйдете к своим".

После этого мне стало легче на душе.

Ко мне подскакали двое красноармейцев, готовые подхватить меня, если буду падать. Но я видел, что вот мы уже у деревьев, нас перестали обстреливать, а я еще держусь на коне. Мне помогли сойти с лошади, сделали кое-как повязку, и мы стали поджидать отставших. Ждали напрасно. Выслав дозор вперед по нашему пути, мы тронулись на восток и через три часа

присоединились к своим. Я всю дорогу думал о том, что два пошедших со мной эскадрона потеряли много людей. Ругал себя и за то, что не отпустил вовремя проводника и не дал ему обещанную лошадь, - наверное, он погиб. Подъехав к командиру полка, в первую очередь спросил о проводнике; он ответил, что проводник отпущен домой с обещанной ему лошадью. Потом я доложил о своих действиях, о больших потерях и с великим счастьем узнал, что временно подчиненный мне эскадрон и та часть моего эскадрона, которую я считал погибшей, попав под сильный обстрел, вернулись обратно и уже более часа находятся в полку.

Комполка сообщил, что наш удар по тылам противника был весьма удачен: белополяки прекратили наступление и обоз получил возможность отойти. Потерь в обоих эскадронах оказалось немного: один убитый и пять раненых (в том числе я). Мое ранение было сквозным: входное отверстие находилось в правой щеке, ниже глаза, а выходное пришлось за ухом, но самочувствие у меня было бы хорошее, если бы не потеря крови.

Лежа на госпитальной койке, я много раз возвращался в мыслях к тому, что пережил в момент ранения. Я все время задавал себе вопросы и искал на них ответы. Почему, ожидая смерти через несколько минут, я не испытывал сожаления, что расстаюсь с жизнью? Почему не боялся встретить смерть?

Объяснял себе это так: мысль о тех, кто были со мной, вместе сражались и могли погибнуть, настолько мной завладела, что я не мог думать о себе. "А может быть, - размышлял я , мне уже удалось, хоть чему-то научиться, принадлежа к партии Ленина?"

Я добросовестно проверял себя: что нового появилось во мне? И хотя ничего определенного на этот вопрос ответить но мог, одно сознание того, что я, Санька Горбатов, - коммунист, что я принадлежу к партии Ленина, давало мне удовлетворение.

В Житомирском госпитале я пролежал четырнадцать дней и 1 апреля вернулся к себе в полк, который находился в селе Каменный Брод, юго-восточнее Новоград-Волынска.

Во второй половине апреля белополяки внезапно перешли в наступление на всем Юго-Западном фронте и в первый день глубоко вклинились в нашу территорию. Некоторые наши полки оказались отрезанными, потеряли связь со штабами дивизий и были вынуждены драться и отходить, не зная обстановки.

Большая часть нашего полка отходила южнее шоссе на Житомир. Ведя бой, мы задержались больше, чем нужно, и на подходе к реке Тетерев, юго-западнее Житомира, попали под огонь польской пехоты, уже находившейся на правом берегу реки фронтом на запад. Тетерев - река неглубокая, но с обрывистыми

берегами, труднопроходимая для конницы. Мы не стали прорываться здесь на восток и, зная, что другие полки дивизии отходят севернее шоссе, решили перейти его западнее Житомира.

Повернули лесной дорогой на север. В Житомире была слышна стрельба. Пересекая шоссе, увидели обоз противника из тридцати трех повозок, идущий к городу, и захватили его. Пройдя по лесу версты четыре, сделали привал у ручья. Наши кавалеристы использовали привал не только для отдыха и кормежки лошадей, но и для того, чтобы из захваченного обоза пополнить свои запасы продуктами, присланными Польше из Франции и США. Наши кавалеристы со смехом перекладывали в переметные сумы своих седел американские галеты и консервы.

После привала прошли на север, еще верст шесть и услышали сильную перестрелку на востоке: должно быть, там шел бой. Решили ударить по противнику с тыла и тем помочь нашим. Атаковав белополяков, мы соединились с одним из полков 58-й дивизии, взяли более сорока пленных, шестьдесят шесть хорошо упитанных лошадей, десятка три повозок, большой запас продовольствия и немного обмундирования. Однако под давлением противника пришлось отходить на Киев севернее шоссе.

На киевском направлении наступала многочисленная и хорошо оснащенная 3-я армия белополяков, а против нее на широком пространстве между железными дорогами, идущими из Киева на Коростень и Бердичев, у нас находились лишь две стрелковые и одна кавалерийская дивизии. Противник в пять раз превосходил нас силами.

С болью в сердце оставляли мы Киев. Трудно было объяснить красноармейцам: не успели или пожалели мы взорвать украшающий город цепной мост через Днепр. Интервенты захватили невзорванные мосты и мощный железнодорожный узел Дарница. Они намеревались продолжать свое наступление, но в Дарницких лесах встретили такое мощное сопротивление, что застряли и не смогли запять Бровары и Борисполь.

После отхода за Днепр 17-я кавалерийская дивизия была расформирована. Из нее были сформированы два кавалерийских полка и переданы один в 7-ю, а другой - в 58-ю стрелковую дивизию. Я был назначен заместителем командира кавполка 58-й стрелковой дивизии, но фактически им командовал, поскольку командир полка длительное время болел. Наш полк оборонял восточный берег Днепра южнее Дарницы, почти до Триполья.

В первые дни июня, когда 1-я Конная армия и фастовская группа войск перешли в наступление на правобережье, а Днепр был форсирован севернее Киева 7-й стрелковой дивизией и

Башкирской кавбригадой, наш кавполк получил приказ командира 58-й стрелковой дивизии Княгницкого форсировать Днепр между Киевом и Трипольем. Долина реки в этом районе была широкой - до трех верст, поросла кустарником, и ее пересекало множество проток, наполненных вешней водой. Правый берег реки был командным.

Мы отправились с комиссаром полка Шумиловым, начальником штаба и командирами эскадронов на рекогносцировку. Проехали по берегу и пришли к единому мнению - форсировать реку в конном строю невозможно из-за быстрого течения, не говоря уже о том, что за рекой надо еще будет преодолевать протоки, а полк полностью утратит боеспособность, ибо до того берега доплывут лишь единицы.

Наше мнение было доложено командиру дивизии. Получили короткий ответ: "Под страхом расстрела командира полка форсировать реку. Княгницкий". Мы снова выехали к реке и еще больше утвердились в своем мнении. Но приказ есть приказ! Что же делать?

Когда-то я переплывал Волгу у Кинешмы. Конь у меня был лучше других. Я решил попробовать. Уж если мне не удастся переплыть, то другим тем более это будет не по силам. "Если потону, - думал я, - комдиву некого будет расстреливать, а остальные спасутся от верной и напрасной гибели".

Место форсирования было выбрано там, где ширина реки была примерно метров четыреста, а в трехстах метрах от берега из воды выступала длинная песчаная коса, на которой можно было сделать передышку. Я решил плыть налегке: разделся донага, с лошади снял седло. Как только лошадь, потеряв землю, поплыла, я спустился с ее спины и тоже поплыл, левой рукой держась за гриву, а правой за повод. Отплыв метров двадцать пять, мы очутились в водовороте. Лошадь отбросило, она поплыла против течения, сильно забив передними ногами. Опасаясь получить ушиб, я отпустил повод. Воспользовавшись этим, лошадь поплыла к своему берегу, выйдя на него, встряхнулась и заржала от радости.

"Поплыву на правый берег, - решил я, - осмотрю его своими глазами".

Весной того года я еще ни разу не купался. Вода оказалась довольно прохладной. Это, а также желание поскорей попасть на песчаный остров заставляли меня усиленно работать и руками, и ногами.

Учитывая силу течения, я зашел в воду шагов на пятьсот выше косы. Но просчитался. Несло меня куда быстрее, чем я ожидал. Вот уже песчаная отмель поравнялась со мной. До нее

метров пятьдесят. Но течение увлекает меня. От боязни не попасть на остров холод начал пробирать вдвойне. Напрягаю все силы, а спасительная отмель все дальше.

Меня охватил дикий страх: на остров я не попадаю, а до берега не доплыву, потому что выбился из сил. К тому же ногу начала сводить судорога. Трудно описать, какое отчаяние я пережил в эти минуты.

Последние силы покидали меня, и вдруг - о, радость! - нога коснулась дна под водой тянулась песчаная отмель. Как только я почувствовал землю, боль от судороги в ноге стала утихать. Хромая, я вышел на сушу и повалился на согретый солнцем песок. Но отдохнуть мне не дали. Послышались крики с нашего берега. Товарищи подавали мне какие-то знаки и показывали вниз по течению, в сторону Триполья. Присмотревшись, я увидел сначала дымок, а потом и броневой катер поляков, который поднимался вверх по течению. Я снова бросился в воду. Но теперь берег все время был у меня перед глазами, он не мог скрыться, как песчаный остров. Я плыл спокойно и, выйдя на берег, почувствовал, что еще остался запас сил.

Мы скрылись в зарослях. Польский катер подошел к месту, где мы перед этим находились, обстрелял кусты из пулемета и повернул снова к Триполью.

Я донес командиру дивизии о своей неудачной попытке, и он больше не настаивал на форсировании реки.

Через несколько дней мы в пешем строю наступали вместе с 58-й стрелковой дивизией вверх по Днепру - на Дарницу. Противник начал отходить, а мы преследовали его уже в конном строю. Мы спешили к красавцу - Киевскому цепному мосту, чтобы захватить его целым.

Во время гражданской войны красные командиры считали правилом при отступлении отходить последними, а при наступлении идти впереди. Правило это я выполнял добросовестно, да и могло ли быть иначе?

Атака наша была яростной. Обгоняя отступавших интервентов, мы спешили к мосту. Расстояние все уменьшалось. Уже было видно, что мост на всем протяжении забит вражескими войсками. Но, когда мы были в двадцати метрах от моста, белополяки его подорвали. Раздался грохот - и медленно вместе с людьми мост погрузился в воду. Жаль было красивый и такой нужный Киеву мост! Но мы благодарили судьбу, что на какие-то секунды опоздали въехать на него - не то н мы оказались бы в Днепре!

Вскоре Киев был освобожден от иноземных завоевателей. Мы преследовали их в направлении на Коростень, Емельчино,

Степань, Колки, Ковель, Грубешов, форсировали реки Случь, Горынь, Стырь, Стоход и Западный Буг.

После взятия нами Коростеня конница в составе отдельной башкирской кавбригады, 2-го Доно-Кубанского полки и кавполков 58-й и 7-й стрелковых дивизий была объединена в кавалерийскую группу, которую возглавил А. А. Голиков, молодой и способный командир 7-й дивизии. Я был назначен командиром 2-го Доно-Кубанского кавполка. Получив полк, я был, конечно, рад, но в то же время испытывал опасение: справлюсь ли? Лучше быть отличным командиром эскадрона, чем посредственным командиром полка.

Доно-Кубанский полк я немного знал - он входил в нашу конную группу. Знал, что многие из его людей прежде воевали против Красной Армии. Еще в кавалерийском полку 58-й стрелковой дивизии мне крайне не нравилось грубое отношение некоторых казаков к крестьянам, их бесшабашность, пренебрежение к засеянным полям. Все дело было в том, что они себя чувствовали кастой, притом высшей. Даже командир полка, если он не казак, был для них как бы чужим человеком.

В первую ночь у меня из-под головы казаки выкрали сапоги. Пришлось пробыть босым пять часов, пока ординарец не привез другие от комиссара кавполка 58-й дивизии Шумилова.

Но потом взаимоотношения у меня с подчиненными наладились.

Запомнились некоторые случаи за короткое время командования этим полком.

Мы подошли к городу Ковель, с окраин которого нас встретили сильным огнем. Подумали и решили - оставить кавалерийский и пулеметный эскадроны для наступления с востока, а главными силами полка обойти город с севера и северо-запада. Преодолев слабое сопротивление, ворвались в город. Во главе одного из эскадронов я скакал по направлению к центру и увидел, что белополяки спешат покинуть город, но одна из групп задержалась, выставила четыре станковых пулемета и начала стрелять вдоль главной улицы. На наше счастье, поблизости оказался переулок, и мы укрылись в нем, оставив лишь двух раненых. Плохо пришлось бы нам, если бы не этот переулок! На площадь мы ворвались уже по другой улице вместе с другим, эскадроном.

Наибольшие потери противник понес от огня спешенного эскадрона, который мы оставили на западной окраине города, на путях отхода противника.

Мы овладели большим городом, крупным железнодорожным узлом, потеряв всего трех человек убитыми. Вит что значит

обходное движение.

В одном из сел 2-й Доно-Кубанский полк ночевал вместе с кавполком 7-й стрелковой дивизии. Упоенные успешным наступлением, учитывая сильную усталость людей, мы проявили к ним излишнюю жалость - всем разрешили спать и выставили на ночь слабую охрану. Сам я спал в саду. На рассвете услышал редкую стрельбу и крики в селе. Чувствуя что-то неладное, вскочил, оделся. Стрельба и крики все усиливались. Через несколько минут выяснилось, что интервенты ворвались в наше село. Я видел, что все мои кавалеристы скачут в назначенное для сбора место за селом, дал дополнительные указания и сам направился туда же. При подсчете на сборном месте не оказалось тридцати пяти бойцов и командира 3-го эскадрона, бывшего белого офицера. По соседству собрался кавалерийский полк 7-й стрелковой дивизии, в котором недосчитались 18 человек и четырех орудий с запряжками.

Я был уверен, что в селе войск противника меньше, чем нас, и предложил соседнему полку совместно атаковать село, но сочувствия не встретил. Тогда мы решили атаковать село одними доно-кубанцами, чтобы спасти своих, оставшихся в селе, а также и батарею. Я выстроил полк, сказал им: "Надо спасать своих и батарею" - и скомандовал: "Шашки вон, и атаку за мной марш, марш!" За мной никто не последовал. Скомандовал еще раз - тот же результат! У меня от досады выступили слезы. Но я в третий раз повторил команду. За мной последовало человек пятьдесят. Понятно, что об атаке нечего было и думать.

Через два часа противник оставил село, уводя наших пленных и батарею.

В конце октября я побывал в бригаде Котовского в встретил там ординарца комиссара кавполка 58-й стрелковой дивизии. Он рассказал мне, что комиссара Шумилова убили в одной из неудачных атак, а он сам попал я плен и очутился в польском лагере. Там он видел тридцать пять "пленных" из Доно-Кубанского полка вместе с бывшим командиром их эскадрона, который похвалился, что уже давно хотел перейти к белым, но все не было удобного случая, что они хотели с собой захватить командира полка Горбатова, искали его в то утро в штабе, да не нашли.

А я-то хотел спасать их, мерзавцев!

После того как мы освободили город Ковель, я был назначен командиром отдельной Башкирской бригады. До 19 августа 1919 года эта бригада входила в состав колчаковской армии и находилась в селе Туркмен, в районе Верхнеуральска. Потом революционно настроенные солдаты и офицеры, сговорившись

между собой, арестовали контрреволюционных офицеров и под командой Мусы Муртазина перешли на сторону Красной Армии. В бригаде было два полка - 850 сабель, 2 орудия, 16 станковых пулеметов. В скором времени башкиры сумели зарекомендовать себя стойкими борцами за Советскую власть. В боях против колчаковцев бригада имела большой успех, захватила 11 орудий, 28 станковых пулеметов и большой обоз.

1-й Башкирский кавалерийский полк также был сформирован колчаковцами. Он перешел на сторону Красной Армии в начале 1919 года, уничтожив офицеров, не желавших служить народу. Позднее полк был переброшен в район Петрограда, где отважно сражался против Юденича и получил Почетное Красное знамя от рабочих Петрограда.

Отдельная Башкирская кавалерийская бригада двухполкового состава в апреле 1920 года была переброшена с Восточного фронта в район Киева; в тот же район из Петрограда 15 мая был переброшен 1-й Башкирский кавполк, влившийся в бригаду третьим полком.

28 мая бригада ликвидировала крупную банду севернее Киева и за ее счет значительно пополнилась конским составом; 1 июня форсировала Днепр, овладела местечком Горностайполь и рядом деревень; потом совместно с 7-й стрелковой дивизией, вступив в подчинение к ее исключительно смелому и способному комдиву Голикову, успешно наступала, форсируя реки Случь, Горынь, Стоход, а 15 августа овладела городом Устилуг на реке Западный Буг. В это время я и вступил в командование бригадой.

20 августа в бригаду из Башкирии прибыла делегация от Военно-революционного комитета и политуправления башкирских войск, привезшая подарки: 200 пудов пшеничной муки, 20 пудов табаку, 3 пуда меду, 5 пудов мыла, 25 штук карманных часов, 10 стопок бумаги, 400 конвертов, - 4 дюжины карандашей и 500 конских арканов. Все это было распределено среди красноармейцев - в первую очередь давали отличившимся в боях. Теперь такие подарки покажутся несколько странными, но в то время, когда армия нуждалась даже в мыле, бумаге, конвертах и многом другом, получить подобный подарок было не только приятно, но и очень полезно, все эти предметы высоко ценились на фронте.

Перед строем полков было прочитано обращение правительства Башкирской Советской республики:

"Дорогие товарищи!

Мы узнали о вашей героической деятельности против польских белогвардейских банд. Этим вы доказали свою преданность делу рабочего класса, коммунизму, и мы шлем вам

горячий привет и посылаем подарки, собранные вашими братьями-башкирами. Посылая эти подарки, мы хотели засвидетельствовать солидарность между тылом и фронтом. Им должны бить уверены, защищая с оружием в руках интересы рабочего класса Советской России и Башкирии, что трудящиеся с сохой и молотом не забывают о вас и в любую минуту по требованию Советского правительства придут вам на помощь всем необходимым.

Да здравствуют красные кавалеристы Башкирии! Да здравствует единение тыла с фронтом! Да здравствует Башкирская Советская республика Российской Федерации!"

Бригада, оставив свои тылы в городе Устилуг, овладела Грубешовом, вышла западнее города Холм, подорвала три мостика на железной дороге Холм - Люблин и получила запоздалый приказ - отойти в район Грубешова.

Время клонилось уже к вечеру, люди и лошади приустали, но нужно было пройти еще тридцать километров до ночевки, так как мы далеко оторвались от наших войск.

После незначительных стычек с пехотой противника мы прибыли за час до полуночи в одно местечко, где решили остаться на ночь. От каждого полка выставили в охранение по эскадрону: все части и штабы расположились в местечке.

Около часа ночи я лег отдохнуть. Сквозь сон слышал, как кто-то спрашивал комбрига и что-то говорил о поляках, но усталость была так велика, что я не мог превозмочь сон. Не знаю, сколько я проспал, но, проснувшись, вспомнил, будто кто-то спрашивал меня. Вскочил - была полная тишина. Все спали мертвым сном. Разбудив дежурного, я узнал, что один башкир прибыл из соседний дивизии с донесением, что охранение выставлено, противника нет, но, когда он подъезжал к нашему местечку и был около кладбища, его оттуда окликнули по-польски. Долго мы искали кавалериста, привезшего донесение, и наконец нашли его среди спящих в сенях. С трудом разбуженный, он подтвердил то, что доложил дежурный.

Кладбище, о котором шла речь, было на юго-восточной окраине местечка, в направлении нашего отхода. Засада здесь грозила нам большой опасностью.

Было 4 часа утра. Связных мы послали в охраняющие эскадроны с приказанием: на рассвете сниматься и, не заходя в местечко, собираться в деревне, которая была в восьми километрах юго-восточнее его. Все отдыхающие части без шума были подняты по тревоге и построены на площади к пяти часам утра, но приказано им было выходить из местечка не на юго-восток, куда лежал наш путь, а на северо-восток.

Было еще темно. Не успела голова колонны выйти из местечка, как два пулемета противника начали обстрел его с той стороны, куда мы держали путь, и два пулемета - с северо-запада. Но пули летели поверх домов.

Головному эскадрону было приказано немедленно и самым решительным образом атаковать пулеметы противника, которые находились на нашем пути. Эскадрон с обнаженными клинками перешел на рысь, и вскоре раздались крики "ура", а через десять минут я получил доклад, что захвачены два пулемета и двенадцать пленных во главе с офицером.

От перепуганного молодого офицера узнали, что задачей его и соседних двух пулеметов было разбудить нас, вызвать панику и заставить выходить в юго-восточном направлении, где нас ожидали основные силы пехоты противника, включая и подразделения, засевшие на кладбище. Что мы можем выйти на северо-восток - этого они никак не ожидали.

Пройдя два километра, мы достигли леса и пошли по его опушке в юго-восточном направлении. Оттуда мы увидели на дороге многочисленную пехоту противника, которая ожидала нашего выхода из местечка. Заметив наше движение с другой стороны, белополяки открыли огонь из большого количества пулеметов, но к ведению огня в этом направлении они не готовились и, стреляя с предельной дальности, не причинили нам вреда.

Так, не потеряв ни одного человека, мы благополучно вышли из этого серьезного положения. Трудно сказать, как бы все это обернулось для нас, если бы я проснулся часом позже...

Мы продолжали отступать, и противник вторично вышел на пути нашего отхода. Он занял рокадную дорогу в нашем тылу, но, боясь атаки нашей конницы, не распределил свои силы вдоль дороги сплошной цепью, а расположил их батальонными группами, одна от другой на расстоянии более километра, простреливая незанятые промежутки пулеметным огнем.

Мы считали нецелесообразным прорываться в каком-либо из простреливаемых промежутков, а решили атаковать один из батальонов, чтобы таким образом увеличить в два раза брешь для прохода. Конницу я построил в три эшелона (полк за полком). Предварительно перед атакой первого эшелона мы обстреляли батальон противника из всех станковых пулеметов бригады.

Я был впереди первого эшелона. Когда мы бросились в атаку и первый эшелон оказался уже за боевыми порядками противника, мой жеребец упал. Сняв офицерское трофейное седло со своими пожитками, я взглянул в последний раз на своего боевого друга и, согнувшись под тяжестью ноши, пошел вслед за

скачущими мимо меня конниками. Поскольку комбриг по одежде ничем по отличался от красноармейце", меня никто не замечал. Вот пронесся и последний эшелон. Оправившиеся от растерянности вражеские солдаты начали обстреливать уходивших кавалеристов. Пули летели и в мою сторону. Тогда мне стало не до седла бросив его, я побежал за скачущими кавалеристами.

На моем пути попалась пасшаяся крестьянская лошадь. Я вскочил на нее и без седла и уздечки, понукая ее шпорами, поехал к кустарнику. Лошадь оказалась малоподвижной, неуправляемой и упорно двигалась шагом. Очутившись в кустарнике, через который проскакали наши конники, я был неприятно поражен: он весь был забит польским обозом. Поляков было очень много, По у них, по видимому, еще не прошел шок от страха перед массой наших всадников. Притом же они, вероятно, не догадались, что я - последний... Перепуганными глазами смотрели они на меня, а я - на них. Хотя я пробирался между ними, проезжая в двух-трех шагах то от одного, то от другого, никто не проявлял никаких агрессивных намерений. Я благополучно выбрался из кустарника, а выйдя из него, бросил свою ленивую лошадь и пошел пешком гораздо быстрее.

Километра через три догнал своих. Командиры встретили меня с большим удивлением и смущением. Оправдывались они тем, что не заметили, как подо мной была убита лошадь. Старших командиров я пожурил, но не за себя, а за то, что они не захватили по пути польский обоз.

На короткое время фронт стабилизировался. Наши войска удерживали плацдарм за рекой Западный Буг, в двадцати километрах западнее города Устилуг. Два полка нашей бригады занимали оборону, а третий находился в резерве. Правее нас оборонялась пехота.

Получили приказ - с утра следующего дня перейти в наступление, овладеть населенными пунктами в двадцати пяти километрах от нас. В этот день мы продвинулись на восемь километров, но получили уведомление, что пехота еще не готова к наступлению и оно переносится на утро следующего дня. Не желая оставаться в положении, когда оба фланга открыты, мы на ночь вернулись на исходную позицию.

На следующий день наступали в том же боевом порядке.

Через тридцать минут после того, как скрылись последние эскадроны двух полков, выехала и мы с комиссаром Кузьминским. С нами был комендантский взвод из восемнадцати всадников. Поднялись на довольно крутой берег Западного Буга и направились на северо-запад, чтобы пересечь путь третьему полку

и с ним следовать за ушедшими ранее двумя полками. Навстречу нам показались десятка три всадников, шедших на нас слева. Шли они разомкнутым строем, рысью, а увидя нас, перешли на шаг. Нас удивило появление всадников, идущих на восток в боевом порядке. Всмотревшись, узнали в них белополяков, посчитали их за разведку, проникшую к нам в тыл, и решили ее атаковать; хотя нас было меньше, но ведь противник-то в нашем тылу! Я скомандовал; "Взвод, строй фронт, шашки вон, за мной в атаку марш, марш!"

Вражеские всадники остановились. Когда же мы были от них в двухстах метрах, то увидели, что вслед за ними из балки выходит колонна, насчитывающая еще до двухсот сабель. Тогда я скомандовал: "Налево, кругом!" - и мы стали отходить на галопе в село, из которого вышли. За нами погнались.

Я решил доскакать до середины села и оттуда дорогой, идущей на север, пробиться в ту деревню, где находился третий полк, чтобы с его помощью ликвидировать эту неприятность в нашем тылу. Дорога проходила по узкой промоине с крутыми берегами. Нас преследовало человек семьдесят. И вот, к нашей радости, мы увидели полсотни всадников, идущих нам навстречу шагом. Я подумал: вероятно, в полку уже все стало известно и это его передовое подразделение идет нам на выручку. Но идущие нам навстречу конные, видя нас и скачущих за нами белополяков, посчитали, очевидно, всех за своих противников и испугались; назад они повернуть не могли и старались дать нам дорогу. Пытаясь свернуть с нее, они лезли на крутые берега узкого оврага, некоторые даже падали с лошадей. А в тот момент, когда мы уже проскакивали мимо, я узнал в них не своих башкир, а растерявшихся вражеских кавалеристов.

Мы оказались в поле. Комендантский взвод с комиссаром Кузьминским направился на восток, в сторону Устилуга, а я с ординарцем - в ту деревню, где находился третий полк бригады. Большинство поляков преследовало комиссара, а человек пятнадцать - меня. После продолжительной скачки наши кони уменьшили ход, и я с особенным удовольствием увидел выходящий из деревни полк и выкаченные пулеметы. Однако они стали обстреливать перед собой все - и поляков, и меня. Только когда поляки отстали, а я продолжал скакать к деревне, стрельба прекратилась. Велико было смущение командира полка, когда он узнал своего комбрига!

Поле было быстро очищено теми из наших кавалеристов, у которых были лошади получше, но в это время из села вышла навстречу колонна противника, и наши вырвавшиеся вперед кавалеристы начали отходить. Стоя на бугре, я видел всю эту

картину. По данному мной сигналу все наши стали собираться ко мне и строиться в одну шеренгу, лицом к противнику, всего нас оказалось около двухсот пятидесяти всадников. Старший польский офицер тоже собрал к себе своих, и у него оказалось примерно такое же количество конников, построенных в одну шеренгу. Я и польский офицер находились впереди своих всадников, нас разделяло расстояние в два-три десятка шагов, а шеренгу от шеренги - в полсотни шагов. В тишине были слышны только команды, моя и польского офицера: "Вперед, в атаку", да еще позвякивание стремян и обнаженных клинков при движении разгоряченных коней. Но ни та, ни другая шеренга не решалась броситься в атаку первой. Я не исключал возможности, что польскому офицеру удастся воздействовать на своих раньше, чем мне, и начать атаку, и я хорошо понимал: кто бросится первым, у того полная победа, а кто опоздает, тот будет бит...

Мы оба повторяли свои команды уже охрипшими голосами, а шеренги не двигались. Трудно сказать, чем бы все это кончилось, но я вдруг поступил очень странно - поднял клинок кверху и вложил его в ножны, не спуская глаз с польского офицера.

На его лице полнилась довольная улыбка: вероятно, он посчитал, что имеет дело с бывшим царским офицером, антисоветски настроенным, и думал, что я подготовляюсь к сдаче в плен. Я же дал шпоры коню и выхватил револьвер. Помню, выстрелил три раза. Офицер быстро повернул свою лошадь на задних ногах и стал удирать от меня. Его примеру хотели последовать и остальные поляки. Но если этот маневр удался офицеру и фланговым, то стоящим в сомкнутом строю всадникам повернуться было невозможно. На них бросилась наша шеренга. Противник, всецело занятый тем, чтобы повернуть лошадей, почти не оказывал сопротивления и оставил на месте схватки около двухсот человек пленными, в том числе двух офицеров. Таков был результат трех револьверных выстрелов: они решили схватку в нашу пользу.

В гражданскую войну действия кавалерии, подобные здесь описанным, были нередки; они случались и во время больших массированных наступлений Первой Конной армии или Червонного казачества. Теперь такого рода стычки всадников кажутся седой стариной...

Память невольно отбирает из прошлого то, что так или иначе отозвалось в последующем. Два случая, две мои ошибки я вспоминал через много лет, когда сам очутился в положении человека, считающего себя жертвой чужой ошибки.

В штабе бригады командиром разведки был Виноградов. С первого взгляда он мне не понравился: рыжие волосы, одни нога

короче другой. Он окончил Гатчинское военное училище еще при царе, был грамотным и умным человеком. Обязанности свои он выполнял добросовестно, но я почему-то относился к нему с недоверием.

Как-то при отступлении я с пятью всадниками уходил из села последним; за мной в четырех километрах следовал лишь разъезд. На дороге за селом я увидел прихрамывающего человека, идущего о чемоданом в руке. Я узнал Виноградова. У меня мелькнула мысль; "Хочет попасть в плен к полякам! Только не рассчитал не знал, что я остался позади него.." Меня взяло такое зло, что даже выругать его или плюнуть в его сторону не хотелось, и я подумал. "Пусть остается, одной сволочью будет меньше!" Проезжая мимо, я не сказал ему ни слова, хотя и обратил внимание на его смущенный вид.

На следующей ночевке я вдруг увидел Виноградова. Выяснилось, что он проспал в хате, где остановился, а проснувшись, узнал, что все уже ушли, и заторопился догонять. Мне было стыдно встречаться с ним: ведь я проехал мимо него молча, не захватил даже его чемодан, нести который ему, хромому, было очень трудно, а главное - заподозрил его в таких подлых намерениях... Этот мой поступок долго не давал мне покоя.

Задумался я и над тем, что иногда первое обманчивое впечатление может засесть надолго, даже после того как ты понял свою ошибку. Работая с Виноградовым вплоть до 1923 года, я видел его старание и добросовестную службу. Но вот он уехал в отпуск и Башкирскую республику, а по возвращении в ту же ночь был арестован и увезен в Житомир. Там, обвиненный и шпионаже, он отсидел в камере пять месяцев. Особый отдел сообщил мне, что Виноградов во время отпуска каждый раз бывает в Польше и, очевидно, работает на Пилсудского.

У меня вновь шевельнулась мысль, что вот ведь первое впечатление было верным.

А еще через месяц, вернувшись в полк, товарищ Виноградов доложил мне, что был арестован по ошибке, и рассказал следующую историю. Когда он возвращался из отпуска, вместе с ним в купе ехал какой-то человек, с которым он в дороге познакомился и играл в шахматы. Этот новый знакомый очень заинтересовался Виноградовым, расспрашивал его о том о сем. Виноградов сказал между прочим, что полк стоит в Староконстантинове. Этот новый знакомый оказался работником ЧК, а житомирский ЧК давно разыскивала Виноградова с таким же именем и отчеством... И вот, просидев пять месяцев, Виноградов был вызван к следователю. Войдя в комнату, он

увидел там кроме следователя какого-то гражданина, который, пристально посмотрев на него, сказал: "Нет, это не он, того я знаю хорошо". Через трое суток Виноградова выпустили, извиняясь за допущенную ошибку.

А вот другой случай, и совсем как будто иной, но чем-то близкий к рассказанному.

В 1920 году, во время одного большого привала в лесу, мне доложили, что поймали шпиона. Когда от него потребовали объяснений, почему он находится в этом лесу, молодой человек сказал, что искал пропавшую корову, что он крестьянин села, которое находилось от нас в трех километрах. На мой вопрос, сколько лет живет он в этом селе, он ответил: всю жизнь. Но когда я ему предложил назвать окружающие села, он не смог назвать ни одного. Желая его припугнуть, я сказал бойцу: "Расстрелять!" Тут же меня отвлекли другим делом.

Через несколько минут я вспомнил о задержанном. Зная дисциплинированность башкир, я вдруг испугался, как бы они действительно его не расстреляли, и приказал его вернуть. Но в это время я услыхал выстрелы и мне доложили, что "шпион расстрелян".

На девяносто девять процентов я был уверен, что он действительно шпион. Но, несмотря на то что за годы войны приходилось своей рукой убивать, колоть, рубить, эта нехватка одного процента для полной уверенности заставила меня сильно пожалеть о моем неосмотрительном приказании.

Я вспоминал о нем с тем же чувством и восемнадцатью годами позднее.

В начале октября конница противника прорвалась через прерывчатый фронт пехоты севернее нас, на шоссе Житомир - Новоград-Волынский, и пошла по нашим тылам. Башкирской бригаде было приказано сняться с участка обороны, догнать и разгромить конницу противника.

На путь ее следования мы вышли на следующий день. Нас разделяло сорок километров. Но расстояние это с каждым днем сокращалось. Хотя у противника лошади были крупные, настоящие кавалерийские, наши небольшого роста, но выносливые уральские кони легко нагоняли их. Мы уже начали захватывать отдельных отставших поляков и повозки из обоза противника.

Первый бой с прикрытием противника, к тому же удачный, мы имели десятью километрами южнее города Коростень. Стремительность нашего наступления способствовала тому, что белополяки поспешно отступили, не успев причинить вреда городу и железнодорожному узлу,

Нашей бригаде пришлось участвовать и в последних боях с белополяками.

Нам стало известно, что с 24 часов 18 октября 1920 года начнется перемирие и границей будет зафиксирована фактическая линия, занимаемая нашими войсками и войсками противника. 17 октября мы наметили себе план действий на следующий день, чтобы захватить как можно больше территории. Мы продвинулись левым флангом бригады на 35 километров, до города Староконстантинов; но на правом фланге в наступление перешли поляки и немного оттеснили нас. Лишь к вечеру положение было восстановлено, мы взяли при этом около двухсот пятидесяти пленных и трофеи.

После перемирия, выполняя приказ, я отправился в местечко Любар к польскому генералу для установления линии, занимаемой обеими сторонами. При мне были два эскадронных политрука в качестве ординарцев и трубач с белым флагом. У линии обороны меня встретил польский офицер и проводил на квартиру генерала.

Оставив сопровождающих у ворот, я вошел в небольшой одноэтажный дом. Сначала поздоровался за руку с седовласым генералом, а потом с его двумя денщиками, возившимися с большими генеральскими чемоданами. При этом генерал сделал мне замечание, сказав: "Здесь не место агитировать за Советскую власть".

Когда начали устанавливать линию, занимаемую войсками, генерал упорно настаивал на том, что одна польская часть находится в восьми километрах восточнее местечка Любар. "Да, она была там вчера, - сказал я, но теперь личный состав этой части в качестве пленных находится уже в пятидесяти километрах отсюда и шагает в Киев".

Генерал спросил: "А сколько вами захвачено пленных?" Я не задумываясь ответил: "Более пятисот человек да много убитых". Генерал стал что-то подсчитывать, а я в это время ругал себя за то, что, называя число пленных, зачем-то преувеличил его. Но, немного еще поспорив, генерал согласился. Моя и его карты с обозначением линии фронта были нами подписаны, и я вернулся к своим.

На другой день, рано утром, прибежал ко мне запыхавшийся старшина комендантского взвода и взволнованно доложил: "Товарищ комбриг, в нашем селе поляки". На вопрос, сколько их, он ответил: "Два вооруженных". Я приказал привести их ко мне. Поляки рассказали, что их часть трое суток находится в лесу, неподалеку от нашего села; офицер прислал их узнать, не началось ли перемирие.

Один из полков бригады был поднят по тревоге, с ним я направился в лес. Поляков было много. Оружие свое они составили в козлы, одни ходили группами, другие завтракали, а третьи грелись у костра. Я приказал старшему офицеру сложить оружие на повозки, построиться и следовать с нами. В селе, проходя мимо меня, офицер скомандовал "Смирно", солдаты прошли рядами, как на параде, повернув голову в мою сторону, а потом на ходу, к великому нашему удивлению, довольно стройно спели "Интернационал". По-видимому, это были те, кого мысленно подсчитывал польский генерал. А я, выходит, не ошибся, наобум назвав завышенную цифру.

Польские солдаты и офицеры, захваченные нами после перемирия, через месяц вернулись к себе на родину.

После окончания войны с поляками наша бригада была переведена южнее для борьбы с петлюровцами. В районе города Литин мы обороняли полосу в двадцать километров. Штаб бригады с двумя эскадронами 1-го кавалерийского полка располагался в Селище, которое от восточной окраины Литина отделялось лишь рекой.

На рассвете мне позвонил командир эскадрона из села Кулыга, в шести километрах западнее Литина: "Атакован большими силами конницы, отхожу на Литин". На этом разговор оборвался.

Командиру 1-го кавалерийского полка я приказал поднять по тревоге два резервных эскадрона и привести их к мосту. Попытался связаться с командиром эскадрона в селе Багриновцы, севернее Кулыга, но телефон там не работал. Позвонил в охранение, стоявшее южнее Кулыги; командир взвода доложил: "У меня все спокойно, но севернее от нас слышна сильная беспорядочная стрельба, свой взвод собрал и держу около себя". Я ознакомил его с обстановкой и приказал усилить бдительность, зорко следить за противником и немедленно докладывать о его действиях.

Пытался снова связаться с Багриновцами - безрезультатно. В это время раздался звонок. "Товарищ командир, - слышу в трубке, - мы ведем бой в селе Кулыга, имеем пленных, дайте нам скорее помощь". "Кто говорит?" Ответили не сразу, после заминки. Слышно было, как говоривший со мной повторял кому-то мой вопрос. Наконец он ответил: "Говорит красноармеец от имени командира эскадрона".

У меня возникло подозрение, и я сказал: "Назовите фамилии командиров эскадрона и полка". "Вот черт!" - сказали на другом конце провода. Потом послышался смех, и трубку положили. Стало понятно, что наши, уходя, не успели снять телефон и его

хотел использовать противник.

Донес о положении в Винницу, командиру 24-й стрелковой дивизии Муретову. Вместе с командиром полка во главе двух эскадронов рысью вышли за город и здесь встретили эскадрон, отступавший из Кулыги. Командир эскадрона на ходу доложил: противник в полуверсте от него. Взобравшись на высокий берег, я увидел противника - десять полнокровных петлюровских эскадронов.

Против такой силы нам не выстоять. Решили оставить город. Нам оставалось одно: драться за выигрыш времени, чтобы дать возможность изготовиться Винницкому гарнизону. Я решил поделить свои силы на два эшелона, драться в пешем строю, занимая выгодные рубежи на шоссе, перекатываясь одним эшелоном через другой.

Ближайшие бугры были заняты двумя эскадронами, а бугры в трех километрах за ними - одним эскадроном. Противник, подойдя на дистанцию нашего огня, был вынужден тоже спешиться. Когда петлюровцы, сблизились с нами, начинали обходить один из флангов, два наших эскадрона садились на коней и отходили за третий. Противник тоже садился на коней, но наталкивался на огонь нашего прикрывающего эскадрона, нес потери и снова спешивался.

Были случаи, когда мы не успевали спешиваться и, преследуемые противником, отходили рысью и даже галопом; тогда группа противника на лучших конях догоняла нас и нам приходилось туго.

У меня конь был хороший, да и рубил я уверенно, а потому почти всегда отходил последним, прикрывая отстающих, и с болью в сердце обгонял последнего лишь в том случае, когда ко мне подскакивала целая группа врагов.

Однажды, отскочив от преследователей, я вложил клинок в ножны, взял в руку револьвер и снова оказался последним. Передняя группа петлюровцев, состоявшая из офицеров на лучших конях, вероятно догадываясь, что я какой-то командир, и полагая, что мой конь уже выдохся, направилась ко мне. Их было пять человек. У троих на плечах красовались красные башлыки с золотой обшивкой. Как только они приблизились, я сделал пять выстрелов. Трое упали с лошадей, а их облегченные кони продолжали скакать и присоединились к нам. На двух были офицерские седла, и в одном из кобурчат седла мы нашли дневник офицера. Из него узнали ценные сведения о всей кавалерийской бригаде. После этого случая вражеские всадники опасались так близко подходить к нам.

Позднее я увидел, что непосредственно за нами шагах в

двухстах скачут всего человек восемьдесят петлюровцев, остальные - на расстоянии двух с половиной километров. Я обогнал своих отходящих конников и повернул их в сторону противника. Когда расстояние между нами и петлюровцами сократилось до сотни шагов, мы бросились в атаку и гнали их более километра. Лишь оказавшись недалеко от основных вражеских сил, мы повернули обратно.

На линии Дашковицы и Лукашевка мы задержали противника на три часа, потом были вынуждены отойти к селу Зарванцы, где к нам присоединились один эскадрон и батальон стрелков. С этого рубежа мы перешли в контрнаступление и на другой день восстановили положение.

По показаниям пленных, выяснилось, что мы имели дело, собственно, не с петлюровцами, а с белогвардейской кавалерийской бригадой Яковлева численностью 1200 всадников. По некоторым данным, эта бригада стремилась прорваться на юг Украины и присоединиться к дерущимся там войскам Врангеля.

Вскоре мы перешли в общее наступление против петлюровцев, овладели городком Летичев, местечками Меджибож, Черный Остров, городом Проскуров, селом Клинины и вышли к государственной границе.

Особо упорное сопротивление противник оказал при обороне села Лезнево (три километра северо-восточнее Проскурова), под Черным Островом и Клининами. Лезнево было взято нами ночью обходным маневром с севера, там было убито много петлюровцев и мы захватили пленных.

В районе Проскурова наша бригада была подчинена прославленному в боях, способнейшему из кавалерийских начальников В. М. Примакову, который командовал 1-м конным корпусом.

Село Клинины мы хотели захватить, как другие населенные пункты, - с ходу, в конном строю, но противник встретил нас сильным огнем. Вдобавок перед селом с восточной стороны была заболоченная долина, а с севера протекал гнилой ручей. Тогда мы атаковали село в пешем строю, с обходом его с севера. На этот раз село захватили. В наши руки попали штаб дивизии, до шестисот пленных, шесть орудий, машины и другие трофеи. Остатки петлюровцев мы преследовали до границы. Город Волочиск был освобожден 8-й кавалерийской дивизией Червонного казачества, входившей тоже в 1-й конный корпус.

Так было покончено с легальными силами петлюровской банды.

За последний бой Примаков подарил мне кинжал в серебряных ножнах.

За бои с белополяками я был награжден орденом Красного Знамени.

После ликвидации петлюровщины наша бригада вышла из подчинения Червонному казачеству и была переброшена сначала в район города Попонное, а затем в Тульчин. Я был назначен начальником операции по уничтожению банд в трех уездах - Тульчинском, Брацлавском и Гайсинском. Штаб бригады находился сначала в Тульчине, а потом в районе города Немиров Винницкой области, в селе Рачки.

Полки и эскадроны были разбросаны на громадной площади. За два месяца боев бандиты перехватили двенадцать бойцов, ехавших с донесениями; у всех у них были отрезаны половые органы, и люди погибли от потери крови. Как-то рано утром, выходя из своего домика, я нашел записку, подсунутую под входную дверь; какой-то доброжелатель предупреждал меня, что в село вернулись семь бандитов, которые хвалились в тесном кругу, что в темноте поймают меня и сделают то, что с красноармейцами. В записке были названы фамилии бандитов и хата, в которой они все ночуют. Сообщалось и о том, что сегодня они намерены прийти в волость на собрание.

Из учебной команды я вызвал тринадцать человек. Вместе с комиссаром бригады О. Н. Боровиком сначала мы заехали в хату, где ночевали бандиты, но там их не оказалось. Хозяйка, бедная старуха, подтвердила, что они у нее ночевали, и сказала: "Что я могла сделать? В свои хаты они не пошли ночевать, боялись, что обвинят их родных, а меня припугнули. Ушли от меня еще до рассвета, а куда - не знаю".

Поехали мы в волость, что находилась от села Рачки в семи километрах. У здания волостного правления стояли кучкой человек пятнадцать. Предложили им войти в дом. Снаружи я оставил трех красноармейцев, а с десятью вошел в помещение. Большой зал был полон пароду, там что-то горячо обсуждали; когда мы вошли, все притихли. Я попросил председателя сделать перерыв. Получив его согласие, я назвал семь фамилий, перечисленных в записке, и потребовал, чтобы эти люди подняли руки. Никто руки не поднял. Но подошедший ко мне красноармеец шепнул: "Они здесь, мне сказал один крестьянин".

На мой повторный и категорический приказ нехотя поднялась одна рука. Я потребовал, чтобы этот человек отошел в сторону.

Потом я попросил поднять руки всех, кто прибыл сюда из села Рачки. Поднялось много рук. У жителей этого села я спросил, знают ли они кого-нибудь из перечисленных мною; два крестьянина ответили утвердительно и показали остальных шестерых. Моему приказу отойти в угол трое подчинились, но

трое попытались затеряться за спинами соседей. Однако мои помощники не дремали: к каждому бандиту подошли по два красноармейца. Мы связали задержанных и вывели их из помещения.

Состоялось открытое заседание военного трибунала. Все арестованные оказались кулаками или их сынками. Бедняки уличили шестерых во многих преступлениях. Непричастным к этим страшным делам оказался лишь тот, кто поднял руку в волостном правлении. Шестеро понесли заслуженную высшую кару, седьмого приговорили к трем годам заключения условно.

Винницкая область и прилегающие к ней районы богаты сахарными заводами, но их работе мешали бандиты. Бандитам помогали бежавшие хозяева заводов через своих пособников. Мы были вынуждены охранять заводы, их продукцию и обеспечивать нормальную работу. В этом деле нам большую помощь оказали рабочие.

В 1921 году прошла большая демобилизация. Из нашей бригады был сформирован 12-й Башкирский кавалерийский полк. Я не считал себя подготовленным для командования бригадой в мирное время и попросил назначить меня командиром башкирского полка. В. М. Примаков согласился.

Я не думал, что и после войны останусь в армии. Считал, что в мирное время найдутся командиры более грамотные, знающие военное дело лучше, чем я. Но волею партии я остался в кадрах и служу до сих пор.

Башкирской бригадой в годы войны было проведено много удачных боев против белогвардейцев и интервентом, и не только против войск Колчака и панско-помещичьей Польши, но также против петлюровских и других банд. Много башкир отдало свою жизнь за дело революции. Среди них было множество отважных, преданных Советской власти красноармейцев и командиров, которые всегда были готовы выполнить любой приказ и не щадили свою жизнь, отстаивая дело Ленина.

К сожалению, я не вел тогда записей и забыл имена и фамилии многих отважных людей. Но некоторые имена врезались в мою память: это исключительно смелый, инициативный командир 27-го кавполка Файзулин Хусаметдин Шаранович, командир 1-го кавполка Ашранов, неторопливый, расчетливый и отважный, также пользовавшийся всеобщим уважением; командир полка Муртазин погиб смертью храбрых еще до моего прибытия в бригаду, но был мне знаком так, как будто я с ним встречался, столько я слышал хорошего о нем от многих башкир; отважным воином был Гасапов Усман, волевой, честный и боевой командир. Отличной репутацией пользовались политработники -

комиссар бригады Кузьминский, комиссары полка Кучаев и Комалов Гали. Вся бригада хорошо знала фамилии своих отважных командиров эскадронов Ишмуратова, Заянчурина, Казнобаева и Гафурова.

А сколько еще было людей, фамилий которых я не могу припомнить!

Глава четвертая. Боевая служба продолжается

Внутреннее положение страны было очень тяжелым. Промышленность и сельское хозяйство, и без того отсталые, пришли после войны в полный упадок. Бедственное положение усилил страшный неурожай 1921 года, доведший Поволжье и некоторые другие районы до голода. В те годы питание Красной Армии, как и всего населения, было очень скудным. Помню одно собрание, на котором стоял вопрос об отчислении десяти процентов месячного пайка в фонд Комитета помощи голодающим (Компомгол). Помню, как один за другим поднимались красноармейцы и предлагали отчислять не десять процентов, а четверть всего пайка, и не месяц, а три месяца. Рабочие, крестьяне и служащие по всей стране не имели самого необходимого - хлеба, соли, одежды, обуви, керосина, спичек.

Деньги катастрофически падали в цене, стоимость их понижались не по дням, а по часам, поэтому каждый стремился получить зарплату первым, а не последним. Моя квартира была недалеко от шоссе, идущего от казарм в местечко. Я видел, как получившие зарплату вместе с женами бежали в местечко на базар или в лавку, чтобы скорее отоварить деньги. И этот бег наперегонки себя оправдывал: кто получал и расходовал деньги до полудня - тот больше приобретал на ту же сумму, чем те, кто покупал во второй половине дня. Это было тяжким испытанием жизнеспособности и крепости молодой Советской власти. Мы знали, что враги радуются нашему бедственному положению, что нам никто не поможет и что мы должны надеяться только на себя. И мы верили в свои силы, в светлое будущее. Работали, не считаясь со временем, с усталостью, лишениями. На преодоление, казалось бы, непреодолимых трудностей нас воодушевляла Коммунистическая партия во главе с Лениным, которому мы все верили больше, чем себе. Сложнейшие вопросы встали тогда и перед Вооруженными Силами Советской страны. 1 марта 1921 года за No 504 был объявлен приказ Реввоенсовета Республики, в котором говорилось:

"1. В основу оценки соответствия лиц комсостава занимаемым должностям и представления к продвижению... ставить боевые качества и преданность Советской власти. Если

аттестуемый начальник в своей настоящей должности был способен управлять своей частью при боевой обстановке революционной войны и при этом проявил себя преданным работником Советской власти, то это вполне определяет как его пригодность к занимаемой должности, так и возможность продвижения на высшую...

2. С особым вниманием относиться к оценке тех начальников, которые выдвинулись на командные должности из красноармейской среды во время революционной войны... они особенно ценны для армии. Если теоретические познания в военном деле этих лиц невелики, то необходимо стремиться поднять их военное образование...

3. Не допускать, чтобы лица комсостава, не имеющие боевого стажа, но опытные в деле обучения войск... получали бы преимущества перед начальниками, проявившими особые способности к управлению войсками в боевой обстановке..."

В соответствии с этим приказом, подписанным Э. Склянским и С. Каменевым, я был оставлен в кадрах армии и назначен командиром полка. Вскоре мне пришлось убедиться, что командовать полком - задача далеко не всегда одинаковой трудности.

В 1912 году, когда я начинал службу солдатом, наш Черниговский гусарский полк располагался в казармах и конюшнях, подрядчики доставляли на полковой двор сено, дрова, на склады регулярно поступало продовольствие, обмундирование, имелись манежи, столовые, тиры, стрельбища, для офицеров квартиры; учеба шла по твердо установленным планам и порядкам. В 1922 году полк, в который я был назначен командиром, был расквартирован по деревням; приходилось очень много работать, чтобы обеспечить более или менее нормальную жизнь и учебу людей. Опасался я и того, что учился в школе всего три зимы, а мои соседи, командиры полков, были со средним или незаконченным средним образованием. Правда, мне было уже тридцать лет, десять из них я провел на военной службе, а командиры соседних полков были намного моложе как по возрасту, так и по опыту. Решил учить подчиненных тому, что знаю сам, и по-настоящему учиться самому. Несмотря на то что я был "старым кавалеристом", я никогда не увлекался манежем и использовал его лишь для необходимой выездки лошадей и обучения молодых кавалеристов езде, преодолению стандартных препятствий, рубке лозы, вольтижировке. Всю тренировочную работу выносил в поле, проводил ее в комплексе тактических занятий. В связи с этим при соревнованиях на фигурную езду, на высшую выездку лошади мы уступали первенство соседям.

Приходилось выслушивать замечания командира дивизии: "Горбатов не любит манежа, он увлекается полем". Так записано и в моей аттестации того времени. Но я упорно не считал это своим недостатком, по-прежнему уделял главное внимание боевой подготовке - и получал полное удовлетворение при разборах учений, проводимых старшими начальниками. Там уж мы часто слышали: "Поле для полка Горбатова - родная стихия", "Полк в поле, как рыба в воде". В это время комиссаром полка был П. С. Дьяченко, член партии с 1918 года. Это был образцовый комиссар, любимец бойцов, человек беспокойный, вникающий во все поры жизни и учебы полка. Участник штурма Зимнего дворца, он отважно воевал в гражданскую. Во время стычки с бандой вышел из строя командир эскадрона. Тогда эскадрон возглавил комиссар полка. Командовал умело, решительно. Банда была разгромлена. Конники эскадрона захватили восемь пленных и станковый пулемет. Наш комиссар служил живым примером для каждого бойца. Он отличный кавалерист - на дивизионных соревнованиях по рубке взял первый приз. Наравне с тактической подготовкой много внимания мы уделяли политическим занятиям, добивались, чтобы каждый боец знал внутреннее и международное положение страны, понимал, для чего он служит и что защищает.

Старательно занимались стрелковым делом: боевой стрельбой с неизмеренными расстояниями, с замаскированными и появляющимися мишенями, стрельбой из станковых пулеметов с закрытых позиций. Поэтому полк уверенно удерживал первенство как по коллективным, так и индивидуальным стрельбам, да и сам я стрелял отлично: за успехи на дивизионных соревнованиях 1924 года я получил большие золотые часы с боем, секундомером, показывающие месяц, число, день недели и полнолуние. Этот подарок до сих пор берегу как память. Приз я взял и в 1926 году. В эти тяжелые годы голода и разрухи мы не только учились. Бойцы и командиры Красной Армии сражались с бандами, восстанавливали разрушенную промышленность и транспорт, участвовали в субботниках, помогали крестьянам обрабатывать поля. Эти многообразные и сложные задачи решать становилось все труднее хотя бы уже потому, что к 1923 году Красная Армия из многомиллионной превратилась в шестисоттысячную. А партия, народ потребовали: сокращение численности войск не должно ослаблять оборону страны. Поэтому мы настойчиво совершенствовали организацию войск, их боевую в политическую подготовку.

Над нашим полком шефствовал Макеевский металлургический завод, крупнейший по тому времени. Я не раз

бывал в гостях у шефов. Директор, высококвалифицированный инженер, показал мне свой завод. Сильное впечатление произвели на меня слаженность и стройность производственного процесса, военная организованность в действиях тысяч рабочих. Мы шли вдоль длинного ряда пышущих жаром мартенов, видели сталь, льющуюся бешеным ручьем, и ту же сталь уже в виде раскаленных полос, змеями выскакивающих из прокатных станов. Всюду тянулись рельсы, по которым катились паровозы, вагоны и вагонетки. Я восхищался ловкостью и мастерством людей, работающих у печей и огромных машин. - Сколько же от вас требуется знаний! - воскликнул я. - Да, - не без гордости отозвался директор. И добавил: - Это не то, что у вас, военных: "направо, налево". Мне стало обидно за свою профессию. - Есть поговорка: в чужих руках ломоть всегда толще. Вот и вам своя работа кажется гораздо сложней, чем наша. Между тем военное дело - страшно трудное. Мы работаем не с металлом, а с живыми людьми, которых надо так обучить и воспитать, чтобы в нужный момент они ценой неимоверных усилий, ценой жизни своей победили врага, отстояли ваш завод, спасли все и вашу семью от гибели. Понимаете: за судьбы страны мы отвечаем, величайшая ответственность на нас лежит. У вас большое преимущество; вы каждый день видите результаты своего труда, можете их оценить. А плоды нашей работы могут в полной мере проявиться только на войне. И исправлять ошибки, устранять недоделки, наверстывать упущенное будет уже поздно: за все придется расплачиваться кровью. Вот почему мы очень много работаем и очень много думаем.

21 января 1924 года, задолго до рассвета, я выехал с командирами в поле для проведения занятий. К вечеру, возвращаясь домой, мы выехали на большую дорогу. Нам стали встречаться люди, идущие из местечка, с понуро опущенными головами, а некоторые с заплаканными глазами. Сначала мы думали, что это от резкого встречного ветра. Но когда мы приехали в военный городок, то и там увидели горе на лицах красноармейцев и командиров. Умер Ленин. Мы ни о чем не могли думать, только об этой невосполнимой утрате. Думалось: неужели нельзя было спасти, сохранить, ведь он был еще совсем не старым? Никогда ни до этого, ни после я не переживал столь великого горя. В эти скорбные дни мы с комиссаром полка на собраниях призывали партийную организацию и каждого коммуниста быть ближе к красноармейцам, проявлять больше бдительности, воодушевлять людей трудиться еще больше, еще лучше. Только тесным сплочением вокруг Коммунистической партии, дружной и добросовестной работой мы можем внести

свою долю в общие усилия народа, самоотверженным трудом возместить великую утрату.

Зимой 1925 года я был командирован в Москву на совещание высших кавалерийских начальников. Сидя в купе мягкого вагона, беседуя с попутчиками, я через от крытую дверь увидел проходившего по коридору высокого, плотного человека в военной шинели. Мне показалось в его фигуре что-то настолько знакомое, что по спине пробежал холодок. Я быстро встал и вышел, чтобы увидеть этого человека в лицо. Да, я не ошибся - это был он, бывший штабс-ротмистр Свидерский (потом, на фронте, ротмистр и подполковник), который обучал нас, молодых солдат, в 1912-1913 годах.

Когда я напомнил ему о себе, он сказал:

- Очень приятно возобновить с вами знакомство. - И, показывая на мои знаки различия, такие же, как и у него - три прямоугольника на синих петлицах, добавил: - Рад видеть, что мое обучение пошло вам впрок.

- Да, учеба не пропала даром, за это вам спасибо, - ответил я.

Он был председателем ремонтной комиссии, закупающей для армии лошадей в наших республиках и за границей. Узнав, что я командир кавалерийского полка, он спросил, нет ли у меня претензий по поставляемому нам конскому составу, и рассказал, что комиссаром в ремкомиссии работает у него Силиндрик, член партии с 1905 года, они оба едут в Москву на совещание высших кавалерийских начальников. Я в свою очередь рассказал ему, что Силиндрика хорошо знаю, он когда-то был в нашей дивизии комиссаром одного из полков, и что я тоже еду на это совещание. Претензий к ремкомиссии не имею.

После этого Свидерский стал часто заходить в наше купе. Мне все время казалось, что он чувствует себя неловко, - вероятно, пытается вспомнить, не был ли я одним из тех, кого он избивал за малейшую оплошность, а порой и совсем беспричинно; возможно, он боялся, как бы я не рассказал об этом в Москве. Однако, встретив на совещании его комиссара, Силиндрика, я сказал, что знаю Свидерского по 1912-1915 годам, но о его отношении к солдатам умолчал. Силиндрик отзывался о Свидерском очень хорошо, высоко ценил его как прекрасного специалиста и честнейшего человека; не было случая, чтобы он не обнаружил хотя бы малейший недостаток лошади, с негодованием отказывался от взяток и от участия во всяких махинациях. Однажды в Германии Свидерскому предложили остаться и сулили ему должность директора государственного конного завода, соблазняя большим окладом, но он ответил:

- Когда была революция в России, то некоторые из наших

офицеров бежали к вам. А когда она будет у вас куда они и вы побежите? Нет, я пережил одну революцию, с меня хватит. Мне хорошо и в России.

На третий день совещания Свидерский пригласил меня к обеду, и я согласился: было интересно посмотреть, как он живет. В старые годы среди солдат ходили слухи, что Свидерский очень богат.

Дверь нам открыла его жена - я ее вспомнил, она мало изменилась и была по-прежнему красива. Встретила меня как старого знакомого и сказала, что муж говорил ей обо мне много хорошего. Жили они в двух комнатах, где было тесно от мебели и сундуков, нагроможденных до потолка. "Вероятно, уплотнили", - подумал я.

За столом все было хорошо, пока я не отказался пить вино (даже когда хозяин произнес тост за укрепление Красной Армии и за мое здоровье, как одного из ее представителей). Хозяин никак не хотел поверить, что военный человек не может выпить вина, и мой отказ принял как личную обиду. Убедив его, что я действительно не пью спиртного, даже пива, я тут же признался, что сперва чувствовал к нему некоторую настороженность, так как помнил его чрезмерно суровое отношение к солдатам.

- Но, поверьте, - сказал я затем, - меня очень обрадовало то, что я узнал о вашей добросовестной работе при Советской власти. Считаю, что никто не вправе помнить то, что вам не хотелось бы вспоминать из прошлого. Уверен, что Советская власть не останется у вас в долгу.

Он встал и крепко пожал мне руку. Они с женой переглянулись и повеселели. Разговор стал непринужденным и откровенным. Я сказал ему, что солдаты считали его очень богатым человеком и меня удивляет, почему он не за границей. Он чистосердечно ответил:

- Мой отец был патриотом и держал деньги только в русских банках, а вы знаете, что получилось с этими деньгами. А главное, мы все время жили в Москве. Если бы я оказался на юге, то, возможно, тоже совершил бы глупость, как другие, и разделил бы горькую участь эмигрантов.

Рассказал он и о том, в какой большой тревоге и одиночестве жили они первые годы, потеряв всех прежних знакомых.

- А теперь мы очень рады, что не оказались за границей. Я работаю, мою работу ценят, мы приобрели много новых друзей и живем очень хорошо.

Многое мы вспоминали в тот вечер и расстались как добрые знакомые.

Не могу не вспомнить другого кавалерийского офицера

царской армии, прожившего гораздо более сложную жизнь, - Бориса Александровича Энгельгардта, полковника-гвардейца, отличного спортсмена, имевшего больше всего призов за конкур-иппик (тот вид скачки, который описан Толстым в "Анне Карениной"). Сын артиллерийского офицера, известного своими изобретениями для полевой артиллерии, он окончил пажеский корпус. Во время войны с Японией командовал эскадроном. Потом ушел из армии, где делал блестящую карьеру, и, по семейной традиции "смоленских Энгельгардтов" (в отличие от однофамильцев, остзейских баронов), занялся сельским хозяйством в своем небольшом имении, стал земским деятелем, добивался организации крестьянской сбытовой и закупочной кооперации, ратовал за поощрение льноводства и возделывания других технических культур в нечерноземной полосе. Между прочим, он племянник знаменитого Б. Н. Энгельгардта, автора писем "Из деревни", о которых с высокой похвалой отзывался Ленин. Как видный земский деятель, Б. А. Энгельгардт был выбран депутатом в IV Государственную думу, где вернулся к прежним военным интересам, стал докладчиком комиссии по военным вопросам. Один из немногих, он понимал необходимость перевооружения русской армии и добивался его, преодолевая тупое сопротивление царя и министров.

После Октябрьской революции к царскому полковнику генерального штаба, аристократу, помещику, да еще и "октябристу" (впрочем, довольно случайному), отнеслись с вполне понятным недоверием. Когда же после убийства Урицкого в Петрограде начались аресты подозрительных "бывших", он бежал на юг, к белым, и возглавил пропагандистский аппарат в деникинской армии. Убеждал Деникина и его "правительство" отдать землю крестьянам, но, разумеется, на такой шаг помещики не согласились. К Врангелю Энгельгардт не пошел, ибо считал его не русским патриотом, а человеком, защищающим исключительно корыстные интересы реакционной верхушки. Вообще он был убежден, что песенка помещичье-буржуазного строя в России спета, и потому, оказавшись в Париже, не присоединился ни к одной из белоэмигрантских группировок. Работал шофером такси, затем переехал в Латвию и устроился тренером на Рижском ипподроме. Когда Латвия стала снова советской, он отказался эмигрировать, рассчитывая, что за "старые грехи" не понесет чрезмерно тяжелого наказания. Действительно, после длительного следствия он подвергся лишь административному выселению в Хорезмскую область, где находился вплоть до 1946 года.

Во время Отечественной войны Энгельгардт подал заявление

о том, что хотел бы служить в армии, хотя бы рядовым солдатом. Врачебная комиссия признала этого почти семидесятилетнего человека годным к военной службе без ограничений, но зачислять его в армию сочли нецелесообразным. После войны он продолжал работать на Рижском ипподроме и умер в возрасте около девяноста лет полноправным советским гражданином, получая трудовую пенсию.

Можно с уверенностью сказать, что, если бы Б. А. Энгельгардту оказали доверие в 1918 году, он был бы таким же честным советским работником, как Свидерский, и принес бы еще больше пользы нашему коневодству и армии, так как обладал глубокими знаниями, трудолюбием, энергией, был человеком правдивым и искренним. Б. А. Энгельгардт оставил интереснейшие воспоминания.

В те годы все военные учились. Одни - в академии, училищах, на курсах; другие использовали для учебы время, положенное для отдыха, это те, кого начальники не отпускали на учебу: "Подожди, чего тебе учиться, я за тебя неученого и двух ученых не возьму". Не отпускали и меня.

Давно это было, но я все еще вспоминаю те времена и исключительно дружную и слаженную работу, действительно общую, начиная с красноармейцев и младших командиров и кончая самыми высокими начальниками. С каким энтузиазмом боролись все за высокие показатели в учебе, как мало было самых незначительных проступков, а уж о преступлениях редко и слышно было... Гауптвахта по большей части пустовала, военному трибуналу судить было некого. Тогда не старались больше наказывать, чтобы поднять дисциплину, а все внимание отдавали созданию моральных условий, предупреждающих проступки, и этим занимались все - не только командиры и политработники, но и члены трибунала, следователи, врачи, каждый член партии и комсомолец. Помню, как сильно я переживал малейшее замечание командира дивизии или других начальников, указывающих на тот или другой недостаток в работе полка, как лишался аппетита, сна и, мучаясь, думал: почему же я не смог заметить этот недостаток сам?

Наконец осенью 1925 года послали меня на кавалерийские курсы усовершенствования командного состава в Новочеркасск, на отделение командиров полков. Начальником курсов был старый знакомый А. Г. Голиков - тот, что во время войны с белополяками командовал 7-й стрелковой дивизией и той конной группой, в которой я командовал полком, а потом отдельной Башкирской бригадой. Хотя из списков полка я не исключался, но полагал, что меня могут перевести в другую часть, а потому издал

приказ по полку. Поскольку этот документ касался воинского быта того времени, хочется привести его хотя бы в выдержках.

ПРИКАЗ

7-му Черниговскому Червонного казачества кавалерийскому полку

6 октября 1925 г. No 398

г. Староконстантивов.

Согласно приказу по войскам УВО за No 266/3 я убываю для прохождения кавалерийских курсов усовершенствования. Временно командовать полком остается тов. Дмоховский Николай Генрихович.

Дорогие товарищи! На мою долю выпало принять полк, когда он после рас квартирования по обывательским квартирам переходил в казармы. Много трудностей вставало перед нами. Казармы были без печей и зимних рам, не хватало постельных принадлежностей. А конюшен вовсе не было Всего отпускалось в четыре раза меньше, чем требовалось. Не было даже керосина для освещения. Мы дружно взялись за работу. Своими силами отремонтировали казармы, построили конюшни, изготовили мебель - топчаны, столы, скамьи и табуретки. Командный и политический состав добровольно отчислял часть своего скудного жалованья, чтобы покупать керосин, дрова и другое необходимое для казарм и ленинских уголков.

Сейчас мы живем и учимся в нормальных условиях. Полк спаян в дружную семью, в мощную боевую единицу. Укрепились порядок и дисциплина. Повысилась выучка личного состава. Безупречно содержатся лошади. Подразделения полка успешно справляются со своими задачами.

Большим испытанием для нас была осень 1924 года, когда по демобилизации ушел от нас почти весь красноармейский состав. Оставшимся пришлось работать без устали, чтобы сохранить коней и материальную часть.

...Дорогие товарищи командиры и политработники! Расставаясь с вами, обращаюсь с советом.

Уделяйте всегда должное внимание воспитанию бойца. Эго больше чем необходимо. Когда каждый красноармеец поймет, что такое Советская власть и чего добивается Коммунистическая партия, любую задачу мы решим успешно. Ежедневно отдавайте хотя бы самую малую частицу своего свободного времени на то, чтобы поговорить с казаком не как командир, а как товарищ.

Лихим "червонцам" полка за сознательность, дисциплинированность и хорошее ко мне отношение выражаю сердечное спасибо.

Да здравствует славный 7-й полк Червонного казачества! Да

здравствует единственная в мире Рабоче-Крестьянская Красная Армия!

Да здравствует вождь РККА - Коммунистическая партия!

Приказ прочесть во всех эскадронах и командах.

Командир и военный комиссар 7-го кавалерийского полка ГОРБАТОВ

Окончив курсы, я вернулся в свой полк.

Много раз нас привлекали к военным играм в округе, и я всегда удивлялся способности молодого командующего округом И. Э. Якира так проводить разборы, чтобы ни у кого не закружилась голова от успеха и что бы не был подорван авторитет кого-либо из командиров. Говоря о правильном решении, он, бывало, не только отметит, что оно соответствовало сложившейся обстановке, но укажет и на неиспользованные возможности; разбирая решения, не удовлетворившие его, всегда постарается найти в них хоть крупицы положительного, приведет примеры других возможных решений. Веру в свои силы у подчиненных он всегда оберегал. Возвращаясь с этих игр, я чувствовал себя обогащенным новыми знаниями.

В августе 1928 года командир дивизии Григорьев сообщил мне, что предстоят большие окружные маневры, которыми будут руководить нарком К. Е. Ворошилов и начальник Штаба РККА Б. М. Шапошников. Дивизия выставляет на них сводный полк, командовать которым приказано мне.

- Послезавтра доложите свои соображения по формированию полка.

При очередной встрече с командиром дивизии я предложил состав сводное части. Ядром ее должны были стать эскадроны нашего полка. Вливались в него и лучшие подразделения из соседних полков. Формирование мы завершили за пять суток. Двенадцать дней, оставшихся до маневров, использовали для учебы. Начали сколачивать новый полк. Занимались с увлечением. Все были рады участвовать в больших маневрах, которыми руководит сам нарком. Приятно было во время построений и занятий смотреть на довольные лица красноармейцев и командиров, на прекрасно тренированных коней. Давно уже я мечтал командовать таким полнокровным полком.

Перед выступлением в назначенный район мы с командиром дивизии еще раз посмотрели с бугорка, как выглядит новый полк на походе. Остались довольны: все пригнано, ничего не болтается, не бренчит, в повозках все уложено аккуратно, опрятно, затянуто брезентом.

Маневры проводились в районе западнее Киева. Наш

отдельный полк несколько увеличенного состава по ходу всех маневров противопоставлялся 3-й кавалерийской дивизии, выступавшей на стороне "синих". Я знал, что этой дивизией командует Е. И. Горячев, грамотный и волевой командир, но до этого служивший в части, где подготовке к парадам уделялось времени больше, чем полевой выучке. Посредником в наш полк был назначен опытный и требовательный командир - начальник военного училища В. С. Попов.

На первом этапе маневров отрабатывалось начало войны - нападение "неприятельских войск" на Советский Союз. Разведка, высланная нами, своевременно обнаружила "противника": "синие" двумя бригадными колоннами двигались лесными дорогами, удаленными одна от другой на семь километров.

Мы решили нанести удар сначала по северному отряду "синих". Всем полком заняли лес неподалеку от дороги, по которой следовал "противник". Вот вдали показалась его разведка. Ее головной дозор шел по дороге, а левый дозор проскакал по самой опушке леса, но нас не обнаружил. Наши наблюдатели, сидевшие на деревьях, не отрывали глаз от биноклей. Мне доложили, что в трех километрах появилась голова колонны. Не спешить - можно испортить все дело! Командиры эскадронов предупреждены: первые три эскадрона под моей командой атакуют головной полк "противника", а остальные эскадроны под командованием моего заместителя атакуют другой полк, предварительно обстреляв его из пулеметов.

Выждав, когда полк "противника" оказался перед нашими тремя эскадронами, мы сначала обрушили на него огонь пулеметов, а затем атаковали в конном строю. Одновременно был атакован и другой полк "синих", который шел в километре позади головного.

Наша атака была настолько неожиданной и стремительной, что "синие" не успели принять каких-либо контрмер.

Посредники пришли к единому мнению: признать успех нашего полка, бригаду "противника" считать разбитой, а командира бригады и часть штаба дивизии плененными.

Перед этим первым столкновением нашего полка с "противником" к нам прибыли Якир и Ворошилов. Командующий спросил, что я знаю о "противнике", как оцениваю обстановку и какое принял решение.

Ответив на его вопросы, я доложил: атакую в конном строю ближайшую к нам бригаду "противника" на марше и в зависимости от исхода боя решу, что делать дальше.

Командующий и нарком переглянулись и уехали.

Потом они снова появились в нашем полку. Якир серьезным тоном спросил меня:

- Так вы, товарищ Горбатов, все еще придерживаетесь своего активного решения? Не хотите обороняться, а думаете атаковать бригаду? Подумайте, пока не поздно.

Озадаченный этим вопросом, я стал проверять последние сведения о "противнике" и снова услышал голос командующего:

- Ну как, товарищ Горбатов, изменили вы свое намерение или остаетесь при прежнем?

- Остаюсь при прежнем, - ответил я.

Ворошилов и Якир наблюдали атаку. После нее они о чем-то поговорили с посредниками, а когда те объявили результат, командующий округом подошел ко мне и сказал:

- Передайте от нас благодарность полку за лихую и успешную атаку. Хочется верить, что это не последняя удача на наших маневрах. - А затем добавил: - Я не был уверен, что вы не откажетесь от своего правильного решения. Хорошо, что вы его не изменили.

Успех сопутствовал нам и дальше.

Дивизия "синих" сделала попытку захватить с ходу, без огневой подготовки, рубеж, который мы, спешившись, обороняли. Атака была признана неудачной.

Мы были уверены, что "противник" через три-четыре часа повторит наступление, подготовившись более тщательно. Принимаю решение: оставить на этом рубеже все станковые пулеметы и артиллерийскую батарею, а весь полк отвести на левый фланг в село и перелесок. Пусть "противник" атакует рубеж, а мы тем временем нагрянем на него в конном строю со стороны, откуда он не ожидает удара.

Расчет наш оказался правильным. "Противник" начал сильный обстрел нашего рубежа артиллерийским и пулеметным огнем. Кроме того, он поставил дымовую завесу на всем фронте. Наблюдатель с колокольни доложил, что за дымом движется масса конницы. Приказываю пулеметам и артиллерии усилить огонь сквозь дымзавесу, а эскадронам приготовиться к конной атаке, которую начнем, как только "противник" проскочит рубеж и подставит нам свой правый фланг.

Мы контратаковали "синих", хотя у них было три полка (один оставался в резерве). "Противник" был ошеломлен неожиданностью. Посредники и на этот раз присудили нам полный успех.

В ходе маневров мы еще трижды наносили поражение "синим". Прощаясь со мной, К. Е. Ворошилов пошутил:

- Придется вас направить комбригом в 3-ю дивизию. Поучили

бы их, как нужно работать в поле.

На разборе маневров нарком похвалил нас за хорошую разведку, за умелую оценку обстановки, правильность решений и инициативу.

Словам наркома относительно моего перевода в 3-ю кавдивизию я не придал большого значения, считая, что это было сказано так, между прочим, скорее всего, в укор стороне, не имевшей успеха. Другого мнения держался командир нашей дивизии Григорьев: "Вот увидишь, заберут тебя от нас".

Так оно и случилось. Вскоре пришел приказ о назначении меня комбригом в 3-ю кавалерийскую дивизию. Назначение на более высокую должность было приятно. Но жаль было расставаться с полком, которым командовал семь лет.

Командир 3-й дивизии Е. И. Горячев, мой недавний "противник", встретил меня радушно. А командир корпуса К. Н. Криворучко взглянул на меня косо и проворчал: "Посмотрим, каков ты есть, хваленый!"

Первой бригадой командовал хорошо мне знакомый А. Е. Зубок, образованный офицер, долгое время прослуживший начальником штаба дивизии. Я уже знал, что он очень умело организует занятия и учения. У такого есть чему поучиться. Узнав, что через три дня Зубок проводит очередные занятия с командирами, я попросил у него разрешения присутствовать на них. Он не только согласился, но и предложил взять у него ряд методических разработок. Большую пользу принесли мне его советы по организации учений.

Понемногу я втягивался в новую работу. В бригаду к нам несколько раз приезжал командир корпуса, присутствовал на занятиях и учениях, но редко делал существенные замечания. К моему удовольствию, наши взаимоотношения стали быстро налаживаться.

Бригада, которой я теперь командовал, с гордостью носила присвоенное ей наименование кавалерийской бригады имени "Незаможных селян Украины". Почетным председателем организации незаможных селян был всеми уважаемый председатель ЦИК Украины Г. И. Петровский, бывший депутат от рабочих в Государственной Думе.

Съезды крестьян-бедняков Украины проводились периодически в Харькове, тогдашней столице республики, и Г. И. Петровский принимал участие в их работе от начала до конца. Представители нашей бригады всегда присутствовали на съездах, и я докладывал делегатам о состоянии дел в соединении.

За высокий уровень боевой и политической подготовки ЦИК УССР наградил меня малахитовым письменным прибором

изумительной работы. Его я храню до сих пор как дорогую память о покойном Григории Ивановиче. Другим нашим шефом был Днепрострой - одна из крупнейших строек того бремени. Бойцы часто бывали на строительстве, участвовали в работах. А днепростроевцы в свою очередь помогали нам, чем могли. Величайшим событием и для рабочих стройки, и для наших конников был торжественный пуск электростанции, на который были приглашены многие из нас.

Осенью 1930 года я снова был послан на учебу, на этот раз в Москву, на Высшие академические курсы. Учили нас основательно, и мы жалели, что учеба длилась всего десять недель. Возвращаясь в дивизию, мы, вздыхая, говорили о том, как многому можно научиться за год, а тем более за три года в академии и как счастлив тот командир, кому выпадает эта возможность.

11 января 1933 года меня назначили командиром 4-й кавалерийской дивизии. По пути в Белоруссию, где , дивизия дислоцировалась, я сделал остановку в Киеве, чтобы попрощаться с командующим округом и поблагодарить его за науку и за выдвижение на столь высокую должность. Я сказал также, что с удовольствием остался бы в его подчинении.

- Видите ли, товарищ Горбатов, - сказал Якир, - вакансий на такие должности у нас сейчас нет, а продолжать держать вас заместителем комдива я считаю нецелесообразным.

Он обещал иметь меня в виду и в свою очередь поблагодарил за службу.

В Минске я вручил свое предписание командиру корпуса С. К. Тимошенко. Он информировал меня о состоянии дивизии, подробно остановился на ее недостатках, высказал свое мнение о каждом командире полка и о других старших командирах.

Поскольку дело было к вечеру, Семен Константинович предложил переночевать у него.

На другой день я был в Слуцке, где размещался штаб дивизии. Познакомился с его работниками, два дня ездил по полкам, изучая положение дел. И вдруг вечером позвонили из Главного управления кадров: получилась досадная ошибка я назначен не в эту дивизию, а в 4-ю Туркменскую горнокавалерийскую, которая находится в Средней Азии.

Через неделю я был уже в Ташкенте у командующего войсками округа П. Е. Дыбенко, В Мерве меня встретили начальник штаба дивизии Юрчик, начальник политотдела Байназаров и его заместитель Муравьев. Они рассказали мне о дивизии и ее людях.

Дивизия дислоцировалась в гарнизонах, разбросанных на

обширной территории. Одно из подразделений было в Кушке, у афганской границы. Когда-то в Кушку посылали за провинности, а потому среди командиров ходила поговорка: "Меньше взвода не дадут, дальше Кушки не пошлют". Дивизия только что развернулась из отдельной бригады и была укомплектована, за исключением одного полка, туркменами. Большинство командиров были тоже туркменами, в той или иной степени знающими русский язык.

При первом же знакомстве я залюбовался людьми дивизии - худощавые, хорошо сложенные, стройные, подтянутые. Радовало, что бойцы заботливо относятся к лошадям: кони здоровые, чистые, в рабочем теле.

Дел нам предстояло много. Конники до этого вели бои с басмачами, на учебу времени не оставалось. Сейчас надо было все занятия начинать заново. Пришлось уделить много внимания методике обучения, проводить показные и инструкторские занятия для младших и средних командиров. Обязали всех командиров глубже изучить уставы. Уточнили распорядок дня. Потребовали строже относиться к соблюдению правил караульной и внутренней служб.

Для меня основная трудность заключалась в том, что я не знал туркменского языка и вначале приходилось объясняться с подчиненными через переводчика.

Но все оказалось преодолимым. Через год дивизию проверяла окружная комиссия во главе с заместителем командующего войсками. К нашей общей радости, дивизия получила хорошую оценку. Многие из командиров и начальников получили подарки и денежные награды. Я был награжден двухмесячным окладом и приглашен на заседание Революционного военного совета СССР в Москву. Мы заняли первое место в округе среди кавалерийских дивизий.

Осенью провели методические сборы: в дивизионном масштабе - для старших, в полках - для средних, а в эскадронах - для младших командиров. Проводили бойцов, отслуживших свой срок. На их место пришла молодежь, которую надо было учить с азов. Но мы уже накопили некоторый опыт, и дело пошло на лад. Командный состав дивизии сплотился в крепкий работоспособный коллектив. Я до сих пор с благодарностью вспоминаю товарищей Исмаилова, Лучинского, Тишинского, Иванова, Саултаура и других командиров, отдававших все силы обучению и воспитанию подчиненных.

Между прочим, в свой личный блокнот я вписал даты рождения многих командиров и не забывал вовремя поздравить товарища. Казалось бы, мелочь, но и она благоприятно влияла на

работу.

За второй год моего командования наша дивизия получила отличную оценку, заняв первое место среди всех дивизий округа. Снова ряд командиров и начальников получили различные поощрения, в том числе и я.

Осенью 1935 года нас проверял командующий округом М. Д. Великанов, заслуженно пользовавшийся славой одного из лучших советских военачальников. Дивизия без труда подтвердила прежнюю отличную оценку, закрепила за собой и на сей раз первенство в округе и заняла четвертое место во Всеармейском конкурсе кавдивизий. Я был награжден орденом.

В том же году наши туркменские конники совершили беспримерный пробег Ашхабад - Москва. Этот дальний поход, совершенный в невиданно короткий срок, показал высокую выучку и мужество бойцов. Отлично проявили себя и наши кони текинской породы. Путь лежал через всю северную часть пустыни Каракумы. Тысячи километров кавалеристы прошли по бездорожью, под палящим солнцем. Отважных конников всюду встречали тепло, и особенно радушно - в Москве. Правительство достойно оценило их подвиг. Они вернулись к себе чрезвычайно довольные.

У меня было прекрасное настроение: дела в дивизии шли хорошо, я добился уважения со стороны подчиненных и сам их полюбил; командование округа и туркменское правительство нам помогали.

Но меня поджидало большое личное горе: из дому сообщили, что скончался отец. Он всегда легко заболевал, но был выносливым, справлялся с болезнями и продолжал трудиться упорно и добросовестно. В детстве я побаивался его суровой требовательности, иногда его строгость меня возмущала. С годами, научившись понимать его характер и его жизнь, я горячо полюбил отца, и мне важно было знать, что он живет там, в родных местах, помнит обо мне и радуется, что сыну удалось то, чего не мог добиться он сам.

Я вспомнил, как в 1919 году, когда я уходил в Красную Армию, он лежал больной на лавке и, прощаясь, сказал мне: "Ты, сын, решил правильно".

И вот его не стало...

Когда я ехал в Туркмению, мне рассказывали много страшного о Средней Азии. Говорили о недостатке воды, о невыносимой жаре, о почти полном отсутствии зелени, о скорпионах, каракуртах, фалангах, ядовитых змеях, пугали жгучим ветром "афганцем", несущим тучи песка из пустыни.

На все эти разговоры я отвечал: "Поживем - увидим". И с первых же месяцев жизни в Туркмении я убедился, что все не так, как мне расписывали. И край чудесный, и еще прекраснее туркменский народ, честный, трудолюбивый, смелый и предприимчивый. С особенно большим уважением я вспоминаю женщин-туркменок, их тягу к новой жизни, к знанию вопреки сложившимся веками обычаям, их прекрасную работу на хлопковых полях, в ткацких и ковровых мастерских.

А в какой цветущий сад умеют превратить эти люди каждый клочок земли, отвоеванный у пустыни! Здесь выращиваются лучший в мире хлопок, знаменитые чарджуйские дыни, персики, абрикосы, сливы и самые разнообразные сорта винограда.

Правда, три месяца в году здесь бывает очень жарко, но русские, живущие в Туркмении, переносят это время не так уж плохо.

Даже уехав на благодатную Украину, мы с женой с сожалением вспоминали о ярком туркменском солнце, о жарких безоблачных днях и темных, бархатных, звездных ночах Туркмении.

Трудную нашу службу облегчала постоянная забота о нас правительства Туркмении. С исключительным вниманием относились к людям дивизии городские власти во главе с энергичным и способным К. И. Кулиевым, который был в то время секретарем райкома.

Правительство республики организовало для дивизии однодневный дом отдыха с большим фруктовым садом. У нас было хорошее подсобное хозяйство. Местные власти делали все возможное для лучшего бытового устройства бойцов и командиров.

Организуя учебу, службу и быт подчиненных частей, мне и моим помощникам приходилось много ездить по Средней Азии.

Неизгладимое впечатление оставил у меня переход через горные перевалы из района восточнее Самарканда в Таджикистан. Мы имели с собой верховых и вьючных лошадей, но большую часть пути шли пешие, ведя лошадей в поводу по горным крутым тропам.

У подножия гор был зной, а чем выше мы поднимались, тем холоднее становились порывы ветра. Густой лес сменился чахлым кустарником, потом пошел голый камень, а ближе к вершине все было покрыто снегом и вечными льдами. Воздух на высоте разрежен, без привычки мы задыхались.

Жутко было идти узкой тропой над пропастью, где на глубине пятисот семисот метров текла в ущелье река. Лошади так близко прижимались к скале, что казалось - вот-вот они оборвут

седло или вьюк. Попадались места, где две лошади не могли разойтись, приходилось высылать вперед людей, чтобы предупреждали идущих навстречу. Одна из наших вьючных лошадей сорвалась и полетела вниз; даже лошади сочувствовали ей, тяжело и громко вздыхая. Счастье еще, что повод не увлек вместе с лошадью и вьюковожатого...

Трудны были подъемы, еще труднее - спуски. Но какая неописуемо красивая природа представала перед нами с высоких перевалов! И все-таки мы с облегчением вздохнули, когда вышли хотя и на плохую, но настоящую колесную дорогу.

Однажды после ночевки в пустыне, в пятидесяти километрах от Мерва, мы встретили туркменскую семью. Было очень раннее, еще прохладное утро. Остывшие за ночь пески не излучали тепла, поэтому воздух был прозрачен. Далеко на горизонте, в розовом свете восходящего солнца, четко были видны фигуры идущих людей. Мы ехали навстречу и скоро поравнялись с ними. Впереди шел мужчина, он нес на руках мальчика лет трех-четырех, а за спиной мешок с каким-то имуществом; вокруг пояса и через плечо мужчины была обмотана веревка с привязанной на конце бутылкой, чтобы доставать воду из колодца. За ним гуськом шли трое детей: два мальчика лет восьми-девяти и девочка лет шести. Шествие замыкала женщина, согнувшаяся под тяжестью домашнего скарба да еще вдобавок несшая на руках совсем маленького ребенка. Люди были худые, сожженные солнцем до черноты, все оборванные, босые, страшно уставшие.

Как выяснилось потом из разговора, они, когда-то ушедшие к родственникам в Иран, снова перешли нашу границу, чтобы не умереть с голоду. Они рассчитывали пройти от Серахса до Мерва за восемь дней, но за семь дней прошли лишь немного больше половины этого расстояния. Пищи и воды у них уже не было, от жары и усталости они двигались все медленней, а ближайший колодец был такой глубины, что всей их веревки не хватило бы до поверхности воды.

Нам было трудно себе представить, как они смогли пуститься в такой тяжелый путь. Чем они питались эту неделю? Как выдержали такую пытку взрослые, а тем более дети? У нас сердце сжималось, когда мы смотрели на босые ноги детей: ведь днем, когда солнце накалит песок, даже в сапогах горячо ступать...

Думаю, что, если бы мы их не встретили, не снабдили продовольствием, водой и тонкой, крепкой бечевой с котелком, не дали бы им старую палатку, они просто погибли бы...

Никогда не забуду радость, сверкавшую в их красных, воспаленных глазах. С какой жадностью дети пили и ели! А родители принялись без конца благодарить нас.

На прощание мы показали, как ближе идти, и обещали через трое суток их догнать. Действительно, на четвертый день мы увидели их в двадцати пяти километрах от Мерва под кустом около колодца. На куст была наброшена палатка, и вся семья сидела под ней. Ребятишки побежали нам навстречу. Они были бодры, веселы в, главное, сыты. Мы довезли их до города, отдали им оставшийся сахар, консервы, сухари.

В мае 1936 года внезапно был получен приказ о назначении меня командиром 2-й кавалерийской дивизии, в которой я до осени 1928 года командовал полком.

Эту новость сообщил мне командующий округом М. Д. Великанов; он протестовал против моего ухода, но украинское командование настояло на своем.

Мы обнялись, расцеловались. Я безгранично уважал Михаила Дмитриевича Великанова и как опытного талантливого военачальника, и как человека исключительной честности. Я признался, что больше всего мне не хочется сейчас расставаться с ним, хотя о Якире я очень высокого мнения и отношения у нас были хорошие.

- Ну, что же поделаешь? На этом наша служба не кончается, и я не вечно буду в Средней Азии. Возможно, увидимся с вами на работе в другом месте, сказал Великанов.

Съездил я в Ашхабад, попрощался с секретарем ЦК Компартии Туркмении А. Я. Попком, Председателем Совета Министров республики К. С. Атабаевым, председателем ЦИК Н. Айтаковым. Вечером собрались небольшим кружком, поговорили дружески и расстались. Я не знал, что больше их не увижу: никто из них не пережил 1937 года...

Долго мы смотрели с женой в окна вагона. А вот уже и Бапрам-Али. Здесь нас ожидала группа командиров. Поезд стоял недолго, но я вышел, чтобы еще раз пожать руки товарищам.

В Ташкенте позвонил М. Д. Великанову, чтобы еще раз сказать "до свидания". Но этого свидания не было: у порога стоял 1937 год...

В Москве мы пробыли двое суток. Зашел в инспекцию кавалерии, повидался с С. М. Буденным, получил от него некоторые сведения о 2-й кавдивизии и указания относительно дальнейшей работы.

В Киеве я доложил И. Э. Якиру о своем возвращении на Украину. Он встретил меня словами:

- Много пришлось мне приложить труда, чтобы вернуть вас. Великанов никак не хотел отдавать, но нарком посчитал, что вы здесь нужнее. Григорьев командует сейчас корпусом, дивизия после него осталась как бы беспризорной. А мы должны

заботиться о высокой боеспособности каждой части. Фашизм в Германии все наглеет, ко всему надо быть готовым.

Помощник Якира по коннице С. К. Тимошенко встретил меня по-дружески и подробно ознакомил меня с состоянием 2-й кавдивизии. Она в это время вышла из состава 1-го конного корпуса Червонного казачества и входила в состав 7-го кавалерийского корпуса, которым командовал П. П. Григорьев. Вместе с Петром Петровичем в его машине мы отправились в район, где дислоцировалась дивизия, в город Староконстантинов (пятьдесят километров за Шепетовкой). Я был представлен командирам частей как их новый начальник. Однако "новый" встретил здесь много старых знакомых, которые за последние восемь лет сильно продвинулись по службе.

В этой дивизии не было надобности менять распорядок дня и вносить существенные новшества. Наоборот, здесь пришлось сначала ко всему присмотреться и, кстати сказать, со многими нововведениями согласиться.

Техники во 2-й дивизии было больше, чем в Туркменской: вместо бронетанкового дивизиона в ней был уже танковый полк с новыми быстроходными танками; более совершенной была артиллерия; один из полков с лошадей пересел на машины и т. д. Присмотревшись к командному составу, я нашел, что люди вполне соответствуют своим должностям: начальник штаба Свириченко, мой заместитель Мосин и начальник политотдела Куликов были опытными и способными работниками, то же можно было сказать про командиров частей и начальников родов войск и служб. Вообще дивизию я принял на слаженном и смазанном ходу. Конечно, кое-что всегда надо налаживать и подтягивать.

Вот недостатки, которые я обнаружил (вероятно, они появились или увеличились за то время, что П. П. Григорьев был в корпусе).

Много людей не охватывалось повседневной учебой. Докладывали, что весь эскадрон в наряде, но оставшиеся в расположении части десять - пятнадцать человек болтались без дела. Случилось, что выделили на весь день двадцать бойцов разгружать два вагона, хотя с этим делом легко бы управились восемь человек за четыре часа, а остальные могли бы быть на занятиях.

Не учитывалось, что некоторые занятия без ущерба для их качества вполне можно проводить возле казарм, не выводя людей в поле за три километра и не тратя полтора часа драгоценного учебного времени на бесцельные переходы. Переходы на стрельбище и обратно не использовались для учебы. Пробыв на

стрельбище шесть часов, бойцы за это время, бывало, произведут три выстрела, бросят пять-шесть раз учебную гранату, сделают еще кое-что, все это можно выполнить за один час, а тратится целый учебный день.

Отметил я низкий уровень некоторых занятий. Получилось так у тех командиров, которые не готовились к урокам, полагаясь на память и прежние знания. Бывало и так: командир учит бойцов готовить орудие для стрельбы по танкам и смотрит только на часы - лишь бы поскорее! И не обращает внимания, что наводка производится кое-как. На полигоне останавливались на одном и том же месте. Люди привыкали к этому и стреляли метко. Но стоило мне изменить положение мишеней, как результаты стрельбы стали куда ниже.

Пришлось заняться и поварами. А то пища была обильная, но невкусная.

Серьезный разговор произошел с врачами. В дивизий было много случаев заболеваний и различных травм. Происходило это потому, что врачи только лечили, а не думали о профилактике заболеваний и несчастных случаев, с эскадронами на занятия не выезжали, редко бывали на физподготовке. Потребовал и тут навести порядок.

Сначала кое-кому моя требовательность не понравилась, но потом все поняли, что все это нужно для дела.

Лето 1936 года было богато событиями.

В начале лета С. К. Тимошенко проводил большую полевую поездку, в которой принимали участие все командиры и начальники штабов кавкорпусов и дивизий. В конце лета были проведены маневры в районе города Шепетовка с выброской парашютистов. Маневрами руководил Якир, присутствовали Ворошилов, Буденный.

После маневров были проведены в Киеве большие конные соревнования, красивые и интересные. Вечером в зале Киевского оперного театра появились все Маршалы Советского Союза. Встреча тружеников Украины с высшими представителями армии была теплой и искренней. Никто не предчувствовал, что некоторых маршалов мы видели тогда в последний раз...

Над нашей кавдивизией шефствовала Коммунистическая партия Германии. Вильгельм Пик подолгу находился в Москве как член Исполкома Коминтерна, приезжал в нашу дивизию на каждый праздник 1 Мая и 7 Ноября.

В ноябре 1936 года, прибыв к нам в дивизию, он вечером был у меня на квартире. Подняв бокал и обращаясь ко мне, он провозгласил тост за встречу в свободном от фашизма Берлине. Так как я никогда не пил, за меня выпила моя жена.

В то время эта мечта казалась несбыточной. Забегая вперед, скажу, что в 1945 году, когда я был командармом и по совместительству комендантом Берлина, товарищи Вильгельм Пик и Вальтер Ульбрихт прибыли к нам в штаб. Мы сели за стол, Пик сказал: "Помните тысяча девятьсот тридцать шестой? Я пил за будущую встречу в свободном, демократическом Берлине, а вы не верили и не выпили. Так давайте выпьем сейчас за состоявшуюся встречу!" Теперь я не отказывался. После Дня Победы меня можно было считать "пьющим" - тогда я выпил первый в своей жизни бокал вина.

Приведу еще один памятный мне случай, относящийся к той же поре. В марте или апреле 1937 года я был делегатом на областной партийной конференции в Виннице. Мне она очень запомнилась. Слово для приветствия было дано колхознице из Красиловского района, собравшей тысячу центнеров свеклы с каждого гектара. Пока "тысячница" приветствовала конференцию, голова моей соседки, тоже колхозницы, наклонялась все ниже и ниже, и я заметил на ее глазах слезы.

- О чем вы грустите? - спросил я. - Ведь она ничего плохого не сказала.

-Вы ничего не знаете... - ответила женщина сквозь слезы.

Успокоившись немного, она рассказала мне:

- Я тоже давала слово собрать свеклы тысячу центнеров с га, а своего слова не сдержала, собрала только по девятьсот шестьдесят центнеров. Вот почему я плачу, хоть меня и чествуют.

Я был поражен ее словами. Знал я, что в среднем у нас собирают с гектара сто шестьдесят - двести пятьдесят центнеров свеклы, а тут женщина собрала девятьсот шестьдесят и плачет - слова не сдержала!..

Невольно сравнивал я себя и некоторых знакомых мне офицеров с этой колхозницей: мы-то так не переживали, когда что-то у нас не получалось с выполнением обещания... Не раз я потом ставил эту колхозницу в пример своим подчиненным, которые, обещав добиться отличных показателей, получали лишь удовлетворительные или хорошие оценки и не стыдились этого.

Глава пятая. Так было

В один из весенних дней 1937 года, развернув газету, я прочитал, что органы государственной безопасности "вскрыли военно-фашистский заговор". Среди имен заговорщиков назывались крупные советские военачальники, в их числе Маршал Советского Союза М. Н. Тухачевский.

Это известие меня прямо-таки ошеломило. "Как могло случиться, - думал я, чтобы люди, игравшие видную роль в

разгроме иностранных интервентов и внутренней контрреволюции, так много сделавшие для совершенствования нашей армии, испытанные в дни невзгод коммунисты, могли стать врагами народа?" В конце концов, перебрав различные объяснения, я остановился на самом ходком в то время: "Как волка ни корми, он все в лес смотрит". Этот вывод имел кажущееся основание в том, что М. Н. Тухачевский и некоторые другие лица, вместе с ним арестованные, происходили из состоятельных семей, были офицерами царской армии... "Очевидно, - говорили тогда многие, строя догадки, - во время поездок за границу в командировки или на лечение они попали в сети иностранных разведок".

На Киевской окружной партийной конференции мы, делегаты, заметили, что И. Э. Якир, всегда веселый и жизнерадостный, выглядел за столом президиума сосредоточенным и угрюмым. Мы объясняли себе эту мрачность тем, что, по слухам, его переводили командующим в Ленинградский военный округ, меньший, чем Киевский.

А через несколько дней нам стало известно, что в поезде, где-то под Москвой, Якир был арестован как участник "заговорщицкой группы Тухачевского". Для меня это был ужасный удар. Якира я знал лично и уважал его. Правда, в глубине души еще теплилась надежда, что это - ошибка, что разберутся и освободят. Но об этом говорили между собой только очень близкие люди.

Вскоре в Киевский военный округ прибыло новое руководство. Член Военного совета Щаденко с первых же шагов стал подозрительно относиться к работникам штаба. Приглядывался, даже не скрывая этого, к людям, а вскоре развернул весьма активную деятельность по компрометации командного и политического состава, которая сопровождалась массовыми арестами кадров. Чем больше было арестованных, тем труднее верилось в предательство, вредительство, измену. Но в то же время как этому было и не верить? Печать изо дня в день писала все о новых и новых фактах вредительства, диверсий, шпионажа...

Когда в начале августа 1937 года командир нашего 7-го кавкорпуса Петр Петрович Григорьев был срочно вызван в Киев, командиры дивизий насторожились. Узнав, что он возвращается в Шепетовку в субботу вечером, я позвонил его жене, Марии Андреевне, и сказал, что приеду к ним в воскресенье.

Приехав к Григорьевым с женой, я застал их в грустном и подавленном настроении. На вопрос, зачем его вызывали в Киев, Петр Петрович ответил, что в окружной партийной комиссии ему

предъявили обвинение в связях с "врагами народа".

Мы собрались уезжать. Мария Андреевна заплакала, а Григорьев, пожимая нам руки, сказал:

- Кто знает, увидимся ли еще?

Желая как-то успокоить Григорьевых, я сказал Петру Петровичу:

- Ну уж тебе, потомственному рабочему, беспокоиться нечего! Выкинь мрачные мысли из головы. Там разберутся.

Но мы сами уехали от Григорьевых грустные и весь путь до Староконстантинова молчали, думая, конечно, об одном.

Назавтра мы узнали, что Григорьев арестован. В тот же день во 2-й дивизии был собран митинг, где во всеуслышание объявили, что командир корпуса "оказался врагом народа".

"Оказался" - это было в то время своего рода магическое слово, которое как бы объясняло все: жил, работал - и вот "оказался"...

На митинге было предоставлено слово и мне. Я сказал, что знаю товарища Григорьева более четырнадцати лет. За это время мы вместе боролись с антипартийными уклонами. Никаких шатаний у Григорьева в вопросах партийной политики не было. Это - один из лучших командиров во всей армии. Если бы он был чужд нашей партии, это было бы заметно, особенно мне, одному из ближайших его подчиненных в течение многих лет. Верю, что следствие разберется и невиновность Григорьева будет доказана.

Выступавшие после меня ораторы подчеркивали чрезмерную, как они говорили, придирчивость Григорьева, то есть его деловую требовательность, и выискивали недостатки в его работе. Мой голос как бы потонул в этом недобром хоре.

А дня через два до меня дошли слухи, что командир 7-го кавалерийского полка нашей дивизии отдал своего прекрасно выезженного коня, завоевавшего первенство на окружных соревнованиях, уполномоченному особого отдела, который почти не умел ездить на лошади. Никогда не мог бы я прежде подумать, чтобы этот командир мог унизиться до такого поступка.

Вызвав его в штаб, я сказал:

- Вы, по-видимому, чувствуете за собой какие-то грехи, а потому и задабриваете особый отдел? Немедленно возьмите обратно коня, иначе он будет испорчен не умеющим с ним обращаться всадником!

На другой день комполка доложил мне по телефону, что мое приказание выполнено.

Прошел еще месяц. Приказом командующего округом я был освобожден от командования дивизией, а вскоре и исключен из партии штабной парторганизацией "за связь с врагами народа".

Меня отчислили в распоряжение Главного управления кадров Наркомата обороны.

Все мои попытки отстоять себя в окружной парткомиссии оказались безуспешными. Посоветовавшись с женой, мы решили уехать из Староконстантинова в Москву. Прибыв туда, мы на первых порах устроились в гостинице ЦДКА. После того как пришли наши вещи, мы их сдали на склад НКО, а сами с разрешения Главного управления кадров уехали в Саратов к родителям жены, так как жить в гостинице нам было не по карману.

Мой тесть Александр Васильевич Веселов и его добрейшая жена Любовь Сергеевна встретили нас очень радушно. Александр Васильевич был в то время начальником службы движения в управлении Рязано-Уральской железной дороги. Вместе с ними жили дочь Лена - студентка мединститута и сын Сережа - ученик средней школы. Семья занимала трехкомнатную квартиру и одну из комнат любезно предоставила нам.

Положение мое продолжало оставаться неясным, и, конечно, настроение было невеселым. Мы прожили в Саратове несколько месяцев. Наконец в первых числах марта 1938 года я был вызван в парткомиссию Главного политуправления и восстановлен в партии. В связи с этим ко мне резко изменилось отношение и в Главном управлении кадров. Через два с половиной месяца, 15 мая, мне был вручен приказ о назначении на должность заместителя командира 6-го кавкорпуса, которым командовал Жуков, а комиссаром корпуса был старший политрук Фоминых. Радости нашей не было конца. Правда, я с гораздо большим удовольствием пошел бы командовать дивизией, так как по своему характеру предпочитаю самостоятельную работу, но мне ее не дали.

"Видимо, - подумал я, - опала с меня не совсем снята. Ну, ничего..."

Мы отправились в город, где в то время находился штаб 6-го кавкорпуса. Командир корпуса принял меня хорошо и поселил нас во втором этаже особняка, где жил сам.

Я очень соскучился по работе и быстро включился в дело.

Вскоре Г. К. Жуков получил назначение на должность помощника командующего округом по коннице и уехал с Смоленск, оставив меня временно командовать корпусом. Я предполагал, что буду утвержден в этой должности, но моя надежда не сбылась. "Значит, мое подозрение, что опала с меня не снята, подтверждается", - подумал я.

Вскоре прибыл новый комкор А. И. Еременко. Он оказался энергичным командиром и хорошим хозяином. Я его знал еще но

Новоград-Волынскому, где он в 1937 году был заместителем командира дивизии, и мы быстро нашли с ним общий язык. Жизнь налаживалась.

В сентябре кладовщик штаба корпуса напомнил мне, чтобы я получил причитающееся по зимнему плану обмундирование; когда же я прибыл к нему на другой день, он со смущенным видом показал мне телеграмму от комиссара корпуса Фоминых, находившегося в это время в Москве: "Воздержаться от выдачи Горбатову планового обмундирования". Вслед за этой странной телеграммой пришел приказ о моем увольнении в запас...

15 октября 1938 года я выехал в Москву, чтобы выяснить причину моего увольнения из армии. К Наркому обороны меня не допустили. 21 октября начальник ГУКа Е.А. Щаденко, выслушав меня в течение двух-трех минут сказал: "Будем выяснять ваше положение", а затем спросил, где я остановился.

Днем я послал жене телеграмму: "Положение выясняется", а в два часа ночи раздался стук в дверь моего номера в гостинице ЦДКА. На мой вопрос: "Кто?" ответил женский голос:

- Вам телеграмма.

"Очевидно, от жены", - подумал я, открывая дверь. Но в номер вошли трое военных, и один из них с места в карьер объявил мне, что я арестован. Я потребовал ордер на арест, но услышал в ответ:

- Сами видите, кто мы!

После такого ответа один начал снимать ордена с моей гимнастерки, лежащей на стуле, другой - срезать знаки различия с обмундирования, а третий, не сводя глаз, следил за тем, как я одеваюсь. У меня отобрали партийный билет, удостоверение личности и другие документы. Под конвоем я вышел из гостиницы. Меня втолкнули в легковую машину. Ехали молча. Трудно пе - редать, что я пережил, когда меня мчала машина по пустынным ночным улицам Москвы.

Но вот закрылись за мной сначала массивные ворота на Лубянке, а потом и дверь камеры. Я увидел каких-то людей, поздоровался, и в ответ услышал дружное: "Здравствуйте!" Их было семь. После недолгого молчания один из них сказал:

- Товарищ военный, вероятно, думает: сам-то я ни в чем не виноват, а попал в компанию государственных преступников... Если вы так думаете, то напрасно! Мы такие же, как вы. Не стесняйтесь, садитесь на свою койку и расскажите нам, что делается на белом свете, а то мы давно уже от него оторваны и ничего не знаем.

Мои товарищи по несчастью особенно интересовались положением в гитлеровской Германии. Позднее я узнал, что все

они в прошлом ответственные работники. Произвели они на меня впечатление культурных и серьезных людей. Однако я пришел в ужас, когда узнал, что все они уже подписали на допросах у следователей несусветную чепуху, признаваясь в мнимых преступлениях за себя и за других. Одни пошли на это после физического воздействия, а другие потому, что были запуганы рассказами о всяких ужасах.

Мне это было совершенно непонятно. Я говорил им: ведь ваши оговоры приносят несчастье не только вам и тем, на кого вы лжесвидетельствуете, но также их родственникам и знакомым. И наконец, говорил я, вы вводите в заблуждение следствие и Советскую власть. Ведь некоторые подписывались под клеветой даже на давно умершего Сергея Сергеевича Каменева!

Но мои доводы никого не убедили. Некоторые придерживались странной "теории": чем больше посадят, тем лучше, потому что скорее поймут, что все это вреднейший для партии вздор.

- Нет, ни при каких обстоятельствах я не пойду по вашей дороге, - сказал я, и, так как они доказывали мне свою правоту, у меня сначала пропало к ним сострадание, а потом я почувствовал даже отвращение к этим трусам. Я так рассердился, что сказал им:

- Своими ложными показаниями вы уже совершили тяжелое преступление, за которое положена тюрьма... На это мне иронически ответили:

- Посмотрим, как ты заговоришь через неделю!

Трое суток меня не вызывали.

Обдумывая в эти дни свое положение, я пришел к мысли, что, вероятно, некоторые из моих соседей по камере действительно замешаны в каких-то нехороших делах, а другие нарочно подсажены, чтоб "обрабатывать" новичков, психологически подготовлять их к подписыванию любой чепухи, тем самым облегчая задачу следователю.

На четвертый день вечером меня отвели к следователю. Своей фамилии он не назвал. Сверив мои анкетно-биографические данные и посадив меня напротив себя, он дал мне бумагу, ручку и предложил "описать все имеющиеся за мной преступления".

- Если речь идет о моих преступлениях, то мне писать нечего, - ответил я.

- Ничего! - сказал он. - Сначала все так говорят, а потом подумают хорошенько, вспомнят и напишут, У тебя есть время, нам спешить некуда. Кому писать нечего - те на свободе, а ты - пиши.

Он вышел из комнаты.

Прошло много времени, пока он вернулся. Увидев, что я ничего не написал, удивился:

- Ты что, разве не понял, что от тебя требуется? Имей в виду, мы шутить не любим! Так изволь выполнять! Тебе не выгодно портить со мной отношения. Не было еще случая, чтобы кто-нибудь у меня не написал. Понятно?

И снова он вышел из комнаты.

Приблизительно через час, увидев, что я не пишу, следователь сказал:

- Ты плохо себя повел с самого начала. Жаль! Ну , что ж, подумай в камере.

Два дюжих охранника, скрутив мне руки назад, водворили меня в камеру. Как только за мной захлопнулась дверь, меня засыпали вопросами: "Что спрашивали? Как отвечал? Что показал?"

Выслушав меня, товарищи пришли к выводу, что метод допроса не изменился. Мне нужно ждать следующих вызовов, на которых я начну писать, или меня повезут в Лефортово.

Прогноз подтвердился. Через сутки повторилось то же, что на первом допросе. На этот раз следователь вел себя крайне грубо, ругался и угрожал отправить меня в Лефортово. В этот же день он меня вызвал еще раз на короткое время. Разговаривал со мной уже более "высокий чин". Предложил мне писать показания, а услышав мое твердое "не буду", тоже начал ругаться и закончил угрозой:

- Пеняй на себя.

На следующий день открылась дверь камеры, вошедший спросил: "Чья тут фамилия на букву "Г"? Я назвал свою фамилию. Мне было приказано готовиться на выход с вещами.

Всем стало ясно: меня повезут в Лефортовскую тюрьму. Мне неподдельно сочувствовали, давали советы и желали всего хорошего. Нет, напрасно я плохо думал об этих людях.

Сев в черную машину, я услышал, как зашумел мотор, как захлопнулись ворота. До моих ушей иногда долетал говор и смех на улицах. Потом я слышал, как открылись и захлопнулись ворота Лефортовской тюрьмы. И вот я оказался в маленькой, когда-то, наверное, одиночной камере. Там уже были двое. Три койки стояли буквой "П".

Моими соседями оказались комбриг Б. и начальник одного из главных комитетов Наркомата торговли К. Оба они уже написали и на себя, и на других чепуху, подсунутую следователями. Предрекали и мне ту же участь, уверяя, что другого выхода нет. От их рассказов у меня по коже пробегали мурашки. Не верилось,

что у нас может быть что-либо подобное.

Мнение моих новых коллег было таково: лучше писать сразу, потому что все равно - не подпишешь сегодня, подпишешь через неделю или через полгода.

- Лучше умру, - сказал я, - чем оклевещу себя, а тем более других.

- У нас тоже было такое настроение, когда попали сюда, - отвечали они мне.

Прошло три дня. Начались вызовы к следователю. Сперва они ничем не отличались от допросов, которые были на Лубянке. Только следователь был здесь грубее, площадная брань и слова "изменник", "предатель" были больше в ходу.

- Напишешь. У нас не было и не будет таких, которые не пишут!

На четвертый день меня вызвал кто-то из начальников. Сначала он спокойно спросил, представляю ли я, к чему себя готовлю, хорошо ли это продумал и оценил? Потом, когда я ответил, что подумал обо всем, он сказал следователю: "Да, я с вами согласен!" - и вышел из комнаты.

На этот раз я долго не возвращался с допроса.

Когда я с трудом добрался до своей камеры, мои товарищи в один голос сказали:

- Вот! А это только начало.

А товарищ Б. тихо мне сказал, покачав головой:

- Нужно ли все это?

Допросов с пристрастием было пять с промежутком двое-трое суток; иногда я возвращался в камеру на носилках. Затем дней двадцать мне давали отдышаться.

Больше всего я волновался, думая о жене. Но вдруг я получил передачу пятьдесят рублей, и это дало мне основание верить, что она на свободе.

Мои товарищи, как ни были они мрачно настроены, передышку в допросах считали хорошим предзнаменованием.

Но вскоре меня стали опять вызывать на допросы, и их было тоже пять. Во время одного из них я случайно узнал, что фамилия моего изверга-следователя Столбунский. Не знаю, где он сейчас. Если жив, то я хотел бы, чтобы он мог прочитать эти строки и почувствовать мое презрение к нему. Думаю, впрочем, что он это и тогда хорошо знал...

До сих пор в моих ушах звучит зловеще шипящий голос Столбунского, твердившего, когда меня, обессилевшего и окровавленного, уносили: "Подпишешь, подпишешь!"

Выдержал я эту муку во втором круге допросов. Дней двадцать меня опять не вызывали. Я был доволен своим

поведением. Мои товарищи завидовали моей решимости, ругали и осуждали себя, и мне приходилось теперь их нравственно поддерживать. Но когда началась третья серия допросов, как хотелось мне поскорее умереть!

Мои товарищи, потеряв надежду на мою победу, совсем пали духом. Однажды товарищ Б. меня спросил:

- Неужели тебя и это не убеждает, что твое положение безвыходно?

- Нет, не убеждает, - ответил я. - Умирать буду, а все буду повторять: нет и нет!

Наконец меня оставили в покое и три месяца не вызывали. В это время я снова поверил, что близится мое освобождение, и мою уверенность разделяли и товарищи по камере. Случалось, что я стучал в дверь и требовал начальника тюрьмы или прокурора. Разумеется, эта дерзость не всегда оставалась безнаказанной.

Много передумал я за эти три месяца. В первый раз я не жалел, что родители умерли (отец в 1935, а мать в 1938 году). Эти простые, трудолюбивые, честные люди так гордились своим Санькой. Какое горе свалилось бы на них, если бы они дожили до моего арест! Много думал я о жене. Ее положение было хуже, чем мое. Ведь я находился среди таких же отверженных, как сам, а она - среди свободных людей, и как знать, может быть, среди них найдутся такие, что отвернутся от нее, как от жены "врага народа"... Эта мысль не давала мне покоя.

Помню - это был предпоследний допрос, - следователь спросил меня, какие у меня взаимоотношения с женой. Я ответил, что жили мы дружно.

- Ах, вот как. Ну тогда мы ее арестуем и заставим ее писать на себя и на тебя, - заявил следователь.

Как я ругал себя за откровенность! Но меня успокаивало то, что я продолжал ежемесячно получать передачу по пятьдесят рублей. Это был верный признак, что жена на свободе.

Позднее я узнал: последнюю мою телеграмму, отправленную в день ареста, она получила. Прошло несколько дней - от меня вестей не было. С каждым днем ее беспокойство росло. Наконец она пошла к командиру корпуса.

- Вероятно, его куда-нибудь послали, - сказал А. И. Еременко.

8 ноября жена решила ехать в Москву. Перед отъездом снова зашла к Еременко.

- Если бы Александра Васильевича арестовали, я бы об этом знал, - сказал Андрей Иванович. Однако он пригласил к себе начальника особого отдела и в присутствии моей жены высказал опасение, не арестован ли я.

- Если бы это случилось, мы об этом знали и давно сделали бы на квартире обыск, - взглянув на Нину Александровну, ответил начальник особого отдела.

9 ноября жена приехала в Москву. Знакомые сказали ей, что с 20 октября они меня не видели и думали, что я уехал домой, в Осиповичи. В гостинице ЦДКА ей ответили только, что я убыл 22 октября. Но когда жена уходила, ее обогнала в коридоре девушка и, не останавливаясь, тихо сказала:

- Его арестовали в ночь на двадцать второе.

Выйдя в сквер, что напротив гостиницы, жена опустилась на скамейку, долго там сидела, плакала и обдумывала, что же ей делать. Решила идти на Лубянку. Оттуда ее послали в справочную. Дождавшись своей очереди, она спросила:

- Где мой муж?

- А почему вы думаете, что ваш муж арестован? - задали ей встречный вопрос.

- Потому что долго не имею от него никаких известий, - ответила она.

- У нас вашего мужа нет.

Однако ей дали адреса всех тюрем, кроме Лефортовской, и сказали:

- Ищите сами, нам о нем ничего не известно.

В тюрьмах и на пересыльных пунктах ей давали тот же ответ.

Наконец, обойдя весь круг, она снова пришла в справочную НКВД и встала в очередь. Здесь она случайно встретила женщину, с которой когда-то познакомилась в Сочи, и поделилась с ней своим горем. Женщина посоветовала ей ехать в Лефортовскую тюрьму и научила, как все разузнать.

Войдя во двор тюрьмы, жена подошла к окошечку в обратилась к дежурному с просьбой принять передачу для ее мужа Горбатова. Окошечко захлопнулось. Через некоторое время тот же дежурный спросил у жены паспорт и взял пятьдесят рублей. Так она узнала, что я нахожусь в Лефортовской тюрьме.

После этого зашла к нашим хорошим московским знакомым, обо всем рассказала и поохала в Осиповичи.

В дороге она надумала уехать из Осиповичей в Саратов, к своей матери, чтобы вместе с ней мыкать горе: дело в том, что 30 апреля 1938 года был арестован отец моей жены, а несколько раньше, в 1937 году, и ее брат, инженер. "Да и работу в Саратове, - думала она, - найти будет легче, чем в Осиповичах".

Возвратясь домой, она сказала о своем намерении командиру корпуса. Он одобрил ее решение, помог с переездом - это было редкостью в то время! Мы в сейчас с большой благодарностью вспоминаем благородный поступок товарища Еременко и его

гражданское мужество, едва ли не более трудное, чем мужество на поле боя.

В ночь перед отъездом жены, около двух часов, в дверь квартиры кто-то громко застучал. Домработница, плача, сказала:

- Это за вами, Нина Александровна, - и не хотела открывать дверь.

Собравшись с силами, жена быстро сбежала по лестнице и спросила: "Кто там?" В ответ два полупьяных голоса наперебой спросили: "Где здесь гостиница?" Опустившись на ступеньки лестницы, жена горько зарыдала. Тем временем работница, проклиная ночных гуляк, указывала им дорогу в гостиницу.

Прибыв в Саратов, Нина Александровна нашла свою мать на окраине города, где та снимала комнату и жила с дочерью и сыном, так как после ареста мужа ее выселили из квартиры. Об арестованном брате ничего не было известно, а отцу "особое совещание" определило пять лет концлагеря.

Продавая вещи, посланные багажом из Осиповичей, жена получала скудные средства на жизнь и на помощь мне и отцу. Ежемесячно она устраивалась на работу, но через несколько дней, узнав, что ее муж, отец и брат "враги народа", ее увольняли без объяснения причин.

Все это я узнал впоследствии, когда вышел на волю.

После трехмесячного перерыва в допросах, 8 мая 1939 года, в дверь нашей камеры вошел человек со списком в руках и приказал мне готовиться к выходу с вещами!

Радости моей не было конца. Товарищ Б., уверенный, что меня выпускают на свободу, все спрашивал, не забыл ли я адрес его жены, просил передать ей, что он негодяй, не смог вытерпеть, подписал ложные обвинения, и просил, чтобы она его простила и знала, что он ее любит. Я ему обещал побывать у его жены и передать ей все, о чем он просит.

Безгранично радостный, шел я по коридорам тюрьмы. Затем мы остановились перед боксом. Здесь мне приказали оставить вещи и повели дальше. Остановились у какой-то двери. Один из сопровождающих ушел с докладом. Через минуту меня ввели в небольшой зал: я оказался перед судом военной коллегии.

За столом сидели трое. У председателя, что сидел в середине, я заметил на рукаве черного мундира широкую золотую нашивку. "Капитан 1 ранга", - подумал я. Радостное настроение меня не покидало, ибо я только того и хотел, чтобы в моем деле разобрался суд.

Суд длился четыре-пять минут. Были сверены моя фамилия, имя, отчество, год и место рождения. Потом председатель спросил:

- Почему вы не сознались на следствии в своих преступлениях?

- Я не совершал преступлений, потому мне не в чем было и сознаваться, ответил я.

- Почему же на тебя показывают десять человек, уже сознавшихся и осужденных? - спросил председатель.

У меня было в тот момент настолько хорошее настроение, и я был так уверен, что меня освободят, что осмелился на вольность, в чем впоследствии горько раскаивался. Я сказал:

- Читал я книгу "Труженики моря" Виктора Гюго. Там сказано: как-то раз в шестнадцатом веке на Британских островах схватили одиннадцать человек, заподозренных в связях с дьяволом. Десять из них признали свою вину, правда не без помощи пыток, а одиннадцатый не сознался. Тогда король Яков II приказал беднягу сварить живьем в котле: навар, мол, докажет, что и этот имел связь с дьяволом. По-видимому, - продолжал я, - десять товарищей, которые сознались и показали на меня, испытали то же, что и те десять англичан, но не захотели испытать то, что суждено было одиннадцатому.

Судьи, усмехнувшись, переглянулись между собой. Председатель спросил своих коллег: "Как, все ясно?" Те кивнули головой. Меня вывели в коридор. Прошло минуты две.

Меня снова ввели в зал и объявили приговор: пятнадцать лет заключения в тюрьме и лагере плюс пять лет поражения в правах...

Это было так неожиданно, что я, где стоял, там и опустился на пол.

В тот же день меня перевели в Бутырскую тюрьму, в камеру, где сидели только осужденные, ожидавшие отправки. Войдя, я громко поздоровался и представился по-военному: "Комбриг Горбатов". После Лефортовской эта тюрьма показалась мне санаторием. Правда, в камере, рассчитанной на двадцать пять человек, было более семидесяти, но здесь давали ежедневно полчаса прогулки вместо десяти минут через день в Лефортове.

Староста указал мне место у двери и параши. Когда я занял свои пятьдесят сантиметров на нарах, сосед спросил:

- Сколько дали, подписал ли предложенное?

- Пятнадцать плюс пять. Ничего не подписал.

- Репрессии применяли?

- В полном объеме.

- Да, не скупятся в таких случаях.

По мере того как одни уходили, а другие приходили, я становился уже старожилом и продвигался от параши и двери ближе к окну.

Староста камеры - лицо выборное. Его выбирают из числа тех, кто пробыл тут долго. Уходя, он рекомендует преемника. Обязанности его немалые: он следит за правильной раздачей хлеба, сахара и другой пищи, разбирает ссоры, разнимает драки (они были редки). Он несет какую-то долю ответственности перед администрацией тюрьмы и в некоторой степени отстаивает интересы заключенных.

В нашей камере собрались люди образованные, различных профессий и специальностей. Они много знали и, сходясь кучками, вели интересные беседы на различные темы. Никто не знал, в какой уголок нашей необъятной Родины он попадет. Предполагали, что на Крайний Север или Дальний Восток. Поэтому особенно мы прислушивались к тем, кто когда-то работал в отдаленных местностях Союза, кто лучше знал географию.

Среди моих сокамерников опять оказалось много людей, которые на допросах сочиняли, как они говорили, "романы" и безропотно подписывали протоколы допросов, состряпанных следователем. И чего только не было в этих "романах"! Один, например, сознался, что происходит из княжеского рода и с 1918 года живет по чужому паспорту, взятому у убитого им крестьянина, что все это время вредил Советской власти и т. д. Многие, узнав, что мне удалось не дать никаких показаний, негодовали на свои вымыслы и свое поведение. Другие успокаивали себя тем, что "всему одна цена - что подписал, что не подписал; ведь вот Горбатов тоже получил пятнадцать плюс пять". А были и такие, что просто мне не верили...

И вот наконец большинству из нас было приказано подготовиться к выходу с вещами. Потом нас в специальных крытых машинах повезли по улицам Москвы на платформу одной из дорог в усадили в товарные вагоны. Все молчали и думали в это время кто о чем. Я все еще почему-то верил, что правда восторжествует и я буду на свободе.

Когда миновали Волгу, стало ясно - везут в Сибирь. В Свердловске нас направили в пересыльную тюрьму. По городским улицам мы шли понурив головы, окруженные охраной с овчарками, как опасные преступники. Нам стыдно было взглянуть в лицо советским людям, идущим по тротуарам, а люди смотрели на нашу разношерстную колонну - одни с презрением, другие с недоумением и жалостью. Как хотелось громко крикнуть: мы не преступники, нет, нет, мы жертвы преступления! Но этого никто не осмелился сделать. Мы, глядя под ноги, шли медленным шагом. Вероятно, некоторые граждане, идущие навстречу, хотели кому-то что-то подать, так как время от времени были слышны

резкие оклики: "Не подходи, не передавай!" - да рычание четвероногих помощников конвоя.

В тюрьме нам впервые было разрешено купить бумагу и написать письма "только чернилами и ничего лишнего". Я написал в Саратов по сохранившемуся в памяти адресу матери моей жены, уверенный, что если Нина Александровна и не вернулась к родителям, так письмо ей все равно перешлют. Сообщил, где я и что, вероятно, через несколько дней мы тронемся дальше. Просил не горевать, заботиться о себе и не ехать в Свердловск - все равно меня там не застанет.

Многие из нашей группы написали близким, чтобы они приехали в Свердловск повидаться. К некоторым из них родные приехали: но свидания им не разрешили, взяли только передачу. А именно этого не хотели я и те мои товарищи, которые просили близких не приезжать: мы догадывались, в каком бедственном положении они находятся сами.

Моя жена, удрученная тем, что очередные пятьдесят рублей, посланные в адрес Лефортовской тюрьмы, вернулись обратно, поехала в Москву. В справочной НКВД на Лубянке ей сообщили, что я осужден, как не раскаявшийся и не разоружившийся преступник, но с правом переписки, и что, когда доеду до одного из лагерей в районе Магадана, вероятно, ей напишу.

Она отправилась к юристу, составила и послала жалобу в Верховный суд. Добилась свидания с Главным военным прокурором. Тот развел руками, но подачу жалобы одобрил.

Возвратясь в Саратов, жена получила мое письмо из Свердловска, написанное десять дней тому назад. Но меня эта возможность дать о себе весть не могла удовлетворить. Я был уверен, что жена не знает о моем поведении на следствии и о направлении на Колыму. Я искал случая отправить нелегально письмо с описанием существа моего дела. У одного из пяти уголовных, ехавших с нами в вагоне, был небольшой кусочек карандашного графита, который он утаил при обыске; он согласился продать его за две пачки махорки. Выписав из лавочки эти две пачки и две книжечки папиросной бумаги, я отдал ему махорку, взял карандаш и написал на тонких листиках письмо, пронумеровав каждый листок. Конверт я сделал из бумаги, в которую была завернута махорка, и заклеил его хлебом. Чтобы письмо не унесло ветром в кусты при выброске из вагона, я привязал к нему корку хлеба нитками, которые вытащил из полотенца, а между конвертом и коркой вложил рубль и четыре листочка с надписью: "Кто найдет конверт, прошу приклеить марку и опустить в почтовый ящик". Проехав какую-то большую станцию, я устроился у окна вагона и незаметно выбросил

письмо, когда миновали последнюю стрелку; я опасался, что, если письмо поднимут при свидетелях, оно не будет отправлено по адресу, а попадет туда, куда оно менее всего должно было попасть.

Поезд медленно увозил нас на восток. Для санитарной обработки наш печальный эшелон останавливался в Новосибирске, Иркутске, Чите. Боясь, как бы в бане меня не обокрали "уркаганы", я мылся правой рукой, а в левой держал деньги. Помню - это было в Иркутске, - вымывшись, мы шли одеваться. Неожиданно один из уголовных подножкой повалил меня на пол, а двое других разжали мой левый кулак и отняли деньги под громкий смех одних и гробовое молчание других заключенных. Протестовать и жаловаться было бесполезно.

В пути и на остановках мы видели много воинских эшелонов с войсками, артиллерией, танками и машинами на платформах. Мы не знали, куда эти эшелоны следуют: может быть, началась война с Японией? Я думал, что, если японцы прикуют наши силы к Востоку, немцы ударят с запада...

Все эти возможные события мы как-то связывали с нашей судьбой. Одни говорили: если начнется война, будет недоставать продовольствия, и мы, заключенные, погибнем; другие говорили; нет, тогда нужны будут люди, умеющие воевать, и нас освободят; третьи уверяли, что теперь нас на Колыму не повезут, так как путь туда закрыт... Больше, чем собственная судьба, военных в нашей среде волновал вопрос: если действительно началась война, то сколько будет излишних потерь в частях и соединениях, которые в связи с арестами лишились опытных командиров!

Миновав Нерчинск, мы уже воинских эшелонов не видели. Я подумал: вероятно, войска передвигаются в Монголию. Действительно, в это время начались военные действия на Халхин-Голе. О них я узнал много позже.

Наконец в начале июля 1939 года нас привезли во Владивосток и разместили за городом в деревянных бараках, обнесенных колючей проволокой. Там было много заключенных, прибывших ранее. Нас продержали здесь дней десять. Стало ясно, что, во-первых, войны с Японией нет, а во-вторых, нас везут на Колыму. Задерживали же нашу отправку потому, что поджидали другие эшелоны, чтобы заполнить большой корабль.

Однажды я услышал голос дежурного по лагерю: "Кто хочет пойти на работу, носить воду в кипятильники?" Соскучившись по работе, я немедленно изъявил желание и боялся, как бы кто не перехватил эту работу; на мое счастье, конкурентов не оказалось.

Воду для заключенных кипятили в двенадцати походных военных кухнях старого образца, стоящих неподалеку от бараков,

а водопроводная колонка была оттуда примерно в ста метрах. Очутившись в стороне от общей сутолоки, не видя грустных лиц и не слыша охов и вздохов, я, насколько можно, успокоился, расправил плечи и с большим удовольствием стал трудиться. Погода была хорошая, светило солнце, дул приятный ветерок. Рас - стегнув ворот гимнастерки, я подставлял ветру грудь, с упоением вдыхал свежий воздух и думал: спасибо вам, солнце и ветер, за то, что вы милостивы к нам, невинно осужденным.

Осужденный по "бытовой" статье бригадир рабочих у кипятильников, видя мое усердие, сказал, что всегда будет звать меня на работу. Я был рад - мне здесь нравилось, и я старался вовсю, работал днем и ночью и уходил в барак лишь на поверку и поесть.

Как-то утром пришла за кипятком большая группа женщин. У каждой было в руках по два ведра. От них я узнал, что прибыл эшелон женщин, осужденных по статье 58. Командир 7-го кавкорпуса Григорьев был арестован год назад; не исключено было, что среди арестованных находится и его жена. Еще будучи на свободе, я слышал о том, что часто арестовывали сперва мужа, а потом жену. Спросил женщин, нет ли среди них Марии Андреевны, жены командира корпуса Григорьева.

- Нас так много... Мы не знаем, есть ли среди нас такая, - сказала одна из женщин. - А что ей передать, если ее увидим?

- Скажите, чтобы пришла за кипятком завтра утром, что ее хочет видеть Горбатов, командир дивизии.

- Хорошо, поищем, спросим, - раздались голоса. Когда на следующий день утром женщины снова при шли за кипятком, среди них оказалась не жена Григорьева, а ее племянница, которая воспитывалась у них с малых лет, а затем вышла замуж за начальника особого отдела дивизии Бжезовского. Сперва арестовали ее мужа, а потом вскоре и ее.

- Вот где встретились, Александр Васильевич, - сказала она.

- Да, Любочка. Не ожидал увидеть вас когда-нибудь в такой обстановке.

Ее обвинили в шпионаже, осудили, и она следовала на Колыму.

Нам удалось поговорить через проволочный забор еще один раз.

Наш пересыльный лагерь пополнялся все новыми людьми, прибывавшими с очередными эшелонами. Затем нас перевезли в бухту Находка, на пароход "Джурма", и мы отплыли в Магадан.

Тоска, безысходное горе еще сильнее придавили несчастных людей, когда корабль удалился от материка. Даже меня, ни на минуту не терявшего надежды на освобождение, временами

охватывало чувство обреченности.

На пароходе нас было около семи тысяч. Сидели мы в трюме, в отдельных отсеках. Время от времени нас выводили на палубу подышать свежим воздухом. Однажды во время прогулки мы увидели, что наш пароход идет через ворота Лаперуза, Справа виднелся японский берег, а слева - южная оконечность Сахалина, захваченная японцами в 1904-1905 годах. Нас охватила какая-то тревога, мы даже говорили от волнения тихо. Я думал в то время: если нас не освободят до войны с Германией и Японией, то нам отсюда уже не вырваться: эти ворота закроются для наших судов, и останется единственный маловероятный путь - по воздуху...

До ворот Лаперуза погода стояла хорошая, а когда вошли в Охотское море, начались штормы, качка была невероятной, наш океанский пароход бросало как щепку. Хотя меня мутило меньше, чем других, я тоже страдал, потому что в трюме было очень душно, а в шторм на палубу нас не выпускали: капитан и начальник конвоя опасались, как бы кого из нас не смыло волной, потом отвечай, если счет не сойдется!

В Охотском море со мной стряслось несчастье. Рано утром, когда я, как и многие другие, уже не спал, ко мне подошли два "уркагана" и вытащили у меня из-под головы сапоги. Сильно ударив меня в грудь и по голове, один из уголовных с насмешкой сказал: "Давно продал мне сапоги и деньги взял, а сапог до сих пор не отдает". Рассмеявшись, они с добычей пошли прочь, но, увидев, что я в отчаянии иду за ними, они остановились и начали меня снова избивать на глазах притихших людей. Другие "уркаганы", глядя на это, смеялись и кричали: "Добавьте ему! Чего орешь? Сапоги давно не твои". Лишь один из политических сказал: "Что вы делаете, как же он останется босой?" Тогда один из грабителей, сняв с себя опорки, бросил их мне.

Я не раз слышал в тюрьме рассказы о скотской грубости уголовных, но, признаться, никогда не думал, что в присутствии других заключенных могут вот так безнаказанно грабить.

Как бы там ни было, я лишился сапог, а жаловаться было бесполезно. Охрана во главе с начальником ладила с "уркаганами", поощряя склонность к насилию и пользуясь ими для издевательства над "врагами народа".

Моим соседом по нарам был крупный инженер, не раз бывавший за границей, Л. И. Логинов. С ним мы быстро сошлись и частенько беседовали на различные темы. Самым приятным временем суток были те полчаса, когда нас выводили на палубу подышать свежим воздухом.

Все эти изнурительные семь суток плавания мы питались сухим пайком, который доходил до нас в сильно урезанном виде,

да получали немного кипятку. Многие не выдержали такого режима и заболели.

По уменьшившемуся ходу судна, ослабевшей работе двигателей, беготне по палубе и крикам мы догадались, что подходим к берегу. Вот застопорились машины, слышен был топот ног над головой. Через час открылся наш люк и раздалась команда: "Выходи на палубу!" Началось обычное построение по пятеркам и передача человеческого груза новому конвою.

Перед нами виднелся небольшой новый город, за ним теснились горы.

Опять команда "Шагом марш!" - и заключенные двинулись колонной в неизвестный путь, бросая последний взгляд на море, на пароход. Вероятно, у каждого было на душе одно и то же: увидим ли море еще раз, придется ли плыть на пароходе при более счастливых обстоятельствах?

Мы пришли в Магадан, в центр Колымского края. Кто-то, по-видимому уже знавший эти места, тихонько пропел:

Колыма, ты Колыма,
Дивная планета!
Десять месяцев зима,
Остальное - лето.

Магадан нас встретил неприветливо: моросил дождь, было холодно, выбоины на дороге полны воды. Шли молча, каждый думал о своем. Прохожие не обращали внимания на нас: вероятно, эта картина магаданцам уже примелькалась.

В луже остался мой опорок. Я наклонился, стал его искать, этим затормозил движение. Получил увесистый тумак и упал боком в лужу. Соседи помогли встать, порядок в колонне был восстановлен. Я мог ответить конвоиру только укоризненным взглядом, который он и не заметил. После кое-какой санобработки и разбивки по группам всех нас, кроме явно больных, направили на отдаленные прииски, в пятистах - семистах километрах от Магадана.

Нет сомнения, что большая роль в первоначальном развитии и эксплуатации. Колымского края принадлежала заключенным - с тех пор, конечно, как сюда стали посылать так называемых "врагов народа" - людей высокой квалификации в самых различных отраслях труда, привыкших трудиться не за страх, а за совесть.

По нет сомнения и в том, что эти же люди могли бы принести пользу неизмеримо большую, если бы они не были удручены неотвязной мыслью о своем незаслуженном унижении, если бы их не терзала тревога за судьбу близких, если бы они жили в человеческих условиях и если бы их трудовыми усилиями

распоряжались знающие и добросовестные руководители, а не "надзиратели", упоенные случайно доставшейся бесконтрольной властью.

Цель моего рассказа - поведать молодому поколению о людях, не потерявших даже в этих условиях веру в справедливость, в нашу великую ленинскую партию и родную Советскую власть, хотя многие из них потеряли надежду вернуться когда бы то ни было на свободу.

Но встречались среди нас и такие, которые утратили веру во все самое дорогое для советского человека и, думая лишь о том, как бы выгородить себя, шли на все, что угодно было негодяям, действительным врагам коммунизма и советского народа. Свое отступничество некоторые из этих трусов прикрывали всякими "философиями".

Невинно осужденных я видел много: на пересыльном пункте во Владивостоке, в Магадане и других местах. Большинство этих несчастных считали себя обреченными. Против своей воли они были вынуждены подписать протоколы допросов, где говорилось об их несуществующих преступлениях, и клеветать на других невинных людей. Товарищи искренне и тяжело переживали эту трагедию. В разговорах между собой они не скрывали своей подавленности и откровенно рассказывали о своем вынужденном поведении на следствии. Почти все, кто ставил подпись под протоколами допроса, шли на это после того, как перенесли физические и нравственные муки и больше вынести не могли; многие из них после безрезультатно пытались отречься от своих показаний, которые давали в надежде, что все разъяснится, когда дело дойдет до суда. Какой суд их ждал, это я знал по своему опыту, а ведь большинство не дождалось и такого суда - их приговаривали заочно "особые суды", "тройки"... И все-таки эти несчастные продолжали писать заявления, годами не получая ответа, они хотели исправить против воли сделанное ими зло и верили, что партия коммунистов искоренит преступников, прикрывающихся ее именем, что народная, подлинно коммунистическая советская правда восторжествует.

Я знал, что было немало людей, отказавшихся подписать лживые показания, как отказался я. Но немногие из них смогли пережить избиения и пытки - почти все они умерли в тюрьме или тюремном лазарете. От этой участи меня избавило крепкое здоровье, выдержав все испытание. Очевидно, суровые условия моего детства и юности, а потом долгий боевой опыт закалили нервы: они устояли против зверских усилий их сломить. Люди, психически (но не морально) сломленные пытками, в большинстве своем были людьми достойными, заслуживающими

уважения, но их нервная организация была хрупкой, их тело и воля не были закалены жизнью, и они сдались. Нельзя их в этом винить...

Встречались, правда, настолько малодушные и трусливые люди, что подписывали клеветнические материалы после первого же допроса с пристрастием или клеветали на себя и других, только наслушавшись в камере рассуждений о том, что "все равно подпишешь". Эти падали духом и начинали болезненно фантазировать, придумывать небылицы, даже еще не увидев резиновой дубинки. Конечно, об уважении к ним говорить не приходится.

Однако не каждый из потерявших себя людей мог жить на такой "основе".

Моим соседом по нарам был в колымском лагере один крупный когда-то работник железнодорожного транспорта, даже хвалившийся тем, что оклеветал около трехсот человек. Он повторял то, что мне уже случалось слышать в московской тюрьме: "Чем больше, тем лучше - скорее все разъяснится". Кроме того. в массовых арестах он видел какую-то "историческую закономерность", приводил примеры из времен Ивана Грозного и Петра Первого... Хотя я не скрывал крайнего нерасположения к этому теоретизирующему клеветнику, тот почему-то всегда старался завести со мной разговор. Меня это сначала злило; потом я стал думать, что он ищет в разговорах успокоения своей совести. Но однажды, будучи выведенным из терпения, сказал ему:

- Ты и тебе подобные так сильно запутали клубок, что распутать его будет трудно. Однако распутают! Если бы я оказался на твоем месте, то давно бы повесился...

На следующее утро его нашли повесившимся. Несмотря на мою большую к нему неприязнь, я долго и болезненно переживал эту смерть.

Среди заключенных ходил слух, будто некоторые из арестованных, давшие нужные следователям показания, освобождались даже без суда, хотя и признали себя участниками "заговора". Но этому слуху верили немногие, не верил ему и я. Лишь позднее пришлось убедиться в том, что это правда и такие случаи бывали. В июле 1939 года я попал на прииск Мальдяк, что в шестистах пятидесяти километрах от Магадана. Везли нас на машинах пять суток, первые четыреста пятьдесят километров по выбитому шоссе, а остальные двести - по грунтовой дороге. Дорога проходила по сильно всхолмленной местности, поросшей лиственницей, осиной, березой и кедром. Во время остановок мы с жадностью набрасывались на спелые кедровые шишки и

запасались ими на дорогу. Углубляться в лес не разрешалось под угрозой смерти.

Машины удалялись от Магадана, увозя нас в глубины неизвестного нам края. Поднимаясь все выше, мы все реже видели человеческое жилье. На перевале невольно залюбовались красивым нагромождением гор. Один из осужденных даже воскликнул, странно смешивая восхищение с горькой иронией:

- Смотрите, как высоко вознесла нас судьба! Когда бы мы еще увидели такую красоту?

- Судьба? - ответил ему другой. - Ну что ж, можно сказать и так. Как в песне: "То вознесет его высоко, то бросит в бездну без стыда..."

Глядя на низкие искривленные деревья, третий нашел грустное сравнение:

- Вот так и нас согнут там, куда везут.

- Да нет, худшее осталось позади, - ответили ему без особой уверенности.

На перевале дул такой сильный ветер, что на поворотах мы чуть не вылетали из машины. Я заметил, что, видно, вольному хозяину гор не нравится приезд невольников.

- Да, - ответил сидящий рядом, - но ведь и мы когда-то были вольными, как ветер...

Строили догадки, кто были первые, что шли пешком по этим местам в поисках золотого клада. Гибли одни, за ними шли другие. И вот пришла наша очередь,

Поселок при золотом прииске Мальдяк состоял из деревянных домиков в одно три окна. В этих домиках жили вольнонаемные служащие. В лагере, огороженном колючей проволокой, было десять больших, санитарного образца двойных палаток, каждая на пятьдесят - шестьдесят заключенных. Кроме того, были деревянные хозяйственные постройки: столовая, кладовые, сторожка, а за проволокой деревянные казармы для охраны, и там же шахты и две бутары - сооружения для промывки грунта. Нас пересчитали, завели за проволоку. Первый раз за пять суток дали горячую пищу.

В нашем лагере было около четырехсот осужденных по 58-й статье и до пятидесяти "уркаганов", закоренелых преступников, на совести которых была не одна судимость, а у некоторых по нескольку, даже по восьми, ограблений с убийством. Именно из них и ставились старшие над нами.

Грунт для промывки золота добывался на глубине тридцати - сорока метров. Поскольку вечная мерзлота представляет собой крепкую, как гранит, массу, мы работали шахтерскими электрическими отбойными молотками. Вынутый грунт

подвозился на тачках к подъемнику, поднимался по стволу нагора, а затем доставлялся вагонетками к бутарам.

Наш прииск был на хорошем счету, там добывали за сутки до нескольких килограммов, а то и десятков килограммов золота. Попадались и довольно крупные самородки; сам я их не видел, а только слышал о них; мне удалось найти лишь три маленьких самородка, самый крупный весил сто пятьдесят граммов.

Некоторые из старожилов-заключенных были настоящими старателями. Они спускались в шахту с водой и лотком для промывки грунта и редко когда не намывали двадцати пяти - тридцати граммов золота. Я часто наблюдал, как они осматривают стены шахты, иногда освещая их дополнительно карманным фонариком. Найдя подходящее место, эти мастера своего дела начинали отбивать грунт и промывать его в лотке. Был случай, когда один из таких старателей не выходил из шахты семьдесят часов. Еду и воду ему приносили в шахту. В результате за это время он намыл почти два килограмма золота.

Работа на прииске была довольно изнурительная, особенно если учесть малокалорийное питание. На более тяжелую работу посылали, как правило, "врагов народа", на более легкую - "уркаганов". Из них же, как я уже говорил, назначались бригадиры, повара, дневальные и старшие по палаткам. Естественно, что то незначительное количество жиров, которое отпускалось на котел, попадало прежде всего в желудки "урок". Питание было трех категорий: для невыполнивших норму, для выполнивших и для перевыполнивших. В числе последних были уголовники. Хотя они работали очень мало, но учетчики были из их же компании. Они жульничали, приписывая себе и своим выработку за наш счет. Поэтому уголовники были сыты, а мы голодали.

На зиму палатки, где мы жили, утеплялись толстыми стенками из снега. Топка железных печей не лимитировалась - сколько принесем дров из леса после рабочего дня, столько и сожжем. Морозы в сорок - пятьдесят градусов в этих местах - обычное явление. Бежать было некуда, поэтому выход за проволоку особенно не контролировали. Пойдешь, бывало, к охраннику, скажешь: "Иду за дровами" - и выходишь за проволоку свободно. Если хочешь поесть сверх того, что дадут в столовой, сначала принесешь дров хозяину какого-нибудь деревянного домика - за это получишь кусок хлеба, больший или меньший в зависимости от объема твоей вязанки. Но так как вольнонаемные приезжали туда за длинным рублем, то они не особенно были щедры и лишней корки хлеба не давали. Конечно, в этой среде были добрые люди, работой на них мы дорожили как

единственной возможностью подкормиться; но у них почти всегда уже были свои постоянные носильщики и пильщики дров.

Бывали и такие случаи. Нас и "уркаганов" наряжали за дровами. Мы шли в лес, а уголовные поджидали нас недалеко от лагеря, отбирали дрова, в лучшем случае со словами: "Мы вам поможем поднести". А мы, не имея права возвращаться без дров, снова шли в лес за три километра. Но бывало и хуже (на кого попадешь!); и дрова отнимут, и вдобавок изобьют!

Моим соседом по нарам оказался Михаиле Иваныч с Украины. Он был архитектором, в лагерь прибыл раньше меня на год. Однажды вечером он сказал мне:

- Смотрю на тебя, Васильевич, и вижу, что ты не правильно, горячо взял с места, тебя ненадолго здесь хватит. Имей в виду - сколько бы ты ни работал, все равно у тебя ста процентов не будет, баланду будешь есть третьего сорта, а уркаганы, не работая, будут получать первого сорта. Они твою выработку запишут себе, а свою - тебе. Здесь так было и так будет. А еще я вижу, ты слишком строптив, часто указываешь уркам на их неправду и споришь с ними. Поверь мне, это к добру не приведет, ты этих ублюдков не перевоспитаешь, а только ожесточишь против себя и причинишь себе большой вред. Уркаганы здесь крепко спаяны между собой, охрана и администрация на их стороне. - И еще тише он добавил: - Наш бригадир - отъявленный бандит, он у них за главного. Что он скажет своим, то с тобой и сделают.

- Я вижу, мне здесь будет плохо, - ответил я. - Главное, я не могу примириться с этим издевательством.

- А ты и не примиряйся, но и не вступай с ними в ссоры, а то - могила. Это ведь еще хуже.

- Не могу, поверь мне. Я только уступаю силе.

- Так это и есть сила. Я тебя предупредил, - сказал Михаиле. - А там делай, как хочешь.

Прошла осень, наступила суровая зима. Слова Михаилы Ивановича подтвердились. Работавшие со мной вырабатывали меньше, чем я, но с наружных работ были переведены в шахту, где не было ветра и было относительно тепло. Я и мне подобные остались наверху.

Мороз с сильным ветром делал свое дело. Сил оставалось все меньше, работать становилось труднее - еле дотягивали вагонетку до отвала. Заветной и постоянной мечтой было скорее добраться до палатки, под свое дырявое одеяло. Но и на нарах холод находил меня, хватал то за грязные ноги, то за бока и спину и не давал уснуть. Не только холод мешал заснуть, а еще и сонное бормотание, несшееся со всех сторон. Чего не наслушаешься:

"Коленька, спи, сынок", "Дорогая, ты пришла...". А другие, тяжело вздыхают или вскрикивают; "Я не враг, не враг!"

Вскоре со мной приключилось несчастье: начали пухнуть ноги, расшатались зубы. Ноги у меня стали как бревна. Я думал, мой организм железный, но вот начал сдавать. Если сляжешь, как больной, тогда беда; исход один... Я пошел к врачу. Обязанности врача выполнял фельдшер, осужденный за какую-то безделицу на десять лет. Человек он был порядочный. Фельдшер записал меня в инвалиды и устроил сторожем для охраны летней бутары. Эта работа считалась привилегированной, там не нужно было гонять тяжелую тачку и вагонетку - только посматривай, чтобы не растащили сухой лес на отопление палаток.

В сторожах я пробыл две недели. Сидя в сделанном из снега шалаше, жег в нем небольшой костер. У меня были кирка и топор, я ими откалывал куски от пеньков, стаскивал их в свою снежную землянку и поддерживал огонь.

Часто, сидя у костра в этом снежном доме с лазом вместо двери, я чувствовал, как приятное тепло пробирается за бушлат, и думал. О чем же мог думать полуживой человек, спрятавшийся в снегу от пятидесяти шестидесятиградусного мороза? Конечно, как у всех моих товарищей по несчастью, думы мои были о прожитой жизни, о семье и близких, о том, удастся ли когда-нибудь выйти на свободу.

Мысленным взглядом я окидывал всю свою жизнь. Пять лет службы солдатом в царской армии, потом комбед и сельсовет, служба в Красной Армии - от солдата до командира дивизии. Разные бывали у меня начальники, но почти каждый из них оставался доволен моей работой, несмотря на мой, как говорили, непокладистый характер. Партийная организация всегда меня поддерживала, считая, что я правильно понимаю свои обязанности коммуниста. И я, полный благодарности Коммунистической партии и Советскому правительству на их доверие ко мне, отдавал все свои силы на благо социалистической Родины, много раз рискуя при этом жизнью. И в сотый раз я спрашивал себя: за что я здесь? Но я думал не только о себе. На сколько лет замедлится теперь рост нашей страны, лишившейся большой части агрономов, ученых, врачей, архитекторов, инженеров, партийных и советских работников, которых с таким трудом и заботой выпестовала наша партия и которые теперь сидят в тюрьмах или гоняют тачки и вагонетки...

Из лагеря я много раз писал в прокуратуру, в Верховный суд и Сталину. Первые две инстанции отвечали: "Оставлено без последствий". Сталин не отвечал вовсе.

Был у нас в лагере некто Султанов, малосильный и

замкнутый человек. Своими думами и переживаниями он ни с кем не делился. К тяжелому труду был плохо приспособлен. К нему часто придирался, а иногда и прикладывал свою увесистую пятерню негодяй бригадир. Как-то раз я, увидев Султанова вдалеке от палаток, подошел к нему и спросил:

- Почему слезы на глазах?

- Там, в тюрьме, над нами издевались ученые обезьяны, здесь издеваются шакалы. Как подумаешь... - Он помолчал и добавил: - Получил письмо. Родные уведомляют, что навестили в детдоме моих детей, чувствуют себя хорошо. А от жены вестей нет.

Из палатки вышел бригадир и грубо крикнул:

- Чего уединились, что у вас там за секреты? Жалуешься комдиву? - желчно спросил он Султанова, - Бесполезное занятие! Он свое откомандовал, кончилась его власть. Мы здесь командуем и будем командовать.

Султанов и я продолжали ходить.

- Одному, без друзей, здесь быть нельзя, - уговаривал я его. - Посмотри вокруг: никому не сладко, но каждый старается держаться с кем-нибудь вместе вдвоем, в малой или большой группе. А ты все один и один. Одиночество - не поддержка.

В один из зимних холодных дней ветер вдруг завыл, загудел, закрутил снег так, что в десяти шагах ничего не было видно. Наружные работы были прекращены: людей сбивало с ног. Султанов еще до того, как поднялся ветер, ушел в лес за дровами. К ночи он не вернулся, а наутро его нашли в пятидесяти шагах от лагеря замерзшим; недалеко от него лежали дрова, которые он нес. Вместе с ним похоронили и другого замерзшего.

На похоронах присутствовали пятеро заключенных, считая тех, кому приказали отрыть и зарыть могилу; из охраны и администрации не было никого.

Над могилой кто-то сказал:

- Отмаялся, бедняга.

Другой добавил:

- Он был всегда один, теперь они вдвоем и останутся вместе неразлучно.

Грустными возвращались мы с похорон. Кто-то нарушил молчание:

- Люди у нас тут разные бывают. Одни замкнутые, как на замок, страдают в одиночестве. Другие, хотя ни с кем близко не дружат, - не унывают, у них душа нараспашку, им со всеми легко. Третьи живут в группах. Хуже всех тут первым, а лучше всего последним; всегда найдется кто-нибудь, кто их поддержит...

До нас дошел слух, будто арестован Ежов со своими "опричниками". Многие этому сразу поверили и говорили, что

Ежов и его приближенные просто куплены нашими врагами. В связи с этим слухом поднялось настроение у лагерников. Говорили даже, что скоро начнется массовый пересмотр дел. В числе многих и я уже предвкушал свое освобождение.

Лишь меньшая часть заключенных не придавала никакого значения этим слухам.

К сожалению, они оказались правы. Изменений никаких не последовало.

Прошла зима, морозы стали слабее. Но мы уже недосчитывались многих товарищей. Я получил посылку, правда изрядно опустошенную; все, что в ней оставалось съестного, мы съели коллективно, нашей небольшой сплоченной группой. Получил и письмо. Жена скрывала горе, но я читал между строк; никаких перемен в нашей судьбе не предвиделось.

Не раз и не два "уркаганы" делали на мой снежный домик налеты, забирали мои запасы дров, с таким трудом расщепленные пеньки, а в благодарность ругали на чем свет стоит или избивали до полусмерти.

Работа моя была нетрудная, и я не раз благодарил в душе моего доброго фельдшера. Но ноги мои продолжали пухнуть, стали как бревна, а колени перестали сгибаться. Пришлось снова идти к фельдшеру. Теперь он полностью меня "актировал" как инвалида и написал заключение, что необходимо отправить меня ив Мальдяка в другой лагерь, расположенный в двадцати трех километрах от Магадана.

Теперь все зависело от начальника лагеря. На мое счастье, он утвердил акт, и в конце марта 1940 года я оказался под Магаданом. Это, и только это, спасло меня от неминуемой гибели.

К моему великому сожалению, я забыл фамилию фельдшера, который работал в то время на Мальдяке. Но чувство благодарности к нему я сохранил навсегда.

Когда я в первый раз прибыл из Владивостока в Магадан, его окрестности показались мне дикими. Но теперь - после того, как я пожил в Мальдяке, - район Магадана показался мне уютным, и воздух там был со всем другим - как будто я попал в ноябре из северных окраин в Сочи.

Разместили нас в большом барачном лагере, у подножия гор. Четыре дня нас, обессиленных болезнью и долгим, трудным путем, на работу не посылали.

Лежа на нарах, мы, прибывшие из Мальдяка, вспоминали своего бригадира, имевшего шесть судимостей, из которых четыре за убийства. Он часто, как попугай, кричал нам; "Грузи, быстрей, гони быстрей!" - и угрожал: "За такую работу начальник баландой и хлебом не накормит!" Никогда в жизни не работавший, он заставлял нас работать. Он ставил нам в вину, что мы учи - ли людей жить по советским законам, и с важностью говорил, что теперь он над нами царь и бог, что его приказ заменяет здесь и конституцию, и закон, а потом цинично заключал; "Подохнете - не беда, других пригонят, Таких врагов, как вы, в России много!" Здесь, под Магаданом, мы отдыхали от него.

Но быстро как сон промелькнули четыре дня отдыха. Потом мы снова взялись за работу - носили на себе или стаскивали волоком с гор древесину,

Читателям будет трудно представить себе картину - как по склонам гор, растянувшись на четыре километра, вереницей бредут исхудалые люди, не люди, а тени, вытянув, как журавли в перелете, шеи вперед и напрягая последние силы, тянут бревна. Тяжело тащить груз с горы, еще тяжелее по ровной местности, а при самом незначительном подъеме его и вовсе не сдвинуть. Люди спотыкаются, падают, встают и снова падают, но груз трогается с места лишь тогда, когда приходит на помощь кто-нибудь, сзади идущий. Так доставляется древесина в лагерь.

День ото дня работать становилось тяжелее. Вечерами судили и рядили: почему это? Одни говорили: "Доходим, братцы". Другие уверяли: "Всему причиной долгожданная весна, она влагой снег пропитала, из-за этого и тянуть древесину стало труднее, от этого и ноги так болят". "Всему причиной, братцы, плохой харч, - авторитетно замечал третий. - Он не лучше, чем на Мальдяке, а работа одинаково тяжелая".

Так что же делать? Объявить, что болен, нельзя: урежут хлеб, а чем будут лечить? От всех болезней одно лекарство - настой хвои. Тогда уж одна дорога под бугор! Значит, тяни, пока можешь...

Как-то во время короткого отдыха мы рассказывали друг другу свою прошлую жизнь. Рассказывал и я свою. Один из моих знакомых по пароходу, квалифицированнейший инженер Л. И. Логинов, спросил меня:

- А теперь, Александр Васильевич, не бранишь себя за честный труд, за то, что столько в жизни старался? Не настроило тебя по-другому решение "Шемякина суда"?

- Нет, Леонид. Если бы пришлось начать жизнь сначала, я бы повторил ее, хотя бы и знал, что окажусь на Колыме. Если окажусь на воле, то снова буду служить, хоть сверхсрочником в

роте или эскадроне. А суд, что с него взять? Ему так кто-то приказал...

- Иного ответа я от тебя и не ожидал, - сказал Леонид Игнатьевич и добавил: - Я тоже так. Согласился бы всю жизнь быть простым рабочим, но только на воле и чтобы знали, что я ни в чем не виноват. Однажды мне снилось, что пришел приказ о моем немедленном освобождении, что все знают об этом приказе, но проходят дни, недели, а его мне не объявляют. Как я поносил начальство! После оклика "Поднимайсь!" был рад, что это только сон. Иначе за мои речи не избежать бы мне прибавления срока.

В тот же день мне пришлось пережить прискорбный случай. Получив от жены очередной денежный перевод, я решил полакомиться и соблазнился на покупку у одного из "уркаганов" коробки рыбных консервов. В то время как я доставал из платка деньги, к нам подошли еще два "уркагана", выхватили у меня платок с деньгами и под смех остальных спрятались в толпе людей, шедших в столовую.

Обида страшная. И не так было жалко денег, как пачки писем от жены и ее фотографии: их вместе с деньгами выхватили у меня из рук эти мерзавцы. А я ведь каждое письмо перечитывал множество раз, а оставаясь один, глядел на фото... Этих злодеев я встречал не раз, просил их вернуть хотя бы фотографию, но они лишь смеялись в ответ.

Когда я вскрыл банку, то вместо рыбы обнаружил песок.

Люди по-разному реагируют на тяжелый труд. Одни, едва добравшись до нар, сразу же отдавался сну, хотя и тревожному; другие, ворочаясь с боку на бок, долго не засыпают. Я спал плохо. На работе не было времени отдаваться думам; а ночью, при тусклом освещении, думаешь о прошлом, настоящем и будущем.

Вспоминал я и Лефортовскую тюрьму. Как тогда мечталось поскорее попасть в какой-либо лагерь, работать, дышать свежим воздухом! Но я никогда не предполагал, что есть такие лагеря, как наш. Теперь, голодный, лежа на нарах, я мечтал: как было бы хорошо попасть в тюрьму, хоть дней на пять, отлежаться, отдохнуть в тепле, досыта поесть хлеба!

Много думал о жене - как трудно ей, многострадальной: сразу лишилась отца, брата и мужа. Вспоминал о том, как мы с ней жалели арестованных наших знакомых, не подозревая, что и наше горе стоит уже за дверью.

Но больше всего мои думы были заняты судьбами моей Родины. "Если бы, думал я, - арестовали только меня, это было бы мое личное горе. А то ведь арестовано столько преданных и ответственных работников всех специальностей. Это уже горе всей страны". Считая неизбежной и близкой войну, я думал, как

будут вести бои и операции только что выдвинутые на высокие должности новые, не имеющие боевого опыта командиры. Пусть они люди честные, храбрые и преданные Родине, но ведь дивизией будет командовать вчерашний комбат, корпусом - командир полка, а армией и фронтом - в лучшем случае командир дивизии или его заместитель... Сколько будет лишних потерь и неудач! Что предстоит пережить стране в связи с этим!

И опять вставал проклятый вопрос: так что же случилось? На этот вопрос я ответа не находил...

Уголовников в нашем лагере было много, и, как на Мальдяке, они работали мало, а жили хорошо. Один из этих субъектов давно приставал ко мне, чтобы я продал ему свою шерстяную гимнастерку. Этот "уркаган" был старостой в одной из палаток, он получал и раздавал заключенным хлеб, так что у него всегда были "излишки". Однажды я, получил от жены письмо. Она уведомляла меня, что мне отправлена вещевая посылка, в которой я получу гимнастерку, брюки, белье и сапоги, а также и сухую колбасу. Это письмо я показал "уркагану" и сказал:

- Ту гимнастерку, что на мне, я продать не могу, а продам тебе ту, которую получу, но при условии, что ты будешь снабжать меня дополнительным хлебом.

- Хорошо, буду давать пайку по 600 граммов в день, - ответил он и, надо отдать ему справедливость, добросовестно выполнял обещание.

Но я знал по длительному опыту, что хорошие вещи до меня не доходят всегда я получал не те, о которых писала жена, а некоторые посылки не получал совсем. Поэтому, не очень-то надеясь получить и на этот раз то, о чем писала жена, я был уверен, что и лишний паек хлеба, позволяющий держаться на ногах, я буду получать недолго. Надо было заблаговременно искать какой-либо работы полегче. При содействии заключенного М. М. Горева, который имел здесь некоторый служебный вес, заведуя частью мастерских, я устроился колоть дрова и греть воду в кипятильнике. Эта работа была мне по силам, да и работать можно было в тепле.

По соседству с кипятильником находилась хозчасть лагеря, бухгалтером в которой работал некто И. Егоров, бывший финансовый работник из Ярославля; я с ним познакомился и предложил постоянно убирать и подметать его канцелярию в надежде получить за это лишнюю корку хлеба. Егоров согласился и был не в накладе. Не ошибся и я: сметая со столов крошки, корочки, а иногда и кусочки хлеба в свою торбу, я в какой-то степени стал лучше утолять свой голод.

Недалеко от места моей работы были расположены землянки

с картофелем, морковкой и луком, находившиеся в ведении Егорова. Я и здесь работал (голод не тетка!), помогая перебирать овощи. Так как у меня шатались зубы и невозможно было грызть сырую картошку и морковь, я смастерил себе терку: нашел кусочек белой жести и пробил в нем гвоздем дырочки. Теперь я мог есть сырые овощи, и мои зубы стали укрепляться, а опухоль ног пошла на убыль. Я мог даже кое-чем помочь своим товарищам по несчастью, в том числе Л. И. Логинову.

В одном из писем жена мне писала, чтобы я не беспокоился о ней - она здорова, получила нетрудную, хорошо оплачиваемую работу на заводе, с работой уже освоилась, товарищи по работе и начальство ею довольны. (На самом деле, как потом стало мне известно, все это было только фантазией. Была она в это время без работы.) Но все-таки она решила приехать в Магадан, что бы поступить на работу здесь, быть ближе ко мне, и ей уже обещали дать пропуск.

Меня это испугало. Немедленно я написал жене два почти одинаковых по содержанию письма и послал их с промежутком в семь суток, надеясь, что хоть одно из них дойдет. Радуясь, что она получила хорошую работу, я категорически возражал против ее приезда в Магадан и, пойдя на ложь, в свою очередь сообщил, что я уезжаю на дальний прииск. Я убеждал ее - и в деловом смысле это была правда, - что она нужнее мне там, вблизи от Москвы.

Когда в конце концов я поправился и набрался сил, наступило короткое колымское лето. И больных, и здоровых, жаждущих занять мое теплое местечко у кипятильника, было очень много. А в это время происходил набор на рыбные промыслы - туда я и записался одним из первых. Через неделю, распрощавшись со своими приятелями, я оказался в поселке Ола, на берегу моря. Там я встретил своего товарища, бывшего командира 28-й кавдивизии Федорова, который работал, как когда-то его отец, кузнецом. Обнялись, расцеловались и обменялись новостями. В Оле было неплохо, режим там был более слабым, заключенные свободно ходили по поселку, мы часто виделись с Федоровым.

Через несколько дней начальство кликнуло клич: кто хочет ехать в тайгу, косить траву сроком на месяц?

Я изъявил желание не раздумывая.

Четыре человека - я и три "уркагана" - получили косы, грабли, принадлежности для отбивки кос, продовольствие на неделю - хлеб, крупу и соль, - а также рваную сеть. Уложили все это добро на повозку и тронулись лесом вверх по реке Ола. Через двое суток мы нашли большую поляну с высокой густой травой и на ней обосновались. Построили из веток шалаш, покрыли его

накошенной травой, сделали загон для лошади недалеко от шалаша, заготовили дров и разожгли в шалаше дымный костер, чтобы изгнать тучи комаров и мошек. Затем закинули рваную сеть в ручей и расположились на ночевку.

Рано утром я был разбужен фырканьем лошади. Полагая, что она отбивается от гнуса, я уснул снова. Но проспал недолго, а когда вышел из шалаша, то обнаружил пропажу трех караваев хлеба, которые лежали в повозке; мы потеряли три четверти хлебных запасов... Следы - примятая трава - вели от повозки к лесной опушке. У самой опушки трава была сплошь примята, и здесь же валялись хлебные крошки. Кто же здесь был? Сначала я заподозрил бежавших заключенных, но увидел свежий помет какого-то зверя. Разбудив своих товарищей, я рассказал им о происшествии. Пришли к выводу, что это не иначе как проказы Михаила Ивановича Топтыгина. Мои товарищи были озабочены - чем же мы будем питаться целую неделю? А я думал о другом: Топтыгин хорошо позавтракал сегодня, теперь он знает адрес и обязательно придет завтра; не обнаружив хлеба, как бы он не принялся за нашего коня, а потом и за нас.

Наше настроение резко понизилось. Но делать нечего, нужно было приниматься за работу. Я пошел к ручью за водой, а попутно заглянул в сеть. Радости моей не было конца: в сети я нашел с десяток рыб - горбуши и кеты. На мой радостный крик прибежали товарищи и вытащили сеть с неожиданно большим уловом. Рыбу забрали, а сеть снова забросили в ручей.

Завтрак получился у нас на славу, необычно сытный. Особенно вкусной показалась уха, в которой вместо крупы плавала икра. К хлебу мы даже и не прикоснулись. После сытного завтрака принялись за работу уже в хорошем настроении. Погода нам тоже благоприятствовала, и мы забыли о страшном соседе.

Обязанности повара, уход за лошадью и разведка покосных угодий - все это было возложено на меня.

На рассвете следующего дня меня сноба разбудила лошадь. Она храпела и била ногами о землю. С трудом разбудив своих молодых товарищей, я выскочил из палатки и увидел медведя. Он на задних лапах поспешно уходил к опушке леса, а в передних, прижав к груди, уносил мешок с отрубями.

Он часто оглядывался на наш шалаш. Увидев меня, мишка остановился, повернулся ко мне мордой и осторожно, как будто боясь, что может рассыпать содержимое, поставил мешок на землю; но мешок повалился. Стоя на задних лапах, мишка начал переминаться. Мне было неясно, хочет ли он извиниться, как пойманный с поличным, или собирается пойти "на кулачки". На мой крик из шалаша выскочили мои товарищи. Я сказал:

"Возьмите в руки хоть косы!" Двое из них потянулись за косами, что висели на шалаше, а третий (младший), подняв камень, пустил его в зверя. Камень глухо ударился в живот двухметрового вора. Оп, как будто обидевшись, отвернулся, опустился на все четыре лапы и медленно побрел в лес, все время оглядываясь на нас. Мы напустились было на товарища, бросившего камень, но услыхали в ответ:

- А кто еще знает, что было бы, если бы я этого не сделал?!

Так закончилось наше первое знакомство с Топтыгиным.

В этот же день посчастливилось мне увидеть его супругу и деток. Приготовив рыбный обед, я пошел полакомиться черникой: в лесу ее было очень много. Вдруг метрах в двухстах от меня я увидел медведицу, которая плескалась в ручье с сынком или дочкой. Другой отпрыск сидел на берегу и щурился на яркое солнце. Медведица вытолкнула детеныша из воды, загнала, толкая мордой, в воду другого медвежонка и начала его мыть. Потом они все уселись на берегу сушиться. Вдруг медведица подняла морду, нюхая воздух, огляделась по сторонам, а затем вся милая семье поднялась и тихо пошла в лес. Я, стоя за кустами, наблюдал, забыв даже страх, и очень жалел, что эту семейную идиллию не видели мои товарищи.

Третья встреча с медведем произошла у меня на четвертый день. Я шел по лесу в поисках новых укосных площадей, то и дело наклоняясь за черникой. Вдруг услыхал хруст веток и, разогнув спину, к ужасу своему, увидел идущего метрах в ста от меня медведя, очень похожего на первого знакомого. Увидев меня, мишка остановился. Признаться, я дрожал от страха. Вероятно, он тоже узнал меня. Но он чувствовал себя здесь, видимо, уверенно, как хозяин; постояв немного, пошел дальше. Может быть, почуяв мой испуг, он этим и удовлетворился, доказав тем, что не имеет против меня злых намерений...

Больше наши лесные хозяева к нам в гости не приходили.

Из трех "уркаганов", которые со мной работали, двое были матерыми преступниками, а третий - еще совсем молодой пароль, лет двадцати двух, не больше. После работы мы обычно сидели в шалаше, поддерживали в костре огонь и болтали, кому что придет в голову.

Старший - Алексей, по кличке Обрубок, был невелик ростом, широк в плечах, со скуластым, некрасивым лицом, и обладал большой физической силой. На его левой руке не было трех пальцев. Он был угрюм и неразговорчив. Однажды он с трудом выдавил из себя: "Имею на своем счету два крупных ограбления: первое с одним убийством, а второе - с тремя". А когда я спросил его, где он потерял три пальца, он только усмехнулся и

посмотрел на своих товарищей.

- Расскажи, расскажи ему, Алексей, и мы еще разок послушаем, - сказал младший.

- Ну и расскажу. Пальцы я потерял в лагере, но не на Колыме, а еще раньше. Играл в карты, проигрался, денег уже не было, поставил на карту хороший костюм - не мой, конечно, а тот, который был на только что доставленном "политическом", - и проиграл. Костюм хотел забрать ночью, когда новичок его снимет, ложась спать, а отдать должен был до восьми часов утра. Но взять костюм мне не удалось - "политического" в этот же день увезли в другой лагерь. Значит, долг не был уплачен. По этому случаю собрался наш совет старейшин, чтобы определить мне наказание. Истец потребовал лишить меня всех пятя пальцев левой руки. Совет предложил два пальца. Поторговались и согласились на трех. Я положил руку на стол, истец взял палку и пятью ударами отбил у меня три пальца.

Все это Обрубок рассказывал хладнокровно. Похоже было, что все это правда. А в заключение он добавил:

- У нас тоже есть свои законы, да еще и покрепче, чем у вас. Провинился перед своими товарищами - отвечай.

Второй "уркаган", по имени Борис, носил кличку Карьерист. Эту кличку ему присвоили в одном из северных лагерей за то, что он выдал себя за крупного злодея, у которого на совести шесть убийств и пять крупных ограблений. Ему поверили и назначили старшим. Около года он вершил дела, получал подношения и жил не хуже, чем на воле. И тут вдруг от вновь прибывших узнали, что он вовсе не тот, за кого себя выдавал, а простой вор-одиночка. Тогда его с треском сместили с должности старосты и присвоили ему кличку Карьерист...

Третьего, самого молодого, звали Вася, а клички он еще не удостоился. Его история такова: остался без матери ребенком, отца на Украине повесили белые; воспитывался у тетки, затем убежал от нее, был беспризорником, попал в обучение "вот к таким, как эти", - показал он пальцем на сидящих рядом "друзей". Вместе с ними участвовал в ограблении сберегательной кассы. Сначала поймали одного, а потом и всех. Суд дал двенадцать лет с отбыванием наказания на Колыме.

- Все это случилось потому, - объяснил Вася, - что не было у меня родителей и что убежал от тетки.

Ругал он себя и сильно раскаивался в своих поступках. Я жалел Васю и верил в его искренность. Работал он хорошо. Меня он звал "папаша". Когда мы оставались вдвоем, я старался вселить в него уверенность, что, если сумеет сохранить себя в лагере, на свободу он выйдет непременно, обзаведется семьей и заживет

счастливо; я старался уберечь его от влияния Обрубка и Карьериста. Рассказывал ему о величии, справедливости и гуманности нашей большевистской партии. Он спросил меня:

- А почему же и вы, папаша, попали сюда?

- Оклеветали нехорошие люди, - ответил я.

Это он понял и мне поверил.

Наш небольшой коллектив попросил меня рассказать о себе - о детстве, молодости, военной службе. Рассказ мой им понравился, и они просили рассказывать дальше, и со всеми подробностями. Слушали они меня с интересом, задавали много вопросов, а потом горячо обсуждали поступки - и мои, и других людей. Вася с грустью говорил; как хорошо расти в семье, иметь родителей, пусть даже бедность и суровый отец. Как ни странно, Карьерист в большинстве случаев разделял это мнение. Обрубок редко вмешивался в наш разговор, но, когда речь зашла о моем детстве, он проворчал: "Так много работать и так плохо жить! Нет, лучше уж сидеть в тюрьме". Все же я заметил, что от моих рассказов даже у Обрубка смягчается и теплеет взгляд. А когда я дошел до самого ареста, он неожиданно сказал:

- Пожалуй, и я бы согласился на такую жизнь, какую прожили вы, Александр Васильевич.

В конце третьей недели нам привезли продукты - хлеб, крупу, соль и отруби. Человек, привезший продукты, проверил и похвалил нашу работу, все записал и передал задание на следующие недели.

Привезенный им хлеб оказался совершенно сырым и несъедобным. Мы возмутились и вернули хлеб, сказав, чтобы он отвез его обратно и показал, кому следует. Приехавший человек отозвал меня в сторону, разъяснил мне лагерную обстановку и сказал:

- Что горячатся те трое - это неудивительно, с них взятки гладки. Но вы имеете пятьдесят восьмую статью. Ваш протест могут расценить как бунт, неповиновение и подстрекательство, а за это припаяют дополнительно пяток, а то и десяток лет. Я сам вижу, что хлеб есть нельзя, но другого сейчас вам не пришлют, все равно придется ждать неделю. Так лучше оставьте его у себя и не заставляйте меня выполнять неприятную для меня миссию - ведь я такой же, как вы!

Но мои сожители никак не хотели принимать хлеб и всячески ругались. В конце концов возница был вынужден взять хлеб обратно. Мы подарили ему четыре больших рыбины.

Пять дней я мучился, прикидывая, что нам может быть за это, и поделился опасениями с тремя членами группы.

- А при чем мы тут? - сказал один из "уркаганов" (уже не

помню кто). Хлеб не понравился комдиву, а мы и не такой ели...

Только тут я понял, насколько серьезны были предупреждения возницы. Все это время мы питались прекрасной свежей рыбой. Кета и семга поднимались из моря по рекам и притокам на нерест. Мы даже перестали есть горбушу, брали из нее только икру, а ели семгу, приготавливая из нее уху.

Однажды, хорошо пообедав, мы пошли сгребать сено и вновь увидели нашего старого знакомого. Мишка, упершись передними лапами в обрыв ручья, внимательно всматривался в воду.

- Вероятно, готовится к свиданию, - пошутил я, - вот и смотрится в воду, как в зеркало.

Но мишка бросился в воду и начал барахтаться в ней.

- Нет, по-видимому, она ему изменила или не по нравилась ему своя физиономия, - сказал Вася. - Вот он и решил с горя утопиться.

Мы продолжали наблюдать, спрятавшись за кусты.

Мишка пошел по ручью и на задних лапах вышел из него там, где берег был пологим. В передних лапах он держал трепыхавшуюся большую рыбину, сел, закусил и скрылся в лесу, через который мы должны были идти. Мы не знали, далеко ли он ушел, не знали и его намерений. Решили после обеда отдохнуть и переждать, пока он уйдет подальше.

Эта встреча с лесным хозяином была у меня последней.

С покосом у нас все обстояло благополучно, высокие копны сухого, душистого сена росли и росли, погода была хорошая, - в общем, мы чувствовали себя, как на курорте, и хорошо отдохнули. У меня, однако, не выходила из ума история с возвращением хлеба.

И вот в неурочное время, среди недели, пришла к нам повозка. Незнакомый возница передал приказ начальника лагеря: "Горбатову вернуться немедленно!" Почему - он не знал.

Я распрощался со своими товарищами по работе, пожелал им сокращения срока и честной жизни в дальнейшем. Вася расстался со мной как с родным отцом и дал слово выполнить все, что я ему советовал. Я же с тревогой отправился в путь. Дойдя до сплавщиков леса, ничего нового там тоже не узнал. Утром спустился на одном из плотов к селению Ола, где находился лагерь.

Прежде всего я пошел к своему товарищу Федорову, рассказал ему историю с хлебом. На мой вопрос, что он думает о причине моего возвращения, он ответил, что ничего об этом не слыхал. "Но, думаю, - добавил он, - твои дола плохи".

В еще большей тревоге я пошел к начальнику лагеря. К моему удивлению, он принял меня хорошо. Свой разговор со мной он

начал издалека. Сначала расспросил, как идет заготовка сена. Я доложил, и он остался доволен нашей работой. Затем с усмешкой спросил, знаю ли я причину моего возвращения в лагерь. Хотя у меня и напрашивался ответ: "Знаю", но я твердо сказал:

- Нет, не знаю.

- Вы командовали дивизией, ваша фамилия Горбатов, зовут Александр Васильевич, имеете пятнадцать плюс пять? - спросил начальник.

Получив от меня утвердительный ответ, он сказал:

- Вас вызывают в Москву для пересмотра дела.

- Вы это серьезно говорите, не шутите? - переспросил я.

- Да, серьезно, и рад за вас.

Первое обращение на "вы" со стороны начальника за все это мучительное время было верным доказательством того, что это не шутка.

- Очень благодарен вам, гражданин начальник, за такое приятное сообщение. Я все время ждал его.

- Нас привыкли считать какими-то извергами, но это мнение ошибочное. Нам тоже приятно сообщить радостное известие заключенному. К сожалению, это случается редко, - заметил начальник и добавил: - Нужно быть готовым завтра утром отправиться на катере в Магадан. Мой совет: будьте осторожны в разговорах и поступках, пока не доедете до Москвы.

На прощание он пожал мне руку.

От начальника я пошел к Федорову, чтобы поделиться с ним сверхрадостной новостью. По дороге встретил того возницу, который привозил продукты и увозил обратно опротестованный нами хлеб. Увидев меня, он спросил, почему я так рано вернулся с сенокоса. Я поделился с ним своей радостью. Он сказал:

- Как это было удачно, что я не повез ваш хлеб обратно в лагерь, а часть его скормил лошади, остальное выбросил. Чего доброго, это могло бы повредить вашему хорошему настроению.

Я поблагодарил его крепким объятием без слов.

Тяжело было расставаться с Федоровым и другими товарищами, остающимися в лагере. Все они проливали горькие слезы, лишь у меня одного слезы были горькие за них и радостные за себя. Все просили сказать в Москве, что ни в чем не виноваты и тем более не враги своей родной власти. Удаляясь на катере, я долго видел их, стоящих на берегу, прощально машущих руками.

Позднее я узнал, что жена не переставала обивать пороги НКВД, прокуратуры, Верховного суда и Наркомата обороны. Наконец 20 марта 1940 года она получила конверт со штампом Верховного суда. Долго не решалась его вскрыть, а вскрыв,

заплакала. Ее уведомляли, что пленум Верховного суда отменил приговор в отношении меня и предложил пересмотреть мое дело заново.

Большую роль в этом решении имело выступление в мою защиту С. М. Буденного на пленуме Верховного суда. Он сказал, что знает меня как честного командира и коммуниста. Об этом я узнал позднее от одного из военных прокуроров, который тоже был на этом пленуме.

Путь мой в Москву тянулся мучительно долго; из поселка Ола я выехал 20 августа 1940 года, а в Москву, в Бутырскую тюрьму, попал только 25 декабря. Нас долго не отправляли из Магадана, томили в бухте Находка и на пересыльных пунктах в Хабаровске, Чите, Иркутске, Новосибирске и Свердловске. С каждого этапа я посылал жене письма.

Вера моя в благоприятный исход моего дела была абсолютной. Она не поколебалась даже от того, что на пересыльных пунктах мне встречалось много людей, возвращающихся обратно в лагеря после пересмотра их дела.

В Магадане едущих на переследствие собралось около ста человек. Нас использовали на менее тяжелых работах. Боясь заболеть и отстать от партии, предназначенной к отплытию с последним перед зимой рейсом парохода, мы старались экономить силы, а потому, пользуясь привилегией "преступников под вопросом", как могли, уклонялись от работ. Наконец на том же пароходе "Джурма", который нас привез сюда, мы отчалили от горестных берегов.

Как и в тот раз, бушевало Охотское море, и мы снова испытали неприятности от качки. Но не было уже такого строгого режима, как тогда, когда нас везли в лагеря: мы часто торчали на палубе. Радость проявлялась во всем - и в движениях, и в разговорах; мы радовались свежему ветру, широким далям, даже громадам волн. Все стали как будто моложе и выглядели прямо-таки молодцевато!

Вот снова и ворота пролива Лаперуза. Но какая разница в впечатлениях тогда, когда плыли на восток, и теперь, когда плыли на запад, навстречу свободе!

В бухте Находка, торжественно-радостные, мы покинули пароход и вступили, как говорили, на Большую землю, хотя для нас она была всего лишь деревянными бараками. В тот же день, придя за кипятком, я встретил К. Ушакова, бывшего командира 9-й кавдивизии. Его когда-то называли лучшим из командиров дивизий; здесь наш милый Ушаков был бригадиром, командовал девятью походными кухнями и считал себя счастливчиком, получив такую привилегированную должность.

Мы обнялись, крепко расцеловались. Ушаков не попал на Колыму по состоянию здоровья: старый вояка, он был ранен восемнадцать раз во время борьбы с басмачами в Средней Азии. За боевые заслуги имел четыре ордена.

За то время, пока мы жили в Находке, у Ушакова произошли перемены к худшему: его сняли с должности бригадира и назначили на тяжелые земляные работы. Начальство спохватилось, что осужденным по 58-й статье занимать такие должности не положено, когда под рукой есть "уркаганы" или "бытовики"...

Я уже говорил, что ехавшие на переследствие пользовались некоторыми привилегиями и могли более свободно ходить по лагерю. В один из вечеров я присутствовал на лагерной самодеятельности заключенных женщин. Никогда не изгладится из моей памяти выступление бывшего первого секретаря районного комитета партии, женщины лет сорока пяти. Она пела популярную песню "Катюша". Это было не пение, а крик отчаяния, тоска истерзанной души. Я не мог удержаться от слез. Жаль, что не знаю ее имени и фамилии и жива ли она теперь. Прошло с тех пор вот уже двадцать лет, но и сейчас в моих ушах звонит эта песня, и сейчас вижу примитивную дощатую сцену, а на ней эту женщину в бушлате и кирзовых сапогах.

Посмотрел на зрительниц... Ведь это наши матери, жены, сестры, дочери, чаще всего осужденные как члены семьи так называемых "врагов народа". Если мы но знали за собой никакой вины, то нас хоть в чем-то обвиняли, а эти несчастные были просто жертвами жестокого и открытого произвола.

Частое упоминание о появляющихся у меня слезах может вызвать недоумение: как это у военного, который считался волевым человеком, так часто появляются слезы? Дело в том, что в нашем положении у заключенного для протеста ничего не оставалось, кроме слез.

Накануне отъезда из бухты Находка я нашел Костю Ушакова в канаве, которую он копал. Небольшого роста, худенький, он, обессиленный, сидел, склонив голову на лопату. Узнав, что я завтра уезжаю, он просил сказать там, в Москве, что он ни и чем не виноват и никогда не был "врагом народа".

Снова крепко обнялись, поцеловались и расстались навсегда. Конечно, я добросовестно выполнил его просьбу, все передал, где было возможно. Но вскоре после нашей встречи он умер.

Путь от Находки до Москвы нам показался бесконечно длинным и нудным.

Ехали мы уже не в товарном, а в купированном арестантском вагоне. Само собой разумеется, мы не имели закрепленных мест:

полок было шесть, а людей тринадцать. Мы строго соблюдали очередь для отдыха по одному на четырех верхних полках, а девять человек сидели на нижних двух полках и через маленькое зарешеченное окошко смотрели на волю.

Не скрою, что вид у меня был довольно неприглядный. Исхудал я сильно: рост у меня сто семьдесят семь сантиметров, а весил я в то время шестьдесят четыре килограмма. Признаком военного человека была лишь гимнастерка, служившая мне бессменно эти годы; из-за грязи и заплат было трудно определить, какого цвета она была раньше. Ватные брюки заплатаны. Ноги обернуты портянками в обуты в шахтерские галоши (полуботики). Была на мне еще и ватная фуфайка, лоснившаяся от грязи. На голове - истрепанная и грязная шапка-ушанка. Думая о своем внешнем виде, я мог тешиться лишь надеждой на то, что в душе сохранил бодрость и, вероятно, развил волю и стойкость.

Был у меня еще мешок. Он служил главным образом чехлом для обрывка одеяла, с которым я не расставался. В нем я хранил пару белья и свой неприкосновенный запас на случай заболевания; до десятка небольших баранок и пять кусков колотого сахара - все настолько почернело от грязи, что даже "уркаганы" на это не зарились.

Вот в таком виде меня и других привезли в Москву и водворили в знакомую уже Бутырскую тюрьму.

В камере, в которой мы оказались, было человек сорок. Все они прибыли на переследствие из различных лагерей и тюрем. У половины из них пересмотр дела уже закончился, и их снова направляли в лагерь.

Меня это не испугало. И прежде, когда я покидал камеру Лефортовской тюрьмы или находился перед судом военной коллегии, я верил, что мне поможет то, что я не клеветал ни на себя, ни на других.

Через семь суток меня вызвали к следователю. Перед ним лежало мое дело с прежней фотокарточкой. Увидев меня, следователь сначала засмеялся, а потом резко оборвал свой смех и стал серьезным. Несколько раз он переводил взгляд с фото на меня, предложил пройтись по комнате, потом сел сам и предложил мне сесть на против. Он спрашивал год, день моего рождения, кто были командующими округами при мне в Средней Азии и на Украине, кто был командиром корпуса и т. п. После этого началось следствие.

Предъявляя те или другие обвинения, он сверял мои ответы с прежними показаниями. Все это делалось в довольно вежливой форме, но тем не менее ничто не давало пока повода думать, что

дело клонится к освобождению.

Так продолжалось до 1 марта, когда меня перевели из Бутырской тюрьмы на Лубянку.

Вечером 4 марта мне сообщили, что следствие закончено и меня этой ночью освободят. Следователь спросил, есть ли в Москве какие-либо знакомые, у которых моя жена, приезжая в Москву, могла останавливаться.

- Есть, - ответил я.

- Как вы думаете, не оставила ли она там для вас обмундирования? - спросил он.

- Моя жена верит, что я буду освобожден. Возможно, что она привезла и оставила обмундирование.

Я сообщил ему номер телефона знакомой семьи.

Следователь удалился, но, вернувшись, сообщил:

- Жена ничего не оставляла, а в таком виде вас выпускать даже ночью невозможно.

Я попросил следователя повторить мне, что он говорил по телефону. Выслушав его, я сказал:

- На ваш вопрос естественно было ожидать только отрицательного ответа. Вы скажите так: мы освобождаем Горбатова, а одеться ему не во что. Тогда вам ответят иначе.

Он ушел снова и после второго звонка получил тот ответ, который и следовало ожидать. Он сам съездил к нашим знакомым и привез полный комплект обмундирования.

В ночь на 5 марта 1941 года, в два часа, на легковой машине следователь доставил меня на Комсомольскую площадь к моим знакомым. Сдав меня, вежливо распрощался:

- Вот мой телефон. Если что, звоните ко мне в любое время. Рассчитывайте на мою помощь.

Как реликвию, я взял с собой на память мешок с заплатами, галоши и черные, как смоль, куски сахара и сушки, которые хранил на случай болезни.

До рассвета мы не ложились спать. Я рассказывал, где был, что видел, хотя, по вполне понятной причине, в то время не мог сказать и сотой доли того, о чем пишу сейчас: уходя с Лубянки, я дал подписку о молчании.

Снова и снова жадно расспрашивал своих друзей о Нине Александровне, о ее родных, обо всем на свете.

Но только тот поймет меня до конца, за кем захлопывалась дверь камеры, кто "на практике" испытал все и вышел на свободу.

Пятое марта я считаю днем моего второго рождения.

Помню, мы смеялись до слез над рассказом Ирины Павловны и ее дочери Лили о том, как они переволновались, когда в одиннадцать часов вечера раздался телефонный звонок и Лиля,

взяв трубку, услышала незнакомый мужской голос:

- Ирина Павловна?

- Ее нет, она на работе, будет дома через час.

Через некоторое время звонок повторился. Тот же голос спросил, скоро ли придет Ирина Павловна.

- Не знаю. А кто ее спрашивает?

- Это из НКВД. Я позвоню еще.

- У меня опустились руки, - рассказывала Лиля. - Зачем ночью звонят матери из НКВД?

В тревоге она ждала, когда придет мама. Только Ирина Павловна вошла, снова звонок.

- Ой, это снова он! - сказала Лиля.

Ирина Павловна быстро взяла трубку и ответила:

- Да, это я, Ирина Павловна. С кем я говорю?

- Говорит следователь НКВД. Скажите, у вас бывала в последнее время Нина Александровна Горбатова? Не оставила ли она у вас вещи своего мужа?

- Была, но ничего не оставляла, - совершенно не подумав, машинально ответила Ирина Павловна и опустилась на стул. Тот, обождав немного, сказал:

- Вот как. Значит, нет... Жаль... Ну до свидания.

Только после этого Ирина Павловна окончательно пришла в себя:

- Как же я сказала "нет", когда у нас хранится давно привезенная экипировка для Александра Васильевича? Что я сделала!

Но пока она сидела и раздумывала, что же теперь делать, раздался телефонный звонок, и, подняв трубку, она услышала тот же голос:

- Ирина Павловна! Вы, вероятно, меня не поняли. Дело в том, что этой ночью мы освобождаем Горбатова. Но он одет не по форме. Не оставляла ли у вас какого-либо обмундирования для него жена?

- Да, да, оставила! - радостно закричала Ирина Павловна.

- Прошу все приготовить, я через двадцать минут буду у вас.

Действительно, скоро приехал молодой человек, представился, взял приготовленные вещи, а через полтора часа привез меня. Мы пили чай и без конца говорили. Жалели, что нет с нами Нины Александровны. Жена приезжала в Москву две недели назад. Побывала в НКВД, прилетела оттуда, как на крыльях, рассказала, что ее очень хорошо приняли, говорили вежливо, интересовались, как она живет, не надо ли ей помочь деньгами. На вопрос: "Скоро ли я увижу мужа?" - получила ответ: "Это еще трудно сказать", но добавили, что следствие идет к

концу и через две-три недели все будет ясно.

Отдохнув часа три, я позавтракал и пошел отправить жене телеграмму, в которой сообщал, что вернулся, и просил скорее приехать в Москву. Помня обещание, данное когда-то товарищу Б. в Лефортовской тюрьме, сходить к его жене, как только буду на свободе, и рассказать ей, как обстоят дела ее мужа, и, будучи уверен, что он страдает где-то в лагере, я немедленно, прямо с телеграфа, отправился на розыски. Быстро нашел нужную мне квартиру. Позвонил, дверь открылась - и, к моему величайшему изумлению, я увидел его самого в генеральской форме. Это было таи неожиданно, что в первый момент я потерял дар речи.

Мы, конечно, были рады видеть друг друга на свободе. Но я никак не мог понять, как он оказался дома? Он рассказал, что, после того как меня вызвали из камеры с вещами, его еще некоторое время подержали в Лефортовской тюрьме, а затем отпустили.

Уйдя от него, я долго не мог привести свои мысли в должный порядок. Что обвинения против него ложные, в этом я всегда был уверен. Но обстоятельства его освобождения сбивали с толку. Человек когда-то служил офицером в царской армии, напрасно обвинил себя, обвинил других - и вскоре был освобожден из тюрьмы без суда. А меня, бедняка по происхождению, которого выучила и подняла на такую высоту Советская власть, не подписавшего ложных показаний, осудили и сослали на Колыму...

В тот же день зашел в Наркомат обороны.

Встреча с Маршалом Советского Союза С. К. Тимошенко была сердечной. Я доложил о своем возвращении из "продолжительной и опасной командировки"...

- Рад видеть вас, Александр Васильевич, живым. Ну, а здоровье будет! Отдыхайте, поправляйтесь, а там и за работу. Я дал уже указание о восстановлении вас в кадрах армии и о выплате содержания по занимаемой должности за все тридцать месяцев.

Горячо поблагодарив, я вышел из кабинета. Хотелось поделиться своей радостью, своим счастьем... Но жена оказалась больна и ждала меня в Саратове. Стало известно, что отец ее погиб в лагерях. Брат Юрий тоже был арестован. Позднее мы узнали, что его расстреляли в 1938 году.

Мы получили путевки в подмосковный санаторий "Архангельское". Через месяц, окрепшие, уехали продолжать свое лечение и отдых в Кисловодск.

Вернулись мы в Москву веселыми, жизнерадостными. На прием к наркому я явился уже другим человеком.

- Нужен ли еще отдых? - спросил нарком.

- Нет, - ответил я.

- Снова в конницу или в другой род войск?

- Нет, в конницу не пойду. С большим удовольствием пойду в стрелковые соединения.

- Пойдете пока на должность заместителя командира стрелкового корпуса, чтобы оглядеться и ознакомиться со всякими новшествами. А там видно будет.

Затем нарком информировал меня о сложности международной обстановки,

- Видимо, мы находимся в предвоенном периоде, работать придется вовсю, сказал он на прощание и пожелал успеха в работе.

В тот же день я получил предписание отправиться в 25-й стрелковый корпус на Украину.

Заехав в Саратов за вещами, мы отправились в Харьков. Получив у командующего войсками округа необходимые сведения о 25-м стрелковом корпусе, я поспешил к комкору С. М. Чистохвалову. С женой договорился, что, как только я устроюсь, она приедет ко мне. Таким образом, мы расставались ненадолго. Однако настроение у нас было невеселое, как будто мы предчувствовали, что опять расстаемся на годы.

Я ознакомился с дивизиями. Они были полностью укомплектованы, но настоящей слаженности я в них не почувствовал, и общее состояние их оставило у меня впечатление неважное. Чем больше вникал я в дело, тем больше убеждался в правильности своих первоначальных впечатлений. Не было необходимого порядка, организованности и должной воинской дисциплины. Хуже всего было то, что многие командиры не замечали этих недостатков. Вернувшись в управление корпуса, я без преувеличений, но ясно и четко доложил обо всем виденном командиру. Он со всем согласился. Но на устранение недостатков времени у нас уже не было - в воздухе пахло войной.

Ее ждали все, и не так уж много было среди военных людей, у которых теплилась еще надежда на то, что войны можно избежать. Однако, когда было объявлено о внезапном нападении авиации противника на Житомир, Киев, Севастополь, Каунас, Минск, на железнодорожные узлы и аэродромы и о переходе дивизий противника через нашу границу, это сообщение всех поразило. Почему? Причин тому было много. Но я, пожалуй, не ошибусь, если скажу, что главная наша беда заключалась в роковом заблуждении Сталина, Ему мы тогда верили безропотно, а он оказался слеп и дезориентировал всех пресловутым Сообщением ТАСС от 14 июня 1941 года{1}...

Первой моей мыслью после начала войны было: как хорошо,

что я на свободе и успел уже набраться сил! Но вторая мысль была о жене; каким ударом это будет для нее, и увижу ли я ее еще?

Я говорил с ней по телефону, слышал ее голос. Переживая сама безысходное горе, она старалась ободрить меня, говорила, что все самое плохое осталось позади, что она была так счастлива эти три месяца и у нее хватит сил ждать дня победы.

Глава шестая. Фронт откатывается на Восток

Первый и второй день войны наши дивизии приводили себя в боевое состояние. Командование и штаб корпуса выехали к Днепру, к находящимся там двум дивизиям южнее Киева

Сводки Информбюро приносили только печальные вести; 25 июня мы узнали, что противник занял города Каунас и Вильнюс. На левом берегу Днепра появились беженцы, целыми селениями уходящие с Правобережной Украины. Считалось, что противник продвигается столь быстро из-за внезапности его нападения и потому, что Германия поставила себе на службу промышленность чуть ли не всей Европы. Конечно, это было так. Но меня до пота прошибли мои прежние опасения: как же мы будем воевать, лишившись стольких опытных командиров еще до войны? Это, несомненно, была, по меньшей мере, одна из главных причин наших неудач, хотя о ней не говорили или представляли дело так, будто 1937 - 1938 годы, очистив армию от "изменников", увеличили ее мощь. Дивизии нашего корпуса сначала сосредоточились в лесах у Киева, но в связи с оставлением Минска вернулись на левый берег Днепра и погрузились в эшелон на станциях Дарница и Бровары для переброски на Западный фронт.

Следуя с одним из эшелонов, я на остановках переходил из вагона в вагон и рассказывал о том, как ровно двадцать семь лет тому назад ехал впервые на войну, веря, что меня не только не убьют, но и не ранят. Тогда, на второй год войны, у русской армии своего почти ничего не было - седла были канадские, ботинки американские, винтовки японские, и даже этого привозного не хватало, а воевали храбро и стойко. Теперь в результате социалистической индустриализации страны мы оружие имеем свое, советское, и стыдно нам было бы, защищая свое рабоче-крестьянское государство, воевать хуже, чем воевали русские солдаты тогда.

Узнав от командиров, что многие призванные из запаса, плохо знакомы с новым оружием, я дал указание, чтобы в пути проводили с ними занятия, а на длительных остановках, которых в пути было много, мы организовали даже стрельбы боевым

патроном.

В голове и хвосте поезда были установлены наблюдатели и пулеметы, чтобы отражать нападения с воздуха; но всякий раз, когда обнаруживали хотя бы один самолет противника, поезд останавливался, все люди без команды покидали вагоны и разбегались пополю. Самолет скрывался, трубач играл сбор, и солдаты не спеша возвращались в вагоны... Я видел в этом чрезмерную боязливость и недостаток дисциплины; командиры были слабо подготовлены к руководству подразделениями; не хватало жизненности, энергии также и в партийно-политической работе.

Наш эшелон, предназначенный к выгрузке на станции Рудня, задержался на несколько часов и Смоленске. Проходя по путям между эшелонами, я встретил командующего 19-й армией генерал-лейтенанта И. С. Конева, представился ему и доложил о прибытии эшелона. Внимательно всматриваясь в меня, Иван Степанович как будто что-то припоминал, потом спросил: "Мне кажется, мы были с вами соседями в Ворошиловском санатории в Сочи в тридцать пятом году". Я подтвердил это. Он добавил: "Уж очень вы похудели с того времени". Я ответил, что поправиться еще не успел. "Приятно встретить на фронте старого, хотя и малознакомого военного, - сказал генерал. - Не так-то часто это случается теперь..."

Он коротко меня информировал о положении на Западном фронте, предупредил, что Витебск уже занят противником, приказал беречь как свой глаз витебское направление, пожелал успеха, и мы расстались.

Эшелоны 25-го стрелкового корпуса выгружались на станциях юго-восточнее Витебска. Не ожидая сосредоточения дивизий, а тем более корпуса, полки и даже батальоны, едва закончив выгрузку, занимали оборону и вступали в бой в шести десяти километрах от Витебска. Штаб корпуса находился от города в двадцати пяти километрах.

В тот период войны, особенно в первый месяц, часто можно было слышать: "Нас обошли", "Мы окружены", "В нашем тылу выброшены парашютисты" и т. п. Не только солдаты, но и необстрелянные командиры были излишне восприимчивы к таким фактам, обычным в ходе современной войны; многие были склонны верить преувеличенным, а зачастую и просто нелепым слухам,

Однажды утром я услышал далекую канонаду в стороне Витебска, обратил на нее внимание командира корпуса и получил разрешение поехать для выяснения обстановки. На шоссе я встречал небольшие группы солдат, устало бредущих на восток.

Получая на вопросы: "Куда? Почему?" - лишь сбивчивые ответы, я приказывал им вернуться назад, а сам ехал дальше. Все больше видел я военных, идущих на восток, все чаще останавливался, стыдил, приказывал вернуться. Предчувствуя что-то очень нехорошее, я торопился добраться до командира полка: мне надоело останавливать и спрашивать солдат - хотелось поскорее узнать, что здесь случилось.

Не доехав километра три до переднего края обороны, я увидел общий беспорядочный отход по шоссе трехтысячного полка. В гуще солдат шли растерянные командиры различных рангов. На поле изредка рвались снаряды противника, не причиняя вреда. Сойдя с машины, я громко закричал: "Стой, стой, стой!" - и после того как все остановились, скомандовал; "Всем повернуться кругом". Повернув людей лицом к противнику, я подал команду: "Ложись!" После этого приказал командирам подойти ко мне. Стая выяснять причину отхода. Одни отвечали, что получили команду, переданную по цепи, другие отвечали: "Видим, что все отходят, начали отходить и мы". Из группы лежащих недалеко солдат раздался голос: "Смотрите, какой огонь открыли немцы, а наша артиллерия молчит". Другие поддержали это замечание.

Мне стало ясно, что первой причиной отхода явилось воздействие артогня на необстрелянных бойцов, второй причиной - провокационная передача не отданного старшим начальником приказа на отход. Главной же причиной была слабость командиров, которые не сумели остановить панику и сами подчинились стихии отхода.

В нескольких словах разъяснив это командирам, я приказал им собрать солдат своих подразделений и учесть всех, кто отсутствует.

- Если у вас окажутся солдаты из других подразделений, подчините их себе, запишите фамилии. И не медленно окапывайтесь на этой линии!

Одного из комбатов я спросил, где командир полка. Получил ответ: утром был в двух километрах отсюда в Сторону Витебска, слева от шоссе, а теперь неизвестно. Я проехал еще километра полтора вперед, дальше пошел пешком. Ни справа, ни слева не было никого. Наконец я услышал оклик и увидел военного, идущего ко мне. Это был командир 501-го стрелкового полка Костевич; из небольшого окопчика невдалеке поднялись начальник штаба полка и связной ефрейтор. На мой вопрос командиру полка: "Как вы дошли до такого положения?" он, беспомощно разведя руками, ответил: "Я понимаю серьезность случившегося, но ни чего не мог сделать, а потому мы решили

здесь умереть, но не отходить без приказа".

На его груди красовались два ордена Красного Знамени. Но, недавно призванный из запаса, он был оторван от армии много лет и, по-видимому, совершенно утратил командирские навыки. Верно, он действительно был способен умереть, не покинув своего поста. Но кому от этого польза? Было стыдно смотреть на его жалкий вид.

Понимая, что о возвращении полка на прежнюю позицию нечего и думать, пригласил командиров идти со мной, посадил их в машину и привез в полк. Указал Костевичу место для его НП, посоветовал, как лучше расположить батальоны и огневые средства. Приказал разобраться в подразделениях и установить связь с НП батальонов. В лесу, справа от шоссе, я нашел корпусной артиллерийский полк и обнаружил, что его орудия не имеют огневых позиций, а у командиров полка, дивизионов и батальонов нет наблюдательных пунктов. Собрав артиллеристов, пристыдил их и дал необходимые указания, а командира артиллерийского полка связал с командиром стрелкового полка Костевичем и установил их взаимодействие. Кроме того, Костевичу приказал выслать от каждого батальона взвод в боевое охранение, на прежнюю линию обороны, а командиру артиллерийского полка произвести пристрелку.

Возвратясь, доложил подробно командиру корпуса о беспорядке в передовых частях, но, к своему удивлению, увидел, что на него это произвело не больше впечатления, чем если бы он услышал доклад о благополучной выгрузке очередного эшелона... Такое отсутствие чувства реальности меня удивило, но не обескуражило, Я решил действовать сам. Переговорил с командиром 162-й стрелковой дивизии, спросил его - знает ли он о случившемся в подчиненном ему 501-м стрелковом полку? Он не знал. Пришлось обратить его внимание на ненормальность положения, когда я ему докладываю о подчиненных ему частях, а не он мне. Вызвал к себе командующего артиллерией корпуса и спросил его: где находится и что делает корпусной артполк? Он ответил, что артполк стоит на огневой позиции за обороняющимся 501-м полком 162-й стрелковой дивизии на витебском направлении.

- Уверены вы в этом?

- Да, мне так доложили, - промолвил он уже с сомнением в голосе.

- Вам должно быть очень стыдно. Вы не знаете, в каком положении находится непосредственно подчиненный вам корпусной артполк. Нечего и говорить, что вы не знаете, как выполняют артиллерийские полки дивизий свою задачу. А вам

положено контролировать работу всей артиллерии корпуса!

Командир корпуса слышал мои разговоры, но не вмешивался в них.

После 13 часов снова послышалась канонада с того же направления. Позвонил командиру 162-й стрелковой дивизии, спросил его, слышит ли он стрельбу, а если слышит, то почему он еще не выехал в 501-й стрелковый полк. Не ожидая ответа, я добавил: - Не отвечайте сейчас. Доложите мне обо всем на шоссе, в расположении пятьсот первого стрелкового полка, я туда выезжаю.

На этот раз не было видно отходящих по шоссе групп, хотя снаряды рвались на линии обороны полка. Я уже льстил себя надеждой, что полк обороняется, и подумал: оказывается, не так много нужно, чтобы полк начал воевать! Но, внимательно осмотрев с только что прибывшим командиром дивизии участок обороны, мы присутствия полка нигде не обнаружили. Комдив высказал два предположения: первое, что полк, возможно, хорошо замаскировался, и второе что полк занял свою прежнюю позицию, в трех километрах впереди. Решили оставить машины на шоссе и пошли вперед по полю к редкому березовому перелеску. Когда мы, пройдя около километра, стали подниматься на бугор, сзади раздались один за другим три выстрела и мимо нас прожужжали пули.

- Вероятно, наша оборона осталась сзади, - сказал мой адъютант. - Они думают, что мы хотим сдаться противнику, вот и открыли по нас огонь.

Мы вернулись и пошли на выстрелы. Нам навстречу, как в прошлый раз, поднялся из окопчика командир полка Костевич, а за ним верные ему начальник штаба и ефрейтор.

- Это мы стреляли, - сказал командир полка смущенно. - Не знали, что это вы.

Он доложил, что полк снова отошел, как только начался артобстрел, - "но не по шоссе, а вон по той лощине, лесом". Костевич невнятно оправдывался, уверяя, что не мог заставить полк подчиняться его приказу. На этот раз я оставил его на месте, пообещав возвращать к нему всех, кого догоним.

По лощине пролегала широкая протоптанная полоса в высокой и густой траве след отошедших. Не пройдя и трехсот шагов, мы увидели с десяток солдат, сушивших у костра портянки. У четверых не было оружия. Обменявшись мнением с командиром дивизии, мы решили, что он отведет эту группу к Костевичу, потом вызовет и подчинит ему часть своего дивизионного резерва, чтобы прикрыть шоссе, а я с адъютантом поеду по дороге и буду возвращать отошедших.

Вскоре мы стали догонять разрозненные группы, идущие на восток, к станциям Лиозно и Рудня. Останавливая их, я стыдил, ругал, приказывал вернуться, смотрел, как они нехотя возвращаются, и снова догонял следующие группы. Не скрою, что в ряде случаев, подъезжая к голове большой группы, я выходил из машины и тем, кто ехал впереди верхом на лошади, приказывал спешиваться. В отношении самых старших я преступал иногда границы дозволенного. Я сильно себя ругал, даже испытывал угрызения совести, но ведь порой добрые слова бывают бессильны.

В тот же день командир 162-й стрелковой дивизии доложил, что вызванным батальоном прикрыл шоссе в укрепил этот участок силами возвратившихся групп.

Первый день вступления полка в бой подтвердил мои опасения, возникшие задолго до войны, еще на Колыме, и не дававшие мне покоя во время следования с эшелоном по железной дороге на фронт.

Доложив командиру корпуса обстановку, я предложил немедленно отстранить командира 501-го стрелкового полка и предупредить командира дивизии. Командир корпуса не возражал против предложенных мер, но и не сказал ничего вообще. Внешне он был невозмутим, а внутренне - не знаю... Я не мог понять генерала: то ли он абсолютно мне доверяет, то ли полностью меня игнорирует. Я решил действовать, как облеченный полным доверием.

В эту ночь я почти не сомкнул глаз, вспоминая о двукратном самовольном оставлении обороны 501-м полком. Ведь полк имел большую численность, и я не сомневался, что громадное большинство в нем - патриоты. Почему же командиры и солдаты отошли, почему же никто не остался в обороне, кроме той злополучной тройки? Вина командира полка, допустившего дезорганизацию своей части, была неоспорима. Но нить моих размышлений тянулась дальше, я пытался анализировать поведение более высоких начальников. Почему командир дивизии, слыша обстрел 501-го полка, не выехал туда? Ведь он был к нему ближе и слышал обстрел лучше, чем я. Почему он не выехал к полку немедленно даже после того, как я ему сообщил о страшном преступлении, которое там делается, а только тогда, когда я сам поехал туда и приказал явиться ко мне на шоссе? Что это - недомыслие или полное безразличие? А командиры корпусного артиллерийского полка?.. Они знали о стремительном наступлении противника за последние дни, но, находясь от него в десяти километрах, расположились, как на отдых, в сосновом бору, не имея ни огневых позиций, ни наблюдательных пунктов.

Даже видя, как в беспорядке отходит стрелковый полк, видя разрывы снарядов противника на поле, командование артполка никак де реагировало на происходящее.

Мне, только что вернувшемуся в армию, все это казалось плохим сном. Не верилось тому, что видели глаза. Я пытался отогнать навязчивую мысль: "Неужели 1937 - 1938 годы так подорвали веру солдат в своих командиров, что они и сейчас думают, не командуют ли ими "враги народа"? Нет, этого не может быть. Вернее другое: неопытные и необстрелянные командиры несмело и неумело берутся за исполнение своих высоких обязанностей".

Эта мысль не давала покоя. Решил утром поговорить начистоту с командиром корпуса в присутствии начальника политотдела.

Разговор состоялся, но не дал результатов - события развивались слишком быстро.

На следующее утро было получено сообщение, что один из наших флангов оголен, а затем обойден. Чтобы не допустить выхода противника в наш тыл, захвата им города Демидов и узла шоссейных дорог в сорока километрах за центром нашего корпуса, было решено послать для обороны Демидова один стрелковый полк с артдивизионом.

На витебском направлении было спокойно, - видимо, противник предпочел обходное движение.

За два часа до темноты командир корпуса послал меня в Демидов, чтобы помочь полку и дивизиону организовать там оборону. Через час я был уже в городе, но наш полк и дивизион еще не прибыли. Нашел там небольшой численности разведывательный батальон не подчиненной нам дивизии. Информировав командира о том, что не исключено появление противника ночью перед Демидовом и что на усиление прибудет наш стрелковый полк с артиллерийским дивизионом, я приказал ему организовать оборону северо-западной и юго-западной окраин города, выслать разведку на машинах в этих направлениях и быть особо бдительным до прибытия полка.

Ужи стемнело, а полка и дивизиона все еще не было. В ожидании их я расположился на ночевку в крайнем доме на восточной окраине. На рассвете меня разбудил пулеметный и артиллерийский огонь. Мимо меня неслись машины. Остановив свою машину, командир разведывательного батальона доложил, что наш полк так и не пришел, а немецкая пехота и много танков уже ворвались в город. Действительно, в пятистах метрах от нас появились три танка и начали обстреливать улицу. Оставив город, мы заняли оборону у отдельных домов на высотках, в двух

километрах от него. По сторонам шоссе поставили две сорокапятимиллиметровые пушки.

Немцев долго ожидать не пришлось. Через час из города показались густая цепь солдат и до пятнадцати танков, ведущих по нас огонь с ходу. Мы были вынуждены отходить по шоссе на город Духовщина. Несколько раз спешивались и вели огонь, тормозя продвижение противника.

Таким образом, я оказался отрезанным от корпуса. В Духовщине находился тыловой эшелон нашего штаба, и там я узнал, что главнокомандующий Западным направлением со своим штабом расположился в лесу у города Ярцево, в двадцати пяти километрах к юго-востоку.

Я считал своим долгом явиться к главнокомандующему и доложить ему об угрозе со стороны Духовщины. Мой доклад о том, что противник находится от его управления в тридцати километрах, был неожиданным для маршала Тимошенко. В мое распоряжение были выделены шестьдесят человек из охраны штаба и шесть грузовых машин с четырьмя счетверенными зенитными пулеметами. Мне приказано было выехать в Духовщину, прикрыть, насколько возможно, ярцевское направление, а при отходе удерживать Ярцево и узел дорог, подчинив себе всю имеющуюся в этом районе артиллерию и отходящие с фронта части и подразделения.

Мы были на шести грузовиках в трех километрах от Духовщины, когда увидели выходящую из города нам навстречу колонну, состоящую из танков и моторизованной пехоты. Развернув свои машины, мы открыли огонь с дальней дистанции из трех счетверенных установок. Четвертую машину я послал к мосту, который находился сзади нас в трех километрах, чтобы подготовить его к сожжению после нашего отхода, облив бензином, взятым из бака машины.

Под воздействием нашего огня пехота противника начала спешиваться и разворачиваться в цепь; часть танков сходила с дороги и двигалась по полю вместе с пехотой, а другие продолжали идти по шоссе, ведя огонь. По мере приближения противника мы отходили, а когда отошли за ручей - подожгли мост.

Скрыв свои машины за холмами, но сохраняя возможность вести огонь из пулеметов, мы спешились и открыли стрельбу. Вели ее сначала с дальних, а потом с ближних дистанций, пока пламя полностью не охватило мост, и отошли лишь после того, как немецкая пехота залегла перед нами в двухстах метрах, а танки стали перебираться через ручей правее и левее вброд.

Используя выгоды местности, мы спешивались еще два раза,

пока не отошли на бугры, прилегающие к автостраде у города Ярцево. Там уже имелись наблюдательные пункты наших артиллеристов, и появившийся противник был встречен мощным шквалом огня. Это значительно уменьшило его наступательный пыл.

Продвижение немцев от Духовщины к Ярцево было задержано дольше чем на четыре часа. За это время штаб, главнокомандующего Западным направлением успел уйти в район Вязьмы.

В Ярцевском районе находилось более ста пятидесяти стволов мощной артиллерии; кроме того, мы использовали артиллерию, отходящую по автостраде. При помощи главным образом артиллерии, организовав оборону из отходящих групп стрелков, мы удерживали Ярцевский узел дорог и город Ярцево четверо суток.

Эти четверо суток, проведенных в районе Ярцево, оставили у меня неизгладимое впечатление. Но если все они были в равной мере насыщены яростными и безуспешными атаками противника, то каждый из четырех дней и отдельности запомнился все же по-разному.

Особенностью обороны первого дня было то, что артиллерийские наблюдательные пункты, расположенные на буграх, не были прикрыты даже отделением стрелков: при мне была всего одна рота в шестьдесят человек.

На вторые сутки из отходящих были сформированы до десяти рот и два батальона, которыми уплотнили оборону. Оборона на этом участке стала похожа на организованную. Поскольку у меня не было средств управления, приходилось пользоваться только артиллерийскими средствами связи, а главное - полностью было использовано "живое руководство" с моим постоянным хождением с одного бугра на другой, особенно там, где против - ник наступал (а наступал он по нескольку раз в день то на одном, то на другом участке). В этот второй день с запада появилась легковая машина, и из нее вышел генерал-лейтенант А. И. Еременко. Обнялись, расцеловались - ведь мы увиделись впервые после моего освобождения! Я поблагодарил его за смелое и доброе отношение к моей жене после моего ареста. Информировал об обстановке у Ярцево. Андрей Иванович видел наше пиковое положение, но сказал: "Нужно удерживать позицию во что бы то ни стало, потому что есть еще наши соединения, которые находятся западнее вас" и уехал к этим соединениям на запад.

Третий день нашей обороны был особенно трудным; противник атаковал все настойчивей. Но и наша артиллерия,

хорошо пристрелявшись за два предыдущих дня, била наверняка, а стволов у нас было уже более трехсот.

Переходя от одного дерущегося подразделения к другому, я увидел, как один красноармеец, согнувшись под тяжестью другого, сходил с холма. Положив раненого на землю, он сел около него передохнуть. Когда я подошел к ним, у раненого были крепко сжаты губы, глаза закрыты, а щеки влажны от слез. Услышав разговор, раненый открыл большие серые глаза и, как будто оправдываясь, сказал:

- Я плачу не от боли, нет, я плачу от того, что дал себе слово не умереть, пока не убью хоть пять фашистов, а вот приходится умирать сейчас...

Красноармеец-санитар скороговоркой, как будто боялся опоздать, сказал ему:

- Ты из своего пулемета убил не пять, а, может, пятьдесят. Я сам видел, как они падали от твоих очередей.

Не знаю, правду сказал санитар или хотел лишь утешить товарища, но после его слов раненый спокойно закрыл свои серые глаза.

И вот с такими людьми отступать!..

На четвертый день, 22 июля, в наш район пришла укомплектованная дивизия, потом прибыл генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский. Но в тот же день, проверяя оборону, я был с расстояния пятидесяти метров подстрелен автоматчиком из группы немцев, проникших ночью через нашу неплотную оборону. Я спрыгнул в глубокий кювет и, прыгая на одной ноге, с помощью шофера Шиманского добрался до своей машины. Доложил обстановку Рокоссовскому. Меня отправили в госпиталь, в Вязьму. Там я узнал, что наш 25-й стрелковый корпус окружен немцами, отдельные подразделения и группы выходят из окружения, но командир корпуса с офицерами своего штаба попал в плен. Я был потрясен.

Наутро меня отправили самолетом в Москву. Пуля пробила ногу навылет ниже колена, не повредив кости, рана быстро заживала. Через тринадцать суток я уже выписался из госпиталя - только подошва была онемевшая, как чужая. Десять дней пробыл в резерве, а затем был зачислен слушателем Курсов для высшего комсостава.

Мне стыдно было ходить по улицам Москвы. С фронта не поступало радостных вестей. Казалось, что все на меня смотрят и хотят спросить: почему так плохо там получается и почему ты болтаешься в тылу? Очень хотелось попасть скорее снова на фронт, но, как ни старался, назначения не получал: корпусные управления к этому времени ликвидировали. Только через месяц

я получил назначение, но не на фронт, а в глубокий тыл, к новым формированиям в районе Омска. Связался по телефону с женой. Она сообщила, что едет в Ташкент, к жене своего брата, которая ее приглашает; узнав, что я еду в Омск, обрадовалась, и мы решили, что она тоже приедет туда и мы побудем вместе, пока я буду занят формированием.

На другой день я пошел в гостиницу "Савой" к Вильгельму Пику; до 1937 года он бывал у нас во 2-й кавалерийской дивизии как представитель компартии Германии, которая шефствовала над нами с 1926 года. Товарищ Пик знал о моем аресте и встретил меня с распростертыми объятиями. Пробыл я у него часа два. Естественно, наш разговор был о положении на фронте и о Германии; оба мы твердо верили в победу над гитлеризмом и строили предположения, как именно она осуществится. Он напомнил нашу последнюю встречу в 1936 году; тогда, поднимая бокал с вином, он сказал: "За встречу в свободном Берлине".

- Несмотря на ваши большие неудачи, - сказал товарищ Пик, - я верю, что фашизм будет побежден и мы встретимся в свободном Берлине.

Поговорив со мной, Вильгельм Пик позвонил Л. З. Мехлису и сказал ему;

- После ранения приехал с фронта и зашел ко мне комбриг Горбатов, он много видел и, вероятно, больше, чем мне, может рассказать вам. Может быть, выкроите время и поговорит с ним?

Не опуская трубки, Пик спросил меня, где я остановился, и передал мой адрес Мехлису.

Через сутки, в час ночи, в дверь моего номера в гостинице в ЦДКА постучали, а когда я открыл ее, в номер вошел, как в ночь ареста в 1938 году, офицер НКВД и сообщил, что меня вызывает Мехлис и он может меня проводить к нему. Трудно описать мое состояние, когда я ехал в машине по пустым улицам ночной Москвы.

Увидев меня, Мехлис повышенным тоном спросил:

- Почему действуете в обход? Почему не обратились прямо ко мне?

Не дав мне времени ответить, присутствовавший здесь же Щаденко добавил:

- По-видимому, его мало поучили на Колыме.

Не ожидавший такой встречи, я на минуту растерялся, а потом доложил о своем давнишнем знакомстве с Вильгельмом Пиком. Отвечая на дополнительные вопросы, пересказал содержание нашего разговора. Рассказал и о том, что получил назначение и Омск. В обращении со мной Мехлиса и Щаденко все время чувствовалась угроза, а когда Мехлис, отпуская меня,

отменил поездку в Омск и приказал положить на стол командировочное предписание, в моей голове был уже полный сумбур...

Первой здравой мыслью было пойти на телефонную станцию и предупредить жену, чтобы она ехала прямо в Ташкент. Однако не только в это утро, но и в следующие два дня вызвать ее не удалось - связь была прервана. На третий день узнал, что она уже выехала в долгое, мучительное и бесполезное путешествие в Омск.

На мое счастье, С. К. Тимошенко, недавно назначенный главнокомандующим Юго-Западным направлением, прислал начальника отдела кадров в Москву, чтобы отобрать комсостав из находящихся в резерве. Первым в списке едущих на юг был я.

1 октября 1941 года в Харькове начальник отдела кадров полковник Портянников представлял нас, вновь прибывших командиров, главнокомандующему Юго-Западным направлением С. К. Тимошенко и члену Военного совета Н. С. Хрущеву.

- Горбатова я знаю хорошо, - сказал главнокомандующий и, обернувшись к Н. С. Хрущеву, добавил: - Недавно реабилитирован, прибыл с Колымы, уже ранен. Этот будет воевать. Ну, как у вас дело с ранением и с чего мы начнем, с конницы или со стрелковых войск? - спросил он меня.

- С ранением все обстоит благополучно, - ответил я, - а начать хотел бы со стрелковой дивизии, уж очень соскучился по самостоятельной работе.

- Доставить такое удовольствие легче всего, - ответил Тимошенко.

Я тут же был назначен командиром 226-й стрелковой дивизии, находящейся в двадцати километрах от Харькова.

На прощание член Военного совета сказал мне:

- Всеми силами и способами старайтесь вселять в подчиненных преданность Родине и партии, уверенность в нашей победе. А она будет, обязательно будет, это вы сами знаете!

Я получил ту работу, которую вел девять лет назад; но тогда дивизия была кавалерийская и обстановка мирная, а теперь - война и дивизия стрелковая. Но все равно, старый опыт пригодится. И я так соскучился по настоящей работе!

От полковника Портянникова узнал, какие должности старших командиров в дивизии не укомплектованы. Отправился на пункт сосредоточения командиров резерва фронта, отобрал группу, в том числе на должность начальника штаба дивизии взял молодого майора Бойко, и вместе с ней прибыл в дивизию, находившуюся в местечке Ольшаны.

В первые дни знакомился с людьми, их настроениями, с

боевым прошлым дивизии. Через два дня мы собрали партактив, потом совещание старшего комсостава по одному вопросу: наши задачи по укомплектованию дивизии и приведению ее в боевое состояние. Мои выступления были дополнены начальником политотдела Н. И. Урьевым. В связи с продолжающимися неудачами на фронте мы учитывали сложность настроения как старожилов дивизии, так и прибывающего пополнения. Мы с удовлетворением отмечали, что в пополнении есть участники гражданской войны, есть старые и молодые члены партии, комсомольцы - их мы считали цементом, способным спаять весь личный состав.

Не буду рассказывать о многообразных занятиях, немедленно начавшихся в дивизии. Скажу только, что мне приятно было наблюдать дружную работу командиров, политработников и всех начальников спецподразделений.

226-я стрелковая дивизия отошла в район Харькова в составе всего лишь девятисот сорока человек; по существу, ее пришлось формировать заново. Не хватало командиров батальонов и рот, специалистов. Было мало транспортных средств и оружия. У красноармейцев осталось только по одной паре белья. Делая все, что могли, сами, мы все же через восемь суток послали слезное донесение начальнику штаба Юго-Западного направления. В ответ была прислана комиссия, которая, пробыв у нас один день, выразила удовлетворение ходом комплектования и учебы. Нас предупредили, чтобы специалистов мы не ждали - "учите сами!". Оружие обещали подбросить. Нам оставалось лишь еще усилить занятия.

Боевой подготовкой мы занимались много, но качество ее было невысоким из-за большого некомплекта командиров батальонов и рот: батальонами командовали старшие лейтенанты или лейтенанты... Кроме того, времени у нас было очень мало. Положение на фронте усложнялось: противник, несмотря на увеличивающиеся потери, продолжал наступать, приближался к Харькову, охватывая его с севера и юга.

В первых числах ноября штаб фронта распорядился, чтобы из нашей дивизии был выслан передовой отряд на рубеж Шаровка, Марьино, совхоз "Перебудово". В передовой отряд выделили батальон 989-го стрелкового полка и взвод саперов с минами (артиллерии у нас еще не было). Чтобы отряд лучше выполнил первое боевое задание, я выехал на указанный рубеж - поставить на местности задачу командиру батальона, спросить его о способе выполнения и дать, если нужно, дополнительные указания.

В Шаровку мы прибыли 9 октября утром, выслали разведку в западном направлении и через сорок минут уже слышали

перестрелку с разведкой или передовыми подразделениями противника.

За четыре часа моего пребывания в батальоне не только была поставлена задача командиру, но и установлена связь с 10-й танковой бригадой в Высокополье. Побывал я и у стоящего в поле исправного истребителя, покинутого летчиком, приказал командиру батальона обеспечить самолет охраной, а в случае опасности уничтожить его гранатами. Был на станции Репки, где вторые сутки ждал погрузки артиллерийский полк; предупредил его командира о близости противника и высказал мнение, что надо быть, готовым к движению своим ходом на случай, если не подадут подвижной состав. Побывал на спиртозаводе в местечке Шаровка, обнаружил там большие запасы спирта и предложил администрации спустить его, но работники завода не решались ,на это без распоряжения из Харькова, и я поручил командиру батальона охранять цистерны, а в случае необходимости уничтожить их.

Вернувшись, донес обо всем начальнику штаба Юго-Западного фронта.

Некоторым читателям может показаться странным, что командир дивизии сам поехал с батальоном, выделенным в передовой отряд, как будто нельзя такую работу поручить командиру полка. А я, читая об этом в архивных материалах через двадцать лет, и сейчас свои действия считаю правильными. Нельзя забывать, что командир батальона был человеком неопытным, ему и его подчиненным предстоял первый в их жизни бой. Понимал я, и как трудно было действовать малоопытному командиру, старшему лейтенанту, в той обстановке. Прибыл бы он в Шаровку и не нашел бы там 133-й танковой бригады и батальона 692-го стрелкового полка, с которыми. должен был совместно действовать. Поневоле растерялся бы.

Вот почему я считал своим долгом помочь молодому комбату на первых порах, если можно так сказать, научить его на собственном примере самостоятельности и предусмотрительности.

Все полки дивизии занимали оборону на заданном рубеже, не прерывая напряженной учебы. 18 октября в дивизию прибыл сформированный наконец артполк с двадцатью гаубицами (эта радость омрачалась тем, что лошади у артиллеристов были очень малорослые и обессиленные). В наш район отошла 212-я стрелковая дивизия, ей мы сдали полосу обороны, а нам дали приказ выступить в район в сорока километрах севернее Харькова и войти в состав 21-й армии.

21 октября двумя полками заняли оборону в полосе

Толоконное, Наумовка, Крестовой, Нехотеево, Анисово, Казачья Лопань, поставив третий полк во втором эшелоне. Из особо смелых солдат создали подразделения истребителей танков: в роте - отделение, в батальоне - взвод, а в полку - роту; вооружили их бутылками с зажигательной смесью, противотанковыми гранатами, связками обычных гранат и посадили их на танкоопасных направлениях; выслали вперед разведку и охранение.

С волнением весь личный состав дивизии ожидал первой встречи с противником. Трудно описать это напряженное состояние. Но я ощущал здесь у каждого командира и солдата то чувство личной ответственности, ту спайку, которых не хватало в боях под Витебском.

В это время в дивизию прибыл новый комиссар С. И. Горбенко. Он сразу расположил к себе людей, оказался исключительно честным, подвижным и целеустремленным работником. Я сразу подружился с ним. Мы вместе переживали и горечь неудачи, и радость - когда было чему радоваться.

Первой нашей радостью было отражение передовых подразделении наступающего противника. Но эта радость была недолгой: мы получили известие об оставлении Харькова и о том, что Казачью Лопань, атакованную основными силами противника, удержать не удалось. Вечером 24 октября было получено распоряжение отступать на реку Северский Донец. Отход был исключительно тяжелым, и не так из-за активности противника, как из-за труднопроходимых дорог - беспрерывно шли дожди, недоставало тягловой силы, гаубицы больше тащили люди, чем истощенные лошади.

Вот что я доносил командованию: "Горючее полностью отсутствует, нет надежды на его подвоз колесным транспортом. На дороге г. Волчанок - ст. Бибаково - Новый брошено шоферами большое количество машин с грузом, принадлежащим 14-й кавдивизии. Кроме того, в г. Волчанске оставлено без горючего много машин, даже танков, принадлежащих 3-й танковой бригаде, хотя ее части уже отошли восточное". Доносил я и о том, что команды, отступающие впереди войск, подрывают мосты, не ожидая перехода частей, уничтожают тысячи тонн горючего, в то время как исправные машины остаются на дорогах без бензина.

В результате отхода 226-я стрелковая дивизия встала в оборону на левом берегу реки Северский Донец. В ноябре шли бесконечные дожди со снегом, и это очень затрудняло создание оборонительных рубежей. Чтобы лучше использовать особенности местности, я обошел с командирами полков каждый батальонный район. Сначала спрашивал у командира батальона его решение

на оборону: где и как он будет располагать людей и огневые средства? Потом спрашивал командира полка, с чем он не согласен и какие намерен внести уточнения, почему он намерен делать так, а не иначе. Лишь после этого я давал свои указания, как расположить батальон и как окапываться. Приходилось учить командиров на переднем крае, чтобы развить у них умение находить выгодное расположение боевых порядков и избегать лишних работ для красноармейцев.

Известно, что в войну мы вступили с укоренившимися взглядами на прогрессивность групповой тактики, с распылением взвода почти по всему обороняемому району. Однако красноармейцы теряли при этом чувство локтя, не видели не только командира взвода, но порой и командира отделения, не слышали команд, то есть были неуправляемы. С тех пор как я начал сознательно относиться к тактическим вопросам, я был всегда ярым противником такого расположения в обороне и считал его устаревшей системой. Такая разобщенность на поле боя в известной мере оправдывала тех, кто покидал оборону, ничего не зная о своих, воображая, что "уже все отошли, я ушел последним".

Прослужив пять с половиной лет солдатом, я хорошо знал, на что солдат способен в той или иной обстановке. Понять, какое отрицательное действие производит быстрое и продолжительное отступление, совсем не трудно. Поэтому от подчиненных нам командиров мы потребовали - не распылять взвод, располагать его на одном из бугров в общей траншее, не более ста двадцати метров по фронту, чтобы командир видел своих подчиненных, а они - своего командира, чтобы он мог контролировать их поведение и заставлять их стрелять в наступающего противника, а не отходить, кому когда вздумается. Рекомендовали не бояться оставлять между взводами и ротами незанятые промежутки, простреливаемые управляемым огнем.

Находясь в обороне, мы производили анализ потерь за время отступления. Большая часть падала на пропавших без вести, меньшая часть - на раненых и убитых (главным образом командиров, коммунистов и комсомольцев). Партийно-политическую работу мы подчинили главной задаче - повысить устойчивость дивизии в обороне. Мы с комиссаром Горбенко не уставали разъяснять офицерам, что их основная обязанность - укреплять в сердцах солдат веру в нашу победу.

Люди, сражающиеся в невероятно тяжелых условиях, особенно нуждаются в общении со своим командиром. Каждое слово и поступок офицера солдаты обдумывают и оценивают, им важно знать настроение своего командира: как он сам-то, верит в

успех боя или сомневается в нем? Солдата обмануть нельзя. Он умен и зорок. И путь к его сердцу найдет лишь тот, кто не боится правды, кто умеет разговаривать с людьми откровенно и убежденно.

Солдаты должны убедиться, что командир о них думает, но под их настроение не подделывается, а говорит то, во что верит сам. Солдаты дерутся всегда гораздо лучше, если понимают обстановку и если верят в свои силы.

Наша дивизия оборонялась на фронте до тридцати километров. За двадцать дней ноября было немало сделано для совершенствования обороны, обучения и воспитания людей. Но мы хорошо понимали, что даже самой упорной обороной противника не победишь, что, сидя в обороне, нужно готовить людей к наступлению. А это значило, что обучение войск и партийно-политическую работу необходимо подкреплять активными действиями.

Мы выяснили, что после успехов своего летнего наступления противник стал самоуверенным и в холодную погоду отсиживается в населенных пунктах, между которыми оставляет большие промежутки, не занятые войсками. Решили использовать это положение, чтобы проникать в тыл к противнику и уничтожать его гарнизоны. "Только убив или пленив немца, - думали мы, - или хотя бы захватив трофеи, наши бойцы поверят в свои силы".

Первый лихой налет был произведен под командой лейтенанта Заярного на деревню Огурцово, находившуюся на переднем крае обороны. Пленных взять не удалось, но противник оставил в деревне десять убитых. Нами были захвачены миномет, винтовки, гранаты, патроны, лошади с повозками, продовольствие, документы убитых, обмундирование, одеяла, белье и другие вещи. Потеряли мы одного убитым. Даже на этом опыте можно было убедиться, что подготовительная работа не пропала даром, что с нашими солдатами можно осуществлять нападения на тылы противника в более крупном масштабе.

Разрабатывая планы таких вылазок, мы преследовали главным образом три цели: 1) доказать противнику, что мы способны больно его бить; 2) выработать у наших людей уверенность в своих силах; 3) убедиться, на что способны в бою наши батальоны.

Объектом очередного нападения избрали деревню Коровино. По имевшимся у нас сведениям, именно здесь находилась батарея, которая нас сильно беспокоила, систематически обстреливая наши позиции. Чтобы обеспечить успех действий, нужно было выставить прикрытие на дорогах, ведущих в

Коровино, и вообще иметь под рукой достаточно сил. Поэтому было решено взять по одному батальону от каждого полка, разведроту дивизии, саперов. Поскольку этой вылазке мы придавали большое значение, руководство ею я взял на себя, а Горбенко вызвался идти комиссаром отряда. В качестве моего заместителя с нами пошел командир 985-го полка Шепеткин.

Произвели разведку, проверили прочность льда на реке. Мы с Горбенко провели беседы в каждом выделенном батальоне, обратив еще раз внимание на необходимость строжайшей дисциплины. Призвали бойцов действовать дружно и решительно.

Поскольку разведроте поручалось самое ответственное дело - прикрывать наши подразделения с запада, она была усилена четырьмя минометами с сотней мин. Возглавлял ее смелый и решительный начальник разведки дивизии Боков.

Артполк получил задачу держать под огневым воздействием прилегающие к Коровино населенные пункты. Огонь открывать с первыми выстрелами атакующей пехоты.

Ночь на 28 ноября была теплая, с низкой облачностью. Не замеченные противником, мы перешли Северский Донец, потом шли лесом. На просеке, идущей от реки, сделали последний привал. Здесь мы подтянули колонну, уточнили ранее отданные распоряжения, напомнили сигналы, место сбора и пути отхода.

Когда мы тронулись вперед, чтобы пройти последние пятьсот метров, вернувшийся от головного дозора красноармеец доложил:

- Мы увидели двух человек, идущих нам навстречу, услышали оклик по-немецки, а потом топот. Они убежали к деревне.

Было ясно, что эти двое обнаружили нас и поспешат предупредить своих. Нельзя было медлить; противник имел несколько минут на изготовку. Мы ускорили движение, чтобы начать атаку на четверть часа раньше. Атаковали деревню одновременно и решительно, но внезапность атаки была утрачена. К половине восьмого противник еще удерживал те хаты, у которых на огородах стояла батарея. Был момент, когда часть батальона 989-го стрелкового полка дрогнула и начала было отходить к лесу, однако ее удалось остановить. Бой затянулся, противник дрался ожесточенно. Но и мы не намеревались останавливаться на полпути и к половине девятого полностью овладели деревней, уничтожив гарнизон. Бежало лишь человек двадцать, да и из них многих расстреляло наше прикрытие, встретившее огнем также и подкрепление, которое пыталось пройти к Коровино.

Мы подорвали орудия и боеприпасы, сожгли машины, облитые их же горючим, бросали в огонь все, что не могли взять с собой, обыскивали закоулки уцелевших строений. В девять часов

был дан отбой, и мы тронулись в обратный путь.

Прикрытие вело бой с подходившим противником. Особенно сильный напор сдерживала разведрота под командой Бокова; занимая выгодную позицию, она за полтора часа отбила три атаки во много раз превосходящего противника.

При переходе через реку мы смогли из взятых нами ста тридцати рослых и здоровых артиллерийских, верховых и обозных лошадей перетянуть на наш берег только семь, а остальные либо провалились на слабом льду и остались в реке, либо были пристрелены нами на том берегу; жалко было, конечно: они очень пригодились бы под наши гаубицы, - но другого выхода не было.

В этом бою противник потерял людей по меньшей мере втрое больше нашего, мы уничтожили артиллерийскую батарею, восемь машин, боеприпасы, повозки, захватили шестнадцать пленных, унесли с собой рации, фотоаппараты, продовольствие и много вещевого имущества.

Таким образом, задачу мы выполнили. Отрадно было видеть крепкую дисциплину не только на марше, но и в бою. Пропавших без вести не было. К недостаткам мы относили еще не совсем четкие действия красноармейцев и некоторых командиров, неполное использование укрытий при ведении огня; некоторые подразделения все еще болезненно реагировали на возгласы: "Об ходят! Окружают!" Несомненно, убежавшие два немца в какой-то степени усложнили выполнение задачи и увеличили наши потери. Если бы они несли охрану, трудно было бы избежать встречи с ними; но выяснилось, что красноармейцы из передового взвода, обнаружив провода, идущие к реке (вероятно, к артиллерийскому наблюдателю), перерезали их по своей инициативе, так что те два немца были, видимо, связистами и шли исправлять порванную линию.

Я спросил солдат, резавших провода: почему они это сделали, зная, что я запретил нарушать телефонные линии до первых выстрелов?

- Думали, так лучше будет, - ответил один.

- Считали, приказ касается только прикрытия, а мы не прикрытие, - ответил другой.

Значит, вина была наша , командиров: надо тщательнее обдумывать, достаточно ли точны наши распоряжения и достаточно ли они понятны.

Много было разговоров в дивизии: каждый из рассказчиков, конечно, несколько приукрашивал храбрость свою и товарищей, но мы считали, что в этом случае даже фантазия пойдет на пользу общему делу. Ведь главное-то было правдой! Особо отличившихся командование посылало в другие батальоны и батареи - рассказывать, как они побеждали немцев.

Немало был удивлен Военный совет армии, когда я лично доложил о нашей вылазке. Командарм В. Н. Гордов выразил удовлетворение, но добавил:

- Военный совет должен знать не только результаты ваших действий, но и ваши намерения, особенно если операция связана с выходом в тыл противника и возглавляется лично вами.

- Учту ваше замечание, - ответил я. - О следующей вылазке донесу заблаговременно.

Член Военного совета З. Т. Сердюк поздравил с успехом и пожелал новых больших дел.

30 ноября по 21-й армии был издан приказ:

"Основной задачей усиленным батальонам ставлю: решительными, смелыми и внезапными действиями очистить от противника восточный берег р. Сев. Донец. Образец такой работы показал 28.11 отряд 226-й стрелковой дивизии под

непосредственным руководством комбрига тов. Горбатова".

Мы предприняли еще две вылазки. 5 декабря добились особенно большого успеха, так как учли опыт своих предыдущих действий.

На этот раз мы поставили себе задачу уничтожить гарнизон, находившийся в село Графовка, в более глубоком тылу обороны противника. По имевшимся сведениям, в этом большом селе стояли батальон пехоты, артиллерийская батарея и другие немецкие подразделения. С нашей стороны и на этот раз участвовали три батальона - по одному от каждого полка - и разведрота. Подразделения выделялись те, которые не участвовали в прежних вылазках.

Ввиду того что ближнее большое село Маслова Пристань было занято немецким гарнизоном в полтысячи человек, мы взяли еще четвертый батальон, расположив его в качестве прикрытия против этого села.

Руководство отрядом я снова взял на себя, со мной шел комиссар Горбенко, моим заместителем был командир 987-го стрелкового полка.

Поскольку ночь была светлая, атаку наметили на четыре часа тридцать минут. как всегда, назначены были сигналы атаки и отбоя, предусмотрено артиллерийское и другое обеспечение.

Мы с Горбенко провели беседы во всех батальонах, причем обратили, внимание на недостатки в прежнем налете. Помню, в заключение я сказал: "Главное завтра - пусть каждый атакует решительно, не оглядываясь на соседа. Это не только ускорит выполнение задачи, но и резко уменьшит потери".

Поскольку до Графовки путь был более длинный, чем до Коровино, а планировались ночной бой и раннее возвращение, то накануне участникам был дан полный отдых, бойцы даже смогли помыться в бане.

Мы с комиссаром шли в голове переднего батальона, имея впереди, в трехстах метрах, взвод охранения. Я не раз останавливался, пропуская подразделения мимо себя, проверяя порядок движения, хотя трудно было по глубокому снегу выбираться снова в голову колонны. Обгоняя бойцов, я советовал им следить за щеками, носом и ушами - мороз был градусов двадцать. Каждый раз, при соединяясь к комиссару, я делился с ним радостным впечатлением: в колонне был образцовый порядок.

Реку мы переходили там, где, безусловно, противника не могло быть, где берег был более крутым. Приходилось взбираться, цепляясь за кусты, помогая друг другу. Шли мелким лесом, занесенным глубоким снегом. Когда оказались на опушке

в одном километре севернее Графовки, подтянули колонну. Абсолютная тишина нарушалась лишь перекличкой петухов да редким лаем собак в селе.

На этом последнем привале командиры взводов проверили своих людей. Я дал указание: одним батальоном атаковать село с севера, другим - с северо-запада. Условились, что через тридцать минут я буду на окраине села, у ветряной мельницы, что вырисовывалась на горизонте, и введу в бой третий, резервный батальон в том направлении, где сопротивление противника будет наибольшим. Разведроту оставили на дороге у опушки леса в виде прикрытия.

В назначенный час начали атаку. Вскоре я ввел в бой резервный батальон.

К шести часам тридцати минутам мы захватили почти все село, кроме десятка хат на западной окраине; противник успел подтянуть туда подкрепление. Я приказал дать отбой - пустить условленные ракеты в трех местах.

Батальоны начали собираться на знакомой нам опушке леса. Командиры проверили своих людей, и мы тронулись в обратный путь. В восемь часов мы были уже на левом берегу.

Наши потери: десять убитых (из них - три средних командира, два младших и пять красноармейцев), тридцать девять раненых. Гитлеровцев было убито более двухсот. Уничтожены батарея семидесятипятимиллиметровых орудий, много стрелкового оружия, большое количество лошадей, с десяток автомашин и другого имущества, которое мы не могли захватить с собой. В плен взяли четырех немцев.

На этот раз мы в более короткое время сделали больше, чем в предыдущем бою, и недостатков у нас было меньше.

Несмотря на напряженность боя, настроение участников было прекрасное.

Командующий армией, выслушав мой доклад о втором походе в тыл врага, сказал:

- Очень хорошо. Но... - смеясь, добавил он, - есть такая поговорка: "Повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сломить". Учтите это.

В приказе по армии от 9 декабря говорилось:

"Выполняя указания Ставки, в 21-й армии проведен ряд операций по уничтожению врага. В этих операциях части тов. Горбатова показали образцы храбрости, мужества, преданного служения народу, они беспощадно уничтожали немецких оккупантов..."

В отместку за наши налеты на Коровино и Графовку противник на рассвете 6 декабря повел наступление на деревни

Титовка и Устиновка, вытеснил из них наши передовые подразделения и оказался перед местечком Шебекино. Контратакой 989-го стрелкового полка под командованием энергичного и храброго майора Кучеренко фашисты были отброшены с большими для них потерями.

А мы уже готовили новое нападение. На этот раз объектом удара избрали Маслову Пристань на берегу Северского Донца.

Выступили на рассвете 15 декабря. Я взял с собой по батальону от 985-го и 987-го стрелковых полков. Шли в промежутке, не занятом нашими войсками, по занесенной снегом просеке.

Впереди - разведрота. Поравнявшись с заброшенным домиком лесника, Боков решил осмотреть его. Осветив комнату фонариком, он увидел на полу рацию. От дома вели в лес свежие следы. Боков доложил мне об этом, когда я подошел с колонной.

- Это хуже, - сказал я. - Значит, мы обнаружены.

Было понятно, что внезапность нападения утеряна: сбежавшие дозорные успели предупредить своих о нашем появлении. Поэтому я отказался от атаки села. Выделил две роты для уничтожения боевого охранения, а главные силы задержал в лесу.

Но и боевое охранение немцев уничтожить нам не удалось. Фашисты уже ожидали нас в окопах и встретили организованным огнем.

Сигналом я приказал ротам отходить. Противник начал обстреливать нас минометным и артиллерийским огнем. Одна мина разорвалась метрах в пятнадцати от меня. Я почувствовал укол в шею, но не обратил на него внимания. Кто-то из командиров, увидев кровь, потянулся ко мне рукой, вынул маленький осколочек, застрявший к коже, и дал его мне, сказав:

- На такой большой войне поневоле обращаешь внимание и на мелочи.

Осколок я оставил себе на память.

На этот раз, не выполнив задачи, мы вернулись на исходные позиции. Удовлетворение нам давало то, что мы вовремя отказались от попытки выполнить основную задачу. Но, возможно, я все же допустил ошибку, атаковав боевое охранение: вероятно, правильнее было просто отойти без боя.

После этих активных действий дивизия наша стала боевой силой, на которую могло положиться наше командование и которой должен был опасаться противник.

Чтобы закончить воспоминания о 1941 годе, расскажу еще про одну операцию, проведенную по приказу командарма. 28 декабря дивизия, оставив в обороне на двадцати километрах один

985-й стрелковый полк, основными силами сосредоточилась на восьмикилометровой полосе правого фланга. 29-го, еще до рассвета, мы перешли вместе с правым соседом в наступление, используя внезапность. К двенадцати часам удалось овладеть четырьмя большими селами: Севрюково, Ястребово, Беловская и Ближняя Игуменовка. Однако в каждом из этих населенных пунктов противник оставался в окружении, удерживая по поскольку домов, окруженных колючей проволокой, с минными полями на подступах к ним. Только в селе Ястребово мы захватили артбатарею и огнем прямой наводкой из немецких орудий полностью уничтожили засевший в домах гарнизон. К вечеру подошедшими из Белгорода резервами с танками противник восстановил положение, вынудив нас отойти. Но потери здесь были у немцев много больше, чем у нас, хотя и у нас они были весьма чувствительными: убитых 193, раненых 369. Мы захватили две артбатареи, много вооружения, семь складов с боеприпасами, продовольствием и имуществом.

25 декабря 1941 года мне было присвоено первое генеральское звание. Командующий армией вручил мне генеральскую папаху, сказал:

- Вручаю как знак полного к вам доверия нашей партии и правительства, поздравляю с первым и, уверен, не последним генеральским званием.

Член Военного совета армии Сердюк крепко обнял меня, поздравил и сказал;

- Александр Васильевич, вы много и целеустремленно работаете, потому и имеете такие результаты. Желаю еще больших.

Я поблагодарил в их лице партию и правительство за доверие и добрые пожелания.

За инициативные действия многие в нашей дивизии были награждены орденами и медалями. Я получил орден Красного Знамени.

В ноябре - декабре 1941 года на юге был освобожден от противника Ростов-на-Дону, на севере - Тихвин; в декабре же мы узнали о разгроме немцев под Москвой. Эти одержанные Советской Армией первые, но большие успехи были лучшим доказательством того, что будущее за нами. Однако зимняя кампания была все же очень тяжела.

В то время немцы еще дрались ожесточенно, до последнего, сдавались в плен редко, лишь тогда, когда не было иного выхода; часто оставались в окружении и дрались до подхода резервов из глубины.

Ставка Верховного Главнокомандования своим письмом от 10

января 1942 года требовала не давать немцам передышки, сосредоточенными силами, с превосходством над противником в три-четыре раза, взламывать их оборону на большую глубину, обеспечивая наступление артиллерией, - и не только артподготовкой, но и мощной артиллерийской поддержкой в ходе всего наступательного боя.

Письмо Ставки содержало глубокий смысл и содействовало бы успехам, если бы точно выполнялось все, что в нем было указано. Но мы по-прежнему получали приказы, противоречащие требованиям письма, а поэтому не имели успеха. Трудно объяснить, почему поступали такие приказы даже от командарма, о котором я был хорошего мнения.

В той обстановке естественно было, чтобы командир дивизии сам выбирал объекты для частных операции, сам определял силы отряда и время для нападения с использованием внезапности. В таких случаях противник имел обычно потери в два, три, а то и в четыре раза большие, чем мы. Другое дело, когда тебе издалека все распишут и прикажут захватить 17 января - Маслову Пристань, 19 января - Безлюдовку, 24 января - Архангельское и т. д., с указанием часа атаки, определят силы (к тому же не соответствующие ни задаче, ни твоим возможностям). В этих случаях результат почти всегда бывал один: мы не имели успеха и несли потери в два - три раза большие, чем противник.

Особо непонятными для меня были настойчивые приказы - несмотря на неуспех, наступать повторно, при- том из одного, и того же исходного положения, в одном и том же направлении несколько дней подряд, наступать, не принимая в расчет, что противник уже усилил этот участок. Много, много раз в таких случаях обливалось мое сердце кровью... А ведь это был целый этап войны, на котором многие наши командиры учились тому, как нельзя воевать и, следовательно, как надо воевать. Медленность, с которой усваивалась эта наука - как ни наглядны были кровавые примеры, - была результатом тех общих предвоенных условий, в которых сложилось мышление командиров.

Опишу коротко одно такое наступление, которое проводилось беспрерывно в течение шести дней подряд.

После крепких морозов началась с десятого февраля 1942 года оттепель с дождями. Поверх льда на Северском Донце образовался слой воды глубиной в двадцать - сорок сантиметров. В это время нами был получен приказ о наступлении на села Сажное и Гостищево.

Сажное - большое село, расположенное вдоль правого берега реки, было занято относительно сильным гарнизоном

противника. Гостищево, тоже большое село, было левее, в трех километрах от Сажного, за чистым полем. Выполняя приказ, мы форсировали реку против Гостищево двумя полками: одним, чтобы наступать прямо на Гостищево, а другим - охватывать Сажное с юга и юго-запада.

Мой наблюдательный пункт находился в кустарнике, в полукилометре от реки, с него было видно, как три батальона дружно и смело вступили по колено в ледяную воду и по льду преодолели реку. Используя внезапность, с небольшими потерями они за два с половиной часа овладели двумя десятками хат на южной окраине села Сажное, кустарником, что южнее и юго-западнее этого села, и продвинулись по чистому снежному полю на два километра к Гостищево. Однако наше наступление захлебнулось, встретив сильное огне - вое сопротивление из Гостищево с фронта, а также с флангов - справа из оставшейся у противника части села Сажное и слева из села Киселево. Противник, огонь которого подавить не удалось, перешел к активным действиям: нами были отбиты две сильные и настойчивые контратаки. В этот день обе стороны понесли большие потери. Мы потеряли отважного начальника штаба 989-го стрелкового полка майора Макарова, был ранен и командир полка майор Кучеренко; во временное командование полком вступил начальник разведки дивизии Боков. Предпринятое нами ночное наступление успеха также не имело. Использовать темноту удалось лишь для того, чтобы заменить батальоны с мокрыми ногами батальонами вторых эшелонов, переведя их через реку по наскоро наведенным переходам.

Ночью я доложил командарму о результатах наступления и получил указание: "Выполнять приказ". С рассветом наши части снова перешли в наступление, но под сильным огнем противника залегли. Одну контратаку мы отбили, в результате другой были выбиты из хат Сажного, занятых вчера.

Чувствуя безуспешность наступления, я решил на свою ответственность, когда стемнеет, отвести наши батальоны на левый берег реки.

И как раз в это время с наблюдательного пункта на левом фланге донесли об идущих в нашу сторону восемнадцати - двадцати танках противника. Я увидел в бинокль, как отдельные вражеские машины втягивались в село Киселево, левее наступавшего на Гостищево полка. Дал указание командующему артиллерией дивизии подполковнику Лихачеву огнем всех батарей не допускать выхода танков из Киселево. Учитывая, что пехота, не имея противотанковых средств, кроме бутылок с горючей смесью и гранат, обычно болезненно реагирует на

танковые атаки противника, я вызвал к телефону командиров полков, предупредил их о подходе танков в Киселево и высказал предположение, что одновременно с танковой контратакой нужно ожидать контратак пехоты.

Приказал командиру 987-го стрелкового полка подготовить по одному батальону к отражению контратак с двух направлений. Командиру 989-го стрелкового полка приказал два батальона, находившихся на поле, отвести в кустарник, обороняться там и уничтожать танки, которые попытаются войти в наши боевые порядки. Уведомил, что вся наша артиллерия будет использована для стрельбы по танкам.

Было видно, как четырнадцать танков противника вышли из Киселево; наш сильный огонь заставил их ускорить движение, но они пошли не против наших боевых порядков, а к Гостищево и скрылись в нем. Через двадцать пять минут танки вышли из Гостищево вместо с густыми цепями пехоты. Противник был встречей огнем артиллерии и пулеметов, его пехота залегла; но танки продвигались, ведя с ходу огонь из пушек и зажигательными пулями из пулеметов. В это время один из наших батальонов уже втянулся в кустарник, но другой лишь спешил к нему. Я видел, как все увеличивалось количество темных точек на снегу - лежащих тел.

Когда на поле не осталось наших войск, артиллерия получила возможность бить по танкам и пехоте противника, не боясь поразить своих. С радостью мы заметили дым и пламя на одном, а потом на втором и третьем танках. Только один вошел в кустарник, но он был там подожжен бутылками. Немецкую пехоту вынудили поспешно отойти в Гостищево.

В это время, закрыв от нас поле боя, сгустилась вечерняя темнота, и мы, так ждавшие ее в этот день, облегченно вздохнули. Но тут связь с командирами полков перестала работать. Строя различные предположения, мы считали, что в лучшем случае порваны провода или что полки под давлением противника меняют свои позиции. В худшем случае возможно было также, что противник захватил полковые наблюдательные пункты.

Через полчаса доложили, что связь есть - у телефона комиссар 989-го стрелкового полка. Я не узнал его голоса - он был так взволнован, что нельзя было его толком понять. Я уж подумал было, что НП захвачен противником и комиссар говорит по принуждению гитлеровцев. Но подошел к телефону командир полка и членораздельно доложил о положении: батальоны вовремя и без больших потерь отошли в кустарник, он просил разрешения отвести их на левый берег. Волнение комиссара объяснялось его огорчением и смущением по поводу неудачи. К

22 часам все были на левом берегу, в том числе и раненые; принесли с собой и убитых, кроме тех, что остались на открытом поле. Утром подсчитали потери, - к счастью, они оказались не такими большими, как мы предполагали. Но тем же утром получен был приказ снова наступать в том же направлении, и мы наступали еще четыре дня все так же безуспешно...

4 марта мы сосредоточились в десяти километрах восточное села Новый Салтов, а 5 марта получили уже приказ: в ночь на 6-е сменить части 300-й стрелковой дивизии, 7-го - перейти в наступление.

6 марта, после смены, я с начальником штаба дивизии, командирами полков и батальонов и начальниками родов войск произвел рекогносцировку. Ознакомившись с местностью, мы выработали план действий и взаимодействия.

227-я стрелковая дивизия - наш правый сосед - должна была овладеть селом Рубежное и наступать на Непокрытое. Левый сосед - 124-я стрелковая дивизия овладеть местечком Старый Салтов и через село Молодовое наступать на деревню Большая Бабка. Рубежное и Старый Салтов были крупными населенными пунктами, расположенными на берегу Северского Донца. Эти пункты были важными и для нас, и для противника, так как прикрывали мосты через реку, которые находились в семи километрах один от другого. Наша дивизия должна была наступать между этими пунктами на село Новый Салтов, которое вытянулось одной улицей по правому берегу реки почти на три километра.

Каждая из дивизий прорывала оборону на фронте более четырех километров и никакого дополнительного усиления не имела.

В день наступления была необычно сильная по этим местам пурга, в двадцати метрах ничего не было видно. Командиры взводов не видели своих людей, роты и батальоны были неуправляемы, поэтому наступление у нас и у соседей не увенчалось успехом. В восемнадцать часов я доложил командарму о неудаче.

- Кому вы служите? - спросил в ответ командарм.

- Служу советскому пароду и нашей партии, товарищ генерал, - ответил я. Разрешите мне доложить свое мнение. Село Новый Салтов, которым мы должны овладеть, вытянулось одной улицей вдоль правого берега реки больше чем на два с половиной километра. Перед ним река с широкой открытой долиной. За селом высота, с которой противник просматривает впереди лежащую местность на три километра. Смена 300-й дивизии, полагаю, была замечена противником, он подвел резервы и

уплотнил свои боевые порядки. Внезапности не было в начале наступления, тем более не может быть сейчас. Если мы и овладеем Новым Салтовом, то слишком дорогой ценой.

- Короче! Что вы предлагаете? - перебил меня командующий. - Отменить наступление вашей дивизии?

- Нет, я не этого хочу, - ответил я и продолжал: - Противник, имея стрелков и пулеметчиков в каждой из ста пятидесяти хат на фронте в два с половиной километра, занимает очень выгодное положение, а мы будем вынуждены подставлять себя под огонь. Поэтому наступление в лоб на этом участке нецелесообразно. Сомневаюсь, чтобы мои соседи своими силами овладели Рубежным и Старым Салтовом.

- Вы очень плохого мнения о своих соседях, посмотрите лучше на себя, заметил командарм.

Я продолжал, не обращая внимания на этот выпад. Предложил сначала усилиями двух дивизий - правого соседа и нашей - овладеть одним Рубежным. Оттуда сосед будет наступать в первоначально указанном направлении, а мы - на юг, во фланг и тыл противнику, занимающему Новый Салтов. При этом варианте мы наверняка овладеем Рубежным, а наступая на Новый Салтов во фланг, встретим огонь не из ста пятидесяти хат, а лишь из двух крайних, во столько же раз меньше понесем потерь и больше будем иметь успеха. Овладев Новым Салтовом, поможем левому соседу, продолжив наступление на Старый Салтов. Исходя из этого, я просил разрешить мне большую часть сил нашей дивизии привлечь к овладению Рубежным.

После небольшой паузы услышал:

- Не возражаю, договоритесь с Тер-Гаспарьяном, только не тормозите выполнение моего общего приказа.

Окончив разговор, я был в недоумении: почему такой тон, почему оскорбления? Ведь командующий меня совсем не знает, только позавчера мы прибыли в его подчинение...

Как я и ожидал, с командиром 227-й стрелковой дивизии мы легко договорились о совместных действиях против Рубежного. 8 марта занимались перегруппировкой. На следующий день, начав наступление, заняли лишь пятнадцать хат в Рубежном, но к двенадцати часам следующего дня с помощью двух танков дошли до середины этого села.

Когда мы дрались у церкви, я, находясь в то время в ста метрах от нее, получил неожиданную и чувствительную пощечину. Мне принесли два документа за подписью Военного совета армии, в которых явно несправедливо оценивались действия нашей дивизии.

Наскоро ознакомясь с этими документами, я вернул их

привезшему и приказал ему ехать обратно. Перебирая в памяти только что прочитанное, я вспомнил и вопрос: "Кому служите?" Но от мыслей об этих незаслуженных оскорблениях меня отвлекли вражеские пули и снаряды.

К семнадцати часам мы с соседом очистили от противника Рубежное, захватили пленных, десять орудий (из них четыре стопятидесятимиллиметровых). Я приказал наступать на Новый Салтов.

11 марта мы освободили Новый Салтов и Петровское, а 12-го овладели селом Старый Салтов и даже еще заняли большое село Молодовое. За три дня боев мы захватили 42 орудия, 51 миномет, 71 пулемет, 55 автоматов, 400 винтовок, 82 лошади, 16 кухонь, 72 повозки, 6 раций, 41 склад с боеприпасами, продовольствием и вещевым имуществом и другие трофеи.

13 марта овладели деревнями Федоровка, Октябрьское, селом Песчаное и деревней Драгуновка (последняя была за нашей правой границей), выдвинувшись вперед соседа и оказав ему этим существенную помощь. Было решено наступать на Непокрытое, но командарм, к нашему сожалению, не разрешил. 14 марта мы овладели деревнями Червона Роганка, Сороковка, хутором Привольев, совхозом им. Стеценко и, одним батальоном перехватив шоссе Чугуев - Харьков у села Рогань, оказались впереди соседей на пятнадцать километров. (Не надо забывать, что в тот период соотношение сил было еще таким, что продвижение на один километр считалось уже заслугой, а в обороне за одного захваченного поиском пленного давали орден). В этот день самый малочисленный 989-й стрелковый полк прикрывал на широком фронте открытый правый фланг далеко выдвинувшихся других полков, занимал Федоровку, Октябрьское, Песчаное. В полдень из Непокрытого на Песчаное противник перешел в контратаку, которая в яростном бою была отбита. Из ворвавшихся в Песчаное немцев шестьдесят шесть были захвачены в плен.

Перед вечером противник, как бы мстя за оставленных пленных, снова перешел в контратаку, но уже с танками, при интенсивной бомбардировке двадцатью шестью самолетами. Песчаное нами было оставлено, а два полка, выдвинутые далеко вперед, оказались отрезанными, и связь с ними была прервана.

В то же время правый сосед был выбит из деревень Перемога, Купьеваха и Драгуновка. (Левый сосед в этой операции вообще успеха не имел.) Организованная нами попытка снова овладеть селом Песчаное осталась безрезультатной.

У нас не было угрызений совести в связи с этим, ибо мы сделали все от нас зависящее и противнику нанесен был большой

урон. Тяжело было лишь думать и гадать об участи двух наших полков, отрезанных противником, А тут еще командующий грозил судом.

На другой день в дивизию действительно прибыл прокурор армии для расследования причин оставления нами Песчаного и предания суду командующего артиллерией. Расследования я не допустил, прямо заявив прокурору:

- Товарищ Лихачев честный и преданный Родине командир, он добросовестно выполнял все мои приказания.

Прокурор уехал.

В ходе войны мое высокое мнение о личных качествах В. М. Лихачева полностью подтвердилось: он заслуженно был признан одним из выдающихся артиллерийских начальников.

Отрезанные полки в это время, отражая сильные атаки противника у деревни Червона Роганка, без дорог, полями и лесами, в течение ночи выходили из окружения. Утром 16 марта они появились в районе Молодового. С великой радостью обнял я их командиров и комиссаров.

Нельзя не отметить, что успехами, достигнутыми за шесть суток наступления, наша дивизия полностью обязана героизму, проявленному всем личным составом, инициативе и находчивости командиров.

Сменив после этой операции части 169-й стрелковой дивизии, мы наступали 21 марта на Драгуновку Западную, ворвались в нее, захватили три орудия и четыре миномета, но потом контратакой противника были выбиты и отошли в исходное положение. 22 марта повторили атаку - успеха не имели.

Вечером я донес о результатах двухдневного наступления и потерях. При этом обратил внимание командующего на то, что до нашей дивизии здесь десять дней подряд вели наступление другие соединения и ничего не добились. Отсюда сам собою напрашивался вывод о нецелесообразности дальнейших атак на этом направлении. Но в тот же вечер мы получили приказ, в котором снова в грубой форме обвинялись в якобы неправильных действиях. В тот же вечер я позвонил Маршалу Советского Союза Тимошенко и попросил его вызвать меня к себе вместе с командармом, чтобы в его присутствии объясниться. Через несколько дней, отправившись к главкому, я взял с собой семь приказов, выпущенных штабом армии за последние десять дней, в которых все командиры и комиссары дивизий получили взыскания. Иные из них за этот период имели уже до четырех взысканий и предупреждений.

Решил рассказать Военному совету фронта все по порядку,

начиная с бесцельных, беспрерывных атак на одни и те же пункты в течение десяти пятнадцати дней при больших потерях.

Главком выслушал меня очень внимательно и, обращаясь к командарму, сказал:

- Я же вас предупреждал, что грубость ваша недопустима, но вы, как видно, не сделали нужного вывода. Надо с этим кончать.

А мне он посоветовал не горячиться, расспросил о состоянии дивизии и разрешил ехать к себе.

За все это время командарм не сказал ни слова. Когда я уезжал, он остался у главкома. О чем они говорили - гадать не берусь. Однако после этого объяснения оскорбительных приказов стало заметно меньше.

Вскоре были подведены итоги мартовской операции. Штаб армии извещал войска о захвате 500 пленных, 63 орудий, 173 пулеметов, 115 автоматов, 858 винтовок и 14 раций. Командирам дивизий предлагалось представить отличившихся к наградам.

Горбенко вынул свою записную книжечку, перелистал странички и сказал, что среди десятка дивизий, принимавших участие в наступлении, наша выглядит неплохо. Из всего захваченного армией 226-я стрелковая захватила больше половины всех пленных, 48 орудий (из них половину тяжелых), 71 пулемет, 55 автоматов, 400 винтовок, 82 лошади, 16 кухонь, 12 раций. Непонятно, почему в приказе ничего но сказано о захвате минометов - нами одними взято 55. Придется многих представить к наградам...

Мы были горды за свою славную 226-ю стрелковую дивизию, довольны работой, проведенной командирами, партийными и комсомольскими организациями.

Скучно было сидеть на плацдарме во время весеннего паводка, когда долина реки шириной в километр была залита водой, когда нас с левым берегом соединяла узкая насыпь, размываемая вешней водой, а мост у Старого Салтова систематически разбивала авиация противника. Немецкие самолеты засыпали плацдарм листовками, в которых нам предлагалось уйти с него подобру-поздорову, чтобы "не купаться в воде Северского Донца".

Я часто бывал у своего правого соседа, прекрасного топорища и волевого боевого командира 13-й гвардейской стрелковой дивизии А. И. Родимцева, а он в свою очередь бывал у нас. Мы обсуждали создавшееся положение, обменивались мнениями о работе в дивизиях, а иногда отдыхали за шахматами. Я рассказывал о мартовских событиях в 1917 году, о гибели трех наших пехотных дивизий на плацдарме за рекой Стоход. Тогда немцы сначала разрушили все переправы на реке, а потом,

применив много артиллерии и газы, после третьей атаки захватили плацдарм.

- Тогда немцы не предупреждали листовками о "предстоящем наступлении, говорил я Родимцеву, - а сейчас предупреждают. Похоже на то, что у них здесь нет сил для наступления. И все-таки нам нельзя сидеть сложа руки; кто знает, не сделают ли они попытку сбросить нас в реку?

И мы проводили большую работу по укреплению нашей обороны, совершенствовали систему огня. Дивизионная артиллерия, отведенная на левый берег, находилась в самой высокой готовности к открытию огня, полковая была поставлена на прямую наводку для стрельбы по танкам. Пользуясь системой наблюдательных пунктов, поднятых до вершин деревьев, мы старались просматривать глубину обороны противника и видеть то, что он тщательно скрывает от нас: при обороне плацдарма особенно важно, чтобы враг не напал внезапно.

На наблюдательные пункты мы назначили по четыре человека, одного из них старшим. Эти люди не сменялись ежедневно, а закреплялись за определенным сектором на десять суток. Их учили хорошо запоминать местность и каждое утро проверять, не произошло ли за ночь изменений. Службу наблюдатели несли круглосуточно, меняясь через час или два (в том числе и старший). В тетрадь наблюдений записывали виденное и слышанное днем и ночью. Как важно закреплять людей за определенным сектором наблюдения, мы убеждались не раз.

Я прибыл на один из НП и задал обычный вопрос:

- Что нового, товарищи?

- Нового нет ничего, - ответил старший.

Но один из красноармейцев сказал:

- Что-то мудрит немец. Вчера ночью привез бревна вон на ту высоту, весь день держал там, а этой ночью снова их увез.

- А как думаете вы?

- Наверное, хотел строить НП, а потом раздумал.

Похвалив его, я сказал, что и, по-моему, это очень вероятно. И тут другой боец, наблюдавший во время нашего разговора в бинокль, вдруг воскликнул:

- Да он его уже за ночь построил! Мы всегда видели на этой высоте высокий куст, а сейчас он совсем маленький, только верхушка видна.

Старший взял бинокль, присмотрелся и сконфуженно признал:

- Да, правильно. Как это я не заметил?

На другом НП мне доложили, что за ночь противник вспахал

длинную полосу, шириной метров в тридцать, один ее конец упирается в кусты, а другой скрывается за бугром. Когда бойцы спросили меня, зачем это, я ничего не мог сказать определенного. Похвалил их за наблюдательность и предложил внимательно присматриваться.

- К люльке маленького ребенка, - сказал я, - подвешивают что-то блестящее. Ребенок смотрит, увлекается и не плачет. Глядите, может, противник и ваше внимание хочет отвлечь этой вспаханной полосой. Наблюдайте за всем сектором.

Придя на этот пункт через два дня, я узнал, что на вспаханной полосе появилась еле заметная зигзагообразная полоска.

- Это ход сообщения, - сказал боец. - Видно, в кустах расположен немецкий наблюдатель или туда выставляют на ночь секрет.

Вот для чего нужна была пахота: если бы ход сообщения проложили по стерне непаханого поля, он был бы хорошо виден, а на вспаханном черном поле его разглядеть нелегко.

Мне осталось только поблагодарить солдат за зоркость и бдительность. На особо выгодном НП я подолгу задерживался, всматривался сам в каждую подозрительную деталь в глубине обороны противника, расспрашивал бойцов, с удовольствием замечал, как они бывают довольны, наводя меня на решение какой-нибудь очередной загадки.

11 мая 1942 года мы готовились к большому наступлению.

После суровой зимы весна на юге началась рано: в конце апреля появилась травка на лугах, затем и лес оделся листвой, а сейчас и черемуха стояла в полном цвету.

Артиллерийская подготовка была назначена на 6 часов, а начало наступления - на 7 часов 30 минут. Учитывая, что день будет тяжелый - трудно было сказать, когда и где бойцы получат передышку, - мы дали указание; ужином накормить до 20 часов, в 21 час людей уложить спать и обеспечить всем девятичасовой сон, подъем произвести в 6 утра, с началом артподготовки, а до семи раздать сытный завтрак.

Вечером накормили бойцов ужином и приказали спать.

Как всегда перед боем, я, стараясь справиться с неизбежным волнением, мысленно проверял, все ли предусмотрено. В этих случаях хочется побыть одному. Я ходил взад-вперед по лесу, где расположился 985-й стрелковый полк. Вечор был очень теплый. Проходя по расположению батальонов, я видел, что все лежат, обняв свое оружие, но никто не спит; кое-кто тихонько перешептывался с соседом. Как знакомы мне эти солдатские думы перед наступлением! Одни думают о близких, о родных, другие -

о том, будут ли живы завтра, третьи ругают себя за то, что не успели или забыли написать нужное письмо. Вспомнилось, что и сам вот так не мог заснуть перед наступлением, когда был солдатом, хотя смерти или ранения я не ожидал никогда. Вспомнилось и то, как по молодости лет я думал: самая тяжелая служба солдатская, легче быть отделенным командиром, а еще легче командовать эскадроном. Поднимаясь по командной лестнице, я убеждался: чем выше пост, тем труднее, тем больше ответственности ложится на плечи.

Когда я подходил к какой-нибудь группе, шепот затихал, некоторые солдаты закрывали глаза, хотели казаться спящими. Я останавливался и спрашивал: "Почему не спите?" Или: "Почему замолчали?" Одни отвечали просто: "Не спится", другие: "Увидели вас, вот и замолчали, потому что приказано спать". Когда спросил, как они меня разглядели в темноте, кто-то ответил: "Мы вас хорошо знаем". И другие голоса из-под кустов это дружно подтвердили. Я был так тронут таким ответом, что поспешил уйти, чтобы не выдать своего волнения, и только посоветовал скорее засыпать, ни о чем не думать и твердо верить, что завтра будешь жив и здоров.

Но я знал, что враг, стоящий против нас, силен и многим из тех, с кем я разговариваю, не придется больше писать писем.

С четырех часов я был на ногах и снова прошелся по лесу. Было уже светло, но все спали крепким сном, хотя птицы щебетали на все голоса. В первый раз я был зол на них в это раннее майское утро, особенно на тех, которые пели громко. Я боялся, что они разбудят солдат, которые, вероятно, заснули лишь перед рассветом, - им надо было поспать еще хоть часок.

"Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат..." Не случайно появилась эта прекрасная песня, так верно отвечающая переживаниям фронтовиков.

На НП дивизии подполковник Лихачев доложил, что все готово, часы сверены, осталось пять минут.

Ровно в шесть часов дружно заговорили все стволы артиллерии. Пока шла артподготовка, солдат подняли, накормили сытным завтраком. В семь часов тридцать минут мы пошли в наступление и овладели высотой 199,0 - основным опорным немецким пунктом, прикрывавшим село Непокрытое. К шестнадцати часам Непокрытое было в наших руках. На другой день мы овладели Червоной Роганкой и рядом высот западнее. Противник контратаковал нас, но без успеха. Мы захватили пленных.

В это время от левого соседа, 124-й стрелковой дивизии, поступило уведомление, что его контратакуют с юго-запада

пехота и до сотни танков. Несколько позднее мы наблюдали отход этой дивизии; противник занял Песчаное за нашим левым флангом. А на нас двигалась пехота с пятьюдесятью танками. Сутки мы отбивали атаки, а потом вынуждены были оставить Непокрытое и высоту 199,0. За три дня боев мы захватили 126 пленных, 28 орудий (из них 15 тяжелых), 20 минометов, 45 пулеметов, много боеприпасов и других трофеев. Вторая половина мая прошла для нас в обороне и безрезультатных попытках взять высоту 199,0.

Мы узнали о печальном результате наступления наших войск южнее Харькова.

Противник перешел в общее наступление. 11 июня мы получили приказ отойти за Северский Донец, а потом за реку Гнилушка. На этой реке все наши три полка оборонялись на широком фронте. Когда левый сосед - 38-я стрелковая дивизия под давлением противника отошел, не предупредив нас, противник атаковал нас во фланг и с фронта и потеснил наши полки. В этом бою был тяжело ранен комиссар дивизии Горбенко, находившийся рядом со мной. Я с грустью расстался с моим боевым товарищем, прекрасным коммунистом.

20 июня наша дивизия - впервые за восемь месяцев боев - была выведена в резерв в район Волоконовки. Мы в это время находились уже в составе 28-й армии, которой командовал генерал-лейтенант Д. И. Рябышев. Членом Военного совета там был Н. К. Попель, начальником штаба - Мартьянов.

22 июня я закончил командование 226-й стрелковой дивизией, с которой успел сродниться. Грустно было расставаться с товарищами, которых учил и у которых сам многому научился. Но не стыдно было сдавать новому командиру полковнику Усенко дивизию, на счету которой числилось более 400 захваченных пленных, 84 орудия (из них половина тяжелых), 75 минометов, 104 пулемета и много других трофеев. В тот период такому количеству захваченного могли позавидовать но только многие дивизии, но и некоторые армии.

Меня назначили инспектором кавалерии штаба Юго-Западного направления. Не могу сказать, чтобы это назначение мне нравилось. В коннице я прослужил двадцать восемь лет, этот род войск любил больше, чем какой-либо другой. Но с появлением авиации и танков, еще начиная с 1935 года, у меня появилось, сомнение в роли, которую конница сыграет в будущей войне, особенно на Западном театре. Именно поэтому перед самым началом войны я и высказал желание служить в общевойсковых соединениях. Первый год войны подтвердил мою мысль. Вот почему я без энтузиазма встретил свое новое

назначение. Кроме того, должность инспектора, в значительной мере канцелярская, противоречила моей натуре - я больше всего не любил писанины. Три месяца мучился я в этой должности, отыскивая себе и здесь по возможности интересную работу.

В августе наша инспекция оказалась в Сталинграде. Меня, в течение десяти месяцев не удалявшегося от противника больше чем на пушечный выстрел, город поразил своим спокойствием. Странно как-то было видеть по-мирному одетых людей, отдыхающих в теплые вечера на берегу Волги. Прибытие штаба фронта сразу многое изменило. Город становился прифронтовым, он все больше наводнялся военными, все тревожнее и лихорадочнее билась в нем жизнь. Потом началась эвакуация населения, учреждений и предприятий. Второй эшелон штаба фронта тоже перешел на левый берег. За Волгой мне стало совсем невыносимо. Оставив за себя полковника, я выехал к А. И. Еременко, который был назначен командующим фронтом.

Командный пункт находился в городе, в одном из оврагов. У А. И. Еременко, когда я к нему вошел, были член Военного совета Н. С. Хрущев и приехавший из Москвы генерал А. М. Василевский.

Мне показалось, что я пришел не ко времени. Тем не менее Еременко сказал:

- Давно не виделись с вами, товарищ Горбатов. Что скажете?

- Не могу сидеть на восточном берегу в этой обстановке, прошу дать какую-нибудь оперативную работу. На инспекторской задыхаюсь от безделья, там и мой полковник справится. Мне показалось, что на вопросительный взгляд Еременко Никита Сергеевич ответил каким-то знаком. Еременко сказал:

- Зайдите через часок.

Ровно через час я вернулся. Командующий сказал:

- Ну вот. Обстановка такова. Противник форсировал Дон, устремился к Волге, - полагаю, к южной окраине Сталинграда. С севера к городу идет наш корпус в составе трех стрелковых дивизий. (Он указал, по каким дорогам.) Вам нужно их встретить и поставить для обороны юго-западной окраины города.

На моей карте он начертил рубежи обороны. Убедившись, что задача понята, сказал:

- Ну, в час добрый, спешите.

Я был очень рад, что получил хотя и временную, но работу. Подъезжая к местечку Городище, встретил одну дивизию, нашел ее командира, поставил ему задачу, за Городищем встретил вторую и тоже поставил ей задачу, Но когда я ехал, чтобы встретить третью дивизию, то увидел танки, идущие двумя колоннами прямо по полю; за ними следовала пехота на машинах, а в воздухе гудело много самолетов. Я не сомневался,

что это противник и что он идет не к южной, а к северной окраине города. Что Делать? Решил, во первых, не ехать дальше для встречи дивизии (да и не мог я туда ехать, ибо оказался бы отрезанным от города); во-вторых, изменить задачу уже встреченным дивизиям, но прежде заехать на зенитные батареи, которые стояли недалеко от дороги и вели огонь по самолетам противника, и им тоже изменить задачу. Подъехал к ближайшей батарее. К счастью, на ней оказался полковник-зенитчик. Показав ему на колонны танков и пехоты противника, я приказал всеми зенитными стволами этого района бить не по самолетам, а по наземным целям. Полковник еще при мне приказал батарее опустить стволы и начать обстрел танков; обещал дать такое же указание другим батареям. Под ливнем снарядов зениток стройный порядок походных колонн противника нарушился. Надеясь, что артиллерийская стрельба насторожит третью по счету дивизию и противник не застанет ее врасплох, я догнал первые две дивизии, объяснил командирам изменение в обстановке и указал новые рубежи для обороны северо-западной окраины города.

Получилось удачно; вместо того чтобы дивизиям идти еще пятнадцать километров, они перешли к обороне почти в том же районе, где находились, с выдвижением отдельных частей на три - пять километров навстречу противнику. Порекомендовав комдивам немедленно поставить артиллерию на огневые позиции, выбросить вперед наблюдателей и обеспечить ведение артогня еще до занятия оборонительных рубежей стрелковыми частями, рассказал им, как связаться с КП фронта, и поехал для доклада к командующему.

Сдерживая возбуждение, я вошел к нему.

- Ну что, встретили? - спросил он.

Я доложил, что видел, что сделал и где КП двух дивизий. Видно было, что мой доклад о такой близости противника и о том, что он идет не на южную, а на северную окраину города, был первым. Командующий поблагодарил за выполнение задания и тут же послал меня на Тракторный завод, чтобы все отремонтированные танки отравить с экипажами в две стрелковые дивизии, занявшие оборону. Кроме того, он приказал проехать в военное училище, находившееся в северной части города, и изготовить его к бою, как воинскую часть. Лишь поздно вечером я вернулся усталый, но довольный своим рабочим днем.

На другой день противник вышел к Волге севернее города, у деревни Рынок. С этого дня я стал выполнять много различных заданий оперативного характера. Расскажу лишь о немногих, с которыми связаны были интересные случайности, характерные

для первой недели обороны на Волге.

В одну из первых ночей не успел я еще заснуть после позднего ужина, как меня вызвали снова к командующему. Он мне сказал, что противник форсировал Дон. Сведения о расположении наших соединений противоречивы. Я должен поехать в западном направлении и всем нашим войскам в том районе передать приказание о переходе к обороне на рубеже, который командующий начертил на моей карте.

Ночь была темная, местность однообразная. Командующий фронтом предупредил; нужно быть осторожным. Я понимал, что в этих условиях придется смотреть больше на спидометр, чем на местность. Поэтому, прежде чем отправиться, я тщательно изучил маршрут по карте, сосчитал количество оврагов по пути и измерил расстояние между ними.

Первые двадцать пять километров мы проехали быстро, потом часто останавливали встречные машины - спрашивали, из какой они части, где их штаб. На первый вопрос отвечали определенно, на второй еще определеннее - "не знаем". Потом машины перестали встречаться.

Мы ехали с потушенными фарами, останавливались все чаще и прислушивались. На одной из таких остановок, в сорока километрах от города, услышали отдаленный шум моторов. Вскоре различили шум танков, идущих тоже без света нам навстречу. Чьи они, наши или противника? Без света могут идти и те и другие. Я решил съехать с дороги и притаиться. Люки ночью открыты, и танкисты могут перекликаться между собой.

С тем местом, где мы стояли, поравнялись два танка, за ними шли три машины с людьми; разговоров не было слышно. Я приказал шоферу оставаться на месте, а сам пошел к дороге. Вдруг танки остановились, послышалась немецкая речь. Я вернулся к шоферу, мы круто развернули машину и поехали в сторону от дороги. Проехав километра четыре, попали в населенный пункт, где нашли штаб одной из наших дивизий, а в нем бодрствующего начальника штаба. Оказалось, дивизия обороняет примерно тот рубеж, который начертан командующим фронтом на моей карте. Передав приказание командующего, попросил нанести положение дивизии на мою карту и предупредил, что дорога севернее не перекрыта - по ней прошла разведка противника с двумя танками. Возможно даже, что это и не разведка, а походное охранение, поэтому необходимо перекрыть дорогу или установить за ней наблюдение.

Я поехал в танковый корпус для уточнения переднего края его обороны. На своем наблюдательном пункте командир корпуса стал знакомить меня с обстановкой.

- Видите гребни возвышенностей? Они заняты частями корпуса; перед ними проходит овраг, а за ним уже противник.

- А где находятся ваши артиллерийские наблюдательные пункты?

- Вот здесь, правее и левее меня, - показал он рукой.

Я удивился: ведь оттуда ничего не видно, кроме тыла своих обороняющихся батальонов. Почему бы НП не вынести вперед, на высотки, где обороняются батальоны?

Следуя правилу: доверяй, но проверяй, я решил сам пробраться на передний край. Но к гребню высоты дойти не удалось. Когда до нее оставалось с полкилометра, из овражка высунулась голова старшего лейтенанта.

- Товарищ генерал! Там противник, прыгайте скорее ко мне.

Едва успел я спрыгнуть, застрочили два пулемета. Пули летели поверх наших голов. Командир роты рассказал, что нельзя показаться - сразу обстреливают. До противника всего триста метров. У него уже убили четырех неосторожных бойцов.

От командира я узнал, что вся его малочисленная рота находится здесь, в овраге. Расположение свое он оправдывал тем, что склон высоты очень пологий, весь простреливается. По оврагу можно подносить роте еду и боеприпасы, да и на случай наступления противника отходить по оврагу лучше. Его объяснение я счел простым и честным, хотя и наивным: какой смысл сидеть в овраге, как в мышеловке, не имея никакой обороны? По-видимому отступая тысячи километров, многие научились думать в первую очередь о том, как отступать, но не научились еще прочно и активно обороняться...

Вскоре я убедился, что никакой обороны на гребне высоты нет, что командир корпуса просто не знает, где закрепились его подразделения. И я прямо ему сказал:

- Такой обороной вы открываете противнику путь к Волге.

Командир корпуса заверил, что положение будет исправлено.

Но что я мог доложить командующему фронтом по возвращении? Оборону танкового корпуса нельзя назвать плохо организованной, вернее будет сказать, что никакой организации нет, нет и обороны.

Стойкость наших войск на Волге вошла в историю. Они отразили бесчисленные атаки. Фашисты не вышли к Волге, хотя она находилась от них всего лишь на дальности пистолетного выстрела. Почему же мы не смогли организовать оборону, когда враг был от города на расстоянии артиллерийского выстрела?

Ведь тогда вести оборону было куда легче...

В эти тревожные дни я много думал о том, как же это случилось, что мы оказались на Волге. Можно ли объяснить это

только тем, что нападение противника было внезапным? Нет, дело не только в этом, думал я и все больше склонялся к тому, что одной из основных причин наших неудач на фронте является недостаток квалифицированных кадров командного состава: сколько опытнейших командиров дивизий сидит на Колыме, в то время как на фронте подчас приходится доверять командование частями и соединениями людям хотя и честным, и преданным, и способным умереть за нашу Родину, но не умеющим воевать. Все это усугубляется неумелым подбором людей. Кто ведает этим вопросом в Вооруженных Силах? Саша Румянцев. Я видел, как он подбирает кадры, как разговаривает с людьми. Неспособный разобраться в деловых качествах командиров, он интересуется только их анкетами.

А возьмите пополнение, которое мы получаем. Это замечательные люди, умные, храбрые, самоотверженные. Но очень часто они совершенно не знают военного дела, не умеют бить врага. Это потому, что в округах их плохо учат. Да и может ли быть иначе, если формированием войск руководит Ефим Афанасьевич Щаденко, который сам мало смыслит в военном деле? Заменили бы его седовласым генералом, пусть безногим или безруким, но побывавшим в современном бою, знающим, каким должен быть сегодняшний солдат, и умеющим передать другим свои знания...

Забегу вперед и скажу, что, побывав в Москве после битвы на Волге, я узнал, что Румянцев уже снят с поста заместителя Наркома обороны по кадрам. Обрадовало меня и известие о том, что формированием и укомплектованием войск руководит уже не Щаденко.

Организовался Донской фронт, его командующим был назначен К. К. Рокоссовский, а членом Военного совета А. С. Желтов. Меня назначили сюда инспектором кавалерии.

Когда я уезжал из города, он уже пылал сплошным огнем; никто не пытался тушить пожары - это было невозможно. Машину с пристани пришлось отослать обратно в штаб, сам я с адъютантом на пароме переправился через Волгу к Красной Слободе, чтобы оттуда добираться в штаб Донского фронта через Камышин.

Через день явился к Рокоссовскому и вскоре был послан в кавкорпус, который выполнял одну из самых ответственных задач, обороняя плацдарм на правом берегу Дона.

Приятно было увидеть бодрых и уверенных в своих силах конников. Спешившись, они сидели в окопах, а лошадей оставили на левом берегу. Несмотря на то что кавалеристы занимали широкий фронт обороны, на их счету уже было несколько

отбитых атак. Этот удержанный конниками плацдарм сыграл важную роль в окружении и разгроме вражеской группировки.

В октябре 1942 года я был назначен в 24-ю армию заместителем к командующему Д. Т. Козлову, которого вскоре сменил И. В. Галанин.

Должность заместителя была не по моему характеру - с большей охотой я командовал бы дивизией. Но положение скрашивалось тем, что Галанин ни в чем не стеснял мою работу: он находился на КП; а я почти всегда в дивизиях. Там вместе с командованием соединений мы совершенствовали оборону, готовили людей к активным действиям, думали, как лучше организовать частные операции, чтобы выполнить задачи с меньшими потерями. А частных операций было в то время много.

24-я армия оборонялась фронтом на юг, между Доном и Волгой, правым флангом упираясь в Дон, а левым примыкая к 66-й армии. Частными операциями мы отвлекали резервы противника от Сталинграда и тем самым облегчали положение 62-й армии, которая оборонялась в самом городе.

Часто ночевал я в той или иной дивизии. В период затишья много командиров собирались, бывало, у меня в землянке и вели разговоры на различные темы. Я любил вслушиваться в то, что говорят они, и лишь потом высказывал свое мнение. Я был значительно старше их по возрасту, по опыту работы и партийному стажу, а потому считал своим долгом, когда возникал для этого естественный повод, дать совет, ответить на интересующие их вопросы. А жгучих, иногда недоуменных вопросов было много - ведь мы находились на Волге...

Помнится, однажды вечером, вернее ночью, в землянке, скудно освещенной коптилкой, разговор о значении взаимодействия и о взаимной выручке затянулся до двух часов. После горячих споров пришли к единому мнению: успех в любом бою достигается общими усилиями, и чем согласованнее действия всех родов поиск, тем быстрее и с меньшими потерями добывается победа.

Сплоченность, крепкая дисциплина, решительность и согласованность в действиях удесятеряют силы коллектива. Я привел случай, который сам недавно наблюдал.

Две роты одного батальона атаковали деревню, обе были встречены огнем противника. Первая рота залегла в ста метрах от деревни, на открытой местности, и за пять минут потеряла треть людей. Трудно сказать, что осталось бы от нее, если бы бой затянулся.

Вторая рота поступила иначе. Встреченная огнем, она не залегла, а ускорила движение и ворвалась в деревню, потеряв

лишь трех человек ранеными. Потом ее бойцы ударили во фланг взводу противника, который вел огонь по первой роте, и пленили его.

Две роты одной численности, а результаты действий совсем разные.

Мы подробно разбирали, кем, чем и как обеспечивается продвижение стрелковых и танковых частей, какова роль саперов, артиллеристов, авиации, связистов, службы тыла. Обсуждали реальные случаи взаимной выручки: как пулеметчик может помогать стрелку, стрелок - пулеметчику, артиллерист танкисту.

И так каждый вечер, где бы я ни остановился, командиры заходили ко мне: "А мы к вам на огонек". Мне эти беседы были очень дороги. Из командиров дивизий особо выделялись своим кругозором, знанием тактики, умением быстро и правильно оценивать сложившуюся обстановку и доводить свое решение до логического конца Н. И. Бирюков и П. И. Фоменко, которые успешно справлялись с задачами не только в оборонительных, но и в наступательных боях.

Но вот настала пора для общего наступления Донского и Сталинградского фронтов. Двинулась вперед и наша армия. Сжималось кольцо вокруг группировки Паулюса.

В один из пасмурных январских дней 1943 года я был в дивизии Фоменко. Два его полка наступали рядом, а третий полк был в отрыве, в трех-четырех километрах слева, и продвигался вдоль железной дороги.

От левого полка было получено донесение о занятии им железнодорожного разъезда. Через некоторое время командир дивизии с командующим артиллерией собрались охать туда. Поехал и я.

Втроем уселись в небольшую, но сильную машину и отправились лощиной без дорог. Снег был неглубокий. Мы ехали довольно быстро. Вдали и правее виднелась группа деревьев. Показывая на них, Фоменко сказал: "Это и есть тот разъезд, который захватил полк".

Вскоре мы подъехали к железнодорожной будке - от нее до разъезда было не более километра. Около будки увидели много аккуратно построенных и хорошо оборудованных землянок, нам захотелось их осмотреть. Мы остановили машину. Заходили в землянки по очереди. Чувствовалось, что они недавно оставлены противником. В последней увидели тяжелораненого немца, задали ему несколько вопросов, но он не мог внятно отвечать. Мы сосчитали, что его захватили в плен и оставили здесь.

Подошли к будке, осмотрели ее. Будку от разъезда отделял бугор, но через выемку вдоль полотна дороги он был виден. По

обеим сторонам пути снег хранил следы сотен ног. Все говорило за то, что наши или на разъезде или за ним, и мы решили двигаться в том направлении прямо по полотну дороги.

Мы ехали тихо. И вдруг я увидел много темных точек. По направлению их передвижения было ясно, что это солдаты противника, мы находились от них метрах в четырехстах.

Едва я успел сообщить об опасности спутникам и приказать им выскочить из машины, как противник открыл огонь. Мы ползли по кюветам в сторону будки, перекликаясь через полотно, слыша удары пуль о нашу машину. Только когда скрылись за бугром, распрямили спины.

Наконец мы оказались у будки. Не имея машины, решили идти обратно в свое расположение пешком, но в это время увидели густую цепь, приближающуюся нам навстречу. Кто-то сказал: "Ну, из огня да в полымя", а другой добавил: "Это отходят немцы"...

Имея противника спереди и сзади, мы, не преувеличивая, могли считать свое положение безвыходным. Фоменко сказал: "Вот почему землянки имеют жилой вид". "И раненый там", - добавил шофер.

Уходить туда, откуда мы прибыли, было невозможно, так как цепь была широкой и нас все равно перехватили бы, а из оружия у нас были только пистолеты.

- У нас оружие не дальнобойное, - сказал я, - но достаточно убойное, чтобы убить врага на близком расстоянии, а последними пулями пробить свою голову.

Из цепи нас уже заметили и начали стрелять. Тут уж мои спутники совсем пали духом. Один Фоменко держался бодро. А я смеялся, и смеялся от радости, так как заметил, что немцы у полустанка изготовились к обороне, и был уже уверен, что к нам идут свои. Немного смущал меня только оставленный в землянке раненый немец.

Цепь подходила, а мы вглядывались, стараясь определить, с кем имеем дело. Когда идущие были совсем близко, мы закричали: "Свои! Свои!" - и огонь прекратился.

Каково было удивление и смущение тех, кто стрелял по нас, когда они увидели командира своей дивизии, командующего артиллерией и меня!

Настал долгожданный день. Фашистские войска на Волге и Дону были разбиты и пленены. Все мы поняли: наступил решительный перелом в войне.

Глава седьмая. Вперед!

В апреле 1943 года был получен приказ о присвоении мне

знания генерал-лейтенанта и о назначении командиром 20-го гвардейского стрелкового корпуса, который входил в состав 4-й гвардейской армии. А в июне меня назначили командующим 3-й армией, которая оборонялась в районе Мценска, на реке Зуша.

Прежде всего я заехал в штаб Брянского фронта, чтобы представиться командующему Маркиану Михайловичу Попову и члену Военного совета Л. З. Мехлису.

Командующий фронтом принял меня очень хорошо. Договорились, что утром я выеду в армию с его заместителем генералом И. И. Федюнинским.

Настороженным шел я к Л. З. Мехлису, вспоминая разговор, который он и Щаденко вели со мной в сентябре 1941 года в Москве. Представляясь ему, я встретился с его колючим и вопросительным взглядом. Но все-таки это был уже не прежний Мехлис, - очевидно, для него не прошла без следа тяжелая неудача в Керчи. Вы назначены к нам?

- Да, к вам во фронт, - ответил я.

- Хорошо, ознакамливайтесь с армией. Когда встретимся в следующий раз, доложите о ее состоянии. Тогда и поговорим.

Только и разговора.

Познакомясь за обедом с командующим фронтом несколько ближе, я, к моей радости, увидел в нем молодого, но хорошо знающего военное дело генерала, находчивого и жизнерадостного человека. Об армии, которую мне предстояло принять, он сказал:

- Врылась в землю, засиделась в обороне, в прошлом провела ряд неудачных наступательных операций. Но все это в прошлом, - подчеркнул он. - Не буду характеризовать командиров сейчас, чтобы не привязывать вашего мнения к своему. Скажу одно: безнадежных нет. Нужна работа и работа - и с генералами, и с солдатами.

Рано утром мы с Федюнинским выехали в 3-ю армию, в село Ержино, где находился ее штаб. Федюнинский представил меня как нового командующего генералам и старшим офицерам.

Через пятнадцать суток армии предстояло наступать. Поэтому мне нужно было не только знакомиться с людьми и огромным хозяйством армии, но и глубоко вникать в замысел и план операции. Спасибо, помогли товарищи - члены Военного совета И. П. Коннов и И. Д. Пинчук, начальник штаба М. В. Ивашечкин, мой заместитель П. П. Собенников, начальник политотдела П. Н. Амосов, начальник оперативного отдела А. В. Владимирский и другие работники управления армии.

Генералы и офицеры, с которыми мне суждено было работать, оставили хорошее впечатление, которое так и не изменилось. С этими товарищами мы дошли до Эльбы.

Беседуя с солдатами и офицерами, я чувствовал их боевое настроение, и это радовало.

Больше всего времени мы проводили в дивизиях 41-го стрелкового корпуса, которым командовал генерал В. К. Урбанович. Когда мы готовили и осуществляли нашу первую наступательную операцию, у Виктора Казимировича Урбановича еще не было опыта активных боев, но уже тогда он проявил большой организаторский талант и умение учиться на опыте других. Он внимательно выслушивал каждое замечание, как губка впитывал все новое и старался выполнить каждую задачу как можно лучше. Урбанович стал отличным командиром - волевым, инициативным, умеющим с максимальным эффектом использовать все возможности для достижения успеха.

Почти все работники штаба и политотдела армии в те дни находились в частях. Надо было подготовить к напряженным боям каждого офицера, сержанта и солдата. В первую очередь мы добивались, чтобы все уяснили главное, от чего зависит успех. Призывали атаковать решительно, не останавливаясь на полпути. Всего опаснее - залечь под огнем противника: это грозит не только срывом задачи, но и большими потерями. Как можно быстрее сближаться с противником.

Учили бойцов не бояться контратак противника. Пусть вражеский батальон выходит из траншей, сближается с нами. На ходу фашисты стреляют меньше, да и огонь получается неприцельным. А мы из укрытий подпускаем их ближе и бьем идущих в рост наверняка. Командир в это время организует решительный удар: пока немногочисленные подразделения противника спешат вперед, наши бойцы обходят его с фланга, чтобы захватить оставленную вражескими войсками траншею и отрезать им пути отступления.

Много внимания уделялось вопросам управления войсками в бою. Каждый командир - от командира отделения до командира дивизии - должен уметь найти место, откуда ему выгоднее всего руководить действиями подчиненных.

Наступать инициативно, смело, решительно! Командиров мы предупреждали: опорные и населенные пункты они должны атаковывать с фронта лишь частью сил, а остальными силами обходить с фланга и не бояться при этом глубоко проникать в боевые порядки противника.

Мы понимали, что наступать будет нелегки. Враг укреплял орловский выступ двадцать месяцев. Города Орел, Болхов, Мценск, Карачев и их районы приспосабливались к круговой обороне и связывались системой рубежей. Этот выступ представлял для немецкого командования особую ценность, ибо с

него оно намерено было ударом через Поныри на Курск и из Белгорода на Обоянь окружить и уничтожить наши войска, находившиеся на Курской дуге. Противник сосредоточил здесь громадное количество боевой техники, в том числе более трех тысяч танков. Наше командование знало о планах противника. Укрепляя свою оборону, готовясь к отражению ударов противника, советские войска вместе с том вели подготовку к большим наступательным операциям.

В Брянский фронт входили 61, 3, 63-я армии, 3-я танковая армия и 1-й танковый корпус. Замысел наступательной операции фронта выглядел так:

- (13-я армия (командующий генерал В. Я. Колпакчи) наступает с захваченного за рекой Зуша плацдарма (одиннадцать километров по фронту и три пять километров в глубину) и имеет задачу прорвать оборону противника и овладеть городом Орел. Ее наступление обеспечивается артиллерийским корпусом и другими средствами усиления. В прорыв будут введены сперва танковый корпус, а потом и танковая армия.

- 3-я армия на фронте в шестьдесят один километр обороняется тремя дивизиями на переднем крае, а три дивизии 41-го стрелкового корпуса, следуя за 63-й армией уступом справа, должны войти в образовавшийся прорыв и обеспечить правый фланг этой армии, сворачивая перед собой боевые порядки противника вправо.

- 61-я армия наступает на город Болхов и далее в юго-западном направлении.

К оформлению этого плана приступили еще за месяц до моего прибытия в 3-ю армию. Мне оставалось только детально ознакомиться с ним, проверить, что по нему сделано. Я побывал у соседей. Съездил на плацдарм, с которого будет наступать 63-я армия.

В первых числах июля на Брянский фронт прибыл представитель Ставки маршал Г. К. Жуков. Собрал всех командиров на КП 63-й армии.

Докладывая о готовности своей армии, я попросил разрешения высказать свое мнение о предстоящей операции. У меня возникло сомнение: удастся ли одной 63-й армии прорвать вражескую оборону? Немцы орловскому выступу придают большое значение. Само собой разумеется, что они участок против нашего плацдарма укрепили особенно сильно (ведь для того и плацдарм, чтобы с него наступать!).

- Я вношу предложение: отвести нашей 3-й армии самостоятельный участок для прорыва. Причем прорывать оборону противника будем с форсированием реки в районе

Измайлове, Вяжи. Отвлекая внимание противника, заходя к нему в тыл, мы поможем 63-й армии, облегчим ей выполнение задачи. Развивая дальше свою мысль, я выразил уверенность, что если нам удастся прорыв обороны противника, то танковый корпус и армию лучше будет ввести в нашей полосе - здесь будет меньше противотанковых препятствий, чем на участке плацдарма.

Сначала Г. К. Жуков отнесся с недоверием к моим предложениям. А относительно ввода в полосе нашей армии танковых соединений даже заметил с усмешкой:

- Вы, товарищ Горбатов, все хотите действовать по - кавалерийски, налетом, шапками закидать противника.

Но, подумав немного, сказал:

- Пожалуй, было бы неплохо, если бы все получилось, как вы предлагаете. Но планирование уже закончено, а до наступления осталось мало времени, и ваша армия не успеет изготовиться.

Я заверил, что успеем. Меня поддержал командующий фронтом. После этого Жуков согласился и передал нам одну из трех артиллерийских дивизий, отобрав ее у 63-й армии.

Теперь наша задача заключалась в следующем: прорвать оборону противника на участке Измайлово, Вяжи; наступать в направлении Трехонетово, Протасово, Старая Ограда и, обеспечивая правый фланг 63-й армии, помочь ей в овладении городом Орел.

Основная роль в операции по-прежнему отводилась 63-й армии, имевшей несравнимо больше частей усиления, хотя наступала она в полосе значительно уже, чем наша.

Возвращаясь от командующего фронтом, я еще и еще раз взвешивал свое предложение. Понимал, какую ответственность взваливал на себя, на своих товарищей. Как они воспримут это? Не поймут ли превратно, но посчитают ли мой план поспешной и несерьезной выходкой нового командующего?

Собрав в штабе руководящий состав армии, я сообщил о новой задаче. Видел, что для всех это явилось большой неожиданностью. Предложил товарищам высказаться. Генералы И. П. Коннов и П. П. Собенников выразили сомнение, под силу ли нам будет выполнение задачи. Другие, хотя и с оговорками, признавали реальность нового плана.

Приступили к разработка операции. Времени оставалось совсем мало. Генералам и офицерам управления пришлось трудиться днем и ночью.

А тем временем на Курской дуге уже разворачивалось невиданное в истории сражение. 5 июля враг бросил на позиции советских войск сотни танков, сотни тысяч своих солдат. Ценой огромных потерь ему удалось вклиниться в нашу оборону. Но

победили стойкость и боевое мастерство наших войск. Через неделю наступление немцев захлебнулось.

Самоотверженно работали, готовясь к наступлению, стрелки, артиллеристы, связисты, разведчики. Много дел было у саперов. Под руководством начальника инженерных войск армии Б. А. Жилина они выбрали места для мостов, построили наблюдательные пункты на берегу, обследовали броды, освободили их от мин.

Подчиняясь приказу, провели мы разведку боем силами отдельных батальонов. Такой способ разведки я ненавидел всеми фибрами души - и не только потому, что батальоны несут при этом большие потери, но и потому, что подобные вылазки настораживают противника, побуждают его заранее принять меры против нашего возможного наступления.

Вечером 11 июля я доложил командующему фронтом о готовности к наступлению. В четыре часа утра 12 июля мы обрушили на противника всю мощь артиллерии и поддерживающей нас авиации. В пять часов сорок минут мощный залп "катюш" призвал наши соединения к форсированию реки.

По показаниям пленных, противник ждал нашего наступления, но считал, что мы наступать будем только с плацдарма, и никак не предполагал, что мы будем форсировать реку. Таким образом, наш удар оказался для врага внезапным. Все же в первый день прорвать его оборону на всю тактическую глубину нам не удалось. 235-я стрелковая дивизия полковника Ф. Н. Ромашина с 114-м танковым полком продвинулась за рекой на три километра, а 380-я стрелковая дивизия полковника А. Ф. Кустова с 82-м танковым полком продвинулась на четыре километра.

На второй день наступления была введена для развития успеха 308-я стрелковая дивизия генерала Л. П. Гуртьева и 269-я - полковника А. Ф. Кубасова. Мы овладели населенными пунктами Евтехово, Ивань и Грачевка, завершив прорыв тактической обороны в этом районе.

Тогда командование фронта изменило свое первоначальное решение о вводе 1-го танкового корпуса в полосе 63-й армии и, как мы предвидели, ввело его в прорыв в полосе нашей армии. 14 июля корпус переправился через реку у деревни Измайлово и сосредоточился в районе Евтехово. Но здесь он задержался дольше, чем было нужно, и из-за этого подвергся ожесточенной бомбардировке с воздуха, понес большие потери.

Враг упорно сопротивлялся, но наши дивизии продолжали продвигаться вперед. 17 июля они вышли на реку Олешня и повели бои за населенные пункты на ее берегу.

Разведка донесла о подходе новых сил противника и о том, что в районе деревень Подмаслово и Моховое сосредоточились две вражеские дивизии, готовясь к контрудару. Чтобы обеспечить свой левый открытый фланг, мы вынуждены были 380-ю стрелковую дивизию поставить в оборону, усилив ее двенадцатью батареями противотанковых орудий. Со своей задачей эта дивизия во главе с решительным и волевым командиром Кустовым блестяще справилась: в течение двух суток днем и ночью она отражала яростные атаки врага.

1-й танковый корпус, четыре дня приводивший себя в порядок, был вновь введен в прорыв, снова подвергся авиационной бомбардировке и отошел на восточный берег роки. Лишь 19 июля сто отдельные танки опередили 186-ю стрелковую дивизию и овладели селом Олешня. Вот и весь успех, которого добился корпус... После этого он был выведен в резерв фронта.

Мы заканчивали очистку восточного берега реки Олешня и готовились к форсированию ее на всей нашей полосе. За левым флангом нашей армии командование сосредоточило 3-ю танковую армию с задачей развить наш успех. Утром 19 июля после короткой, но мощной артиллерийской подготовки соединения нашей армии перешли в наступление. Противник не выдержал натиска. Мы захватили необходимый плацдарм на западном берегу реки. В прорыв устремились танки. Они наносили удар в юго-западном направлении, чтобы помочь 63-й армии, которая продвигалась очень медленно.

И без того непомерно широкая полоса нашей армии увеличилась на десять километров за счет левого соседа. Если раньше овладение городом Орел было задачей 63-а армии, а мы лишь ей помогали, то теперь эта задача целиком возлагалась на нас. Сосед выводил свои войска из нашей полосы; нам надлежало решить, кем заменить эти соединения, и создать группировку для овладения Орлом. На созванном мною совещании высказывалось мнение, что надо создать сильную группировку на левом флаге; однако неясно было, где взять для этого силы и средства, так как полоса армии превышала шестьдесят километров и наши полторы дивизии оборонялись еще на реке Зуша, на сорокакилометровом фронте. Я обратил внимание присутствующих на то, что Орел делится рекой Ока на две равные части - восточную и западную. Это затруднит бой в городе. К тому же ожесточенные уличные бои всегда ведут к большим потерям и разрушениям. Нельзя ли нам избежать этого?

В результате поисков и размышлений было решено брать Орел обходом с севера и северо-запада; для этого создать ударную группировку армии на правом фланге и форсировать

Оку в двадцати - тридцати километрах севернее города. Тем самым мы будем угрожать окружением не только гарнизону Орла, но и вражеским войскам, обороняющимся по реке Зуша и в Мценске. Левое крыло армии не будем усиливать, наоборот, 41-й корпус растянем на дополнительные десять километров, и здесь с востока будет наступать всего одна дивизия , а остальные две дивизии будут форсировать Оку севернее Орла.

Это решение вполне себя оправдало. В то время как мы повернули основные силы армии на северо-запад, энергичный и предусмотрительный командир 342-й стрелковой дивизии полковник Л. Д. Червоний, оставив на реке Зуша, на тридцатикилометровом фронте, один полк, остальные силы сосредоточил против Мценска и зорко следил за противником. Как только противник начал отход, дивизия форсировала Зушу на всем фронте и повела преследование. Правда, форсировав реку, полковник Червоний излишне задержался в поспешно оставленных немцами комфортабельных землянках и отстал от своих полков - мне пришлось посадить его в свою машину и перевезти туда, где ему надлежало быть. Но с тех пор он больше не пользовался моей машиной и перемещался только на своей. 21 июля его дивизия освободила Мценск.

Выйдя на рубежи рек Ока и Оптуха, мы встретились со 2-й и 8-й танковыми, 34, 56, 221-й пехотными, 20-й моторизованной дивизиями противника. Его авиация предпринимала массированные налеты. Несмотря на это, мы захватили ряд плацдармов на Оке.

Особенно ожесточенные бои разыгрались на плацдарме у деревни Апальково. Этот вражеский узел сопротивления закрывал нам путь на Орел с севера. Лишь 31 июля удалось сломить здесь сопротивление противника, после того как наши две дивизии обошли деревню с севера, а с наступлением темноты штурмовой батальон 342-й стрелковой дивизии ударил с фронта. Вслед за батальоном ворвались танки. Нападение с этой стороны было столь неожиданным, что противник бежал, не оказав сопротивления. Наш штурмовой батальон потерял лишь двух человек убитыми и трех ранеными. А противник оставил убитыми до двухсот солдат и офицеров. Мы захватили 18 танков, 5 самоходных орудии, 28 орудий, 4 тяжелых метательных аппарата, 23 пулемета, много других трофеев и 20 пленных.

Наша ударная группировка продвинулась еще на двадцать два километра, вышла к рекам Моховая и Неполодь. Против города Орел 308-я стрелковая дивизия захватила за рекой Оптуха две деревни, а 380-я стрелковая дивизия - большой плацдарм с рядом населенных пунктов.

Вечером 2 августа я был в 308-й стрелковой дивизии и упрекнул ее командира, обычно очень энергичного в наступлении, генерала Л. Н. Гуртьева за недостаточное использование успеха соседней дивизии.

Утром 3 августа мой НП был и пятистах метрах от противника, на левом берегу реки Неполодь. В бинокль я видел перед собой Орел. Один за другим слышались глухие взрывы в городе, видны были поднимающиеся над ним клубы черного дама: немцы взрывали склады и здания.

В это время я получил от генерала Гуртьева донесение о том, что его частями занят населенный пункт Крольчатник. Это было очень важно: Крольчатник был основным опорным пунктом противника на пути к городу. Но когда я перевел бинокль в том направлении, то увидел, что Крольчатник еще в руках противника. Я был уверен, что к этому времени командир 308-й дивизии уже переместился на новый КП, и лично убедился в ошибочности посланного мне донесения. Зная Гуртьева как честного и решительного командира, я представил себе, как он болезненно пережил мое вчерашнее замечание, а тут еще подчиненные ввели его в заблуждение с Крольчатником. Мне стало больно за него. Опасаясь, как бы он не сорвался и не стал искусственно форсировать события, решил к нему поехать, чтобы его ободрить. По прямой он находился от меня в двух километрах, но объезжать надо было километров шесть. Его НП оказался на ржаном поле, между железной дорогой и шоссе, в полутора километрах от Крольчатника. "Да, подумал я, - он уже и сам не прочь пойти в атаку!" Место для НП было выбрано крайне неудачно: вокруг него часто рвались снаряды. Остановив свою машину у обсадки железной дороги, я пошел по полю: рожь была невысокой, часто приходилось "приземляться", пережидать разрывы. Мое появление на НП удивило Гуртьева, он смущенной скороговоркой произнес:

- Как, это вы здесь, товарищ командующий? Спускайтесь скорее ко мне в окоп, здесь у противника пристреляна нулевая вилка!

Я спрыгнул в узкую щель. Мы оказались прижатыми один к другому. Гуртьев, видимо, готовился выслушать новой замечание, но я сказал:

- Сегодня у вас дело идет хорошо. Не сомневаюсь, что и Крольчатником скоро овладеете.

Он облегченно вздохнул, повеселел, и мне это было приятно, так как я высоко ценил его скромность, даже застенчивость, совмещающуюся с высокими качествами боевого командира.

Мы услышали новые артиллерийские выстрелы у противника.

- Наклоняйтесь ниже, это по нас, - сказал Гуртьев.

Окопчик был неглубоким, мы присели, но головы оставались над землей. Один из снарядов разорвался перед нами в десятке шагов. Мне показалось, что я ранен в голову, во это была лишь контузия. А Гуртьев приподнялся и проговорил:

- Товарищ командующий, я, кажется, убит, - и уронил голову мне на плечо.

Да, он был убит. На моей гимнастерке и фуражке осталась его кровь.

Военный совет армии выразил глубокое соболезнование 308-й стрелковой дивизии в связи с утратой ее командира, доблестного генерала, коммуниста, одного из храбрейших защитников Сталинграда. Леонтию Николаевичу Гуртьеву посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

В тот же день Военный совет обратился с воззванием ко всем солдатам и офицерам армии: "Бойцы и командиры! На ваших глазах гитлеровские бандиты уничтожают город Орел. Вы находитесь в 6 - 10 километрах от него. 2-3 часа быстрого наступления не только сохранят вас от лишних потерь, но и не позволят врагу окончательно разрушить родной город. Вперед, на скорейшее его освобождение!"

Призыв был доведен до каждого командира и солдата.

4 августа части 380-й стрелковой дивизии полковника А. Ф. Кустова и 17-й гвардейской танковой бригады под командованием полковника Б. В. Шульгина ворвались в восточную часть города, части 308-й дивизии, переправившись через Оку у Щекотихино, ворвались и город с севера, а ударная группировка, форсировав реку Неполодь, охватывала город с северо-запада по левому берегу Оки. С юга ворвались в город части 5-й и 129-й стрелковых дивизий.

5 августа к пяти часам сорока пяти минутам Орел был полностью очищен. Население города восторженно встречало своих освободителей.

В то время когда еще рвались мины замедленного действия, я побывал в привокзальной части города, обошел разрушенные казармы, в которых проходил службу в 1912-1914 годах, до начала первой мировой войны. И вот благодаря Октябрьской революции мне довелось стать генералом и командовать армией, освободившей город, где тридцать лет назад служил солдатом.

В этот день в Москве был дан первый победный салют - в честь освобождения городов Орел и Белгород. Нашим 5, 129 и 380-й стрелковым дивизиям было присвоено наименование Орловских.

В районе города Орел нашу армию посетили многие

известные писатели. В гостях у нас побывали Александр Серафимович, Константин Симонов, Павел Антокольский, Константин Федин, Всеволод Иванов. В своих корреспонденциях они описали бои за Орел.

380-я стрелковая дивизия на всякий случай приводила в оборонительное состояние западную окраину Орла. Остальные соединения армии продолжали двигаться вперед, тесня противника, не прекращавшего попыток организовать сопротивление.

Отходя, немцы сжигали населенные пункты и созревшие хлеба, разрушали мосты и дороги. Каждая железнодорожная рельса подрывалась в двух-трех местах, чтобы ее нельзя было использовать при восстановлении путей.

Все работоспособное население гитлеровцы пытались угнать в Германию, Дивизии нашей армии отбили у противника более тридцати тысяч советских людей, которых фашисты в колоннах конвоировали на запад. 16 августа, когда мы вышли к городу Карачев, наша армия была выведена в резерв фронта.

Л. З. Мехлис, по-видимому, принадлежал к числу тех, кто имеют слишком цепкую память и с великим трудом меняют свое мнение о людях. Я не сомневался, что он хорошо помнил грубый разговор со мной у него в кабинете в Москве после моей встречи с Вильгельмом Пиком, помнил и то, как он отобрал у меня предписание на выезд для формирования конницы. После того разговора я не спал несколько ночей, ожидал повторения случившегося в 1938 году и был очень рад, что меня забрал к себе на юг С. К. Тимошенко.

При каждой встрече со мной вплоть до освобождения Орла Мехлис не пропускал случая задать мне какой-нибудь вопрос, от которого можно было бы стать в тупик. Я отвечал просто и, вероятно, не всегда так, как ему хотелось. Однако заметно было, что он, хотя и с трудом, изменяет к лучшему свое прежнее отношение ко мне. Когда мы уже были за Орлом, он вдруг сказал:

- Я долго присматривался к вам и должен сказать, что вы мне нравитесь как командарм и как коммунист. Я следил за каждым вашим шагом после вашего отъезда из Москвы и тому, что слышал о вас хорошего, не совсем верил. Теперь вижу, что был не прав.

Поблагодарив за откровенность, я сказал:

- Не скрою и я от вас, что вы тогда, в Москве, мне очень не понравились, я пережил много неприятных часов. Видел также, как настороженно вы встретили меня на фронте. Но я привык прежде всего думать о деле. Очень рад тому, что вы только что мне сказали.

После этого разговора Л. З. Мехлис стал чаще бывать у нас в армии, задерживался за чаепитием и даже говорил мне и моей жене комплименты, что было совершенно не в его обычае. Он был неутомимым работником, но человеком суровым и мнительным, целеустремленным до фанатизма, человеком крайних мнений и негибким, - вот почему его энергия не всегда приносила хорошие результаты. Характерно, что он никогда не поручал писать кому-либо шифровки и писал их только сам, своим оригинальным почерком. За десять дней пребывания в резерве 3-я армия в какой-то степени укомплектовалась, отдохнула и, учтя опыт минувших боев, провела много занятий я учений, начиная с отделения и кончая полком. К 3 сентября она сосредоточилась юго-восточнее города Людиново.

Мы видели перед собой сплошные леса, бездорожье, реки с заболоченными поймами. Такая местность способствует обороне и препятствует наступлению.

Командующий Брянским фронтом М. М. Попов в поисках лучшего решения отправился на правый фланг соседней с нами 50-и армии, только что вошедшей в его подчинение. Вскоре мы с радостью узнали, что он отказался от намерения наступать из района южнее Людиново, а нашел более выгодный участок в районе Дубровки (в тридцати километрах западнее Кирова).

Были определены задачи войскам. Мы во взаимодействии с 50-й армией должны уничтожить кировскую группировку врага, не допуская ее отхода за Десну, а затем. вместе с частями 11-й армии будем сражаться за город Бежица и захватывать плацдармы на Десне. Далее нам предстояло принять участие в боях за освобождение Брянска.

Наступление 50 л и 3-й армий началось своевременно и протекало успешно. К вечеру 10 сентября оборона противника была прорвана на шестидесятикилометровом фронте. Наши правофланговые дивизии продвинулись на тридцать километров и овладели городом Бытош. Три другие дивизии очистили от противника плацдарм восточное рек Неполодь и Болва и освободили город Людиново.

Поскольку мы овладели выступом, на котором оборонялся противник к северо-востоку от Людиново, полоса наступления нашей армии сократилась с шестидесяти до тридцати пяти

километров. Но это не упростило нашу задачу, так как настолько же сократился фронт обороны трех пехотных дивизий противника; они оказались даже в более выгодном положении, обороняясь в лесу при полном бездорожье. Противник стал оказывать на новом рубеже более сильное сопротивление.

Мы все же не вводили в бой свой второй эшелон - 80-й стрелковый корпус, который сосредоточился в районе Людиново и восточное, приберегая его для развития успеха. За неделю наша армия с боями продвинулась правым крылом еще на тридцать, а левым - на шестьдесят километров, вышла на всем фронте к Десне и захватила плацдармы на ее берегу. Правее нас успешно наступила 50-я, а левее - 11-я армии.

Противник, отступая от Людинова и Бытоши на юго-запад и на запад, отрезал вторгнувшийся в его глубину 2-й кавалерийский корпус от его тылов и от стрелковых соединений; живая связь с корпусом была утрачена. Но конники не только отражали атаки противника, но еще и захватили плацдарм за Десной. Через полутора суток сюда пришли наши 380-я и 308-я, стрелковые дивизии, наступавшие в полосе 50-й армии.

После того как советские войска форсировали Десну, угрожая обойти Брянск, противник оставил город.

А мы продолжали наступать. Двинулся наш второй эшелон - 80-й стрелковый корпус. Его левофланговая 342-я дивизия 20 сентября быстро вырвалась вперед. Остальные две дивизии долго не могли преодолеть сопротивление противника. Я видел, как переживает командир корпуса генерал И. Л. Рагуля.

- Два часа уже нет связи с триста сорок второй, - сказал он мне.

- Откуда она передала последнее донесение?

- Из деревни Печня Слобода.

Смотрим на карту. Печня Слобода в двенадцати километрах от линии фронта. Это там находится штаб дивизии, а наступающие полки, наверное, продвинулись еще дальше. Командир дивизии, по-видимому, не хотел отставать от частей и пошел вперед со своим штабом. Сейчас дивизия продвинулась на двадцать двадцать пять километров, поэтому с ней и нет связи. Думая о ней, надо беспокоиться главным образом за ее открытый фланг, добиться, чтобы сдвинулись с мертвой точки от ставшие 362-я и 17-я дивизии; я был уверен, что противник перед ними давно уже отошел.

Я решил сам поехать в 342-ю дивизию, а командиру корпуса и начальнику его штаба приказал отправиться в отставшие соединения, обеспечить немедленное их продвижение - пусть хотя бы один полк будет выведен по маршруту 342-й дивизии.

Я оказался прав: за передним краем наших частей противника уже не было. Мы без всяких помех доехали до деревни Печня Слобода. От оставленных там солдат я узнал, что командир дивизии выехал вперед часа четыре тому назад.

По отвратительной, покрытой глубокой грязью дороге проехали километров десять и вдруг увидели колонну немцев численностью до батальона. За ней тянулся обоз. Противник отходил в полутора-двух километрах левее нас по большаку, на который мы уже собирались выехать. Конечно, мы поехали дальше по проселочной дороге, по возможности увеличив скорость. Через три километра увидели еще два батальона немцев. Наших нигде не было видно, не слышно было и артиллерийской стрельбы впереди.

Проехали еще километров десять, пока догнали своих. Сначала встретили в деревне Полховка резервный батальон, а потом доехали и до тех подразделений, которые вели бой. Таким образом, наш левый фланг оказался открытым на расстоянии более чем тридцать километров. На высоте 205,5, у деревни, я наконец нашел командира дивизии. Полковник Червоний из небольшого окопчика руководил боем. Жаркая перестрелка шла на западе и на севере от нас. Я подумал: а ведь с востока подходят сюда еще три батальона противника, о. которых комдив пока не знает.

Мне оставалось только выразить восхищение стремительным, "суворовским" сорокакилометровым переходом 342-й дивизии, да еще по такой грязи. Я поблагодарил командира и пожелал дивизии новых успехов.

А из головы все не выходило: куда повернут три батальона противника, которые я видел в пути? Не замкнут ли они кольцо вокруг дивизии?

Червоний между тем докладывал, что в резерве у него всего два батальона один в Полховке, другой в Трусовке. Подавив пулеметный огонь на высоте 192,6, можно было бы продвинуться еще, но снарядов и мин маловато - по восемь двенадцать на ствол, не хочется расходовать последние, да и люди приустали. Поэтому он решил перейти к обороне, пока не подойдут соседи.

Я одобрил его решение и рассказал, что час тому назад видел в тылу у него две колонны противника, которые спешили на запад. Рекомендовал на всякий случай нацелить на дороги часть артиллерийских батарей. Заметно было, что мое сообщение сильно встревожило командира дивизии. Ничего, лучше пусть понервничает при мне, чем получит внезапный удар от противника, когда я уеду.

Но как мне теперь возвращаться в штаб армии? Ведь немцы

могли занять дорогу, по которой я проехал. Всю дорогу ругал себя за ненужный риск. Ну зачем сюда примчался? Ведь знал же, что полковник Червоний - смелый, инициативный командир и в няньках вовсе не нуждается...

На счастье, никто нам на дороге не попался. Вскоре я встретил части 362-й дивизии, спешившие наверстать упущенное. За судьбу полковника Червония и его подчиненных можно было больше не беспокоиться.

Следующий этап наступления - выход на реку Беседь и захват плацдарма на ней - был завершен за шесть суток. За это время 41-й корпус прошел семьдесят, а 80-й корпус - сто километров по чрезвычайно труднопроходимой местности, преодолевая болота и реки под непрерывным дождем. Мы освободили города Мглин и Сураж.

1 октября 1943 года наши войска вышли к реке Сож и овладели городами Самотичи и Костюковичи. Костюковичи - первый освобожденный нами город на белорусской земле. А первыми в Белоруссию вступили 269, 283 и 120-я гвардейская стрелковые дивизии.

О Брянской операции и нашем походе от Кирова и Людиново до реки Сож через леса, реки и болота, в осеннюю распутицу и бездорожье можно рассказывать много.

Легко сказать: "Двести восемьдесят километров прошли за двадцать двое суток". Но ведь не просто шли, а вели бои, иногда ожесточенные, и ведь у солдат нет крыльев, они ходят не напрямик, а по кривым дорогам, а то и совсем без дорог, обходят, отступают и снова наступают... Ох, каким длинным бывает порой солдатский километр!

Легко сказать: "Преодолевали реки". Но даже безвестная заболоченная речка Ветьма оказалась настоящей "Ведьмой", как назвали ее солдаты. На ней шли жаркие бои в течение трех суток, деревни и села на ее берегу по нескольку раз переходили из рук в руки. А таких речек было множество на нашем пути, и за каждую цеплялся противник...

В этой операции особо отличились части полковника Крылова и подполковника Подольского, саперы майора Белухи. Эти соединения и части за стойкость, мужество, боевое мастерство их воинов были переименованы в гвардейские.

Хочется сказать большое спасибо отважным брянским партизанам. Огромную помощь оказали они нашим на ступающим войскам, дезорганизуя силы противника, сея в них панику. В том, что мы так быстро двигались, великую роль сыграл моральный фактор. Солдаты видели, с какой радостью встречают их люди, освобожденные от фашистского ига. И каждому воину

хотелось все быстрее идти вперед, скорее освободить от врага родную землю.

О стремительности нашего продвижения можно судить хотя бы по тому, что город Людиново был сплошь заминирован, но немцы успели взорвать лишь четвертую его часть. А дивизия полковника Червония, по бездорожью прошедшая за день более сорока километров, атаковала противника с такой энергией, что он не успел подорвать заранее заминированный мост на Десне.

В воззвании, с которым в те дни обратился к личному составу Военный совет армии, были такие слова:

"Славные пехотинцы, артиллеристы, танкисты, саперы и связисты! Сегодня у нас памятный день. Войска нашей армии вступили на белорусскую землю. Свыше двух лет гитлеровские мерзавцы терзали многострадальную Беларусь. Немецко-фашистские изверги за это время замучили и умертвили сотни тысяч белорусов, не взирая на пол и возраст. Два года кровавыми слезами плачут белорусские города и села. Истосковались отцы и матери, жены и дети, весь белорусский народ, ожидая победоносную Красную Армию, свою освободительницу от немецкого ига.

Хватит! Пора фашистскому зверю в могилу. Надо быстрее кончать с ним. Настала пора освободить Советскую Беларусь от иноземного ига и вернуть ее в великую семью нашей любимой матери-Родины.

Мы открываем ворота в Белоруссию, срывая все запоры и замки, которые соорудили фашисты, чтобы задержать нас. Нет такой силы, чтобы остановить сокрушающее наступление Красной Армии!"

Наступательный порыв в наших войсках был так силен, что ни одна дивизия не хотела оставаться в резерве, ни один полк не хотел оставаться во втором эшелоне своей дивизии. Все хотели быть впереди, и мы согласились на такое построение боевых порядков, ибо исключали на левом берегу Сожа возможность не только контрудара, но и крупных контратак.

Правда, наши дивизии имели большой некомплект в личном составе, еще более возросший после Орловской и Брянской операций. Централизованное пополнение поступало слабо. Мы пополнялись главным образом за счет партизан, и выздоровевших от ран и болезней в госпиталях нашей армии. Однако мы не думали останавливаться на Соже, а рассчитывали на передышку лишь по выходе на Днепр. Вот почему, когда наши передовые дивизии 1 октября вышли к Сожу, на другой день рано утром я был уже на берегу реки и проводил рекогносцировку на предмет ее форсирования.

Эту реку я видел впервые. Ширина ее была до полутораста метров, глубина три - восемь метров, долина шириной в два километра со множеством проток, а за ней - высокий правый берег, занятый противником, отошедшим на заранее подготовленные позиции.

Форсирование мы начали 2 октября. Находясь на командном пункте, на опушке леса у реки, я и мой штаб прислушивались к трескотне вражеских пулеметов и разрывам снарядов, по которым определяли силу сопротивления противника. Он наращивал огонь. В воздухе появились немецкие разведчики, потом бомбардировщики нанесли удар по нашим войскам в долине реки; начались и пехотные контратаки с танками при сильной артподдержке. Наблюдая эту картину, мы слышали разговоры об огневом превосходстве врага. Что можно было сказать в ответ? Доставка боеприпасов у нас действительно задерживалась... И мы говорили подчиненным: "Да, возможно, сегодня и не удастся выбраться на высокий берег, занимаемый противником, но ничего - удастся позднее, когда подвезем боеприпасы. Сегодня берегите силы".

Видя большое преимущество противника на этих участках, мы прекратили форсирование, но закрепили за собой три небольших плацдарма в долине реки: это было в то время очень важно.

Мы теперь входили в Белорусский фронт. Ему было приказано армиями левого крыла нанести удар в направлении Жлобин, Бобруйск, Минск и овладеть столицей Белоруссии. Начало наступления было назначено на 15 октября. Армиям правого крыла, в том числе и нашей, предстояло вести бои местного значения, чтобы не допустить переброски войск противника в районы начавшегося наступления.

Задача, поставленная армиям левого крыла фронта, оказалась для них непосильной: вместо выхода на линию Минска и Слуцка войска продвинулись лишь до города Речица.

Мы вели бои местного значения. В частности, нашей армии рекомендовалось расширить до шестнадцати квадратных километров один из захваченных плацдармов. Мы оставили в обороне три дивизии, а четыре вывели во второй эшелон и приступили к регулярным занятиям: стоящие в обороне изучали противника, его цели, поведение, отрабатывали варианты оборонительных боев и совершенствовали оборону, а дивизии второго эшелона отрабатывали варианты наступления для расширения плацдарма, изучали противника и местность в глубине его обороны.

С офицерами мы разобрали Брянскую операцию, извлекли из

нее уроки для будущего. Несмотря на успех операции в целом, внимание офицеров главным образом обращалось на недостатки в действиях войск. А недостатков оказалось много.

Мы уже убедились, что противник стал очень бояться окружения, обхода и охвата флангов. А мы по-прежнему нередко атакуем его опорные пункты в лоб, несем при этом лишние потери. Происходит это потому, что мы плохо ведем разведку, не знаем слабых мест во вражеской обороне.

Когда противник отходит, мы почему-то стараемся преследовать его по пятам, из-за этого подолгу задерживаемся перед огнем его прикрывающих подразделений. Надо чаще прибегать к параллельному проследованию. Встретил батальон огонь вражеского прикрытия, пусть оставит против него взвод с пулеметами и минометами, а остальными силами обходит противника и отрезает ему пути отхода. При таких действиях можно продвигаться значительно быстрее и потери будут меньше.

Некоторые офицеры все еще болезненно реагируют на контратаки противника. С этим пора кончать. Если нечем поразить танки - пропускай их, уничтожай идущую за танками пехоту, а танки будут уничтожены артиллерией в тылу. Самое лучшее оставлять перед контратакующим противником часть сил, а остальными ускорять движение вперед в целях выхода ему в тыл. А у нас еще бывают такие случаи: немцы контратакуют один наш батальон, а другой прекращает наступление и выжидает, что получится у соседа, вместо того чтобы помочь ему своими действиями.

Беда наша - из-за плохих дорог отстают тылы, затруднен подвоз боеприпасов. Между тем каждая из наших дивизий в бою захватывает исправные орудия, минометы, пулеметы и автоматы противника, десятки тысяч снарядов и мин, миллионы патронов. Почему не используются трофейные оружие и боеприпасы? Я обошел передний край каждой дивизии. На определенную точку вызывал командира дивизии с группой офицеров. Выслушивал сначала разведчиков: что они знают о стоящем перед ними противнике, о его группировке, численности, намерениях. Потом спрашивал начальника оперативного отделения о частях дивизии и о соседях. Требовал от заместителя командира дивизии оценить обстановку и высказать предложения о подготовке активных действий, а также о том, где отрывать первую и вторую траншеи для обороны. После этого давал слово командующему артиллерией, инженеру и, наконец, командиру дивизии.

Лишь выслушав все ответы на вопросы - мои и прибывших со мною генералов и офицеров, я давал указания. Если ответы казались мне неудачными, помогал наводящими вопросами,

добиваясь, чтобы подчиненные сами приходили к правильной мысли. После этого я одобрял их решение и утверждал его, не подчеркивая, что оно в большей или меньшей части было подсказано. Я хорошо запомнил, как нас учили когда-то Якир, Тухачевский и Великанов, как они оберегали авторитет командира и его веру в себя. Мне всегда казалось вредным для дела, когда начальник с руганью обрушивается на подчиненного за предложенное неверное решение. Нет, не ругать, не наказывать нужно в таких случаях, а поправлять, помогать, учить. От этого куда больше пользы!

Учитывая, что границы армии могут измениться в ту или другую сторону, я детально изучил положение не только в своей полосе, но и побывал у правого и левого соседей, ознакомился с местностью, прилегающей к нашим границам, и с обстановкой, которая там сложилась.

Срок решительных действий по расширению нашего южного плацдарма, намеченный на 12 октября, приближался. Но, несмотря на старание службы тыла, боеприпасы прибывали медленно, их едва хватало на покрытие текущей потребности. Причин этому было много: отставание фронтовых складов, подвоз конным транспортом, ибо шоссейных дорог не было, а проселочные из-за дождей стали непроходимыми для машин, да и большая часть машин была неисправной, и один рейс занимал 14 суток.

Что же получалось? С одной стороны, нельзя проводить активных действий с таким количеством боеприпасов, которого и для обороны мало; с другой стороны, при каждом докладе командующему фронтом мы слышали требование - вести активные действия. Мы были вынуждены отбирать боеприпасы у одних соединений, прибавлять их другим - тем, которые готовились к наступлению.

На рассвете 12 октября после десятиминутного артналета мы пошли в наступление. Используя внезапность, в течение первых трех часов мы захватили на высоком берегу реки деревни Костюковка, Салабута и Студенец, а в последующие два часа, ломая сильное сопротивление, продвинулись еще на два километра. К этому времени противник подтянул свои резервы с танками, начал контратаки при поддержке мощной артиллерии и бомбежки с десяти самолетов. Наши дивизии, поддержанные лишь слабым артогнем, были вынуждены отойти к деревням, что на берегу реки, в немецкие траншеи и оказались в невыгодном положении, так как траншеи имели хороший обзор и обстрел к востоку, а к западу местами всего на пятьдесят метров.

Мы превосходили противника на этом участке численностью

войск и количеством пулеметов и орудий, но значительно уступали ему в боеприпасах и не имели танков. Учитывая также, что мы у противника ничего не видим, а он с высокого правого берега просматривает на всю глубину наши боевые порядки, мы сделали вывод, что дальнейшая активность будет безрезультатной и лишь увеличит наши потери. Решили продержаться дотемна и отойти в исходное положение.

В восемнадцать часов я доложил командующему фронтом о результатах боя, о решении отойти и о том, что в дальнейшем надо отказаться от активных действий, если нельзя обеспечить их боеприпасами. Командующий фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский, хотя и не выразил неудовольствия по поводу нашей неудачи, но проведение боев местного значения нашей армией не отменил. Тогда я ему доложил, что был на переднем крае обороны перед фронтом правого соседа, 50-й армии, - там, на реке Проня, шириной тридцать - сорок метров, есть брод и хорошие подступы с нашей стороны. Просил прирезать к нашей армии пятнадцать километров из полосы соседа. На том участке наши активные действия себя оправдают - можно будет захватить больший плацдарм с меньшими потерями в людях и средствах.

Мне показалось, что предложение прирезать полосу в пятнадцать километров удивило командующего фронтом: обычно командармы просят уменьшить, а не увеличить их полосу. После небольшой паузы Рокоссовский спросил:

- Сколько времени вам потребуется, чтобы начать там активные действия?

- На перегруппировку потребуется пять - семь суток, - ответил я. - Но нас по-прежнему будут лимитировать боеприпасы. Прошу резко увеличить их отпуск.

На другое утро мы получили шифровку о прирезке нам от соседа полосы в пятнадцать километров с предоставлением 50-й армии права вывести из нее свою дивизию.

После рекогносцировки новой полосы совместно с командирами тех дивизий, которые переходили в нее, было решено: реку Проня форсировать у села Красная Слобода, где есть брод и хорошие подступы к реке. Форсирование начать 25 октября; до того дня перевести в этот район пять из семи дивизий и обеспечить их боеприпасами - одним боекомплектом.

Была уверенность, что, имея хотя бы такое количество боеприпасов, мы захватим и удержим плацдарм. Основывалась она на том, что свои силы мы сосредоточим незаметно для противника и, используя брод, атакуем его внезапно. Из имеющихся боеприпасов намеревались израсходовать в первые два дня захвата плацдарма шестьдесят процентов, на отражение

контратак двадцать процентов и двадцать процентов иметь в резерве. Кроме того, мы подвезли трофейные пушки и минометы с боеприпасами к ним и рекомендовали командирам использовать их в первую очередь.

Саперам дано было приказание в первый день форсирования реки построить два свайных моста и четыре пешеходных мостика; места для них были выбраны такие, которые не будут наблюдаться противником, если мы удержимся на плацдарме. Командиры дивизий получили указания захватывать как можно больший плацдарм в первый день, пока противник не успел подвести резервы, и захваченное без промедления закреплять. Мы сказали также комдивам, чтобы они не боялись за свои фланги: мы будем их оберегать огнем с восточного берега.

С рассветом после артналета мы начали наступление и захватили плацдарм в шесть километров по фронту и три километра в глубину. Было взято 46 пленных, 14 орудий, 10 минометов, 18 пулеметов.

Ночные действия успеха в первые сутки нам не принесли.

26 октября, возобновил наступление, мы расширили и углубили плацдарм на один километр, захватили еще пленных, орудия, минометы. Контратаки мы отбили, но потери несли не меньшие, чем в первый день, при форсировании.

27, 28 и 29-го мы уже не наступали, а только отбивали атаки противника, поддержанные танками и авиацией. Его артиллерия каждый день выпускала три-четыре тысячи снарядов и мин по захваченному нами плацдарму. За эти три дня мы во время своих контратак захватили еще 28 пленных, 11 орудий, 7 минометов, 33 пулемета. В эти дни потерь у нас было меньше, а вражескими трупами было усеяно все поле перед плацдармом. Удержав плацдарм размером семь на четыре километра, мы закрепились на достигнутых рубежах.

Я доложил комфронтом, что армия перешла к обороне. Он сказал:

- Хорошо, что удержали плацдарм. Мы видим, что армия не может сейчас действовать активно, но не давайте противнику разгадать это. Заставьте его думать, что вы готовитесь продолжать наступление, а в это время накапливайте боеприпасы. Продумайте план поведения своих войск.

Ни совещание в наш штаб собрались мои заместители, начальники родов войск и служб и командиры корпусов. Были выслушаны доклады начальников отделов разведывательного (Туманяна), оперативного (Владимирского) и начальника тыла армии. Было решено: временно перейти на всем фронте нашей армии к обороне и готовиться к наступлению; четыре дивизии

оставить в обороне, а три вывести во второй эшелон.

Чтобы приковать внимание противника к северному участку и создать у него впечатление, что мы не отказались от расширения плацдарма и наступления с него, мы выработали план дезинформации, которым предусматривались дополнительная пристрелка целей перед северным плацдармом, установка макетов орудий, скрытое движение поиск на юг и немаскированное на север, к плацдарму. Мы организовали костры за правым флангом в лесу на глубине пять - десять километров, временами шум моторов, имитирующий подход танков. Инженерным войскам приказано было строить и укреплять мосты ко всем плацдармам, подвозить запасной строевой лес.

План мы начали осуществлять со следующего же дня. Противник нервничал: усиленно освещал передний край но ночам, производил мощные артналеты по ложным орудиям, но районам, где подымался дым от костров и где был слышен шум моторов, и ежедневно расходовал на это от двух до трех тысяч снарядов на протяжении десяти - двенадцати суток. Было видно, что он придал большое значение нашим мероприятиям. Потом противник, вероятно, понял наш обман - он перестал реагировать на наши выдумки. Но мы на большое и не рассчитывали.

Однажды мне доложили, что перед нашим самым маленьким плацдармом у села Рудня противник сосредоточивает силы. Мои помощники делали вывод - противник хочет прогнать нас с плацдарма, но, судя по сосредоточиваемым там силам, возможно, затевает и что-то более серьезное. Чтобы выяснить истинное положение, я выехал туда на наблюдательный пункт. Мне доложили, что два вечера отмечался подход подразделений из глубины к селу Рудня, примерно по два батальона каждый вечер, за тридцать - двадцать минут до наступления темноты; место, где видны были колонны противника, находится от нас километрах в трех, и всякий раз наблюдать их удавалось пять - семь минут. Доложили еще, что противник ведет в эти дни пристрелку по плацдарму и по нашему берегу орудиями разных калибров до тяжелых включительно.

Мне все стало ясно: если бы противник имел намерение ликвидировать наш плацдарм, а тем более если бы замышлял более крупную операцию, он не стал бы показывать свои батальоны перед наступлением темноты, а использовал бы темноту для передвижения частей, обеспечивая себе внезапность удара. Более вероятно, что немцы уводят часть сил с этого участка и хотят создать обратное впечатление. Возможно, они перебрасывают подкрепление на участок юго-западнее Гомеля, к Речице, где наши войска уже месяц ведут упорные, но

безрезультатные наступательные бои. Я приказал всем дивизиям, стоящим в обороне, усилить наблюдение днем, внимательно прислушиваться ночью и обо всем замеченном доносить, уделяя особое внимание не тому, что противник показывает, а тому, что он скрывает. Командующему артиллерией дал указание - с временных позиций орудиями разных калибров произвести пристрелку реперов против нашего южного плацдарма, записав данные пристрелки и температуру, имея в виду, что они могут нам пригодиться, когда на эти позиции будут поставлены целые дивизионы.

Комфронтом при очередном разговоре мне сообщил: - Пленные, захваченные у Речицы, принадлежат 36-й немецкой дивизии, снятой с вашего фронта. Нужно сделать новую попытку расширить один из ваших плацдармов, чтобы не допускать дальнейшего снятия сил, находящихся против вас. Подумайте, где это лучше сделать, и доложите мне завтра.

Мы не могли не верить командующему; действительно, было много случаев, когда противник в трудные моменты снимал целые дивизии с более спокойных участков; но бывало и так, что он снимал один полк или даже один батальон и перебрасывал их далеко от их дивизии, остающейся на прежнем участке.

Хотя нашей разведке пленного захватить не удалось, напрашивался вывод, что обстановка больше, чем прежде, благоприятна для наших активных действий. Решено было не только расширить один из плацдармов, по и перейти в решительное наступление всей армией в целях выхода на Днепр. В тот же день я вызвал по ВЧ командующего фронтом и доложил ему:

- Вы обещали выслушать нашу комбинацию и помочь ее осуществлению, если она заслуживает внимания. Так вот, во-первых, мы просим полосу, прирезанную нам от пятидесятой армии, вернуть обратно соседу, с тем что бы он, сменяя наши войска, ввел на плацдарм за рекой Проня две дивизии. Я полагаю, что ввод соседом войск на плацдарм будет замечен противником, который может принять это как усиление наших войск в целях активных действий именно на том участке. Тем временем мы незаметно для немцев выведем с плацдарма наши дивизии. Во-вторых, все силы нашей армии мы сосредоточим у нашего южного плацдарма и начнем там активные действия, но не в целях его расширения, а для перехода в решительное наступление, чтобы выйти к Днепру в полосе армии. По выходе к Днепру прикроемся справа частью сил, а всеми остальными поведем наступление на Довск для захвата этого узла шоссейных дорог и отрежем пути отхода на север гомельской группировке противника. Если нам

удастся захватить Довск, противник будет вынужден оставить район Гомеля имеете с городом. Конечно, при выполнении этого варианта мы рассчитываем и на то, что вы прикажете активно действовать нашим соседям - пятидесятой армии левым флангом с переданного ей нами плацдарма, а шестьдесят третьей армии - правым флангом, Я не был бы удивлен, если бы командующий фронтом плохо подумал о нас в этот момент, сопоставляя факты: месяц тому назад Горбатов просил прирезать полосу, теперь просит забрать ее обратно. От него требуют расширить один из плацдармов, а он решает наступать всеми силами на Днепр, да еще сделать решительную попытку отрезать пути отхода гомельской группировке.

Мне послышалась в голосе командующего фронтом ирония или легкая усмешка, когда он сказал:

- Ну что ж, это неплохо... - А потом спросил: - Когда думаете наступать?

Услыхав, что 25 ноября, он снова спросил:

- А нельзя ли ускорить дня на три?

- Можно, - ответил я, - если вы поможете подвезти боеприпасы своими машинами.

- Подвозить будете сами, наши машины заняты. Если будете успешно наступать к Днепру, прикажу соседям не отставать от вас.

На другой день мы получили шифровку о возвращении полосы соседу с правом вывода наших войск из нее, а вместе с этим приказание 50-й армии о передаче нам 40-й истребительной противотанковой артбригады, минометного и тяжелого минометного полков и автобатальона для подвоза боеприпасов. Тогда я понял, что командующий говорил вполне серьезно.

Перед наступлением две наши дивизии были укомплектованы до 4500 человек, а остальные доведены до 5000. Боеприпасов накопили до одного боекомплекта. На плацдарме построили два свайных моста под грузы в шестьдесят и шестнадцать тонн, два пешеходных мостика, в последнюю ночь должны были навести наплавной мост и еще два мостика.

От захваченных до 9 ноября пленных мы имели сведения лишь о том, что против нас стоят 267-я и 110-я пехотные дивизии и подходят резервы невыясненной численности и принадлежности. Наблюдатели отмечали, что противник продолжает укреплять свои позиции, уплотняет минные поля и усиливает проволочные заграждения.

Особенно напряженными для нас были последние двое суток перед наступлением и первые сутки наступления. Нужно было сосредоточить незаметно для противника большое количество

войск на маленьком плацдарме. Исходя из его размеров и необходимости быстрого наращивания сил, боевые порядки дивизий строились так: дивизии, которые сворачивали оборону противника на север и юг, - в два эшелона (третьи полки оставлялись в обороне), а те, что устремлялись вглубь, - в три эшелона. На плацдарме в два с половиной километра по фронту и два километра в глубину было сосредоточено шесть стрелковых полков с артиллерией, минометами, и полностью обеспечивался своевременный ввод на него остальных войск армии. Поскольку после прорыва обороны фронт наступления сильно увеличивался, а наши соединения наступали по расходящимся направлениям, важно было ввести в сражение как можно скорее второй эшелон армии, а потому к исходу первого дня наступления он сосредоточивался на плацдарме, а ввод его предусматривался с рассветом второго дня.

На рассвете 22 ноября, с первыми выстрелами десятиминутного, но мощного артиллерийского налета, головные батальоны поднялись и пошли в наступление. Преодолен нейтральное пространство, они с последними пушечными выстрелами атаковали ошеломленного противника и ворвались в его первую траншею.

К концу первого часа мы овладели населенными пунктами Костюковка, Салабута, Студенец, а к исходу дня, несмотря на то что сопротивление противника не ослабевало, 362-я дивизия вышла к селам Гайшин и Селище, 283-я дивизия перерезала шоссе Пропойск - Довск, 17-я дивизия подошла к деревне Славня, а 121-я гвардейская - к реке Костелянка, овладев населенными пунктами Рудня и Костелянка.

41-й корпус (186-я и 120-я гвардейская дивизии) к вечеру сосредоточился на плацдарме в районе Новый Путь, Лобаревка и в лесу, что западнее, очистив его от противника. 269-я дивизия, как резервная, сосредоточилась на плацдарме у села Хлебное. Артиллерия с помощью саперов, преодолевая невероятные трудности, частью взобралась на крутой берег, но большая ее часть находилась еще в долине реки. Личный состав этой отстающей части артиллерии, состоявшей главным образом из орудий крупных калибров, хорошо понимал, насколько необходимо поддержать огнем наступающих с рассветом. А потому всю длинную осеннюю ночь артиллеристы на руках вытягивали из долины реки на обрывистый берег свои орудия и, несмотря на усталость и бессонную ночь, все же успели занять новые позиции.

За день был захвачен плацдарм в двадцать километров по фронту и десять четырнадцать километров в глубину. Противник

понес большие потери, в наши руки попало двести пленных, сорок одно орудие, пятьдесят минометов и много других трофеев.

Все наши оптимистические предположения на этот день были превзойдены. Я долго ничего не докладывал командующему фронтом, и из штаба фронта нас не спрашивали, как идут дела. "Не потому ли, - подумал я, - что считают наши действия довольно обычным безрезультатным "активничаньем"? Вообще-то действительно трудно поверить, что нам удалось протащить все силы армии через такой маленький плацдарм. Ведь это все равно что продеть канат через игольное ушко..."

Позвонил я командующему, как всегда, в семнадцать часов и доложил о результатах первого дня. Константин Константинович только сказал:

- Да неужели это правда?

- Да, правда, - коротко ответил я.

Тогда он воскликнул:

- Так развивайте, жмите, сколько хватит сил! Это отлично... и неожиданно!

Резервы противник подтягивал издалека, и, хотя сопротивление он постепенно усиливал, наше наступление продолжалось.

Командир 362-й дивизии, высокий, полный генерал В. Н. Далматов, хороший командир и прекрасный товарищ, донося мне на третий день о занятии села Рудня, поставил необычное условие:

- Город Пропойск не входит в полосу нашей армии, но мы можем им овладеть при условии, что вы не будете возбуждать ходатайства о присвоении дивизии наименования Пропойской.

Конечно, я ему это обещал, и в тринадцать часов того же дня дивизия овладела городом Пропойск, а к исходу дня заняла деревни Шеломы и Ржавка.

283-я дивизия под командованием отважного и расчетливого В. А. Коновалова, преодолевая сопротивление контратакующего противника, к семнадцати часам тридцати минутам вышла к Днепру, овладев селом Селец-Холопеев. Таким образом, боевые порядки противника на левом берегу Днепра были рассечены и он лишился рокадного шоссе, идущего от Могилева на Довск и Гомель.

Четыре дивизии армии наступали по расходящимся направлениям, не имея связи между собой, кроме радио, соревнуясь в беге вперед. Лишь три наши дивизии имели тактическое взаимодействие. Они наступали в юго-западном направлении, их целью было овладеть Довском - узлом шоссейных дорог - и этим отрезать противнику пути отхода из

Гомеля.

К исходу третьего дня для противника, находящегося в районе Гомеля, создалось критическое положение: ему не осталось иного выхода, как перебрасывать войска против нашей группировки. Но и положение нашей армии было исключительно сложным, можно даже сказать опасным. Наши дивизии понесли, конечно, потери, резерв армии был уже израсходован, а между нами и правым соседом образовался разрыв в тридцать пять километров; артснарядов и мин оставалась треть боекомплекта, а автобат, находившийся у нас на подвозе боеприпасов, был 22 ноября отозван во фронт.

Оценивая сложившуюся обстановку, мы видели, что уже достигнут немалый успех: противник не может удержать район Гомеля и будет вынужден отступить. В то же время мы понимали, что, оставив этот район, противник всю свою ярость обрушит на нас. Но исключалась также возможность вражеского удара с севера, по шоссе от Могилева. Беспокоил нас и огромный разрыв с 50-й армией, которая еще не перешла в наступление своим левым флангом. Успокаивали мы себя тем, что без риска на войне не обойтись, а наш риск мы считали обоснованным. Надеялись - и, как оказалось, не напрасно, - что правый сосед подтянет свой левый фланг, уменьшая образовавшийся между нами разрыв, а левый сосед (63-я армия), используя наш успех, перенесет свои усилия на правый фланг и также облегчит этим наше положение.

Особенно мы боялись за разрыв с 50-й армией и за шоссе, идущее от Могилева, а потому 362-й дивизии приказано было одним полком захватить и оборонять село Хачинка до подхода частей 50-й армии, а остальными силами сосредоточиться в Большой Зимнице, образуя армейский резерв. В этой сложной обстановке хотелось иметь в резерве хоть что-нибудь.

На четвертый день операции 283-я дивизия овладела селом Обидовичи на берегу Днепра, но в то же время испытала сильное давление со стороны 95-й пехотной дивизии противника, переброшенной из района Орши. Полк нашей дивизии, отбивая атаки противника, захватил двадцать три пленных, подбил восемь танков, но был вынужден оставить Селец-Холопеев.

121-я гвардейская стрелковая дивизия овладела районным центром Корма у нашей левой границы на роке Сож и продвинулась к западу от него. Противник начал отход из Гомеля.

На пятый день в Москве был дан салют в честь освобождения Гомеля. Нашим 283-й Краснознаменной и 121-й гвардейской стрелковым дивизиям, 584-му истребительному противотанковому и 295-му гвардейскому пушечно-

артиллерийскому полкам присвоено наименование Гомельских. Хотя наши соединения и части находились далеко от Гомеля, их участие в его освобождении было высоко оценено.

269-я стрелковая дивизия под командованием полковника Кубасова, по собственной инициативе совершив сложный маневр, ночным боем овладела Журавичами, Хотовней и вышла к реке Гутлянка.

В этот же день мы получили уведомление, что из состава 63-й армии нам передается 5-я Орловская стрелковая дивизия. Лучше поздно, чем никогда!

Результаты этой смелой и доведенной до конца операции были очень важны. В результате ее обстановка на нашем фронте резко изменилась. Почти все войска фронта значительно продвинулись вперед.

50-я армия, используя наш успех, своим левым флангом продвинулась на 35 километров и не дошла лишь 15 километров до Днепра.

63-я армия вышла на нашу линию, но не дошла до Днепра, встретив упорное сопротивление противника, удерживающего плацдарм - 45 километров по фронту и от 12 до 6 километров в глубину, - обеспечивавший немцам использование железной дороги, идущей по правому берегу Днепра от Жлобинского узла до Могилева и далее на север.

Полностью высвободились силы 11-й армии.

Была освобождена обширная территория между Сожем и Днепром и крупный промышленный центр - областной город Гомель.

Операция была поучительна во многих отношениях. Как я уже говорил, командование фронта, ведя наступление армиями левого крыла, резонно требовало от армий правого крыла активных действий, то есть проведения операций местного значения, чтобы удерживать стоящего перед нами противника. Но хорошо известно, что такие операции приносят больше вреда, чем пользы, даже в том случае, когда нас и противника разделяет поле в пятьсот метров; а нас отделяла от немцев такая река, как Сож, с долиной в два километра шириной. Я всегда предпочитал активные действия, но избегал безрезультатных потерь людей. Вот почему мы так тщательно изучали обстановку не только в своей полосе, но и в прилегающих к нам районах соседей; вот почему при каждом захвате плацдарма мы старались полностью использовать внезапность и одновременно с захватом предусматривали закрепление и удержание его; я всегда лично следил за ходом боя и, когда видел, что наступление не сулит успеха, не кричал: "Давай, давай!" - а приказывал переходить к

обороне, используя, как правило, выгодную и сухую местность, имеющую хороший обзор и обстрел.

После первых безрезультатных попыток наступления с плацдарма у села Студенец нам все же приказано было продолжать активные действия. Чтобы избежать лишних потерь при переводе частей через Сож в невыгодных условиях, мы пошли даже на то, что просили прирезать нам полосу в пятнадцать километров от соседа; это позволило выполнить приказ со значительно большими результатами и меньшими потерями и приковать резервы противника к плацдарму за рекой Проня. Удачно выработанный и осуществленный план дезинформации заставил противника верить, что мы готовимся продолжать активные действия не здесь, а на правом фланге.

Когда мы почувствовали, что обстановка перед армией изменилась в лучшую сторону, мы не постеснялись обратиться с новой просьбой - вернуть 50-й армии прирезанную от нее полосу вместе с захваченным нами плацдармом, хотя и понимали, что ставим себя этой просьбой в смешное положение. И мы не побоялись взять на себя столь ответственную задачу - всеми дивизиями армии пролезть через "игольное ушко", плацдарм в два с половиной на два километра, и выйти на Днепр, вместо того чтобы наносить противнику булавочные уколы частными операциями.

Разговаривая с комфронтом по этому вопросу, я чувствовал неполное его доверие. Полагаю, что в этом я не ошибаюсь; если бы К. К. Рокоссовский верил в наш успех, он в первый же день дал бы распоряжение командующему 50-й армией о переходе в решительное наступление его левым флангом, а также о переброске к нам от левого соседа стрелкового корпуса или заставил бы командующего 63-й армией сосредоточить силы на своем правом фланге для наступления одновременно с нами. По этого не случилось. Мало того, в критический момент у нас был отобран автобатальон.

Перед четырьмя армиями правого крыла стояла одинаковая задача: местными боями удерживать перед собой противника. Что же помогло нашей 3-й армии сделать больше, чем другие? Больше всего помогла уверенность, основанная на сплоченности всего личного состава и его выучке. Только вера в свои силы, вера в то, что мы слаженными и инициативными действиями захватим и удержим большой плацдарм в первый же день операции, могла подсказать нам решение - ввести на плацдарм второй эшелон армии; а именно своевременный ввод в бой второго эшелона с утра второго дня позволил нам наращивать силы и заполнять большие промежутки между дивизиями, наступающими по

расходящимся направлениям. Большую роль сыграло вошедшее у нас в правило личное наблюдение командиров дивизий за полем боя с приближенных к противнику НП; это и позволяло вводить резервы своевременно. Оправдал себя и такой риск, как ввод в бой последней, резервной дивизии в той критической обстановке, когда на фронте в сто двадцать километров было так много больших разрывов.

Как ни велика была наша вера в боеспособность армии, действительность превзошла ожидания. Мы считали бы большим достижением, если бы прошли пятидесятикилометровое расстояние до Днепра к исходу четвертого дня; но армия выполнила эту задачу на сутки раньше, притом в условиях почти непроезжих дорог, недостатка боеприпасов, когда даже патроны доставлялись самолетами У-2.

Самостоятельный интерес представляют многочисленные случаи применения трофейных боеприпасов. Приведу несколько примеров. В артиллерийских полках не все орудийные расчеты имели орудия. Командиры артполков учитывали трудность втаскивания орудий на руках на крутой правый берег реки и предвидели, что орудия непосредственной поддержки будут отставать от боевых порядков батальонов. Выход из положения нашли в том, что расчеты, не имевшие орудий, шли с пехотными батальонами первого эшелона. Так, например, при одном батальоне шли расчеты 9-го гвардейского артиллерийского полка во главе со старшим лейтенантом Селезневым и лейтенантом Манчаком. Через тридцать минут после атаки переднего края была захвачена в деревне Солобуда семидосятипятимиллиметровая батарея с большим количеством боеприпасов. Расчеты, заранее ознакомленные с трофейными орудиями, быстро повернули их в сторону противника и открыли огонь. Они продолжали бить противника не только с этой позиции, по и продвигались вместе с батальоном до тех пор, пока не израсходовали весь запас трофейных снарядов. Еще один случай. При 3-м батальоне 327-го полка 186-й стрелковой дивизии шел с такими же запасными расчетами лейтенант Лавров. Батальон захватил стопятимиллиметровую батарею. Артиллеристы Лаврова прекрасно использовали эти мощные орудия и били из них по противнику, пока не израсходовали всех снарядов.

Вообще артиллеристы потрудились хорошо. Они расчищали огнем дорогу пехоте как при прорыве обороны противника, так и в ходе всего наступления. Квалифицированные офицеры-артиллеристы, как правило, были при батальонах; благодаря этому удавалось поражать цели с минимальным расходом

боеприпасов. Большую роль сыграли орудия прямой наводки, число которых доходило до тридцати процентов всех имеющихся стволов.

Как и в предыдущую операцию, колоссальную работу проделали саперы. Бойцы 57-й инженерной бригады построили через Сож 7 мостов, 12 штурмовых мостиков, разминировали 26 проходов на переднем крае и 275 километров дорог во время наступления, сняли 13500 мин, отремонтировали 33 моста, 155 километров дорог я проложили 109 километров колонных путей. А сколько было работы в долине реки при приведении ее в проходимое состояние и при устройстве выходов на крутой берег!

Несмотря на быстрое продвижение войск, телефонная и радиосвязь работали безотказно; в этом заслуга всех связистов, начиная от рядового телефониста и кончая начальником связи армии Мишиным.

Глава восьмая. Днепр

Второго декабря 1943 года 3-я армия вышла к Днепру на фронте от реки Бобровка до села Гадиловичи. Наши соседи Днепра еще не достигли. Мы могли бы со спокойной совестью остановиться на этом рубеже до общего наступления. Но обстановка, как я ее понимал, сама подсказывала: как только лед окрепнет, надо захватить плацдарм за Днепром. Мы уже облюбовали район в излучине реки, у села Шапчинцы, и три дивизии из восьми вывели во второй эшелон, чтобы готовить их к этой операции.

На нашем правом фланге немцы продолжали удерживать на левом берегу Днепра так называемый быховский боевой участок - четырехугольник площадью около ста сорока квадратных километров, ограниченный реками: с запада - Днепр, с юга Бобровка, с севера - Ухлясть, а с востока - населенными пунктами Узники и Палки. Участок этот был очень важен и для противника, и для нас. Немцам он обеспечивал нормальную работу железной дороги Жлобин - Могилев, идущей по правому берегу Днепра. Нам он постоянно угрожал нападением противника с севера, вдоль шоссе, идущего по левому берегу Днепра на Гомель через Довск, из-за чего мы были вынуждены держать против этого выступа две дивизии в обороне. Только здесь мы не вышли к Днепру, и потому выступ этот был у нас бельмом на глазу. Чтобы захватить плацдарм за Днепром, нужно было сначала ликвидировать быховский боевой участок, выйти на нем к берегу, высвободить для активных действий еще две дивизии и подтянуть ближе к реке нашего правого соседа.

У нас созрела мысль ликвидировать этот участок в первых

числах января 1944 года. План операции был подготовлен, доложен командующему фронтом и одобрен им.

Главный удар наносился с востока на запад - из Узников на Никоновичи и Вороново, а вспомогательный - на север, по шоссе. Кроме того, специально подготовленный лыжный отряд должен был ночью пробраться по долине Днепра в тыл противника и до рассвета. 4 января к началу нашего наступления уничтожить штаб 267-й пехотной дивизии в деревне Прибор. О местонахождении немецкого штаба мы знали из показаний пленных, подтвержденных местным жителем Загрищевым, который был заподозрен гитлеровцами в излишней любознательности, арестован и избит, но бежал и перешел к нам через линию фронта. Он вызвался быть проводником лыжного отряда, сформированного из двухсот лучших лыжников-добровольцев под командованием смелого капитана Тайвакайнена. Подготовкой от ряда руководил мой заместитель генерал П. П. Собенников. Офицеры и солдаты учились двигаться ночью по азимуту, совершать нападения на охраняемые объекты, отвечать на оклики на немецком языке. Отряд имел группы нападения, охранения и резерва. Разработали систему сигналов и метод распознавания своих и чужих: в темноте пароль подавался голосом, а днем и на расстоянии движением руки (кверху - "Кто идет?", в сторону - "Свой"). Для связи отряда с оперативным отделом штаба армии к отряду был прикомандирован майор Левченко, офицер исключительной храбрости.

В ночь на 3 января отряд спустился в долину реки. По указанному маршруту он, не замеченный противником, вошел в его тыл. Ночь была пасмурная, мглистая, слегка подмораживало. Отряд шел не спеша. Впереди двигалось охранение с проводником и офицером, изучившим маршрут и знающим необходимые немецкие слова. Передний шел с острым щупом в руках и был обвязан веревкой, конец которой находился у идущих сзади. Эта предусмотрительность несколько раз спасала людей, когда они проваливались под лед. Вымокшие немедленно переодевались в запасное обмундирование и валяную обувь.

Пройдя по целине более пятнадцати километров, отряд четыре раза пересек русло реки и шесть раз ее протоки. Через пять часов увидели справа на берегу очертания строений. Это и была деревня Прибор. В селении было тихо, лишь изредка перекликались петухи. На окраине наткнулись на проволочный забор. Пока саперы делали проходы в проволоке, офицеры уточняли задачи группам отряда. Напомнили солдатам, что обнаруженные телефонные провода можно резать не раньше первых выстрелов (чтобы не насторожить противника). Отдохнув,

оставили у проходов "маяки" и двинулись в деревню.

Впереди группы, идущей к штабу дивизии, шел переводчик старший сержант Телеш. На оклик часового он по-немецки ответил, что идет свой офицер, а приблизившись к гитлеровцу, ударом кинжала убил его наповал. Однако пост был парным, и стоявший в стороне другой часовой очередью из автомата ранил Телеша в ногу. Телеш убил его ответной очередью, и эти первые выстрелы были сигналом для атаки.

Охрана немецкого штаба была почти полностью уничтожена. Разведчики забрасывали помещения гранатами, а затем врывались в них, приканчивая уцелевших гитлеровцев. Те фашисты, которым удавалось выскочить на улицу, уничтожались засадой у дороги.

Через сорок минут был дан сигнал "Отбой". Как было договорено, на сборном месте отставших ждали пятнадцать минут, после чего отряд направился на юг по заранее намеченному пути. На сборный пункт не явилось восемнадцать человек, но двенадцать из них позже догнали отряд.

В пять часов тридцать минут от майора Левченко поступила радиограмма: "Все благополучно. Задача выполнена". Мы в это время видели большое зарево над деревней Прибор.

Дерзкая вылазка лыжников увенчалась крупным успехом: было убито более трехсот гитлеровцев, в том числе много офицере ч, и среди них начальник штаба дивизии полковник фон Шлиер, уничтожено более пятидесяти различных машин, узел связи, склады с горючим и продовольствием, захвачены важные документы.

О героическом рейде нашего лыжного отряда сообщила 6 января 1944 года сводка Совинформбюро.

Действия лыжников облегчили задачу войскам. Еще до рассвета один из полков дивизии полковника Романенко перешел в наступление между шоссе и Днепром навстречу лыжному отряду, а вскоре после короткой артподготовки из района Узников на Никоновичи двинулись в наступление основные силы генерала Рагули.

В первые часы наши части продвинулись на четыре-пять километров. Гарнизон деревни Палки был окружен и уничтожен. Противник пытался задержать нас на промежуточном рубеже Никоновичи, Усоха, Лужки, но, нанеся ему новый удар, мы его отбросили и отсюда.

За два дня вражеский укрепленный участок был ликвидирован. Наша армия во всей своей полосе вышла и Днепру, сократила фронт на двенадцать километров и получила возможность воздействовать артогнем на железнодорожную

станцию Быхов.

Правый сосед - 50-я армия, - предупрежденный о начале нашей операции, перейдя вслед за нами и наступление, своим левым флангом продвинулся к Днепру еще на пять - семь километров.

Теперь мы могли оставить в обороне три дивизии (две из них получили полосы по двадцать километров, а правофланговая - двенадцать), а пять дивизий вывести во второй эшелон, чтобы закончить их комплектование и подготовить к форсированию Днепра.

Немцы чувствовали себя за Днепром уверенно. Передний край их обороны проходил по высокому берегу, с которого просматривалась и обстреливалась вся долина реки.

Наше внимание привлекли две излучины, где река в трехкилометровой долине подходила близко к нашей обороне. Захватив эти излучины, мы выдвинули на правый берег боевое охранение и начали забивать сваи в реке и заготовлять детали для верхнего строения двух мостов. Сваи забивали ночью; для смягчения звука ударов на концы бревен накладывали слои изношенных фуфаек. Чтобы отвлечь внимание противника, забивали сваи также в первой траншее обороны, в одном-двух километрах в стороне от строящихся мостов. К рассвету забивка прекращалась и места работы маскировались снегом.

Пристрелку позиций противника, как обычно, мы проводили отдельными орудиями разных калибров и данные записывали, а уводя орудия, на их месте оставляли макеты.

К реке прокладывали колонные пути, строили на них мосты, а в низких местах - деревянные настилы.

Отрывали убежища, возводили вышки для наблюдательных пунктов. Все, что противнику удавалось увидеть и услышать, он обстреливал мощными огневыми налетами. Но мы не имели потерь и продолжали свою работу.

В соединениях велись систематические занятия: учились дружной атаке, преодолению крутого берега, обходным движениям, чтобы не брать в лоб опорные пункты; лыжные отряды тренировались в выполнении специальных задач, командиры изучали свои направления - и не только переднего края, но и глубины обороны противника; саперы тренировались в обезвреживании мин, проделывании проходов в зимних условиях, заготовляли лес для устройства мостов. Работы хватало всем.

В январе усложнилось положение на левом фланге Белорусского фронта. Командующий направил туда три дивизии из нашего второго эшелона. Но, несмотря на то что у нас осталось всего пять, к тому же далеко не полных дивизий, мы не

отказались от намерения захватить плацдарм за Днепром. Послали командующему фронтом доклад с подробной оценкой обстановки и выводом: условия благоприятны для захвата плацдарма, если армию усилят тремя дивизиями. Пришел ответ: "Усилить не могу, продолжайте обороняться, для этого у вас сил достаточно".

В начале февраля мы снова с тем же предложением обратились к командующему. Был получен ответ: "Усилить армию не могу, проведите две операции, каждая силами дивизии, и захватите два плацдарма".

Командующий фронтом разрешил мне прибыть в Гомель для личного доклада, но снова предупредил: "Все равно усилить армию не смогу, на это не рассчитывайте". Я доложил комфронтом:

- Мы не исключаем, что две дивизии, хотя и понесут некоторые потери, смогут, используя внезапность, захватить небольшие плацдармы. Но трудно будет их удержать. А при весеннем разливе, когда долина реки будет залита водой, противник в два счета уничтожит наши части на плацдармах.

- Но что же мне с вами делать? - пожал плечами командующий.

Я обратил его внимание на то, что наш сосед, 63 я армия, желая прогнать противника с плацдарма на левом берегу реки, затратил уже много сил и средств, но не имел успеха. Сейчас у нее тоже пять ослабленных боями дивизий и 115-й укрепленный район (УР) - силы тоже слишком малые для серьезной операции. Вполне со знания и на этот раз необычность предложения, я попросил объединить войска и полосы обеих армий под моим командованием.

- Тогда не пройдет и десяти дней, - заверил я, - как мы прогоним противника с его плацдарма на левом берегу и захватим еще больший плацдарм за Днепром.

Такое смелое до нахальства предложение поразило даже К. К. Рокоссовского, привыкшего к разного рода неожиданностям.

Он усмехнулся, но ничего не ответил. Молчание длилось несколько минут. Потом сказал начальнику штаба генерал-полковнику М. С. Малинину:

- А что, если поверить обещанию товарища Горбатова и согласиться с его предложением? Только куда нам тогда девать штаб и командующего шестьдесят третьей армией?

Михаил Сергеевич, немного помедлив, ответил:

- Нужно сначала выслушать соображения товарища Горбатова. А что до штаба и командующего шестьдесят третьей, то их всегда можно, вывести в резерв Ставки.

Я доложил, что, когда в нашей армии было восемь дивизий, мы собирались форсировать Днепр и захватить плацдарм размером восемь на шесть километров у изгиба реки против села Шапчинцы. Мы уже забили здесь сваи для моста. Но, если вы объедините силы 3-й и 63-й армий, мы поставим перед собой уже значительно большую задачу и будем форсировать Днепр не у сели Шапчинцы - этот участок слишком удален от занимаемого противником плацдарма, а в районе сел Свержень и Кистени. В течение двух-трех дней мы захватим плацдарм за Днепром вместе с городом Рогачев, тем самым создадим реальную угрозу противнику, находящемуся на левом берегу реки, и вынудим его уйти с плацдарма. После этого мы продолжим наступление на север до Нового Быхова, на запад до реки Друть и попытаемся захватить на ней плацдарм. Вспомогательный удар будем наносить в районе села Шапчинцы. В форсировании будут участвовать все десять дивизий: пять дивизий 3-й армии пойдут в первом эшелоне, а пять дивизий 63-й армии - во втором.

- А кто же в это время будет держать оборону на семидесятикилометровом фронте? - спросил командующий.

- Против плацдарма противника будут оставлены укрепленный район и два бронепоезда, а к северу от села Шапчинцы поставлю запасной армейский полк, заградотряд, заградроты и химроты. У меня будут к вам три просьбы. Первая: передвинуть на семь километров южнее нашу армейскую правую границу и отдать этот участок 50-й армии, чтобы она хоть одним глазом увидела Днепр, правый его берег, и по мере сил беспокоила противника. Вторая просьба: пусть мой новый левый сосед, 48-я армия, как-то проявит активность, чтобы во время проведения нами операции удерживать перед собой части противника. И третья просьба: дайте на подготовку операции десять суток, чтобы мы незаметно для противника могли произвести перегруппировку.

- Ваши просьбы будут удовлетворены. Готовьтесь. А я свяжусь с Москвой, сказал командующий.

Вернувшись в армию, я сообщил товарищам о результатах своей поездки. Обещание, которое я дал командующему фронтом, показалось всем слишком большим и трудновыполнимым. Но трудно - это еще не значит невозможно. Будем готовиться к большим делам.

13 февраля нас уведомили, что полоса и войска 63-й армии передаются нам, а штаб и командование этой армии переходят в резерв Ставки. В тот же день вечером ком фронтом говорил со мной по ВЧ. Между прочим, он сказал:

- Я насчет вашего третьего условия, товарищ Горбатом. Не

хватит ли вам восьми вместо десяти дней на подготовку к операции?

- А почему вы хотите сократить этот срок?

- Хочется, чтобы к двадцать третьему февраля вы освободили Рогачев. Неплохо будет, если в день праздника будет салют нашим войскам, а то мы его давно не слышали.

18 февраля 1944 года была получена следующая директива фронта:

"3-й армии частью сил упорно оборонять занимаемые позиции на правом фланге - участок (иск.) Селец-Холопеев, Обидовичи, Ветвь, Ильич; на левом фланге участок Гадиловичи, Грабов, Мал. Козловичи, Рассвет, Фрунзе, оз. Осушное, оз. Великое. Всеми остальными силами армии - не менее семи стрелковых дивизий со всеми средствами усиления - с утра 21 февраля 1944 г. перейти в решительное наступление с задачей переправиться по льду через р. Днепр на участке. Виляховка, Кистени и, нанося главный удар в общем направлении на Кистоли, Еленово, Близнецы, Заполье, Поболово, овладеть рубежами:

а) 21 февраля 1944 г. - Покровский, Виляховка, хут. Роговское, Жиляховка, Станьков, Тереховка, Щибрин, а передовыми отрядами захватить переправы на р. Друть на участке Бол. Коноплица, Рогачев;

б) 22 февраля 1944 г. овладеть городом Рогачев и рубежом Нов. Быхов, Красный Берег, Дедово, Озеране, Фалевичи, Тихничи, Колотовка, Березовка, Лучин;

в) 23 февраля 1944 г. овладеть городом Жлобин и рубежом Комаричи, Золотое Дно, Хомичи, Рента, Осовник, Добрица, Пареневский, Барки, Найдакочичи, Поболово, Тортеви, станцией Жлобин.

В дальнейшем развивать успех в общем направлении на Бобруйск.

Операцию организовать и проводить на принципе внезапности, на быстром и стремительном продвижении войск армии".

За трое суток форсировать такие реки, как Днепр и Друть, и продвинуться на сорок пять километров, и притом без всяких средств усиления, - задача более чем сложная!

Ознакомившись с директивой фронта, член Военного совета генерал И. П. Коннов не вытерпел и сказал:

- Да... Есть поговорка: "Аппетит приходит во время еды". А у нашего начальства разгорелся аппетит еще до еды. Когда мы просили подбросить нам дивизий, чтобы захватить плацдарм, нам ответили "обороняйтесь, а когда мы дали обещание прогнать

противника с плацдарма и захватить еще больший плацдарм, то от нас требуют перейти в наступление на Бобруйск... Таких задач, даже без форсирования рек и при общем наступлении фронта, никогда не ставили армиям, не усиливая их танковыми и артиллерийскими корпусами.

Взгляды присутствовавших при разговоре были устремлены на меня. Ждали моего мнения. Но что мог я сказать? Мне вспомнился момент, когда я впервые внес мое гораздо более скромное предложение командующему, вспомнил его удивление, его недоверие, сравнил его приказ захватить два плацдарма с полученной теперь директивой... Действительно, такую задачу можно ставить только пяти-шести усиленным армиям, да и то трудно надеяться на выполнение ее в течение трех дней.

Обращаясь к начальнику штаба армии генералу М. В. Ивашечкину, я сказал:

- Наш приказ с задачами уже доведен до войск. Чтобы не было разнобоя в требованиях, задачи корпусам нужно будет увеличить в соответствии с директивой и дать указание о дальнейшем наступлении на Бобруйск. Постараемся выполнить задачу, а что получится - увидим.

Что мы знали о противнике и его обороне?

Нам к тому времени было известно, что перед фронтом армии обороняются 211, 31, 296 и 6-я пехотные дивизии, в Бобруйске - 321-я пехотная дивизия и два батальона танков. На аэродромах имелось до 150 бомбардировщиков и до 30 истребителей.

Передний край обороны противника проходил по командному правому берегу Днепра. Оборонительные сооружения состояли из двух-трех траншей (против села Шапчинцы - из четырех-пяти траншей); перед передним краем - проволочные заграждения и минные поля. Промежуточный рубеж проходил в четырех-пяти километрах за Днепром. Вторая оборонительная полоса была оборудована на реке Друть, отсечный рубеж проходил по реке Тощица.

Ширина Днепра здесь сто пятьдесят - триста метров, глубина - три - пять метров, долина реки шириной два с половиной - три километра пересекалась протоками и хорошо просматривалась с высокого правого берега. Толщина льда в основном русле не превышала двенадцати сантиметров. Из-за оттепели появилось много полыней, а в ряде мест лед отошел от берега. Ширина реки Друть двадцать пять - шестьдесят метров, глубина - до трех с половиной метров, ширина заболоченной, слабо промерзающей долины - до полутора километров.

Снежный покров был незначительным. В связи с

исключительно теплой погодой и прошедшими дождями в лощинах и впадинах скопилась вода.

По данным Центрального института прогнозов, весенняя распутица ожидалась 15 марта. Необходимо было срочно строить настилы в низких местах, возводить сначала низководные, а затем и высоководные мосты через всю долину Днепра.

16 февраля мы созвали командиров корпусов, дивизий, начальников политотделов, штабов и родов войск армии у рельефного плана армейской полосы наступления. Командующий и член Военного совета фронта, присутствовавшие при обсуждении решений, дали свои указания командирам.

К этому времени штаб армии уже разработал план предстоящей операции. Решено, что форсировать Днепр будем девятью стрелковыми дивизиями - шесть в первом и три во втором эшелоне. Десятая дивизия остается в резерве и располагается за боевыми порядками 115-го укрепленного района.

К 20 февраля все приготовления были закончены.

На заранее забитые сваи настелили из заготовленных деталей мосты: у села Шапчинцы грузоподъемностью шестьдесят тонн, восточное села Кистени - на девять тонн, юго-западнее Свержени - на шестьдесят и тридцать тонн. Отремонтировали дороги и колонные пути.

Низко надо льдом реки были подвешены телефонные кабели. Это, так сказать, путеводные нити, показывающие дорогу батальонам. Держась в темноте за проволоку, бойцы обойдут промоины и полыньи и кратчайшим путем достигнут исходных рубежей на том берегу. Оставшиеся пятьсот метров атакующие пробегут за десять минут огневого налета. С последними залпами наших пушек они ворвутся в траншеи противника на высоком берегу реки.

20 февраля все бойцы отдыхали. В восемнадцать часов они сытно поужинали и легли спать до утра. Лишь у двух батальонов отдых был короткий. В 23 часа их подняли, и в темноте они пошли на запад. Этому отряду лыжников выпала ответственная задач: перейти линию фронта и той же ночью ворваться в город Рогачев.

Я долго прислушивался к малейшим звукам с запада, пока на том берегу Днепра, западнее деревни Гадиловичи, не послышались беспорядочная стрельба, взрывы гранат. В небо взлетело множество ракет. В два часа ночи мы получили по радио условный сигнал: сводный отряд на лыжах находится в тылу противника и выполняет задачу.

Я вернулся в домик, чтобы немного отдохнуть. Как всегда

перед наступлением, спалось плохо; за выполнение задачи я в то время был более или менее спокоен - но, как ни закаляйся, невозможно отогнать мысль о том, сколькими безвозвратными потерями будет отмечена победа. В пять часов тридцать минут мне доложили, что получен новый сигнал - отряд подходит к Озеране.

А еще через час полки дивизий первого эшелона заняли исходное положение за рекой.

Накануне наступления к нам прибыл член Военного совета фронта генерал К. Ф. Телегин. Ночевал он на нашем наблюдательном пункте. О нем у меня сложилось такое мнение: тактичен, не всегда верит на слово, особенно много внимания уделяет партийно-политической работе и материальному обеспечению войск. Как ни был он сдержан, видно было, с каким нетерпением следит за развитием событий. Встал он задолго до рассвета.

Едва в предутренних сумерках стали неясно вырисовываться строения и деревья на правом берегу Днепра, как выстрелы из восьмисот орудий и минометов на десятикилометровом фронте слились в общий грохот. Пехота поднялась и пошла. Саперы в это время уже резали проволоку на крутом склоне берега, занятого противником. После перенесения огня в глубину стрелковые части начали преодолевать скользкую крутизну. Пехотинцы подсаживали друг друга, некоторые скатывались вниз, но снова настойчиво и упорно карабкались. И вот раздался взрыв множества почти одновременно брошенных ручных гранат и началась ружейно-автоматная стрельба.

- Овладевают первой траншеей, - сказал я К. Ф. Телегину.

На ряде участков поднялись сигналы, говорящие об овладении первой траншеей противника. Я вздохнул с облегчением и сказал:

- Уже это очень хорошо.

К десяти часам утра передний край противника с двумя-тремя траншеями и несколькими населенными пунктами на берегу реки почти всюду был занят нашими войсками. В некоторых местах они продвинулись на два-три километра. Особенно упорно противник дрался за село Кистени, превращенное в сильный опорный пункт с круговой обороной.

Дальнейшее продвижение пехоты становилось все труднее. Противник не жалел снарядов, а наша артиллерия в большинстве своем уже стреляла на пределе и не могла оказать аффективной поддержки. Часть батарей снялась с огневых позиций, с большим трудом преодолела долину реки. Теперь орудия скучились у крутого берега и не могли подняться на него. Лишь 36-й

танковый полк при помощи саперов овладел крутым берегом и с ходу атаковал Мадоры, но, встреченный организованным огнем орудий и самоходок противника, оставил сгоревшими шесть своих танков из шестнадцати и отошел в боевые порядки стрелковых частей.

Получили весть от сводного отряда лыжников. Он дошел до Рогачева, но перед самым городом высланная разведка встретилась с противником, засевшим в траншеях. Командир отряда поступил правильно: поняв, что внезапность нападения утрачена, он не стал ввязываться в неравный бой, а отвел отряд в лес и начал действовать по тылам противника. Юго-восточнее Старого Села лыжники перекрыли все дороги, идущие от Рогачева на Мадоры и Быхов, в том числе и железную дорогу, тем самым лишив фашистов путей отхода и подтягивания резервов. В течение дня отряд захватывал обозы, машины и вел бои с подходящими резервами. Наши лыжники освободили триста советских граждан, которых гитлеровцы под дулами автоматов заставляли рыть траншеи. При этом было уничтожено тринадцать фашистов-охранников.

Наступление продолжалось, несмотря на упорное сопротивление противника. Много хлопот нам доставляла вражеская авиация. Группами по тридцать пятьдесят самолетов она бомбила наши плацдармы и переправы,

За первый день боя нами был захвачен плацдарм в четырнадцать километров по фронту и до пяти километров в глубину. Но тактическая оборона противника еще не была прорвана из-за отставания нашей артиллерии, которая не смогла взобраться на крутой берег, хотя саперы за день выбросили десять тысяч кубометров грунта, прокладывая дорогу для машин и орудий. Захватили здесь и первых пленных. Они оказались из 211-й и 31-й пехотных немецких дивизий. Их опрос показал, что для противника наше наступление было неожиданным. Наша атака была столь внезапной, что находившийся в это время в Вышине командир 211-й дивизии генерал фон Хаузе бросил свою машину и ускакал на лошади.

На второй день наступления наши войска овладели населенными пунктами Желиховка, Двойчаны, Осиновка, Александровка, Мадоры. У Старого Села 41-му стрелковому корпусу удалось установить живую связь с лыжным отрядом.

На третий день наступления наши войска прорвали тактическую оборону противника, несмотря на подход его оперативных резервов 283-я дивизия 80-го корпуса, отбив шесть контратак, овладела Вриней и стыком дорог в трех километрах западнее Чернолесья; 186-я дивизия, действуя на стыке 5-й и 283-

й стрелковых дивизий, частью сил вышла к Верхней Тощице и завязала за нее бой. 336-й стрелковый полк 5-й дивизии, в ночь на 23 февраля пробравшись лесами в тыл противника и объединив свои усилия с ранее высланным сюда лыжным батальоном, утром овладел станцией Тощица. В течение дня 142-й и 190-й стрелковые полки взяли населенные пункты Большевик, Яновка, Липа, Калинин и установили связь с 336-м стрелковым полком на станции Тощица. Противник с двумя бронепоездами шесть раз контратаковал эту станцию, но вернуть ее не смог.

Большие успехи были у 40-го корпуса. Его дивизии освободили полтора десятка населенных пунктов и вышли к реке Друть. 41-й корпус тоже вышел к этой реке. Его 120-я гвардейская стрелковая дивизия завязала бой за Рогачев и ночным штурмом овладела городом.

Противник начал отводить свои силы с плацдарма на левом берегу Днепра. Заметив первые признаки отхода вражеских частей, 169-я стрелковая дивизия и 115-й УР (35-й стрелковый корпус) перешли в решительное наступление, превратившееся в преследование. К исходу дня корпус вышел к Днепру на всем своем фронте, а 169-я дивизия предприняла форсирование Днепра, чтобы атаковать Рогачев с востока.

В итоге трехдневного наступления армия очистила от противника плацдарм на левом берегу Днепра (сорок пять километров по фронту я до двенадцати в глубину), потеряв всего несколько человек ранеными, подорвавшимися на минах, захватила большой плацдарм за Днепром и город Рогачев.

Отошедший противник и подошедшие его соединения и части осели на заранее подготовленном рубеже по правым берегам Друти и Днепра.

24 февраля 80-й корпус вышел к Новому Быкову на западном берегу Днепра и, соединясь там с дивизией 50-й армии, вышел на рубеж Истопки, Горох, Долгий Лог, Красный Берег, повел бой за Хомичи. Здесь к нам прорвались из тыла противника до пяти тысяч партизан, которые влились в наши дивизии. 40-й корпус захватил небольшой плацдарм за рекой Друть и, отразив 26 контратак, удержал его. 41-й корпус тоже захватил два небольших плацдарма у Рогачева, но в результате сильных и беспрерывных контратак противника вынужден был их оставить.

24 февраля в Москве был произведен салют в честь наших войск, освободивших город Рогачев.

Узнав, что 269-я стрелковая дивизия овладела селом Близнецы на левом берегу Друти, я решил сам поехать, чтобы посмотреть, нет ли возможности форсировать реку в этом районе.

Без особых осложнений въехал в село, вышел из машины,

стал всматриваться. В четырехстах метрах был виден обрывистый правый берег. Вдруг я услышал голос начальника инженерных войск армии Б. А. Жилина. Прячась за стеной дома, он звал меня к себе. Опасность я понял только тогда, когда вокруг начали рваться мины, а над головой засвистели пулеметные очереди.

Мы успели загнать машину за ближайший дом. Жилин сказал, что дотемна выехать отсюда, вероятно, не удастся. Но, как только стрельба утихла, мы сели в машину и "газанули". Более двух километров ехали по избитой дороге, сопровождаемые близкими разрывами мин. Я убедился, что противник просматривает и обстреливает здесь все подходы и без тщательной подготовки начинать форсирование Друти здесь нельзя.

25 февраля, несмотря на решительные действия наших соединений, несших значительные потери, мы не только не имели успеха, но и оставили южную окраину села Озеране. Сопротивление противника усилилось. Пленные подтвердили, что гитлеровцы подтянули сюда большое количество свежих войск, в том числе три танковые дивизии. Вечером на собранном мною совещании после докладов начальников разведывательного и оперативного отделов и выводов начальника штаба мы приняли решение перейти к прочной обороне на всем фронте.

За четыре дня наступательных боев мы достигли немалых результатов. Форсировали Днепр, прорвали сильно укрепленную оборонительную полосу противника, захватили выгодный в оперативном отношении плацдарм размером шестьдесят два километра по фронту и до тридцати километров в глубину (этот плацдарм позднее сыграл большую роль в летней Бобруйской операции). Наши войска очистили от противника важный в оперативном отношении плацдарм на восточном берегу Днепра. Освободили город Рогачев, перерезали важную для противника железнодорожную линию Жлобин - Могилев. И наконец, мы захватили плацдарм на реке Друть. В ходе боев уничтожено свыше восьми тысяч вражеских солдат и офицеров, большое количество техники. Захвачено 18 танков, 5 самоходок, 22 бронемашины, 170 орудий и минометов, 2100 винтовок и 300 пулеметов, 102 автомашины, 240 лошадей, 63 тысячи снарядов, 80 тысяч противотанковых мин, 12 миллионов патронов и другое имущество. Взято много пленных.

Приказом Верховного Главнокомандующего от 26 февраля было присвоено наименование Рогачевских 120-й гвардейской стрелковой дивизии, 169-й и 269-й стрелковым дивизиям, 13-й зенитной артиллерийской дивизии, 40-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригаде, 554-му армейскому

пушечному артиллерийскому полку, 36-му и 160-му танковым полкам, 2-й штурмовой инженерной бригаде, 48-му отдельному моторизованному понтонно-мостовому батальону.

Итак, чтобы избежать напрасных потерь, мы решили перейти к обороне, но с этим не был согласен командующий фронтом. Он категорически требовал продолжать наступление на Бобруйск. Мы впервые разошлись во мнениях с таким авторитетным и уважаемым в войсках человеком. В дело вмешалась Москва. Ставка рассудила, что правы мы. Я побаивался, что после этого у нас с К. К. Рокоссовским испортятся отношения. Но не таков Константин Константинович. Командующий фронтом по-прежнему ровно и хорошо ко мне относился. Зная, что перед нами крупные силы противника, мы были постоянно настороже. Войска на плацдармах спешно окапывались, создавали надежную систему огня и глубину обороны. Обороняющим плацдарм за Друтью было указано, что их основная задача - не допускать вклинения противника с фронта. Обеспечение флангов было поручено войскам, оборонявшимся на восточном берегу. Через эту реку уже к 26 февраля было построено два свайных моста. Артиллерийские группы произвели пристрелку подступов к плацдарму,

Наши опасения за этот участок полностью оправдались. 1 марта после мощной и длительной артподготовки противник предпринял атаки - три днем и две ночью. Все они были отражены с большими для фашистов потерями. Между населенными пунктами Озеране и Веричев враг в двух местах врывался в нашу первую траншею, но рукопашной схваткой был выбит, оставив в траншее восемьдесят три человека убитыми и ранеными.

Весь следующий день гитлеровцы непрерывно обстреливали огнем артиллерии плацдарм и мосты. Сорок четыре "юнкерса" обрушивали на этот район свой бомбовый груз. Противник несколько раз разрушал мосты, но каждый раз наши саперы их восстанавливали. Утром немцы провели разведку боем, в которой участвовали два батальона пехоты с танками. По-видимому, противник рассчитывал, что наши войска не выдержат артиллерийской и авиационной подготовки и оставят плацдарм. Но и эта атака была отбита с большими для немцев потерями.

Вечером враг произвел особо сильную артподготовку. Огонь сосредоточивался на плацдарме по нашим первой и второй траншеям. Спустя полчаса противник перенес огонь на переправы, не допуская подхода наших резервов, и пошел в наступление пехотой. Потом заревели и двинулись танки. Не обогнав еще своей пехоты, танки включили фары, и на фоне их

света были видны густые цепи наступающих. Со своего НП - с вышки, установленной на берегу реки, я по свету фар насчитал пятьдесят танков и на этом прекратил счет. Мы наблюдали частые вспышки выстрелов наших орудий прямой наводки, слышали сплошной треск стрелкового оружия и грохот орудийной стрельбы. Море огненных всплесков переливалось над полем, где наступал противник, над плацдармом и мостами - это рвались тысячи снарядов. С тревогой вслушивались и вглядывались им в картину ночного боя. Выдержат ли защитники плацдарма такое суровое испытание?

Немецкие танки, обогнав свою пехоту, выключили свет, и наступающих цепей не стало видно. Я пожалел об этом, считал, что огонь нашего стрелкового оружия будет не столь метким и станет слабее; но треск выстрелов из винтовок, автоматов и пулеметов не слабел, а стрельба из орудий прямой наводки все нарастала.

Вдруг фары снова зажглись почти одновременно на всем участке, но это уже были отдельные и короткие вспышки света, притом в сторону противника, и в эти мгновения была снова видна его пехота, но уже отступающая. На НП раздались восклицания: "Танки повернули назад!", "Атака отбита!". Немного позднее было получено донесение с плацдарма, подтверждающее, что атака гитлеровцев всюду отражена.

От имени Военного совета армии всем защитникам плацдарма и артиллеристам, стрелявшим с левого берега, я объявил благодарность и в то же время предупредил их, чтобы готовились к отражению повторных атак.

Через два часа противник перешел снова в яростное наступление, но уже о меньшим количеством танков. Наши герои, воодушевленные предыдущим успехом, отбивали эту атаку с еще большим мужеством, и она, а также последовавшие за ней в эту ночь третья, четвертая и пятая атаки захлебнулись. Чуть забрезжил рассвет, многие тысячи глаз начали всматриваться в лежащую впереди местность. Первыми показались силуэты шестнадцати подбитых танков и самоходок, некоторые из низ еще дымились. А когда стало совсем светло, мы увидели поле, усеянное трупами фашистов.

В эту ночь лейтенант Шапкин и сержант Беляков из пушки подбили танк недалеко от нашей траншеи. В промежутке между атаками они решили взять "языка", вылезли из своей траншеи и отправились к подбитому танку, но оказалось, что из трех человек его экипажа ни один не остался в живых. Артиллеристы, забрав документы убитых, благополучно вернулись к своим, а вскоре немцы начали новую атаку. "Если бы мы чуть запоздали

вернуться, сказал Беляков, - нам пришлось бы сидеть у вражеского танка до утра".

Командующий фронтом объявил благодарность всей защитникам плацдарма. Несравнимо больше, чем за плацдарм на реке Друть, приходилось беспокоиться за основные силы армии, находившиеся за Днепром. Мы боялись, что не успеем построить высоководный мост до начала разлива. На всякий случай мы завезли за Днепр пятидесятисуточный запас продовольствия и достаточное количество боеприпасов. Усилиями мостостроителей под руководством опытнейших специалистов - начальника инженерных войск фронта А. И. Прошлякова и начальника инженерных поиск армии Б. А. Жилина - мост был построен за пять суток до паводка. Как только долина реки начала наполняться водой, на высоком мосту все время дежурили офицеры инженерной службы: следили за повышением уровня воды и за тем, как реагирует на половодье двухкилометровый мост на тысяче девятистах двадцати высоких сваях.

Когда вода подходила уже под верхнее строение моста, сваи у двух пролетов подмыло. Саперы кинулись спасать мост, но эти два пролета оторвало и вместе с людьми понесло вниз по течению. Положение осложнилось тем, что пятнадцатью километрами ниже наши войска находились только на левом берегу, а на другом был противник. Оторванный кусок моста, как плот, с громадной быстротой уносило течением к расположению врага. Вдогонку были посланы катера. Люди были сняты с плота, когда оставалось лишь четыре километра до противника... Много труда потребовалось от инженерных частей, чтобы восстановить разрушенную часть моста. Но люди победили бешеное течение реки, и мост вступил в строй.

Боясь за быховское (северное) направление, мы подобрали туда самых квалифицированных наблюдателей. В период разлива мы трижды проверяли готовность войск к отражению внезапного нападения противника. В то время мы провели много бессонных ночей. Я не раз рассказывал товарищам о событиях 28 марта 1917 года, когда немцы уничтожили наши три пехотные дивизии на плацдарме за рекой Стоход во время ее разлива. Спаслось тогда всего лишь восемь человек из двадцати пяти тысяч. Рассказывал и о марте 1942 года, как мы с генералом А. И. Родимцевым обороняли плацдарм за рекой Северский Донец, когда вешние воды залили долину шириной один километр. Немцы тогда забрасывали нас листовками, предупреждая, что будут нас купать в реке, но я говорил: "Раз они нам угрожают, то более чем вероятно, что активничать не будут. А держать ушки на макушке все равно надо".

Оберегая быховское направление, мы сосредоточили здесь сильную артиллерию, основные резервы и танки. Захваченный и удержанный нами плацдарм за Днепром сыграл громадную роль в летнем наступлении советских войск.

Мы знали, что оборона противника перед нами имеет семидесятикилометровую глубину и состоит из пяти укрепленных рубежей по рекам Добрица, Добосна, Ола и Березина. Особенно сильной была первая полоса - на реке Друть - глубиной шесть-семь километров, с тремя позициями. Перед плацдармом на Друти были доты с металлическими колпаками, плотные минные поля, проволока в три кола и мощная артиллерийская группировка. Более слабо немцы укрепили участок за рекой от села Хомичи до деревни Ректа, но здесь долина реки шириной более километра была сильно заболочена, поросла кустарником, камышом и имела много проток.

Трудно будет прорывать такую оборону, но мы настойчиво готовились к наступлению. Этим были заняты все - начиная со штаба армии и кончая батальонами. Задолго до получения директивы мы приняли предварительное решение, нарезали полосы корпусам; местность в этих полосах тщательно изучалась. Создали рельефные планы предстоящего наступления. На этих макетах проводились все занятия, сперва в армейском масштабе с высшим комсоставом, потом в корпусах и дивизиях со старшими офицерами. Регулярные занятия с решением задач на наступление велись в полках и батальонах.

Большую работу развернули политотделы, партийные и комсомольские организации. Мы добивались, чтобы не только политработники и партийные активисты, но и все командиры участвовали в агитации и пропаганде, систематически беседовали с солдатами, изучали людей, их интересы и запросы.

Самыми популярными агитаторами в ротах стали партизаны, которые многими тысячами влились за Днепром в наши дивизии. Они рассказывали о том, как тяжело жилось белорусам под фашистским игом, как измывались фашисты над местным населением. Рассказывали о том, как поднимался народ против ненавистных оккупантов. Рассказы о подвигах советских патриотов в тылу врага, о сотнях вражеских эшелонов, пущенных под откос, о разгромленных фашистских гарнизонах неизменно вызывали восхищение солдат.

Да, отважные народные мстители многое сделали для нашей победы. К нам попал интересный документ. Гитлеровское управление дорогами "Восток" доносило в Берлин: "Положение крайне напряженное. Деятельность партизан беспрерывно увеличивается и ко дню донесения возросла до ужасающих

размеров. Поддерживать движение по железной дороге больше невозможно. Из-за невозможности использовать линии вокзалы переполнены людьми. Если не принять самые решительные и всесторонние меры, которые только и могут принести результаты, движение окончательно прекратится, на перегонах Минск - Жлобин - Гомель, Брест - Лунинец - Гомель, Жлобин - Могилев - Кричев - Унеча". Учитывая особенности обороны противника на реке Друть и дальше, за тремя заболоченными речками, текущими с севера на юг, мы приняли следующее предварительное решение.

Оборону противника на фронте пятнадцать километров, включая село Озеране и город Рогачев, прорывают три стрелковых корпуса. Их задача - уничтожить противостоящие вражеские войска, а затем захватить плацдармы на Березине севернее Бобруйска. Плацдарм за Друтью у деревни Большая Коноплица мы разделили поровну между двумя правыми корпусами. Но эти корпуса, по нашему решению, должны были наступать главными силами не с плацдарма, а форсируя реку: 35-й корпус преодолевает Друть у села Озеране, с тем чтобы выйти на шоссе и частью сил обойти противника, находящегося перед плацдармом; 41-й корпус главными силами форсирует Друть левее плацдарма, наступает в западном направлении и частью сил тоже обходит вражеские части. 42-й стрелковый корпус основными силами прорывает оборону у Рогачава и наступает вдоль шоссе на Бобруйск. 80-й стрелковый корпус форсирует заболоченную часть Друти между селом Хомичи и деревней Ректа, наступает в северо-западном направлении с ближайшей задачей - выйти на шоссе Могилев - Бобруйск в целях обеспечения ударной группировки армии справа.

40-й и 46-й стрелковые корпуса и танковый корпус мы оставляли во втором эшелоне армии для развития успеха.

Тридцатикилометровую полосу между реками Днепр и Друть должен был оборонять армейский запасной полк.

Естественно, мы намеревались использовать артиллерийский корпус для обеспечения действий первых трех корпусов, прорывающих оборону.

К наступлению готовились тщательно. Много занятий проводилось в ротах и батальонах. Учились вести бой в лесисто-болотистой местности с преодолением рек, с переправой на подручных средствах.

80-му корпусу предстояло форсировать реку на участке, где долина не только заболочена на протяжении километра, но и прорезана многими протоками. Противник на этом участке имел лишь слабую оборону - считал, что здесь наступать невозможно.

Но командир корпуса И. Л. Рагуля и исключительно смелые командиры дивизии Михалицин и Коновалов рассуждали иначе. Они готовили своих людей к наступлению. В корпусе построили сто пятьдесят лодок, на которых собирались форсировать реку.

Артиллеристы во главе с генералом Н. Н. Семеновым, прекрасным знатоком своего дела, тщательно изучали огневые точки противника, анализировали данные, отсеивали ложные. Пристрелка по различным целям была произведена заблаговременно. Артиллерия, обеспечивающая первые три корпуса, имела до двухсот стволов на один километр фронта.

С громадной работой справилась тыловая служба под руководством генерала М. П. Еремина. Нужно было каждый день подвозить только одних боеприпасов тридцать вагонов, а сколько еще всего прочего для восьми корпусов и многих отдельных частей!

Высокая дисциплинированность войск особенно проявилась при сосредоточении, перегруппировках, занятии исходного положения и маскировках. Неутомимые офицеры штаба каждый день поднимались на самолете на рассвете, днем и ночью, контролировали маскировку - не видно ли где дыма костров, излишней пыли на дорогах - и всюду поддерживали порядок.

До последнего дня 46-й стрелковый и 9-й танковый корпуса мы оставляли на левом берегу Днепра; не хотелось лишним передвижением войск заронить у противника подозрение, что мы готовимся наступать. Особо трудной задачей в последние дни было скрытное размещение более трехсот орудий прямой наводки под самым носом противника.

Всю напряженную и многогранную подготовительную работу к наступлению возглавляли наши неутомимые труженики - начальник штаба армии генерал М. В. Ивашечкин, его заместитель Б. Р. Терпеловский и начальник политотдела армии Н. Н. Амосов.

В июне на 1-й Белорусский фронт прибыл из Ставки маршал Г. К. Жуков, чтобы проверить, как идет подготовка к наступлению. Он обошел весь наш передний край.

Узнав, что в нашу армию входят шесть стрелковых корпусов, а наш сосед имеет только два корпуса, маршал приказал наш левофланговый 42-й стрелковый корпус немедленно передать 48-й армии.

К тому времени нами была получена директива фронта на наступление. Она гласила: "Прорыв произвести двумя стрелковыми корпусами, основной удар наносить с имеющегося плацдарма на реке Друть. Танковый корпус и второй эшелон армии (два стрелковых корпуса) вводить на левом фланге

ударной группировки армии. Северное направление между реками Днепр и Друть оборонять усиленным стрелковым корпусом трехдивизионного состава. На Березину выйти на девятый день операции".

На совещании, созванном Г. К. Жуковым, я доложил, что решение, подготовленное штабом армии, сильно отличается от указаний командующего фронтом.

Так как перед плацдармом у противника имеются сплошные минные поля, проволока в пять-шесть рядов, огневые точки в стальных колпаках и бетоне, сильная войсковая и артиллерийская группировка и ожидает он нашего наступления именно с этого участка, мы думаем, что лучше, если здесь мы будем наступать лишь частью сил, а основными силами форсируем реку - 35-м корпусом правее, у села Озеране, а 41-м корпусом левее плацдарма.

Будет наступать и 80-й стрелковый корпус. Пойдет севернее, через заболоченную долину Друти между Хомичами и Ректой, используя лодки, сделанные частями корпуса.

9-му танковому и 46-му стрелковому корпусам указано быть готовыми к вводу вслед за 41-м стрелковым корпусом, чтобы наращивать удар на левом фланге, как предусмотрено в директиве; но они предупреждены о том, что должны быть готовыми также к возможному их вводу за 35-м стрелковым корпусом.

Для обороны северного направления между реками Днепр и Друть мы решили вместо корпуса трехдивизионного состава поставить лишь армейский запасной полк, а 40-й стрелковый корпус держать сосредоточенным и подготовленным к вводу для развития успеха. Эту часть решения мы мотивировали тем, что если противник не нанес нам удара с севера до сих пор, то, конечно, не будет его наносить и тогда, когда мы и наш правый сосед - 50-я армия - перейдем в наступление.

Выход на Березину мы планировали не на девятый день, как указано в директиве, а на седьмой.

После моего доклада был объявлен перерыв и все вышли из большого сарая, в котором проходило совещание. По нескольким резким репликам, которыми Г. К. Жуков прерывал мой доклад, было ясно, что ему сильно не нравится такое отступление от директивы фронта. Во время перерыва он подозвал к себе командира 35-го стрелкового корпуса В. Г. Жолудева, и я слышал последние слова, которыми маршал закончил разговор. Он громко произнес: "Я был о вас лучшего мнения". Потом он подозвал командира 41-го стрелкового корпуса В. К. Урбановича и закончил разговор с ним словами: "Как вижу, вы все смотрите в

рот Горбатову, а своего мнения не имеете!"

Позднее Жолудев и Урбанович рассказали, что у того и у другого Жуков очень раздраженно спросил, почему они основными силами не хотят наступать с плацдарма, а думают форсировать реку? Оба они, преодолевая некоторую боязнь перед таким большим начальником, ответили: так, как докладывал командарм, наступать лучше.

- А последние слова Жукова вы, наверное, слышали, - сказал Урбанович. Как он на нас рассердился!

После перерыва Рокоссовский спросил участников совещания, кто хочет высказаться. Желающих не было. Тогда он утвердил мое решение, добавив, что 42-й стрелковый корпус, который недавно передан нами в 48-ю армию, будет наступать вдоль шоссе Рогачев - Бобруйск, как было нами намечено по нашему предварительному решению, имея локтевую связь с 41-м стрелковым корпусом.

Маршал Жуков информировал нас об успехах на всех фронтах, дал ряд практических ценных указаний, а потом сказал:

- Где развивать успех, на правом или левом фланге, будет видно в ходе прорыва. Думаю, вы сами откажетесь, без нашего давления, от ввода второго эшелона на правом фланге. Хотя командующий фронтом и утвердил решение, я по-прежнему считаю, что северное направление нужно упорно оборонять силами усиленного корпуса, а не запасным полком. Восьмидесятому стрелковому корпусу нечего лезть в болото, он там увязнет и ничего не сделает. Рекомендую отобрать приданный ему армейский минометный полк.

Относительно нанесения основного удара с плацдарма Г. К. Жуков в своих заключительных замечаниях ничего не сказал.

Мы были вынуждены поставить в оборону 40-й корпус, хотя бы временно. Но 80-й стрелковый корпус все же наступал по нашему решению.

Перед нашим правым соседом - 50-й армией - противник еще держался на левом берегу Днепра, правый фланг этой армии находился на реке Проня, крайние левые ее части - на Днепре. Решение было принято правым соседом на основании директивы командующего 2-м Белорусским фронтом: армия наступает в западном направлении, имея два корпуса в первом эшелоне и один корпус во втором эшелоне. Мне казалось, что могло бы быть лучшее решение. Почему бы командованию 2-го Белорусского фронта не договориться с командующим 1-м Белорусским фронтом о том, чтобы корпус второго эшелона 50-й армии перевести на правый берег Днепра? Он мог бы тогда ударить во фланг вражеской группировке. При этом варианте противник на

левом берегу Днепра под угрозой окружения быстрее отходил бы, а 50-я армия имела бы меньше потерь.

Перед наступлением, как обычно, выделили день для отдыха. Все помылись, надели чистое белье.

Солдатам зачитали обращение Военного совета армии:

"...Настал и наш час громить фашистское зверье... Летное наступление Советской Армии уже началось. Наши товарищи на Ленинградском фронте успешно громят немецко-финских фашистов. Гитлеровцы дрожат, ожидая нашего удара.

Мы хорошо подготовились к этому наступлению. Осталось только полностью использовать технику. Решительно рвите оборону врага...

Военный совет армии призывает вас умножить славу советского оружия. Очистим нашу землю от немецких захватчиков - добьем раненого зверя в его берлоге.

Вперед, к славе и победе!"

В последние дни перед операцией мы отмечали большую нервозность противника, особенно перед нашим плацдармом за рекой Друть. Выло заметно, что оборону там укрепляют день и ночь, несмотря на наш огонь.

В последнюю ночь перед наступлением, как только сгустились сумерки, засветились фары наших автомашин, которые были окопаны у первой траншеи на плацдарме за рекой: бросая лучи света к востоку, они обозначали наш передний край. На восточном берегу Друти зажглись костры. Створ костров и фар обозначал путь нашей авиации и предохранял войска от бомбежки своими самолетами.

Когда настала полная темнота, мы услыхали сначала нарастающий шум нашей легкой ночной авиации, идущей поражать огневые позиции и траншеи противника. Потом к этому шуму добавился гул тяжелых самолетов дальней авиации, которую возглавлял генерал-полковник авиации Н. С. Скрипко. Наши артиллеристы изготовились для засечки результатов бомбежки. Самолеты шли волна за волной, возбуждая гордость и уверенность в победе у наших солдат и офицеров. Вскоре видны стали сотни огненных фонтанов и послышались взрывы. Всю ночь бомбила наша авиация. Артиллеристы отметили, что груз сбрасывается точно в намеченных районах.

В эту ночь под шум и грохот бомбежки наши труженики-саперы проделали сотни проходов в минных полях и проволочных заграждениях для пехоты, танков и артиллерии, работая в непосредственной близости от противника, зачастую под пулеметным и ружейным огнем.

Читатель уже знает, что мы были и оставались большими

противниками разведки боем, проводимой отдельными батальонами, особенно накануне наступления, - и не только потому, что эти батальоны почти всегда несут большие потери, но и потому, что такие действия настораживают противника и усложняют работу саперов. Главное же - такая разведка предупреждает противника о нашем наступлении и он может либо усилить угрожаемый участок за счет других, либо отвести свои войска на новые, более выгодные позиции. Но нельзя было не выполнить приказ, и единственное, что мы могли сделать, чтобы уменьшить вред, - это провести разведку боем перед самой артподготовкой. Разведка подтвердила то, что мы знали и без нее; противник решил упорно обороняться.

В три часа 24 июня командиры корпусов доложили мне, что все находятся на своих местах, проходы в минных полях и проволоке проделаны. Генерал Семенов обзванивал основные артиллерийские наблюдательные пункты, сверял до секунд все часы со своими, чтобы открыть огонь одновременно.

Вопреки моему приказу многие из генералов и офицеров в эту ночь спали мало. Но вид у всех был бодрый и торжественный.

Армейский командный пункт находился в пяти километрах от противника. М. В. Ивашечкин не мог усидеть в штабе армии и находился на вышке моего наблюдательного пункта. Он часто с нетерпением поглядывал на часы, а за десять минут до артподготовки сказал:

- Удивительно медленно движутся стрелки, особенно в последнем получасе.

- Это потому, Макар Васильевич, - ответил я, - что вы много и хорошо поработали со своими помощниками. Если бы вы не успели сделать всего, что надо, то нам хотелось бы, чтобы стрелки двигались как можно медленнее.

Сигналом к началу артподготовки был залп гвардейских минометов. Вслед за ним загремели две тысячи артиллерийских и минометных стволов. Противник был так ошеломлен, что долго молчал и лишь через час начал отвечать слабым артиллерийским огнем.

С нашего НП просматривалась вся долина реки Друть. Мы видели, как саперы под гром артподготовки, несмотря на пулеметный огонь противника, приступили к постройке мостов на заранее забитых сваях в наводили штурмовые мостики из заготовленного леса. Сигналом к атаке был повторный залп "катюш".

Поскольку наш НП находился всего в двух километрах от противника, было отчетливо видно, как дружно выскочила из окопов наша пехота и пошла ускоренным шагом в наступление,

соблюдая указанный интервал десять - двенадцать шагов вместо обычных шести - восьми. Вот через мосты прошли танки. Впереди шли танки с полуторатонными тралами, чтобы продублировать работу саперов и проделать дополнительные проходы в минных полях и проволоке. Наступление пехоты и танков надежно обеспечивалось артиллерией и штурмовой авиацией, талантливо руководимой молодым генералом С. И. Руденко.

Все наше внимание в этот момент было сосредоточено на одном: ворвутся ли с ходу наши цепи в траншеи противника или залягут перед ними? "Ворвались, ворвались!" - только и слышно было вокруг, когда мы виден ли удачу. И все люди на нашем НП тревожно, без слов, переглядывались, когда наши, хотя ненадолго, залегали. Саперы не были виновны в этих опасных заминках - они, не щадя своей жизни, добросовестно проделали проходы для пехоты и танков, но не могли обезвредить мины перед самой траншеей противника или на ее бруствере.

К исходу первого дня 35-й стрелковый корпус своим правым флангом, а 41-й левым, преодолевая сильное огневое сопротивление и минные поля, продвинулись с форсированием реки на три-четыре километра, а наступающие с плацдарма части лишь на один-полтора километра, потому что пространство перед плацдармом оказалось сплошь заминированным, и не только перед первой, но также и перед второй траншеей противника.

80-й стрелковый корпус по плану наступал на второстепенном направлении, через заболоченную долину. Но именно потому, что противник совершенно не ожидал его там, этот корпус, начав наступление всего лишь после двадцатиминутной артиллерийской подготовки, быстро продвинулся на двенадцать километров. Части 283-й стрелковой дивизии генерала В. А. Коновалова овладели сильным узлом сопротивления - селом Хомичи на левом берегу Друти.

К исходу первого дня уже была видна безошибочность нашего предположения: 1) наибольший успех одержан правее и левее плацдарма теми частями, которые наступали, форсируя реку, а не частями, наступавшими с плацдарма; 2) ставка на 80-й стрелковый корпус целиком себя оправдала; 3) вводить 9-й танковый и 46-й стрелковый корпуса решено было не на левом, а на правом фланге, то есть там, где мы и предполагали.

Продвижение в первый день могло быть значительно большим, если бы мы имели хоть немного больше танков непосредственной поддержки пехоты.

В конце первого дня было принято решение частично ввести 9-й танковый корпус на второй день наступления, чтобы во взаимодействии с 35-м стрелковым корпусом он завершил прорыв основной обороны противника и вышел на шоссе Могилев - Бобруйск.

46-й стрелковый корпус был предупрежден о том, что он вводится в сражение вслед за 9-м танковым корпусом из района Озеране в направлении Фалевичи, Толочково, река Добосна. Наши попытка продолжить наступление ночью успеха не вмела.

Второй день начался мощной сорокапятиминутной артиллерийской подготовкой. Первая полоса обороны была прорвана всюду. Плацдарм мы расширили до 35 километров по фронту и 5 - 13 километров в глубину. В этот день особо эффективно работала авиация.

К полудню я окончательно убедился, как бесцельно держать 40-й стрелковый корпус трехдивизионного состава да еще с мощным усилением для обороны северного направления между реками Днепр и Друть. Решил на свою ответственность снять его с обороны и использовать для развития наступления. Но нельзя было не считаться и с категорическим приказом: "Прочно оборонять северное направление усиленным корпусом". Пришлось поступить так: сегодня вывести из обороны и сосредоточить у села Литовичи 129-ю стрелковую дивизию, сменив ее заградотрядами; завтра вывести из обороны 169-ю стрелковую дивизию вместе с управлением 40-го корпуса, сменив ее запасным полком. Чтобы начальство не посчитало, что его мнение игнорируется, мы оставляли пока в обороне одну самую западную, 283-ю стрелковую дивизию, которая своими основными силами уже участвовала в наступлении и в овладении селом Хомичи. Ей подчинили запасной полк и заградотряд.

25 июня в приказе Верховного Главнокомандующего была объявлена благодарность войскам 1-го Белорусского фронта за прорыв обороны противника и в Москве был дан салют.

На третий день успех нашего наступления превзошел все ожидания. Несмотря на то, что противник видел сосредоточение наших сил на правом фланге, чувствовал наше стремление выйти к шоссе и подготовился к отражению нашего удара, натиск 35-го стрелкового корпуса, поддержанного бригадой танков, был таким стремительным, что противник был вынужден отступить. Наша пехота вышла на шоссе, а танкисты, выполняя поставленную им задачу, на предельных скоростях понеслись но шоссе к Бобруйску. Не давая противнику опомниться, 9-й танковый корпус без выстрела пленил все, что встретил на шоссе, включая танки, артиллерию, транспортные средства, освободил пять тысяч

советских людей, угонявшихся в Германию, в к вечеру вышел к реке Березина у Бобруйска, захватив село Титовка на стыке двух шоссе, идущих от Могилева и от Рогачева на Бобруйск. Основной путь отхода рогачевско-жлобинский группировке был отрезан. Ворваться в Бобруйск танкисты не смогли лишь потому, что мост через Березину был разрушен.

В этот день ударная группировка армии форсировала две заболоченные речки Добрица и Добосна. Ее действия обеспечивал 80-й корпус, который продвинулся на правом фланге на десять, а на левом фланге на двадцать километров, весь день отражая ожесточенные контратаки противника на шоссе.

В это время наш правый сосед - 50-я армия - теснил противника к Днепру с востока. Слева от нас медленно продвигалась вперед 48-я армия. Ее 42-й стрелковый корпус вышел к реке Добрица. За Днепром 65-я армия П. И. Батова охватывала Бобруйск с юга и юго-запада, а 28-я армия А. А. Лучинского устремлялась на запад.

Интересны показания одного пленного фельдфебеля: "Наша 20-я танковая дивизия выступила из Бобруйска по шоссе на Рогачев, чтобы остановить наступление русских, но, пройдя тридцать километров, получили уведомление, что русские танки в нашем тылу заняли село Титовка. Мы свернули с шоссе на проселочные дороги и пошли к северу, чтобы избежать окружения, но угодили в болото, где увязли не только пушки, но и танки, а те, что не увязли, попали под артогонь и бомбежку авиации. У нас началась паника, экипажи стали бросать танки, а расчеты разбегаться по кустам, бросая пушки. В этот день мы потеряли до половины личного состава и техники".

Каждый из последующих дней наступления резко отличался от предыдущих и был по-своему интересен.

Четвертый день. На рассвете 9-й танковый корпус в районе села Титовка (три километра восточное Бобруйска) попал в трудное положение: не допуская отхода противника по шоссе, он сам оказался в полуокружении - гитлеровцы наступали на него с юга и востока и обстреливали с запада, из Бобруйска. К 6 часам утра. тревожные сигналы, поступавшие из танкового корпуса, превратились в сигналы бедствия. Наши успокоительные ответы по радио не оказали нужного влияния, и сигналы поступали через каждые тридцать минут, один тревожнее другого. Мы приказали командирам 41-го и 46-го стрелковых корпусов ускорить наступление и определили им жесткие сроки для вхождения в живую связь с танковым соединением. Авиация получила задачу бомбить вражеские войска, атакующие танкистов. Но так как разрыв между стрелковыми и танковым корпусами был все же

большим, мы решили использовать еще одно во многих случаях верное средство личное общение. Решено было ехать к танкистам мне, члену Военного совета Коннову и полковнику Опарину.

Мы взяли с собой адъютантов и четырех автоматчиков, сели в два "виллиса" и добрались до шоссе, в трех километрах от которого вел бой 35-й стрелковый корпус. Ознакомившись наскоро с обстановкой у командира корпуса В. Г. Жолудева, мы на большой скорости покатили по шоссе.

Мы понимали, что подвергаемся риску, но он оказался значительно большим, чем мы предполагали. Первые пять километров мы не видели ни своих, ни немцев; на шестом километре на минутку остановились у взвода с пулеметами, выставленного 35-м стрелковым корпусом как прикрытие. Не узнав ничего нового, продолжали ехать со скоростью сорок километров в час. Увидели две группы немцев, которые, боязливо оглядываясь, спешили пересечь шоссе в северо-западном направлении. Чем дальше мы ехали, тем больше видели групп противника, все более крупных, перебегавших шоссе впереди и сзади нас. Встретили и машины с пушками на прицепе, переезжавшие шоссе. В двух местах мимо нас просвистели пули, выпущенные откуда-то из кустов. Путь в тридцать километров, который мы преодолели, показался нам бесконечно длинным. Назад не вернулись только потому, что считали возвращение по той же дороге еще более опасным. Мы напряженно вглядывались в кусты, надеясь разглядеть своих, кого-нибудь из состава танкового корпуса. На дороге стояли подбитые, еще дымящиеся немецкие танки и машины, - по-видимому, результат только что закончившегося боя. И наконец мы увидели свои танки, башни которых были обращены в нашу сторону. Удивленные и обрадованные танкисты окружили нас, подъехал командир корпуса Б. С. Бахаров с начальником политотдела. Мы обняли их, поблагодарили окруживших нас танкистов за вчерашний марш-маневр и за сегодняшнюю стойкую оборону и отправились на командный пункт корпуса. Командир корпуса удивился: "Ведь мы окружены, как вы могли проехать?" Вид у него был довольно смущенный. Вероятно, раскаивался в своих тревожных сигналах.

- Ваше положение нелегкое, - сказал я ему. - Но положение противника значительно хуже.

Глядя на танкистов, мы видели, как с их лиц понемногу исчезали озабоченность и тревога. Когда на КП мы слушали доклад о сложившейся обстановке, то в тех местах, где начальник штаба несколько сгущал краски, командир корпуса его поправлял. Трудно было сказать, как оценивалась обстановка до нашего приезда, но сейчас она выглядела невыгодной только для

противника, и это нас радовало. Я подумал: "Все-таки хорошо, что мы сюда приехали".

Несмотря на то что занятый танкистами район с трех сторон обстреливался вражеской артиллерией, мы слышали от офицеров:

- Не дадим немцам отойти!

- Расширим район обороны!

- Будем стрелять только на поражение!

Последняя реплика была очень уместна: боеприпасов у танкистов оставалось в обрез.

Мы рассказали, где сейчас находятся стрелковые корпуса армии, о том, что они успешно продвигаются вперед.

- Не позднее завтрашнего дня 41-й стрелковый корпус будет здесь.

Правда, когда я назвал этот срок, лица у некоторых вытянулись. Но я добавил, что введенная сегодня в бой 129-я стрелковая дивизия уже подходит к северной окраине Бобруйска. Вслед за ней идет 169-я стрелковая дивизия. А 65-я армия Батова обходит Бобруйск с юго-запада, и город завтра будет окружен. В результате положение танкистов уже сейчас становится значительно легче.

Связались мы по радио с командным пунктом армии, сообщили генералу Ивашечкину о своем благополучном прибытии к танкистам и о намерении сегодня же вернуться к нему. Выполнить это намерение было совсем не просто: если утром на шоссе мы видели столько групп отходящих немцев, то что же там делается теперь, когда натиск наших частей усилился? Но оставаться у танкистов мы не могли.

За завтраком генерал Коннов рассказал обо всем виденном нами на шоссе и о том, что два раза по нас стреляли из кустов. Командир танкового корпуса и его офицеры пришли в ужас. Сначала нас просили остаться до соединения с 41-м стрелковым корпусом, но, когда я решительно отказался, нам предложили прикрытие из трех танков и двух машин пехоты. Мы согласились на три танка. Распрощавшись с хозяевами, пожелав им стойкости и успеха, не без тревоги и ринулись в обратный путь. Два танка на большой скорости шли впереди нас с открытыми люками, из которых танкисты наблюдали за местностью и за нами, а один шел сзади.

На обратном пути мы видели еще больше немцев, группами и в одиночку перебегающих шоссе; некоторые из них, добежав до середины шоссе, возвращались обратно и залегали в кустах, ожидая, пока мы проедем. Иногда наши танки открывали по ним огонь. Мы немало удивлялись тому, что за весь путь нас обстреляли только в трех местах, да и то неорганизованным

огнем; по-видимому, отход противника на этом участке происходил стихийно. Однако вряд ли наше возвращение было бы таким благополучным, если бы нам не дали прикрытия.

Проводив нас до КП 35-го корпуса, танкисты вернулись к своим не задерживаясь.

Пятый день наступления был замечателен тем, что 129-я стрелковая дивизия, снятая с обороны во второй день операции, совершила за три дня марш в сто десять километров, вышла к реке Березина, форсировала ее, вошла в связь с частями 65-й армии и тем завершила окружение города Бобруйск. Только в этот день она захватила в плен более пяти. тысяч немцев из числа тех, которые просачивались в промежуток между 9-м танковым и 46-м стрелковым корпусами.

35-й стрелковый корпус форсировал реку Ольса (на которую мы должны были выйти лишь на девятый день операции по директиве фронта) и далеко перешагнул нашу правую армейскую границу, чтобы отрезать пути отхода противнику, дерущемуся перед 50-й армией. Кроме того, корпус освободил районный центр Кричев.

46-й стрелковый корпус вышел к Березине у города Свислочь, овладел исправным железнодорожным мостом и захватил плацдарм.

80-му стрелковому корпусу было приказано свернуться и следовать за 46-м стрелковым корпусом во втором эшелоне армии. 41-й стрелковый корпус вместе с 9-я танковым сжимал кольцо вокруг противника и уничтожал его.

В течение шестого дня было захвачено еще более пяти тысяч пленных и громадное количество техники. Попадая в безвыходное положение, гитлеровцы шли на любое коварство; кое-кто забывал об этом и дорого расплачивался за свою беспечность. К одному из батальонов 41-го стрелкового корпуса в сумерках подошла большая группа фашистов. В поднятых руках белые платки. Идущие впереди были без оружия и кричали: "Плен, плен!" Наши встретили их со смехом и подпустили шагов на пятьдесят. Вдруг первые ряды гитлеровцев расступились, а идущие за ними автоматчики открыли огонь. У нас были убитые и много раненых, в их числе подполковник Матвеев (умер от ран). Немцы прорвались к лесу.

Об этом случае мы немедленно оповестили все войска. Когда на следующий день группа немцев вышла на один из полков 129-й стрелковой дивизии, командир батальона, приказав подчиненным быть готовыми к открытию огня, велел гитлеровцам остановиться в трехстах метрах и переходить к батальону по десять человек. Они этого приказа не выполнили,

бросились в разные стороны, но батальон открыл огонь. Из четырехсот человек никто не ушел. От захваченных в плен узнали, что это была та самая часть, которая накануне воспользовалась доверчивостью подполковника Матвеева.

В этот же день командир немецкого 35-го армейского корпуса фон Лютвиц прорвался из окружения во главе группы в шесть тысяч человек с танками и артиллерией, выбил наш полк из поселка Октябрьское и двинулся к северу, но был снова окружен. В решительной схватке половина его отряда была уничтожена, а другая половина вместе с генералом попала к нам в плен.

На другой день я проезжал по железнодорожному мосту через Березину, приспособленному противником для автотранспорта, и был поражен увиденной картиной: все поле около моста усеяно телами гитлеровцев - не меньше трех тысяч. Здесь группа фашистов пыталась вырваться из окружения. Больше всего мертвых поблизости от моста, который прикрывали зенитчики майора Панченко. Противник много раз атаковал мост, но взять его не смог.

Я изменил маршрут двум дивизиям, которые шли на переправу севернее, я приказал им идти через этот мост. Я считал, что пройденные пехотинцами лишние пять километров сторицей окупятся моральным эффектом: пусть люди своими глазами увидят тысячи убитых врагов и сами оценят подвиг товарищей, дравшихся на этом направлении.

К исходу седьмого дня наступления 35-й стрелковый корпус, форсировав реку Березина и обойдя город Березино с юга, продолжал продвигаться на север и в двух местах перехватил шоссе Могилев - Минск (хотя оно было в двадцати километрах за нашей правой границей), отрезав основной путь отхода противника, дерущегося перед 50-й армией и 2-м Белорусским фронтом.

40-й стрелковый и 9-й танковый корпуса успешно продвигались на запад, отрезая большие группы противника.

80-й стрелковый корпус очищал лесные массивы от оказавшегося в нашем тылу противника и захватил много пленных, вооружения, техники.

В этот день Верховным Главнокомандующим была объявлена благодарность войскам за освобождение Бобруйска.

Через неделю был получен приказ о присвоении наименования Бобруйских нашим 108, 250, 348-й стрелковым дивизиям, 9-му танковому корпусу (всем его бригадам) и 313-му гвардейскому минометному полку.

Наступление 3-й армии завершилось захватом юго-восточной части Минска. Остальную часть белорусской столицы освободили

войска 3-го Белорусского фронта.

За десять дней наступления мы прошли с тяжелыми боями двести километров.

Мы продолжали теснить противника на запад. Теперь он оказывал упорное сопротивление лишь на выгодных ему рубежах и у важных объектов, поэтому мы продвигались вперед со скоростью двадцать пять - тридцать километров в сутки, выделив от каждой дивизии по усиленному полку в передовые отряды, и вели параллельное преследование.

На следующей неделе директивой Ставки 3-я армия была передана из 1-го Белорусского фронта во 2-й Белорусский. Нашим правым соседом стали войска 3-го Белорусского фронта.

2-й Белорусский фронт был в последние дни целиком занят ликвидацией окруженной орша-могилевской группировки, и для того чтобы он участвовал в дальнейшем наступлении, ему и передали нашу армию. Это было тем более оправданным решением, что к моменту передачи наша армия наступала между 3-м и 1-м Белорусскими фронтами, а своим вторым эшелоном или резервными дивизиями вела бои с противником, который оказался в нашем тылу и теснился войсками 2-го Белорусского фронта.

Распоряжением 1-го Белорусского фронта в тот же день были выведены из состава нашей армии 9-й танковый корпус, 46-й стрелковый корпус (трехдивизионного состава) и управление 80-го стрелкового корпуса с одной дивизией.

Первым следствием передачи нашей армии другому фронту был острый недостаток во всем необходимом, начиная от боеприпасов, горючего и смазочных материалов и кончая продовольствием, так как наступательные бои продолжались, а подвоз на время перебазирования прекратился. Если от нерегулярности подвоза нередко случались большие трудности и в обычных условиях, то они не могли не стать много ощутимее в это время; надо к тому же принять во внимание, что еще не были ликвидированы группы противника в нашем глубоком тылу.

Мы послали командованию 2-го Белорусского фронта полное тревоги донесение и одновременно дали строгие указания командирам корпусов и дивизий, - не надеясь на улучшение подвоза в ближайшие четыре дня, шире использовать трофейные боеприпасы (исправных захваченных орудий, минометов и стрелкового оружия было болите чем достаточно), горючее и смазочные материалы отпускать только для машин, перевозящих орудия, минометы и боеприпасы, взять под строгий контроль продовольствие, чтобы каждый грамм положенного солдату попадал только в его желудок.

В эти дни были захвачены пленные из подошедших новых соединений противника, в том числе из 12-й танковой дивизии; они сказали, что 28 июня их дивизия выгрузилась в двадцати километрах северо-западнее Осиповичей с задачей обороняться на Березине, но, не успев туда дойти, вступила в бой и понесла большие потери. Пленные показывали, что на реку Сервич прибыли новые подкрепления и дальше этой реки отступать не приказано.

Штаб армии предупредил командиров соединений, что на ближайших рубежах противник постарается нас задержать, попытается контратаковать на марше, ночевке или привале. Беспечность поэтому недопустима. Между тем в последнее время (вследствие того что противник сопротивлялся слабо и наши войска быстро продвигались) маршевая дисциплина понизилась: артиллерия, минометы и даже пулеметы иногда перемещались отдельно от пехоты, а некоторые батальоны шли просто толпой; бывали случаи, когда разведка и охранение на марше и на месте остановок не высылались, причем командиры это объясняли усталостью людей, а также надеждой на то, что противник не нападет, тем более что впереди шли армейские передовые отряды. К рекам и выгодным для обороны рубежам соединения и части подходили, зачастую не задумываясь о том, как обеспечить их захват. Командование армии напомнило, что это может привести к печальным последствиям: враг еще не добит, он крайне озлоблен и от него можно ждать любого коварства.

Я приказал командирам на марше находиться в голове своих колонн, систематически проверять дисциплину. В хвосте батальонов иметь наблюдающего за порядком дежурного офицера. На повозках везти только больных или раненых. Разведку и охранение должны инструктировать сами командиры, указывая способы и варианты действий. Начальникам штабов осуществлять контроль за службой обеспечения. На ночевках и привалах кроме разведки и охранения иметь дежурное подразделения в полной боевой готовности и назначать сборные места. На внезапные нападения отвечать только активными действиями. Рекомендовалось делать на марше регулярные малые привалы и один большой, особенно при суточных переходах на двадцать пять - тридцать километров. Усиленное внимание обращать на личную гигиену солдат, особенно на регулярное мытье ног и стирку портянок, правильное обертывание ног портянками.

Пусть этот приказ не покажется современному читателю преувеличением, к которому я считал тогда нужным прибегнуть, чтобы резче обрисовать недостатки и не допустить ни малейшего

ослабления дисциплины. Нет, в различные периоды войны и в различных видах боя возникают свои опасности и трудности. В это время нам приходилось считаться с теми недостатками, которые порождены были огромными успехами после долгих боев, потребовавших от всего личного состава невероятного напряжения воли и всех душевных сил. "Размагничивание" могло очень плохо сказаться на дальнейшем ведении войны.

Предупреждая командиров о соблюдении осторожности, мы не ошиблись: на реке Сервич противник оказал упорное сопротивление. Правда, и здесь оборона его была вскоре прорвана. Первыми форсировали реку гвардейцы 120-й дивизии в ночном ожесточенном бою, вынудив противника на рассвете к общему отходу. В этом бою командир дивизии Ян Янович Фогель был, как всегда, впереди. Всегда ему сопутствовало военное счастье, а в этот раз он получил тяжелое ранение и скончался. Это была большая утрата. Мы потеряли старого большевика, прекрасного, всеми уважаемого командира. Товарищ Фогель был похоронен с подобающими почестями в районном центре Дятлово.

При занятии населенного пункта Дворец 8 июля особенно отличилась 269-я стрелковая дивизия под командованием генерала А. Ф. Кубасова, которая в этот день, совершив марш в шестьдесят пять километров, захватила мост через реку целым и, несмотря на яростные контратаки противника, удержала его.

Отряд 1901-го самоходного артполка, состоявший из семи самоходок и нескольких машин со стрелками, шел по дороге лесом, обходя противника, отступающего на Новогрудок. Отрядом командовал подполковник Т. Ф.Зирка. Как только отряд углубился в лес у деревни Рудка, он был обстрелян плотным пулеметным огнем с двух бронетранспортеров. Командиры в отряде, бывшие всегда начеку, немедленно организовали ответный огонь самоходок. Вступили в бой и соскочившие с машин стрелки. После короткой перестрелки самоходки оставили дорогу и по редкому лесу пошли на противника; вслед за ними поднялись и стрелки. Немцы не ожидали контратаки и стали поспешно отходить. Наш отряд преследовал их по пятам. В результате этой стычки противник оставил 5 орудий (которые так и не успели открыть огонь), 2 бронетранспортера, 45 автомашин и 145 трупов. Мы потеряли убитыми двух человек, в том числе комсорга полка Давтяна, и одного раненым.

Лишь 10 июля была окончательно разгромлена окруженная в нашем тылу группировка противника, которой командовал генерал Фолькерс.

Хотя наступление еще продолжалось, мы могли уже подвести

его некоторые итоги. За семнадцать дней армия продвинулась за триста пятьдесят километров, форсировала Березину и Неман, вместе с соседями овладела городами Бобруйск и Минск, освободила пять тысяч населенных пунктов, в том числе районные центры Червень, Духовичи, Руденск, Негорелое, Столбцы, Новогрудок, Новоельня, Дятлово, Кареличи, Городище, Дворец.

Громадные потери были нанесены многим соединениям противника, в том числе его 6, 12, 31, 35, 36, 45, 78, 134, 286, 29, 383-й пехотным дивизиям, 12, 18, 20-й танковым дивизиям, 511-му полку связи, 17-му аэродромному полку и ряду частей усиления. Захвачено было 27 900 пленных. В качестве трофеев в наши руки попало 92 танка и самоходных орудия, 482 артиллерийских орудия, 549 минометов, 2279 пулеметов, 13 104 винтовки и автомата, 31 тягач, 1310 автомашин, 4715 лошадей, 2900 повозок с различными грузами.

По директиве фронта армия на девятый день наступления должна была выйти на реки Ольса и Березина; эту задачу мы выполнили на пятый день, а на десятый были уже в Минске.

Такие темпы наступления объясняются героизмом и боевой выучкой солдат, инициативой и решительностью офицеров, умелой организацией воспитательной работы. Сказалось, конечно, и то, что командование армии смогло отстоять и осуществить свое решение, которое более соответствовало сложившейся обстановке, чем рекомендации штаба фронта.

Общему успеху наступления армии способствовало наличие плацдарма на правом берегу Днепра, который был захвачен зимой по нашей инициативе. Если бы мы начинали наступление с левого берега, то все было бы намного сложнее.

И наконец, огромную помощь нам оказали партизаны Белоруссии. Множество их бригад, отрядов и групп сковывали противника в его тылу, срывало его перевозки, содействовали нашим войскам в форсировании рек. Влившись в ряды нашей армии, партизаны не просто ее пополнили, а умножили ее героизм.

Когда мы выходили на западную границу Белоруссии, наша радость была омрачена новой утратой: был убит командир 35-го стрелкового корпуса Виктор Григорьевич Жолудев. (Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза.) После освобождения города Волковыск наиболее плотная группировка противники окопалась перед правым флангом нашей армии, где находился корпус генерала Жолудева, поэтому корпус отставал от общего продвижения. Рано утром 28 июля я вызвал к телефону Жолудева, информировал его о том, где находятся дивизии 40-го

и 41-го корпусов, и спросил, как обстоят дела у него.

- Плохо, - с горечью ответил он.

- Не отстают ли командиры дивизий и полков от боевых порядков? - спросил я.

- Как будто нет.

- Выезжаю к вам, - сообщил я.

Когда я прибыл в штаб корпуса, мне доложили, что генерал Жолудев убыл в 323-ю дивизию. Уточнив маршрут, я поехал следом за ним, сначала на КП этой дивизии, потом на НП, который был оттуда в одном километре. Там происходили спешные сборы к перемещению, и не напрасно: с этого НП видимость была очень ограниченной. Командир корпуса и командир дивизии стояли у машин, готовые к выезду. Я не стал задерживать их, лишь спросил: знают ли они дорогу ко вновь выбранному НП, имеется ли там связь? Мне ответили утвердительно. Командир корпуса, оставив свою машину, поехал впереди с командиром дивизии, а я - за ними. Отчетливо выраженных дорог не было, местность пересеченная; мы сперва ехали полевой, затем лесной дорожкой на запад. Потом машина, идущая впереди, повернула, проехала немного на юго-запад по несколько лучшей дороге и свернула на север. Мне стало ясно, что дороги к новому КП комдив не знает; на остановке я слышал, как командир корпуса упрекал его за это. Я следовал, однако, за ними, не вмешиваясь в спор, опасаясь их смутить и тем самым окончательно запутать.

Когда мы выехали на хорошую полевую дорогу, справа от нас было поле, слева - лес; у дороги стояли три отдельных дома, а в полутора километрах перед ними находилась невысокая, но широкая пологая высота, куда мы и держали свой путь.

Мне показалось подозрительным, что на склоне высоты, обращенном к нам, не видно ни людей, ни повозок, ни огневых позиций. Я приказал своему шоферу догнать переднюю машину и тихонько посигналить, чтобы сидящие в ней оглянулись. Когда мы подъехали ближе, я громко, чтобы там слышно было, сказал:

- Не останавливайтесь, продолжайте ехать, но тихо. Слушайте меня внимательно. Вы не знаете, куда едете. Я буду считать до трех. По счету "три" быстро соскакивайте все с машины и бегите за дом.

Своему шоферу я сказал:

- Как соскочим, быстро развернись и уходи назад, за бугор.

У третьего (последнего) дома Жолудев, Маслов, я и наши адъютанты выскочили по моему счету из машин и скрылись за домом. В тот же момент по нас открыли огонь из трех пулеметов и десятка винтовок. Оставленная на дороге машина комдива вся

была продырявлена как решето. Моя машина уходила на большой скорости, прикрытая клубами пыли, как дымовой завесой. Пули летели вдоль дороги, цокали о разбитую машину, застревали в стенах дома.

Противник был в двухстах метрах от нас в хорошо замаскированной траншее. Ясно было, что три пулемета были уже нацелены на наши машины на случай их остановки и, несомненно, расстреляли бы нас, если бы мы пытались повернуть назад, а если бы мы проехали вперед еще с полминуты, то попали бы в руки противнику.

Мы семеро стояли за домом. Стрельба не прекращалась. Дом был пуст.

- Куда вы нас везли? - спросил я мертвецки бледного генерала Маслова.

Он не ответил, только бледность на его лице сменилась краской стыда.

За него сказал Жолудев:

- Я говорил, что едем не туда.

Все было понятно. Наши дивизии наступали по отдельным направлениям, не имея сплошного фронта; мы попали в промежуток между дивизиями.

Наших войск не было видно, противник мог сделать вылазку из своей траншеи, чтобы пленить нас, - нельзя было медлить и оставаться за этим домом. Но что делать? Как выйти из-за укрытия и не быть тут же убитыми?

Мы решили доползти по ржаному полю до дома, который был от нас в двухстах метрах, а потом до следующего, что был за ним метрах в полутораста. Ползти надо было в невысокой ржи по-пластунски, плотно прижимаясь к земле.

Было жарко. Мокрые от пота, мы, подгоняемые страхом, ползли, забывая усталость, и все время слышали выстрелы, хотя уже не прицельные. Мы были метрах в двадцати пяти от второго дома, но нас отделяла от него полоска пашни, по которой ползти бесполезно. Мы сделали передышку, изготовились к перебежке и одновременно оказались за домом; противник нас заметил поздно. Таким же образом мы перебежали и за следующий дом. Мы были уже в полукилометре от противника - боязнь быть плененными отпала, но не отпала опасность быть убитыми. Оставалось преодолеть еще пятьсот метров, чтобы добраться до леса или скрыться за бугром. Это было тоже нелегко: мы должны были подниматься в гору на виду у противника. Решили идти, но быстро и зигзагом, взяв большой интервал один от другого. После небольшой передышки пошли. По нас стреляли из пулеметов, потом ударили из пушки и минометов: наверное, немцы поняли,

какая крупная добыча уходит, - может быть, они различили красные лампасы у троих.

Генералов Жолудева и Маслова потянуло к выдающемуся в нашу сторону углу леса, хотя я и пытался их остановить, говоря, что опушка, вероятно, противником пристреляна. Мы с адъютантом продолжали идти по полю, чтобы скрыться за гребнем высоты. Как только наши товарищи стали подходить к лесу, послышался артиллерийский залп, а потом мы увидели десять - двенадцать разрывов у опушки. Рослый генерал Жолудев был подброшен взрывом. Я понял, что случилось непоправимое несчастье.

Когда мы оказались невидимыми противнику и огонь прекратился, я послал адъютанта И. А. Галушко на угол леса узнать, что произошло. Моя машина была прострелена в нескольких местах, но шофер остался невредим. Я следил за адъютантом. Увидев, что он остановился у опушки и машет руками, я сел в машину и поехал к нему. Предчувствие меня не обмануло - мы нашли убитого Жолудева и контуженого Маслова. Их адъютанты и шофер помогли положить в машину тело Жолудева, посадить Маслова, и мы медленно поехали в штаб 323-й стрелковой дивизии.

Жолудева и подорвавшихся в тот день на минах заместителя командира 348-й дивизии полковника Праслова, командующего артиллерией 40-го стрелкового корпуса полковника Медведева и помощника начальника разведотдела корпуса майора Шеймовича похоронили в Волковыске. Именем Виктора Григорьевича Жолудева названа главная улица этого города. Двое суток продолжались бои за Белосток, которым мы овладели 27 июля, а 30-го мы уже продвинулись западнее города на двадцать километров к верхнему течению реки Нарев.

Этот наш маневр вызвал немало толков. Через довольно значительное время, прошедшее после него, когда среди других операций разбирали и эту, полковнику Беляеву, командовавшему полком, который сыграл в маневре большую роль, задали вопрос:

- А не страшно нам было лезть к Белостоку в такую узкую щель?

- Если отвечу "не страшно", вы мне все равно не поверите. Конечно страшно. Но мы верили в удачу.

Один из наших самых расчетливых генералов, без колебаний осуществивший план этой рискованной операции, потому что считал ее продуманной, сказал:

- А мы вообще в 3-й армии любим действовать так: более слабой рукой схватить и держать противника за грудь, а кулаком сильной руки стукнуть его в ухо или по затылку. Так и в

Белостоке всего один полк зацепился за окраину, а две дивизии, не имея с ним тактического соприкосновения, прорвали фронт севернее города я ударили по врагу с тыла. Мы этим и город избавили от уличных боев, и потерь понесли меньше.

Действительно, брать Белосток в лоб значило бы затевать очень трудное и кровавое дело. Оборона перед городом состояла из трех траншей, одной из которых он был обведен вокруг. За двое суток по нашим частям было выпущено пятнадцать тысяч снарядов и мин. Что сделал полк Беляева? На узкой полосе он прорвал все три траншеи, проник на юго-восточную окраину Белостока, удержал ее и привлек к себе все внимание противника. Пользуясь этим, дивизии Никитина и Маслова обходным движением проникли в тыл, захватили двадцать восемь орудий, сразу лишив противника артиллерийской поддержки. Успеху этой операции, редкой по быстроте темпов, очень помогла авиация, руководимая генералом К. А. Вершининым.

С каждым днем наступать становилось труднее; после освобождения Минска мы прошли за двадцать дней двести километров, а за следующие тридцать семь дней, преодолев в напряженных боях предполье с девятью хорошо оборудованными оборонительными рубежами, продвинулись лишь на сто двадцать километров. Какое значение враг придавал этим последним перед Наревом рубежам, можно судить по приказу, с которым командующий группой армий "Центр" генерал-фельдмаршал Модель обратился к своим войскам:

"Враг стоит у ворот Пруссии!.. Наши армии, сражающиеся на западе и юге в таких же условиях, как мы, ждут от нас, что мы удержим предполье и не допустим врага на немецкую землю... Теперь ни шагу назад. Никаких колебаний. Каждый на своем месте должен сделать все, что от него зависит".

Наши малочисленные дивизии прошли от Бобруйска до Нарева более шестисот километров. Это был большой боевой успех, и он получил достойную оценку. За Бобруйскую операцию более тридцати трех тысяч солдат, сержантов и офицеров 3-й армии были награждены орденами и медалями.. Все дивизии армии стали Краснознаменными, некоторые были удостоены орденов Суворова и Кутузова. Войска армии получили пять благодарностей Верховного Главнокомандующего.

Глава девятая. Ветер Победы

Шестого сентября войска армии вышли к реке Нарев и штурмом овладели крепостью и городом. Остролецка. В тот же день дивизии попытались форсировать с ходу реку, но всюду встретили организованное сопротивление и вынуждены были

вернуться на левый берег. В это время правый сосед - 49-я армия - вышел на Нарев северо-восточнее нас и перешел к обороне, а левый сосед - 48-я армия вышел к реке южнее и захватил плацдарм в восемь километров по фронту и до четырех в глубину.

В тот же день был получен приказ командующего фронтом форсировать Нарев назавтра.

Все дивизии в полосе армии были развернуты с большой плотностью у города Остроленка. Поскольку дорога была каждая минута, я, бегло взглянув на карту, наметил район для форсирования севернее крепости Рожан и дал предварительные указания на сосредоточение пяти из девяти дивизий в этом районе. Вызвал туда командиров трех корпусов и шести дивизий и сам выехал к тому месту с начальником штаба и начальниками родов войск.

Наскоро была произведена рекогносцировка и уточнено принятое решение, даны устные приказы, выслушаны решения командиров корпусов и дивизий, увязано взаимодействие. Чтобы лучше подготовиться, я перенес начало форсирования на 8 сентября. Один день дал командирам дивизий на проведение рекогносцировок с командирами полков и батальонов, а саперам - на обеспечение форсирования, подготовку проходов в минных полях и проволочных заграждениях противника.

Вечером 6 сентября доложил командующему фронтом генералу армии Г. Ф. Захарову, что сделано по его приказу. Я подчеркнул трудности, которые нам предстоят. В руках противника на правом берегу крепость и город Рожан. Враг на этом направлении имеет плотные группировки сил и средств; предполье в пятнадцать - двадцать километров перед Наревом мы преодолевали пять суток. В такой обстановке мы вышли к реке, не имея даже полка в резерве армии. А противник успел завершить планомерный отход и занял подготовленную позицию на том берегу.

С нашего берега можно видеть в обороне противника две сплошные траншеи, а местами и третью, проволочное заграждение в три, а местами в четыре-пять колов. Там, где мы пытались форсировать реку, всюду были минные поля, организованная оборона и плотный огонь; глубина обороны нам неизвестна, так как с наблюдательных пунктов просматривается лишь берег реки, а данные фотографирования, проведенного в первой половине августа с воздуха, устарели.

Мы сделали все необходимое на основании приказа; только начало форсирования я отложил на сутки, потому что соединения в одну ночь не могут занять исходное положение. Но форсировать такую реку, в спешке прорывать подготовленную оборону; даже

не обеспечив войска боеприпасами, я считал нецелесообразным. Мое предложение - отложить форсирование, пока не укомплектуем наши дивизии хотя бы до пяти тысяч человек; если же пополнения получить нельзя, то дать соединениям возможность лучше изготовиться, изучить противника и его оборону - на это потребуется не менее пяти - семи суток. Командующий выслушал меня, но на форсировании настаивал. Против того, чтобы начать его 8 сентября, он не возражал.

6 сентября приказом Верховного Главнокомандующего была объявлена благодарность войскам нашей армии за освобождение города и крепости Остроленка. В тот же вечер командующий перенес начало форсирования на 11 сентября, а потом отложил и на 14-е. Мы, конечно, были этому рады и работали с особой энергией, изучали противника, его поведение, оборону, "подчищали" наши тылы, чтобы как-то укомплектовать стрелковые роты двухбатальонных полков. Старшие офицеры готовили младших, а младшие учили сержантов и солдат. Напряженно работал транспорт, так как норму боеприпасов на проведение операции нам увеличивали втрое.

С 12 сентября мы начали получать пополнение - в даже в большем количестве, чем мы ожидали. И в тот же день поступило указание отложить форсирование приблизительно до 1 октября.

Получив в свое распоряжение восемнадцать суток, мы тотчас приказали всем начальникам организовать регулярные занятия со всеми категориями личного состава по семи часов в день, создать в полках третьи батальоны, а в батальонах - третьи стрелковые роты.

В обороне оставили лишь три дивизии, по одной от каждого корпуса, а остальные вывели во второй эшелон. Дивизии первого эшелона оборонялись системой опорных пунктов; в каждом из них находился усиленный взвод, промежутки между ними простреливались огнем ручных пулеметов. (В те дни мною была написана специальная брошюра о службе в опорном пункте.) Передовые дивизии отрабатывали варианты обороны. Служба наблюдения велась закрепленными за сектором наблюдателями, добытые данные ежедневно обобщались и сличались с данными других видов разведки. Авиация фотографировала, уточняла расположение батарей противника, засеченных нашими артиллеристами. Шесть дивизий второго эшелона готовились к форсированию.

Большую работу проводила служба тыла, возглавляемая генералом М. П. Ереминым. Создавались необходимые запасы для наступления; освобождались от раненых и больных госпитали: вылечившихся направляли в части, а требующих более

длительного лечения - в глубокий тыл; проводили санобработку и одевали солдат пополнения; заготавливали теплую одежду к зиме; ремонтировали дороги.

Говоря о воинах тыла, нельзя не сказать о наших девушках. Их в нашей армии служило немало. Все они пришли на фронт добровольно, в преодолении трудностей боевой службы не уступали солдатам-мужчинам, а на таких работах, как санитарная или связь, регулировка движения, хлебопечение, канцелярские дела, были просто незаменимы.

Взять хотя бы 169-ю стрелковую дивизию: в ней было более двухсот девушек. Часто приходилось слышать восхищенные отзывы об их отваге и умелой работе, 117 из них уже были награждены орденами. Девушки, пришедшие к нам в армию из партизанских отрядов, не только хорошо работали, но и были отличными агитаторами.

Многие из нас, командиров, очень виноваты перед девушками за то, что мало заботились о них, об их отдыхе, о подходящем обмундировании, мало с ними беседовали. А эти девушки под пулеметным огнем выносили раненых, в пургу и мороз стояли на перекрестках дорог, указывая проезжающим дорогу, по две смены подряд месили и выпекали хлеб, сутками дежурили без сна у раций или телефонов.

В сентябре к нам в армию поступило шестнадцать тысяч человек. Здесь были и вернувшиеся из госпиталей, и бывшие партизаны, и молодежь, мобилизованная в освобожденных нами областях. Ко всем этим людям требовался особый подход.

Солдаты, прибывшие из госпиталей после излечения, по боевой выучке и настроению не отличались от основного ядра дивизий и вместе с ним являлись тем цементом, который помогал сплачивать подразделения. Многие из этих людей были уже в летах и не раз ранены. Казалось, можно было в этой группе ожидать жалобы на усталость, на болезни, раны; но, как ни странно, таких настроений здесь не отмечалось, - бойцы хотели расправиться с врагом в его берлоге, отомстить ему за все содеянное, в том числе за свои раны.

Партизаны были тоже народ в полной мере надежный и смелый. Но из них многий не служили в армии, и даже те, кто служили, долго пробыв в партизанских отрядах, привыкли к другому способу действий. В их отрядах была дисциплина, но не та, какая нужна армии. Из этого и вытекала необходимость учить их способу действий регулярных войск и воспитывать у них армейскую дисциплинированность.

Третью группу составляли вновь мобилизованные. Многие из них никогда в жизни не держали в руках винтовку. Немало надо с

ними повозиться, пока они станут настоящими солдатами. Были среди пополнения и люди, совершившие в своей жизни не одну серьезную ошибку. Тут можно было встретить и таких, которые служили у немцев полицейскими, старостами, обозниками, шоферами. Эта группа требовала особой воспитательной работы.

А на подготовку новых бойцов мы имели всего восемнадцать суток.

Были у нас и другие большие заботы. Мы находились в той части Польши, которую гитлеровцы называли "территорией государственных интересов Германии". Фашистская пропаганда долго и разнузданно клеветала на Советский Союз, пытаясь разжечь в поляках ненависть к нашим людям. Но потуги ее оказались тщетными. Местное население встретило нас доброжелательно, особенно крестьяне, которых в годы оккупации немцы облагали большим налогом, отобрали у многих землю и сделали батраками у помещиков. Поляков притесняли политически, угнетали в национально-культурном отношении, угоняли на работы в Германию, сжигали их села, если подозревали, что там есть партизаны, арестовывали и расстреливали "подозрительных лиц", то есть патриотов.

Поляки верили заявлению Советского правительства о том, что советские войска вступают в пределы Польши, преисполненные одной решимостью: разгромить гитлеризм и этим помочь польскому народу восстановить его независимость. Верило нам большинство, но не все, некоторые были насторожены. Пожалуй, больше немецкой здесь вредила враждебная Советскому Союзу злостно клеветническая пропаганда реакционного эмигрантского центра в Лондоне.

Офицерам нашей армии, несмотря на то что им доставало дел в войсках, пришлось вести работу и среди местного населения. Устраивались беседы, митинги, демонстрировались кинокартины, распространялась газета Люблинского комитета "Вольна Польска". Поляки охотно принимали участие во всех политических обсуждениях и раскупали газету на родном языке; встречались только трудности с оплатой, так как здесь еще не было польской монеты.

Думаю, политическую работу было легче проводить на люблин-варшавском направлении, где дислоцировались и принимали участие в боях плечом к плечу с соединениями Советской Армии воины союзного нам Войска Польского. Сам факт прихода прекрасно вооруженной, обмундированной в национальную форму возрожденной польской армии вызывал у населения энтузиазм; ведь гитлеровцы заявили, что поляки как нация, имеющая свое государство, исчезли с лица земли навсегда.

У нас было сложнее, потому что в нашем районе осталось больше реакционных старых чиновников в разного рода прислужников бывших властей и помещиков. Они сопротивлялись демократизации Польши, саботировали распоряжения Временного польского правительства,

Самая зажиточная часть местного населения, по рассказам, недурно ладила с немцами. Эти люди держались обособленно, в разговоры с русскими не вступали, прятали скот и хлеб, чтобы уклониться от поставок Войску Польскому и ничего не продавать нам. Появились и спекулянты - они плодятся всегда и везде, где ощущаются экономические затруднения.

Необходимо было вести широкую разъяснительную работу в наших войсках, чтобы не допустить неправильной оценки отдельных нездоровых фактов и настроений, с которыми мы здесь встретились, чтобы наши люди не поколебались в своих взглядах и ни на минуту не забывали: все эти печальные явления результат политики той эксплуататорской верхушки, которая одинаково враждебна труженикам всех народов.

Как ни заняты мы были подготовкой к наступлению, в нашу политическую работу неизменно включалась и эта сторона - воспитание солдат в духе пролетарского интернационализма, укрепление дружбы с местным населением. Мы всячески поощряли помощь наших войск заселению. Солдаты помогали крестьянам в уборке картофеля и в других сельскохозяйственных работах. В труде люди лучше всего учатся понимать и уважать друг друга. Случалось нам не раз выручать поляков продовольствием или транспортом. Все это сближало местное население с советскими солдатами, укрепляло их дружбу.

Не могу не вернуться несколько назад и не рассказать, как я однажды совершил поступок, который был признан более чем сомнительным.

Находясь в глубоком тылу армии, в одной из частей, размещенной в прекрасном сосновом бору, я услышал рассказ офицера, уроженца Донбасса, только что получившего письмо от отца. Отец писал о горе шахтеров, вернувшихся домой после ухода немцев, описывал, как ходили шахтеры по развалинам шахт, по пепелищам своих поселков. Отец офицера, проработавший на шахте сорок лет, писал: "Сейчас самая большая трудность в восстановлении шахт заключается в остром недостатке крепежного леса. Лес к нам прибывает, но очень мало, так как с севера идут железнодорожные составы с другим грузом, еще более необходимым".

- Так напиши отцу, - сказал я, - пусть приедет сам или пришлет кого-нибудь к нам за лесом. Видите, сколько здесь леса?

Будем рубить, будем грузить уходящий от нас порожняк и тем облегчим горе шахтеров.

Окружающие поддержали мое предложение, а офицер сказал: "Сегодня же напишу отцу".

За множеством дел я забыл этот разговор. Вспомнил о нем лишь тогда, когда мне доложили:

- Прибыла делегация из Донбасса.

Через минуту передо мной, вытянувшись по-солдатски, стояли три делегата. Двое из них были убеленные сединой кондовые шахтеры, десятки лет тяжелого труда оставили на их лицах глубокие морщины; третий был значительно моложе.

Я усадил их на табуретки, пригласил к себе члена Военного совета генерала Коннова, предложил делегатам закурить (сам я никогда не курил, но для особо симпатичных посетителей у меня всегда имелась пачка хороших папирос), попросил жену - она сопровождала меня по фронтовым дорогам - приготовить нам чай и завтрак.

Когда пришел товарищ Коннов, я познакомил его представителями Донбасса двумя рабочими и инженером, пригласил всех в столовую, познакомил там "повариху" - мою жену - с гостями, предложил ей зачислить их на довольствие, включая 100 граммов "жидкого топлива".

За завтраком гости рассказали о положении в Донбассе, об энергии, с какой советские люди взялись за восстановление разрушенного, несмотря на скудный продовольственный паек и недостачу самого необходимого. Несмотря на то что у рабочих не было красноречия, мы глубоко почувствовали горе Донбасса, так они своими простыми словами затронули наши сердца.

На мой вопрос: "Какой нам нужен лес?" - одновременно ответили все трое:

- Какой угодно, лишь был бы толщиной двадцать сантиметров и больше.

Дело было такое для них важное, что мне показалось, будто делегация в три человека очень уж мала, и я спросил:

- Что же вы приехали втроем?

Но они поняли меня иначе: что их делегация слишком велика. Они переглянулись между собой, как бы спрашивая один другого, кто будет отвечать на этот вопрос. Самый старший из них ответил:

- Мы слезы уже выплакали. Думали, что у одного не хватит слез, чтобы упросить вас помочь нам, вот мы и приехали не один, не два, а втроем.

Этот трогательный ответ нас сильно взволновал. В шутку, но сквозь слезы я сказал:

- Да, неважного вы о нас мнения, - и, обращаясь уже к члену Военного совета, спросил: - Ну, как вы думаете, Иван Прокофьевич, поможем шахтерам?

- Да, помочь бы надо. Но вот беда: категорически запрещено вывозить лес.

Об этом запрете я не знал и слышал в первый раз. Новость меня сильно озадачила. На лицах наших гостей было видно отчаяние. Какое-то время мы чувствовали себя, как на похоронах, и все молчали.

Я в это время думал: "Что же делать? Нарушить запрет - дело слишком плохое. Отказать шахтерам в их просьбе - тоже нехорошо". Я вспомнил, сколько вырублено у нас леса за войну, а здесь у меня перед главами были большие массивы спелого леса.

Обращаясь к члену Военного совета, я сказал:

- Иван Прокофьевич! Дело это необычное. Давай решим так: будем считать, что ты мне ничего не говорил об этом постановления, а я о нем не знаю. Лес мы срубим и отправим возвращающимся порожняком в Донбасс под видом, будто собираемся строить оборонительные рубежи в нашем тылу. На железной дороге никто на этот груз не обратит внимания, и лес благополучно дойдет до назначению. А если уж что и случится, всю вину я возьму на себя.

Коннов ничего на это не сказал, но еле заметно кивнул головой.

В короткий срок мы свалили необходимый лес, что был ближе к железной дороге. Погрузку производили главным образом между полустанками и разъездами. Только успели отправить около пятидесяти тысяч кубометров, как наступил час расплаты.

Мне доложили о прибытии другой "делегации" - но уже из Москвы. Трудно сказать, каким путем узнали там, - должно быть, через Военный совет фронта.

Прибывших из Москвы было тоже три человека. В штабе армии боязливым шепотом передавалась весть, что они явились по вопросу о лесе от самого Сталина.

Настало время уединиться с гостями и исповедоваться перед ними, как я дошел до жизни такой, что нарушил постановление правительства.

Перед началом объяснения я на какое-то мгновение подумал: бывает ведь и ложь во спасение. Но на ложь я не пошел.

Наша интимная беседа длилась четыре часа, я рассказал все начистоту, как было, начиная с полученного офицером письма. Рассказал о прибытии делегации. Сказал и о том, что генерал Коннов меня предупреждал, а я решил помочь шахтерам на свою

ответственность. (Умолчал, конечно, лишь о кивке Коннова.)

Отвечая на вопросы, пришлось рассказывать всю мою биографию с детства - и о пребывании на Колыме, и об обвинении меня во всех страшных грехах тоже.

В результате беседы у меня осталось хорошее впечатление от председателя, человека лет шестидесяти, и очень плохое - от двух остальных.

Вопреки мнению окружающих я верил в благоприятный исход дела. Правда, моя всегда выдержанная жена была на этот раз в панике, но я подшучивал: "Пуганая ворона куста боится".

Ожидание решения было долгим и мучительным. Я о многом передумал. Наконец, как было договорено, председатель тройки позвонил мне по ВЧ:

- Докладывал Сталину, он выслушал внимательно. Когда доложил, что вас предупреждал генерал Коннов, он спросил, от кого я это узнал. И когда я доложил, что от самого Горбатова, Сталин удивленно переспросил: "От самого Горбатова?" - а потом добавил: "Да, это на него похоже. Горбатова только могила исправит" - и в заключение сказал: "Преступление налицо, но, поскольку, как вы говорите, он не преследовал личной выгоды, на деле надо поставить точку".

Обрадованный, я поблагодарил председателя тройки. (К сожалению, забыл фамилию этого хорошего человека, а больше его не встречал.)

Позднее мне передавали, что шахтеры, услышав, что возникло дело о лесе (ведь запрашивали и их городской партийный комитет), сильно беспокоились за меня, а узнав о благополучном конце всей истории, установили мемориальную доску с благодарственной надписью 3-й армии за оказанную помощь.

Присматриваясь к плацдарму за рекой Нарев, захваченному в первых числах сентября левым соседом, 48-й армией, мы часто говорили между собой о том, что будет целесообразнее - захватывать ли нашей армией новый плацдарм или наступать вместе с соседом с уже имеющегося плацдарма.

Каждый вариант заключал в себе выгоды и невыгоды.

Выбирая сами район для форсирования реки и определяя сами время начала операции, мы могли бы воспользоваться преимуществами, которые дает внезапность. Однако эта выгода исчерпается в течение первого дня (может быть, и первых часов) боя, а потом нам придется очень трудно, ибо много сил и средств будет уже затрачено на форсирование.

Недостаток второго варианта заключался в том, что перед плацдармом мы встретим, конечно, более плотную группировку,

более глубокую и совершенную оборону противника. Зато нам не придется форсировать реку, и, кроме того, соединение усилий двух армий скажется благотворно, особенно когда мы приступим к развитию операции. Действуя во время сосредоточения обдуманно и с высокой дисциплинированностью, можно надеяться на сохранение внезапности и при наступлении с плацдарма. Вообще же мы считали, что совершенно нецелесообразно проводить частную операцию у границ Пруссии, да еще в то время, когда весь остальной фронт стоит в обороне: она потребует больших затрат, но не даст весомых результатов, так как при общей пассивности нашего фронта противник без всякого риска снимет резервы откуда захочет, сосредоточит их на узкой полосе нашего наступления и не даст нам его развить.

Наши соображения были доложены командующему фронтом генералу армии Захарову. Он сперва настаивал на первом варианте наступления (с форсированием реки), но потом согласился на второй вариант. 23 сентября мы получили директиву фронта, по которой две трети плацдарма передавались нашей армии, а остальная площадь оставалась у 48-й. Наступление в целях расширения плацдарма до определенных размеров было приказано провести силами обеих армий, а разведку боем - силами одной 48-й армии до смены нашими частями.

В ночь на 6 октября мы сменили части соседа на плацдарме, получив данные о противнике и его обороне. По этим данным, передний край немецкой обороны находился перед нами в пятистах - тысяче метров и состоял из двух сплошных траншей; подходы к первой из них были прегражденны проволочным забором и минными полями. Из этих сведений меня больше всего заинтересовали две траншеи и проволочный забор, ибо перед нами за рекой мы видели не две, а три траншеи, и не проволочный забор, а заграждения в три кола, кое-где даже в четыре и пять кольев. Кроме того, удивило меня, что на карте, переданной нам 48-й армией, передний край обороны, и нашей, и противника, обозначен был в низине, тогда как в одном-двух километрах западнее был высокий обрыв, возвышающийся над долиной до двадцати метров. Я подумал: это что-то на немцев не похоже. Более вероятно, что передний край обороны находится на высоком берегу, а внизу только усиленное боевое охранение с проволочным забором или специально вынесенная передовая позиция.

Чтобы установить настоящий передний край, я, выехав на плацдарм, в разных местах поднимался на деревья, всматривался в оборону противника, но ничего нового не увидел, так как

наблюдению мешали кусты и деревья.

Река Нарев от города Оетроленка течет почти строго на юг; от города Рожай она поворачивает на юго-восток, а потом на юго-запад. В этой излучине и был захвачен плацдарм. Пользуясь тем, что берег у Рожана на нашей стороне сплошь покрыт высоким сосновым лесом, я решил просмотреть оборону противника не только с плацдарма, то есть с востока, но и сбоку - с севера. На следующий день я с помощью саперов забирался на те деревья, что были ближе к высокому краю долины. При тщательном осмотре местности можно было разглядеть на плоском взгорье три траншеи, а перед первой из них замаскированное проволочное заграждение в шесть кольев. С того же дерева я видел две траншеи внизу, ближе к нам на один-два километра, и проволочный забор перед ними. Значит, так оно и есть: настоящая оборона противника проходит по высокому берегу, окаймляющему пойму. Противник рассчитывал, что в случае нашего наступления с плацдарма мы израсходуем больше всего боеприпасов, ведя огонь по его передовой позиции, а основная оборона будет мало подавлена; за время нашей артподготовки он подведет к основной позиции резервы и остановит наше наступление.

"План неплохой, - подумал я, - но все-таки рассчитан на простаков".

В этой операции мы не были так ограничены в боеприпасах, как прежде. По графику командования фронта была предусмотрена артподготовка в течение ста минут; после захвата вражеского переднего края, который предполагался, по данным 48-й армии, в нескольких сотнях метров от нас, артиллерия должна была сопровождать наступающие войска огневым валом на глубину до полутора-двух километров. Но этот график был на руку противнику, и нас он не устраивал. В нашем решении мы в этот план ввели некоторые поправки. Они сводились к следующему. Атака начнется не на сотой, а на пятнадцатой минуте огневого налета артиллерии; после захвата передовой позиции огонь артиллерии переносится на передний край основной обороны и в ее глубину. За восемьдесят пять минут этого второго этапа артподготовки (из которых в последние пятнадцать минут огонь должен достигнуть наивысшей интенсивности) наши стрелковые цепи с танками должны преодолеть пространство, отделяющее передовую позицию от основной. Саперы и танки с тралами пойдут впереди атакующих. На сотой минуте артподготовки наши стрелковые части и танки должны ворваться в основную оборону противника. После этого начнется сопровождение наступающих огневым валом в глубине

вражеской обороны.

Это решение было доложено командующему фронтом, но он настаивал на своем графике. Накануне операции я еще раз обратился к нему и получил раздраженный ответ: "Вы все чудите, умнее всех хотите быть". Этот ответ можно было понять как угодно, и мы решили истолковать его как согласие, правда данное с неудовольствием, на то, чтобы мы "чудили", то есть действовали по-своему.

Артподготовка началась 10 октября ровно в полдень. Пехота выскочила из траншей и вместе с танками пошла в наступление.

Взяв на себя всю ответственность за план, мы напряженно следили за продвижением наших цепей. Радостно было видеть, как танки, а за ними цепи миновали проволоку, первую траншею и продолжали наступление. После того как занята была вторая траншея, артиллерия перенесла огонь на основную оборону противника. Передовую позицию - потому что она оказалась именно лишь передовой позицией - мы захватили, потеряв всего несколько человек.

В результате первого дня наступления наши войска овладели всеми тремя траншеями на высоком берегу. Противник отошел на вторую позицию, прикрытую минными полями. Наш левый сосед, действуя по графику штаба фронта, овладел лишь передовой позицией у реки и не смог подняться на высокий берег.

В ночь на 11 октября саперы разминировали проходы, а с рассветом после короткой, но мощной артподготовки мы возобновили наступление. За этот день удалось овладеть тремя траншеями второй позиции и в ряде мест выйти к шоссе Рожин - Пултуск; на правом фланге овладели двумя фортами крепости Рожан и разрушенным мостом через Нарев. Один из полков дивизии, оставленной в обороне, форсировал реку севернее города, но был встречен сильным организованным огнем, вклиниться в оборону противника не смог и окопался в долине реки.

Несмотря на то что сопротивление не ослабевало, 12 октября мы овладели двумя траншеями третьей позиции, вышли к шоссе Рожан - Макув, а на правом фланге овладели городом и крепостью Рожан.

13-го и 14-го продвижение было лишь незначительным, а дальнейшие попытки наступать успеха не имели. За эти дни мы взяли пленных из 292-й и 102-й пехотных дивизий, 3-й танковой дивизии, 61-го полка, РГК и других вновь подошедших частей и соединений противника. Бои приобрели крайне напряженный характер; пленные говорили, что немецким войскам приказано во что бы то ни стало восстановить утраченное положение. Памятуя,

как важно вовремя остановиться, я во избежание лишних потерь 15 октября приказал перейти к обороне.

В результате боев мы углубили плацдарм с шести до двадцати километров и расширили его до восемнадцати. Левый сосед также углубил и расширил свою часть плацдарма. Противник понес большие потери; правда, пленных мы захватили немного - 369 человек, но это свидетельствовало об ожесточенности сопротивления. Взяли мы 6 исправных танков и самоходных орудий, 7 бронетранспортеров, 45 орудий, 42 миномета, 89 пулеметов.

На расширенном плацдарме в короткий срок была создана глубокая оборона. Мы оборонялись здесь три месяца и использовали это время для подготовки к будущему общему наступлению, Я уже писал о том, что большое пополнение, которое мы получили в сентябре, требовало большой работы, чтобы оно органически включилось в наши части. Но времени у нас тогда было в обрез, и в боях выявилось много недостатков в подготовке новобранцев: не обстрелянные, а частью совсем не служившие еще в армии солдаты слишком болезненно реагировали на контратаки противника с танками, плохо умели использовать местность в наступлении и в обороне, недостаточно знали свое оружие, не на высоте была и дисциплина. Преодоление этих недостатков стало основной задачей наших офицеров и сержантов, тем более что мы начали получать новое пополнение, приблизительно такое же по составу.

Со второй половины октября 1944 года до 13 января 1945 года армия оборонялась на всем фронте и изучала противника. С ноября подготовка к общему наступлению начала приобретать уже вполне конкретный характер.

Противник, продолжая обороняться, совершенствовал занимаемые позиции и, используя принудительно силы местного населения, создавал новые оборонительные рубежи. Активность его в декабре возобновилась, - очевидно, он предчувствовал приближение наших действий. Поскольку разведка мелкими группами не давала ему нужных результатов, он предпринял разведку боем, но и она оказалась безуспешной. Усилилась авиационная разведка, немецкие самолеты летали днем и ночью на высотах две-три тысячи метров; по-видимому, их интересовал наш тыл, поэтому они не задерживались над передним краем, а пролетали в глубину. Участились артиллерийские налеты по местам возможного скопления наших войск.

От пленных мы узнали, что немцы широко применяют здесь подслушивание наших телефонных разговоров, используя более совершенную, чем прежде, технику. Гитлеровцам пришлось

перебросить с нашего направления в район Будапешта 6-ю танковую дивизию и 4-ю кавбригаду. Чтобы ввести нас в заблуждение, они обстреливают нас из кочующих батарей, отдельных орудий и пулеметов, а по ночам имитируют вспышками огонь с ложных позиций. Наблюдение ведут непрерывное; каждые десять дней сменяют побатальонно или поротно войска на передовой, чтобы дать отдых подразделениям, провести с ними учения и влить в них пополнение. Что бы затруднить нам разминирование, противник ставит минные поля не только перед проволокой, но и между проволокой и первой траншеей, даже перед второй траншеей и перед промежуточными позициями (это было для вас не ново), применяет много сигнальных ракет и неизвлекаемых мин.

Строя в течение трех месяцев оборону, развивая ее и улучшая инженерное оборудование, мы не столько заботились о ее прочности на случай попытки противника наступать - это было маловероятно, - сколько о том, чтобы предохранить от поражения огнем наши войска, когда они сосредоточатся для решительной атаки. Наша оборона на плацдарме состояла из трех позиций (первая и вторая - по три сплошные траншеи и третья - две траншеи). На переднем крае имелись опорные пункты с усиленными взводами. Чтобы противник, обнаружив нашего наблюдателя, не мог его ночью захватить, места передовых наблюдателей часто менялись. Ежедневно назначался дежурный пулемет, который несколько раз в течение суток выпускал по три-четыре короткие очереди из указанных командиром мест между опорными пунктами.

Наблюдение из глубины было организовано, как всегда у нас, с высоких деревьев, строений или построенных вышек; наблюдатели закреплялись за определенным сектором на длительное время.

В разведку посылались только хорошо подготовленные и проинструктированные небольшие группы, проверенные старшими начальниками. За ноябрь и декабрь захвачено было поиском девять пленных.

Мы никогда не торопили полковых или дивизионных разведчиков отсылать пленных в штаб армии, а тем более в штаб фронта. Наоборот, мы поощряли стремление узнать от них немедленно после захвата как можно больше данных. Каждого пленного опрашивали начальники разведки полка, дивизии, по возможности также работник разведотдела корпуса и армии, причем тут же, в траншее против того места, где пленный был захвачен. Узнав местность, впервые увиденную им с нашей стороны, он ориентировался и отвечал на вопросы, показывал

рукой, где у немцев находятся командные и наблюдательные пункты, огневые позиции, минные поля, орудия прямой наводки, границы между частями и др. Повторные его ответы сличали с первыми показаниями. Лишь после этого его посылали в штаб фронта, хотя там и бывали недовольны таким "промедлением".

Наши артиллеристы засекли много батарей противника. Естественно, намечалось уделить при артиллерийской обработке большее внимание тем батареям, которые чаще засекались. Но мне не верилось, чтобы противник имел так много батарей; сомневались в этом и артиллеристы. Встала задача - выяснить, какие из них ложные?

Командующего воздушной армией К. А. Вершинина мы попросили прикрепить к нашей армии два-три разведывательных самолета. Константин Андреевич внимательно нас выслушал и, узнав, для какой надобности мы об этом просим, дал нам две машины. Полосу армии мы тогда разделили на две части, к каждой прикрепили по летчику, дали им карты с засеченными батареями противника и попросили выяснить, действительно ли они там имеются.

После нескольких полетов летчики не подтвердили наличия ряда батарей, и как раз тех, которые были засечены нами большее число раз. Я поговорил с летчиками и дал им некоторые советы. Они стали присматриваться к уже обнаруженным батареям и, как истые охотники, обязательно вылетали после первой пороши или выпадения нового снега. Мы стали получать от них доклады: "Солдаты у батареи номер восемь стоят в одном и том же положении в течение трех дней"; "У батареи номер тринадцать много следов гусениц"; "К батарее номер двадцать два нет следов по вновь выпавшему снегу в течение четырех дней" и т. п.

Нетрудно понять, что у батареи No 8 стояли не солдаты, а чучела; батарея No 13 была ложная - на это место приходили для стрельбы самоходки и танки, а уходя, оставили макет батареи; батарея No 22 недействительная. В результате такой разведки отсеялось шестнадцать батарей из сорока двух.

Мы убедились, что целесообразно не только наземных наблюдателей, но и воздушных разведчиков закреплять на длительное время за определенным сектором. Действительно, если по одному и тому же маршруту пролетают разные разведчики а может, еще и разные летчики да по разным маршрутам, - то они меньше принесут пользы, чем закрепленные за полосой, так как не могут виденное сегодня сравнить с виденным раньше.

По отдельным радиопереговорам мы определили предположительно расположение двух штабов немецких дивизий.

Проверить это нам тоже помогли летчики, которые донесли, что к тому лесу и перелеску, где мы предполагали штабы, нет следов машин и не тянутся провода. Стало ясно, что эти короткие переговоры по радио и сигналы были маскировкой.

Как ни тщательно работали летчики, артиллеристы-разведчики, наземные наблюдатели, наши выводы относительно дислокации командных пунктов, штабов и огневых позиций противника окончательно удалось проверить лишь тогда, когда мы, наступая, заняли разведываемую местность. И тогда выяснилось, что хотя большая часть данных разведки была верна, однако по двум ложным батареям мы все-таки выпустили много снарядов. Первые две подели января мы усиленно готовились к наступлению, но, чтобы отвлечь внимание противника от участка, где будем прорываться, и внушить немцам ложные догадки, мы по ночам бесшумно ставили в снег дополнительные к нашему проволочному заграждению ряды кольев и у крайних кольев бросали как бы неизрасходованные мотки проволоки, или что-нибудь только на них похожее. После этого имитировали звук забивки кольев, сидя в своей траншее. В ответ на первые же наши удары противник открыл сильный огонь из многих пулеметов по нашей проволоке. Клюнул! Значит, нужно продолжать эту работу.

На следующий день, как только стемнело, мы втихую продолжили постановку кольев в снег в обе стороны и перенесли мотки проволоки к последним из установленных. Убрав людей в укрытия, начали снова имитировать в траншее забивку кольев. Как только прозвучали первые удары, фашисты открыли массированный огонь из пулеметов. Обстреливались главным образом те места, где вчера лежали мотки проволоки: вероятно, они думали, что с этих мест мы продолжили работу. Наши сидели в траншее и землянках, надрываясь от смеха.

В конце декабря мы получили выписку из оперативной директивы штаба фронта, в которой 3-й армии было приказано осуществить прорыв на семикилометровой полосе, нанося главный удар в направлении Красносельц, Яново и вспомогательный - на Александрово. К исходу третьего дня овладеть пунктами Единорожец, Пшасныш, к исходу десятого-одиннадцатого дня овладеть рубежом Клайн-Дакхайм, Найденбург. Иметь в виду, что с рубежа Пшасныш будет введен 3-й гвардейский кавкорпус в направлении Хожеле, Алленштайн (Ольштып). Правее нас одним стрелковым корпусом наступает 49-я армия, сматывая боевые порядки противника по правому берегу Нарева. Левее прорывает фронт и наступает 48-я армия.

Наше решение, исходящее из директивы фронта, было утверждено 1 января. Нам предстояло прорвать сильную, глубоко

эшелонированную оборону. На глубине тридцать пять километров у противника были три оборонительные полосы: первая состояла из передовой позиции и пяти сплошных траншей полного профиля, вторая (на реке Ожиц, с предмостным укреплением у Красносельца) - из трех траншей с проволочным заграждением и минными полями; такая же третья полоса проходила по линии Улятово, Шляхецке, Ростково. Между полосами имелись промежуточные и отсечные позиции.

В тактической зоне у противника были сильные резервы; мы не имели сведений о местонахождении оперативных резервов, так как они часто перемещались. Численность в немецких пехотных ротах за три месяца обороны была доведена до девяноста - ста человек. Всхолмленная местность с повышением к северу, заболоченные речки, а дальше озера способствовали обороне противника и созданию фланкирующих огней при нашем наступлении в северо-западном направлении.

Мы решили прорывать оборону корпусами генералов Урбановича и Никитина; генерал Кузнецов частью сил корпуса наступал правее, нанося вспомогательный удар.

Перед наступлением Военный совет армии обратился к личному составу с призывом:

"Товарищи солдаты, сержанты и офицеры!

Опять настал наш черед! Долго мы его ждали, теперь пора! Все подготовлено к решительному штурму логова фашистского зверя.

Успех наш предрешен, все рассчитано, не удержит нас никакая сила...

В наступлении нет надобности оглядываться назад. Позади нас движутся огромные силы, и, чем дальше мы успеем продвинуться, тем стремительнее разовьют успех следующие за нами войска.

А чтобы меньше пролить крови, наступайте редкой цепью и помните, что траншеи врага не для нас - них нам делать нечего. Смело перепрыгивайте их и неуклонно, без остановок продвигайтесь вперед.

Крепче держите оружие и смелее вперед, славные сыны нашей могучей Родины!

На полный и окончательный разгром проклятого врага зовет нас Родина!

Вперед, к славе и победе!"

В ноябре 1944 года вместо генерала армии Г. Ф. Захарова командующим 2-м Белорусским фронтом был назначен уже хорошо знакомый нам по совместной боевой работе маршал К. К. Рокоссовский К началу наступления мы получили от него много

ценных указаний, например: для сохранения внезапности и экономии боеприпасов разведки боем накануне наступления не предпринимать, а провести ее штурмовыми батальонами в первые пятнадцать минут артподготовки; для повышения качества артогня и уменьшения количества артиллерийских наблюдательных пунктов ставить на одну огневую позицию целые дивизионы. Исходя из того что противник, возможно, окажет настоящее сопротивление лишь начиная со второй траншеи, предлагалось первую траншею захватить на пятнадцатой минуте артподготовки. Эти указания были нами приняты с энтузиазмом, тем более что правильность их подтверждалась нашим собственным боевым опытом: первые два из них наша армия уже проводила в жизнь по собственному почину, начиная с Брянской операции, а третье применила в последнем наступлении при расширении плацдарма на реке Нарев.

Одно нас огорчило: в этом решительном наступлении мы рассчитывали получить усиление в виде одного из танковых корпусов, но узнали, что все танковые соединения дали другим армиям, наступающим левее нас, несмотря на то что они действовали на более узком фронте, имели по стрелковому корпусу во втором эшелоне и на их направлении вводилась целая танковая армия. Мы же не имели не только танков для развития успеха, но и второго эшелона - у нас был лишь армейский резерв. Кроме того, после продвижения на пятнадцать километров в глубину наша полоса расширялась до сорока пяти километров...

Однако такое решение командующего фронтом было обоснованным: армии, находящиеся левее нас, наступали в более важных западном и северо-западном направлениях, наша же армия наступала на север и лишь отчасти на северо-запад. (У противника, как оказалось впоследствии, были там довольно сильные резервы.)

Наконец настало 14 января 1945 года. День был пасмурный, туманный, с видимостью в сто пятьдесят - двести метров. Это мешало наземному наблюдению, следовательно, и полному использованию мощной артиллерии, а наши отважные летчики совсем не могли действовать. Почему назначенное на этот день наступление не было отменено? Как мы узнали позднее, это было сделано по просьбе наших западных союзников, которые били тревогу, испытав эффективный контрудар, нанесенный им немцами. Ровно в десять часов разразилась неслыханной силы канонада на широком фронте. Хотя мы из-за тумана не могли видеть разрывов, но были уверены в работе хорошо подготовившихся артиллеристов, и мощь артиллерийского огня действовала на войска воодушевляюще. На пятой десятой минуте

наши цепи покинули навсегда свои траншеи и устремились вперед. На пятнадцатой минуте они почти без потерь овладели первой траншеей. Несмотря на огонь противника, саперы вместе с танками-тральщиками проделали проходы для пехоты, и в одиннадцать часов десять минут мы овладели всюду второй траншеей, лишь кое-где еще продолжались рукопашные схватки. Хотя противник наращивал свои силы и огонь, за день боя войска армии продвинулись на главном направлении на три - семь километров, на вспомогательном - на два-три километра, а в результате ночного боя - еще на один-полтора километра.

Страшное по силе и ожесточенности сражение разыгралось на второй день. Он был таким же пасмурным, как первый. Противник этим воспользовался, перебросил на наш участок все свои резервы и, кроме того, скрытно подвел (как выяснилось в ходе боя) моторизованную дивизию "Великая Германия", которая прежде находилась у южной границы Восточной Пруссии, в районе города Вилленберг, и разведкой на нашем направлении не отмечалась. Воспользовавшись туманом, дивизия за сутки незаметно сосредоточилась перед участком нашего прорыва с задачей восстановить положение сначала на фронте нашей армии, а потом и в полосе левого соседа.

Мы намечали возобновить наше наступление в девять часов, но противник нас упредил. Он начал свою контрартподготовку в восемь часов двадцать минут огнем двадцати трех артиллерийских, семнадцати минометных батарей, нескольких дивизионов шестиствольных минометов, тяжелых метательных аппаратов, а в восемь часов тридцать минут контратаковал наши войска, вклинившиеся в его оборону. За два часа мы отразили семь контратак. В полдень в бой вступила немецкая танковая дивизия. До девятнадцати часов мы насчитали до тридцати контратак.

Трудно описать, что переживали командиры 41-го и 35-го стрелковых корпусов в этот день, когда вместо ожидаемого развития успешно начатого наступления пришлось вести необычайной силы встречные и оборонительные бои с переменным успехом.

Командир 41-го стрелкового корпуса Виктор Казимирович Урбанович командовал этим корпусом со времени битвы за Орел, он многое испытал, много видел, имел пытливый ум, искусно выходил из трудных положений, отлично руководил войсками. Он умел внимательно выслушивать указания и впитывал в себя все полезное, что находил у подчиненных. Он был военачальником, умеющим использовать ошибку противника, не боялся пойти на обоснованный риск. Медленное, слабое

продвижение в наступлении его никогда не оставляло равнодушным, и тем более его волновал вынужденный отход подчиненных ему войск.

В восемь часов пятнадцать минут, подойдя к телефону, я услыхал его взволнованный голос:

- Товарищ командующий! Десять минут тому назад узнал от командиров дивизий, а теперь сам слышу нарастающий шум большого количества танковых моторов противника. С минуты на минуту ожидаю их появления перед нашими дивизиями. Еще не рассвело, но, когда наступит рассвет, все равно густой туман, как вчера, не позволит видеть дальше ста пятидесяти метров. Плохо.

Я спросил:

- Командиры полков, батальонов на своих местах? Артиллерия за ночь вся переместилась на новые огневые позиции? Какие указания вы дали войскам?

- Всех предупредил, чтобы готовились к встрече противника. Командиры дивизий доложили, что противотанковые орудия и танки готовы к бою. Все командиры на своих местах. Артиллерия на новых огневых позициях.

- Вот и хорошо, - ответил я. - Предупредите батальоны, чтобы не пропускали через свои боевые порядки пехоту противника, а если проскочат танки - это беда небольшая, их расстреляет артиллерия, стоящая в глубине. Артиллерию, занявшую закрытые позиции, предупредите, чтобы приготовилась к расстрелу танков прямой наводкой. Противнику туман еще больше будет мешать, чем нам. Не видя один другого, их танки будут неуправляемы. Скажите артиллеристам - больше спокойствия и уверенности, и ваш огонь будет более метким. Если шум моторов приближается и слышно, что их много, поставьте неподвижные заградительные огни артиллерии. Не лишним будет периодически простреливать туман из пулеметов. Желаю успеха.

Закончив разговор с командиром 41-го стрелкового корпуса,, я предупредил о новостях в обстановке командующего артиллерией армии, дал ему необходимые указания, а потом приказал вызвать к телефону командиров 35-го и 40-го стрелковых корпусов.

Командир 35-го корпуса Никитин обладал широким оперативно-тактическим кругозором, был генералом смелым и решительным; он любил и умел обманывать противника; хорошо знал нашего солдата, и солдаты его понимали. Когда он подошел к телефону, я задал ему вопрос, что у него нового и успела ли переместиться его артиллерия.

- У нас все готово, хотим продолжать наступление, - ответил генерал, - и артиллерия переместилась. Но перед соседом справа

слышен большой шум танков. Поскольку шум все усиливается, это не похоже на то, чтобы немцы собирались их уводить... А вот и стрельба началась! По-видимому, противник контратакует.

Я подтвердил, что его предположение может быть правильным, и одобрил его действия, дал такие же указания, как и 41-му стрелковому корпусу, и предупредил, что начало артподготовки отменяется, пока не прояснится обстановка. - А пока используйте артогонь по своему усмотрению.

Зная, что у 41-го стрелкового корпуса наступила тревожная пора, решил не беспокоить его штаб первые пятнадцать минут.

Озабоченным вышел я из землянки и, расхаживая по тропинке, вслушивался в разгоравшуюся канонаду. По особым звукам выстрелов из танков и по быстро следующим за выстрелами разрывам их снарядов было ясно, что они перемещаются в нашу сторону. Я слышал, как в дополнение к артиллерии 41-го корпуса вступила в сражение артиллерия 35-го.

Учитывая, что противник решил нанести контрудар по нашим войскам раньше, чем мы возобновим наступление, нетрудно было сделать вывод: противник собрал большие силы и решил восстановить утраченное им вчера положение.

Расхаживая по тропинке, я видел, как выбежал из землянки начальник оперативного отдела армии полковник Владимир Федорович Грузенберг. Он только что принял эту ответственную должность, но был мне хорошо известен как старательный и активный командир. Сильно обеспокоенный, он подбежал ко мне и доложил:

- Товарищ командующий, сорок первый и тридцать пятый стрелковые корпуса контратакованы большим количеством танков. На фронте сорокового стрелкового корпуса спокойно.

- Слышу, знаю, - ответил я. - Передайте командиру сорокового стрелкового корпуса, что для него задача остается прежней. Пусть своевременно начинает артподготовку и наступление, как было назначено.

Поскольку приближалось время начала общей артподготовки, я соединился по ВЧ с командующим фронтом, чтобы доложить ему о положении.

- Что за стрельба у вас раньше времени? - не дожидаясь доклада, спросил меня маршал Рокоссовский.

- Противник с восьми часов тридцати минут наносит контрудар по ударной группировке нашей армии, - ответил я. Доложил о том, как назревало событие, и о принятых нами мерах. Дополнительно выразил свое удовлетворение тем, что противник наносит контрудар до возобновления нашего наступления. Находясь на месте, нам будет легче его обескровить и затем

продолжить наступление. Не утерпев, высказал сожаление по поводу того, что наша армия не усилена танковым соединением.

Наступило непродолжительное молчание (маршал, видимо, с кем-то переговаривался). Потом он сказал:

- Жаль, что не начнем наступать в десять часов, - и добавил: - Ну уж если не наступаете, так разделайте под орех неизвестное нам танковое соединение противника и не допускайте его до фланга вашего левого соседа, который в десять часов будет наступать. А насчет того, что вас не усилили танковым соединением, так вы сами знаете, что соседям оно нужнее. Всего хорошего. Докладывайте каждый час.

Позвонил командирам 41-го и 35-го стрелковых корпусов. Оба с горечью доложили, что на некоторых участках наши войска потеснены; у противника много танков, и он настойчиво повторяет атаки.

Я осведомился, где и насколько мы отошли. Еще раз обратил внимание на то, что туман не только усложняет наше положение, но и помогает нам, дал некоторые советы и вышел из землянки, чтобы послушать стрельбу и попытаться по выстрелам уяснить себе картину боя.

Не раз к не два в этот день я слышал, как шквал танковых выстрелов то приближался, то удалялся при непрекращающейся артиллерийской стрельбе с нашей стороны, а командиры корпусов то докладывали с радостью: "Отходит, гоним! Противник оставил на поле боя много трупов и подбитых танков! Есть пленные!" то говорили с грустью: "Противник снова нас вынудил к отходу..."

Весь день, пока не стемнело, был насыщен переживаниями и волнениями. Немецкая пехота, сопровождая танки, не раз доходила до огневых позиций нашей артиллерии и снова откатывалась под ее огнем, оставляя на поле боя все большее количество танков,

Да, это был страшный бой, тяжелый день. Населенные пункты Замосць, Подыховне, Воля-Пеницка, Дворска, Голонивы много раз переходили из рук в руки. Бой утих только в темноте. Наши войска не продвинулись ни на шаг, но ни на шаг и не отступили.

Одна из танковых групп подошла на сто пятьдесят метров к высотке, на которой находился командир корпуса генерал Никитин. Он не только не перенес НП, но и лично командовал орудиями прямой наводки, своим примером воодушевляя артиллеристов. Несколько тяжелых немецких танков были подбиты, а другие скрылись в тумане. Я всегда знал, что генерал Никитин отличный военачальник, но никогда не предполагал, что в его маленьком и худеньком теле живет столько силы и энергии,

что у этого человека столько солдатской отваги и прекрасной веры в своих боевых товарищей. Через полчаса я был там, горячо поблагодарил артиллеристов, а Никитина крепко обнял и расцеловал.

Пасмурная погода второго дня досаждала не только нам; не имея возможности нам помочь, летчики тяжело переживали свое бездействие. Вершинин сказал мне по телефону: "Все летчики не отходят от самолетов, они страшно волнуются. Но что поделаешь с погодой?"

Противнику удалось задержать наше наступление. Но какой ценой? Военнопленные из мотополка дивизии "Великая Германия" показали, что их полк, наступавший совместно с семидесятью тяжелыми танками "пантера" и "тигр", только за первые три часа боя потерял не меньше трети танков и пехоты. 16 января на рассвете возобновилось ожесточенное сражении. В этот день мы отражали атаки - их было более двадцати. Но в шестнадцать часов погода прояснилась, и с помощью авиации мы пошли и наступление и продвинулись вперед на два-три километра. Наши соседи слева прорвали две полосы обороны врага, успешно форсировали Ожиц и наступали на город Пшасныш.

Авиаразведка установила большое движение немецких обозов, машин и отдельных танков в западном направлении, от фронта - к городу Пшасныш, а оттуда на Цеханув. Противник, потерпев неудачи в своих атаках и видя угрожающее продвижение наших левых соседей, начал отводить тылы.

18 января мы овладели Красносельцем, захватив полторы сотни пленных и большие трофеи.

20 января мы были уже в Хожеле. Взяли сто пятьдесят пленных. На грязных мундирах усталых немецких солдат, бредущих под конвоем в наш тыл, видны были нашивки пехотной дивизии, инженерной бригады, дивизии "Великая Германия" и даже солдат штрафного батальона.

Каждый из командиров нашей армии мечтал первым пересечь границу Восточной Пруссии. Эта честь выпала солдатам и командирам 1172-то стрелкового полка под командованием подполковника Серегина, которые первыми перешли границу Восточной Пруссии днем 20 января 1945 года.

Легко сказать - перешли...

На границе пришлось преодолевать мощный оборонительный рубеж. Это были пограничные укрепления, построенные до войны: три траншеи полного профиля, врезанные огневые точки - железобетон, бронеколпаки, проволочные заграждения. Для сохранения этих укреплений в секрете немцы выселили все

польское население в радиусе пяти километров. Дома здесь были сохранены для имитации жилого района, но окон и дверей в них не было. Поля пять лет не обрабатывались. Так и стояли мертвые дома в зарослях бурьяна, покрытые снегом.

Стоя здесь, на польской земле, я вспоминал тяжелые бои последних дней.

И еще я вспоминал бои под Москвой той тяжелой осенью, осенью 1941 года, и кровавую битву на Волге, и битву за Орел, отмеченную первым орудийным салютом. Сколько потом было салютов! И каждый приказ, благодарящий победителей, призывал помнить героев, павших за свободу своей Родины, своего народа, Я вспоминал лица боевых товарищей, которых знал. многих, очень многих уже нет с нами.

Вот что значат слова - "перешли границу Пруссии".

Город Яново находится на берегу реки Ожиц, отделявшей некогда в этом месте Польшу от Восточной Пруссии. Дивизии Михалицина и Веревкина были уже за рекой, когда я прибыл в Яново за два часа до темноты. Взойдя на высокую колокольню, я увидел перед собой сплошные пожары; их обрамляла ломаная линия подымающихся к небу черных дымов.

- Ну и картина! - сказал генерал Коннов. - Очевидно, дымки побелее нужно считать пройденным этапом, а черные обозначают рубеж, которого достигли наши войска. Далеко уже.

Помолчали. Потом кто-то добавил:

- Долго наши солдаты стремились к фашистскому логову, теперь их не остановить никакими силами.

20 января Военный совет армии поздравил солдат, сержантов и офицеров со вступлением на землю врага и обратился с воззванием к ним: "Наше всеобщее давнишнее желание сбылось. Теперь нужно добраться до сердца гитлеровской Германии и вонзить в него наш красноармейский штык. Так ускорим же наше наступление!.."

В приграничных населенных пунктах гражданского населения мы почти не встречали, а если встречали, то дряхлых стариков и старух, которые хотели умереть там, где родились. Гитлеровцы приказывали уходить всем, угоняли или пристреливали скот. Кто не хотел уходить (это были по большей части крестьяне), то скрывались семьями в лесу, ожидая, пока придут наши войска. Но чем дальше мы продвигались, тем больше было оставшихся.

В городе Вилленберг мы встретили ожесточенное сопротивление. Здесь, на реке Омулев, у противника был заранее подготовленный рубеж с двумя траншеями и проволокой в два кола. Город горел, подожженный фашистами. Форсировав реку, мы овладели им обходом с востока и запада.

Вторым по величине городом в Восточной Пруссии - Алленштайн овладели 22 января соединения 3-го гвардейского кавкорпуса и 35-го стрелкового корпуса, а 23-го наша армия была в Ортельсбурге и Пассенхайме (Вилленберг и Ортельсбург были захвачены ночным боем). Взяли пленных и большие трофеи.

За последние шесть суток мы продвинулись более чем на сто километров. Задачу, поставленную нам на восемь суток - выход на линию Клайн-Дакхайм и Мушакен), мы выполнили за семь суток.

24 января, продвинувшись лишь на три - пять километров, мы оказались перед вторым укрепленным районом, созданным задолго до войны. В полосе нашей армии он проходил в северо-западном направлении - от Ортельсбурга на Пассенхайм и далее на Алленштайн, по перешейкам между озерами. Берега озер, почти везде высокие, были покрыты сосновым лесом. В ряде мест противник разрушил плотины, затопив низменности и овраги.

Этот укрепленный район имел две траншеи полного профиля, с ходами сообщения, с проволочным заграждением. В траншеи были вмонтированы бетонные сооружения для пушек и пулеметов, с прочными убежищами для личного состава. Этот рубеж на фронте нашей армии обороняли: изрядно потрепанная, но еще боеспособная моторизованная дивизия "Великая Германия", 24-я танковая дивизия, 558, 129, 299-я пехотные дивизии и многочисленные разрозненные части.

В это время наши левые соседи - 5-я гвардейская танковая и 2-я ударная армии - вышли к заливу севернее города Эльбинг (Эльблонг).

Учитывая создавшуюся обстановку, генерал от инфантерии Госбах отдал своим войскам приказ прорваться одной группой к Эльбингу, а другой - на Алленштайн. К Эльбингу, к заливу противнику прорваться не удалось; небольшая группа, прорвавшаяся к Либштадту, была уничтожена. Пленные рассказывали, что все дороги, идущие к морю, забиты машинами, военными и гражданскими повозками с различным имуществом, что некоторые из солдат переодеваются в гражданское платье, пытаются уйти в глубь Германии. Но генерал Госбах дал приказ упорно обороняться. Многочисленные хутора, каменные и кирпичные постройки были спешно оборудованы для обороны.

К 1 февраля мы вышли к городу Гутштадт. Сил у нас осталось немного, но моральное состояние войск было высоким; мы решили овладеть городом ночью. В двадцать три часа после короткой артподготовки первым ворвался в город с штурмовой группой капитан Олейник. К трем часам ночи над городом уже реял красный флаг. Было много трофеев, и пленные, пленные,

пленные...

В кармане убитого обер-лейтенанта было найдено интересное письмо жительницы города к министру пропаганды Геббельсу. Привожу его полностью.

"Берлин.

Г-ну имперскому министру пропаганды доктору Геббельсу.

Надеюсь, что эти немногие строки дойдут до Вас. Мы переживаем здесь, в маленьком городе Гутштадте, нечто ужасное. Хаос, хуже которого нельзя себе представить. Необходима немедленная помощь. Я молю нашего фюрера о немедленной помощи!

Солдаты, проходящие здесь без командиров, грабят, переодеваются в гражданское платье, а свои мундиры швыряют на улице. Все документы, кобуры и каски, все, что напоминает о звании воина, все брошено и валяется вокруг домов. Все выглядит так, будто русские уже полностью свершили свое дело. Все улицы заполнены амуницией, конскими трупами, съестными припасами, которых наворовали столько, что не смогли унести. Местный руководитель национал-социалистской партии, он же бургомистр, сбежал, бросив гражданское население на произвол судьбы.

Потерявшая страх перед старшими начальниками военщина разбегается. Но солдаты, преданные фюреру, возмущены этим поведением. Офицеры будто бы говорили солдатам: "Думайте сами, как вам уйти от русских".

К сожалению, я не могу больше писать. Хочу, чтобы эти строки дошли до Вас. Хорошие солдаты оказывают мне услугу, берут это письмо, и, если им удастся, они отправят его в Ваш адрес.

Я верю Вам. Я хочу упомянуть, что я старый член партии. Гауляйтер Эрих Кох меня хорошо знает.

Ваш верный товарищ по партии Хилли Борницкая".

Письмо не дошло до адресата - мы его передали Илье Григорьевичу Эренбургу, который был у нас и использовал это письмо для своей статьи в газете "Красная Звезда".

Падение Гутштадта заставило противника принять решительные меры для спасения хотя бы части своих войск, так как передовые подразделения нашей армии находились уже в полусотне километров от побережья Балтийского моря. У немцев оставался лишь узкий пояс суши. Вдалеке, за заливом Фришос-Хафф, виднелась коса шириной три-четыре километра, длиной восемьдесят километров, частью поросшая лесом. Оттуда можно было пройти к Данцигу, который пока еще был немецким тылом, хотя и близким. Добраться по льду на косу стало для противника вопросом жизни.

Генерал Госбах получал все новые и новые приказы, один другого строже. Будто он мог сейчас что-нибудь сделать!

Вконец разъяренный поражениями, фюрер сместил командующего четвертой армией генерала от инфантерии Госбаха и ряд старших офицеров, обвинив их в намеренной уступке русским Восточной Пруссии. На место Госбаха был назначен генерал от инфантерии Мюллер. Был доведен до всех солдат и офицеров приказ Гитлера, гласящий, что "каждый дезертир является предателем родины, он будет расстрелян, а семья его подлежит разорению и репрессиям; всякий, кто, не имея ранения, попадет в плен к русским, приговаривается к смертной казни, а семья его идет на каторгу или в концентрационный лагерь". Генерал Мюллер издал в свою очередь дополнительные строжайшие приказы. Были созданы специальные команды для задержания всех отбившихся от подразделений солдат; немцы расформировали тыловые подразделения и части и за их счет пополнили действующие дивизии. Выпущены были листовки-воззвания, где наряду с угрозами гитлеровское командование уверяло свои войска, что "планы большевиков сорваны", что "в германском тылу созданы мощные военные силы" и пр.

В результате этих мер сопротивление противника возросло. Мы это почувствовали в ближайшие дни, выйдя к городу Вормдит на внешнем обводе кенигсбергского оборонительного рубежа.

Кенигсбергский укрепленный район был построен в 1930-1934 годах, он был самым мощным из тех, которые мы видели до сих пор. Кроме железобетонных дотов и бронеколпаков, соединенных сетью траншей и ходов сообщения, там были блиндажи с тяжелыми перекрытиями; в них можно было пересидеть самый сильный артиллерийский огонь. Проволочные заграждения в несколько рядов были усилены спиралью Бруно, которая при разрыве сворачивается, заполняя брешь; перед проволокой стояли надолбы, ежи и вырыты были противотанковые рвы. В ряде мест были установлены плотные минные заграждения.

Двери у дотов и убежищ были стальные, толщиной пятьдесят миллиметров, стены и потолок сделаны из железобетона толщиной полтора метра; все доты опоясывала проволока, через которую пропускался электроток. Сидя за такими сооружениями, гитлеровцы были намерены прикрыть войска, отходящие из Восточной Пруссии.

Оценивая обстановку, мы считали, что по пехоте у нас с противником силы равные, по количеству артиллерийских и минометных стволов мы его значительно превосходим (но снарядов и мин у нас было маловато), а по танкам и самоходкам

резко ему уступаем. Главное наше превосходство заключалось в том, что у нас в войсках было прекрасное моральное состояние, а у противника - катастрофически "отступательное".

Мы решили из наступавших в линию корпусов вывести 41-й во второй эшелон, чтобы было чем развивать успех после прорыва, выполненного двумя корпусами первого эшелона; получше подготовиться, поднакопить боеприпасы; прорыв осуществить на узком фронте.

Через три дня, на рассвете 5 февраля, наши цепи по лощине, заросшей кустарником, который скрывал их от противника, подошли к его обороне и после десятиминутного артиллерийского налета внезапно атаковали правым флангом. То ли от силы порыва, то ли от внезапности удара противник на какое-то время растерялся, и наши войска сумели это использовать - они преодолели противотанковый ров и заграждения и основными силами устремились к лесу, чтобы захватить его, а остальные с орудиями сопровождения блокировали и уничтожали доты на переднем крае. Вслед за наступающими цепями с помощью саперов преодолели ров и минные поля те немногие танки и самоходки, которые были у нас; у леса они присоединились к основным силам пехоты. Вскоре в сосновом бору, который раскинулся на площади в шестьдесят квадратных километров, разгорелся ожесточенный бой. Нам, внимательно наблюдавшим с вышки, было видно, как наши войска втянулись в лес. Прошел час беспрерывного боя. Что делается в лесу, мы не знали: из донесений мы узнавали только о десятках ликвидированных бетонированных огневых точек на переднем крае. Когда с ними было покончено, второй эшелон устремился через передний край к лесу и тоже скрылся в нем. Лишь к утру мы овладели всем лесом и, вклинившись в оборону противника (семь километров по фронту и пять километров в глубину), вышли к реке Древенц, где встретились с новым оборонительным рубежом.

Наша ставка на высокое моральное состояние войск полностью себя оправдала. Части и отдельные группы, проявляя разумную инициативу и отвагу, творили чудеса.

Сильная вражеская контратака вынудила полк подполковника Хомуло залечь в лесу, но своим огнем он остановил продвижение противника, который тоже залег в пятидесяти - ста метрах. Командир полка поставил задачу старшему лейтенанту Маякину - обойти фланг противника и ударить по нему с тыла. Взяв с собой всего двенадцать человек, Маякин пробрался в тыл, открыл из автомата огонь и с криком "ура" бросился на врага, этого "золотника" оказалось достаточно,

чтобы дать нам перевес. Командир полка, услыхав выстрелы и крики в тылу противника, поднял свои подразделения в атаку. Противник стал отходить, оставив в лесу семь десятков убитых, а полк вышел к реке Древенц. Тогда тот же старший лейтенант Маякин вызвался выйти в тыл и этой группе противника. Совершив менее чем за сутки вторую удачную вылазку, он обеспечил полку продвижение, сохранил жизнь многим советским воинам. Из своего отряда он не потерял убитыми ни одного; всего три солдата у него были ранены, да и то легко. Старшему лейтенанту Маякину было присвоено звание Героя Советского Союза, все его подчиненные получили ордена и медали.

На второй день части дерзкого генерала Телкова и расчетливого полковника Абилова первыми форсировали реку Древенц и вклинились в следующий рубеж немецкой обороны. Наступая на север, мы одновременно расширяли прорыв в западном направлении: части генерала Веревкина и полковника Украинского через заболоченную низину подошли вплотную к восточным и северо-восточным окраинам города Вормдит. За эти два дня было отбито более тридцати контратак противника; большая их часть, притом самых решительных, пришлась на второй день.

Когда бой за Вормдит был еще в полном разгаре, наш дозор заметил пожилую немку, шедшую из соседнего селения. Ее повели к командиру. По дороге в штаб она все старалась что-то рассказать. Выяснилось, что невдалеке на хуторе, километрах в трех, скрываются восемь вооруженных.

- Эс зинд нацистен, ахт нацистен, эсэсляйте, - твердила она. (Это нацисты, восемь нацистов-эсэсовцев.)

Решили выделить небольшую группу, часть ее расположить на опушке леса в полукилометре от хутора, а остальных послать прямо на хутор. Эсэсовцы, надо полагать, не примут боя, начнут отходить к лесу. Тут-то их и встретят бойцы, оставленные на опушке.

Семь человек во главе с сержантом Хабибулиным отделились от нашей группы и быстро направились к лесу. Остальные пошли лощиной. В километре от хутора, когда показались верхушки росших возле него деревьев, немка указала бойцам дорогу, а сама отстала.

Рассыпались цепочкой и пошли к хутору. Но фашисты не только не приняли боя, но даже не попытались бежать. Это были эсэсовцы из отряда, выгонявшего мирное население, не успевшие отступить. Они сдались.

- Спасибо, спасибо, мать! - говорили немке наши бойцы.

Женщина улыбалась в ответ и кивала головой.

Ветры, дующие с севера, приносили запах моря, запах победы.

Генерал Мюллер бросал в контратаки одну дивизию за другой. Это была вспышка злобы и отчаяния. Немцы гибли тысячами, а контратаки все учащались. Мюллер посылал всех, кто был под рукой: молодых и старых, эсэсовцев и штрафников.

Нужно отдать должное Мюллеру: он действовал довольно умело. Перед нашим правым флангом, глубже вклинившимся в оборону противника, появились части резервной пехотной дивизии; моторизованная дивизия противника, стоявшая перед нашими частями, наступавшими в центре, была усилена боевой группой "Шредер", а перед наступающими на Вормдит частями генерала Веревкина вновь появилась танковая дивизия "Великая Германия", которая до этого приводила себя в порядок, находясь во втором эшелоне.

Мы хорошо изучили своего врага и знали, что контратаки - его излюбленный метод воздействия на наши наступающие войска. Применяет он их обычно для того, чтобы восстановить утраченное положение или чтобы лишь остановить наши продвигающиеся части. В первом случае гитлеровцы решительно идут на сближение с нашими боевыми порядками, во втором же обычно лишь демонстрируют сближение, чтобы заставить наши части отказаться от продвижения и перейти к обороне. Когда 7 февраля на рассвете после довольно сильной артиллерийской подготовки немцы бросились в контр атаку, мы поняли, что это отчаянная попытка любой ценой восстановить свое положение в укрепленном районе.

Генерал Мюллер поставил на карту все, что имел. А имел он еще много. Мы превосходили его, как прежде, количеством артиллерийских стволов, но использовать преимущество нашей артиллерии в день немецкого контрудара не могли, так как подвезенные артснаряды были израсходованы в наступательных операциях предыдущих двух дней.

Оставалось принять решение на переход к обороне. Командирам соединений был дан приказ: занять выгодные позиции, уничтожать живую силу и технику противника, имеющиеся снаряды и мины использовать экономно, бить только наверняка, подпуская цели на близкое расстояние.

Гитлеровцы контратаковали нас непрерывно в течение двух дней. Они несли страшные потери. Потери несли и мы. Но мы не отступили ни на шаг.

Противник использовал густую сеть хороших дорог и быстро перебрасывал свои резервы туда, где намечался наш успех.

После этих непрерывных боев наступила некоторая пауза, которой мы воспользовались, чтобы подвезти боеприпасы, "подчистить" еще раз тылы и пополнить за их счет малочисленные роты.

В это время 2-й Белорусский фронт наступал уже строго на запад, и наша армия, как правофланговая и нацеленная на северо-запад, была передана 3-му Белорусскому фронту, которым командовал генерал армии И. Д. Черняховский. От соседа слева нам были переданы части 152-го укрепленного района, оборонявшиеся на широком фронте. Полоса армии увеличилась по прямой на треть, а с учетом изгибов фронта - вдвое.

Обстановка была сложной: до моря оставалось пятьдесят километров. Окруженный с трех сторон и прижатый к заливу, противник яростно сопротивлялся. Чтобы не допустить его отхода по льду на Данциг и не драться с ним потом снова где-то в Германии, нужно было беспрерывно его бить и теснить. Ни одна наша дивизия не имела больше четырех тысяч бойцов, многие - меньше. Боеприпасов успевали подвозить не более 0,10-0,15 боекомплекта в сутки.

За несколько дней передышки мы успели произвести перегруппировку и в какой-то степени пополнили роты, поднакопили боеприпасов.

Пространство, оставшееся до моря, надо было преодолеть как можно быстрее этого требовал общий план операции. Город Вормдит, оказавшийся на нашем пути, был обложен с востока, юга и юго-запада. Мы решили обойти его и с севера. Хотелось спасти город от разрушений. У нас было два учебных батальона, готовивших сержантов из бывалых солдат. Всем курсантам надели красные нарукавные повязки. Войдя в город, эти два батальона должны были составить его гарнизон, следить за порядком и не допускать пожаров.

Удар наносился на северо-запад, чтобы перерезать шоссе на Мельзак. Начали наступление днем 14 февраля. За два часа продвинулись на два - четыре километра. Противник несколько раз нас контратаковал, но к вечеру шоссе и железная дорога были перерезаны, а через сутки город был полностью очищен от врага. Вормдит - крупный узел шоссейных и железных дорог, его потеря была для немецких войск на этом участке очень чувствительной, но благодаря нашему обходному маневру они вынуждены были его оставить. И не просто оставить, а целехоньким: не был разрушен ни один дом.

Фашистские генералы уже в который раз клялись "сдержать большевистский натиск". Во всех подразделениях читали строжайшие приказы. Но начинался бой, и гитлеровцы снова

отступали. Отчаяние и страх - плохая моральная основа для стойкости.

На второй день, после того как наша армия вошла в подчинение 3-му Белорусскому фронту, к нам в Фраймарк прибыл генерал армии Черняховский. Его я видел впервые. Он был очень молодым, энергичным и уверенным. Сразу, как только познакомились, он выразил свое большое удовлетворение нашими практическими указаниями командирам соединений. Помню его слова: "Это хорошо, очень правильно". Вторично он выразил удовлетворение, выслушав мою оценку обстановки и доклад о наших намерениях. Спросил, сколько мне лет, чем командовал до войны.

- Пятьдесят четыре года, семь лет командовал полком, пять с половиной бригадой, девять - дивизией, - ответил я.

Он немного отошел, осмотрел меня и промолвил!

- Это тоже хорошо. - Потом спросил фамилию командира дивизии, которого он встретил на шоссе.

Я затруднился ответить, не зная, о ком идет речь. Он уточнил:

- Да такой старичок.

Я ответил, что у нас стариков среди командиров дивизий нет.

Он дополнил:

- Ему будет лет сорок пять.

- Если бы он в свои сорок пять лет играл в куклы, - сказал я, - для этого он был бы староват, а командовать дивизией он еще не стар. - И добавил: - В четырнадцатом году, когда немцы обходили Париж с севера, правофланговыми армиями командовали Бюлов и Клук, одному было шестьдесят семь, а другому шестьдесят девять лет, командовали они хорошо.

После этого разговора генерал армии Черняховский стал более официальным в обращении со мной. На работе это не отразилось - командующий фронтом, внимательно следя за нашими планами и действиями, никогда не стеснял проявления самостоятельности и инициативы.

Для овладения городом Мельзак у нас было два варианта: первый - обход с востока и северо-востока и второй, предложенный генералом Никитиным, - ночной бой (так мы взяли уже три города). В пользу первого варианта было то, что мы получили бы в свое распоряжение еще один неразрушенный город; но обстановка здесь была иной, чем перед Вормдитом, - наш левый фланг не только не охватывал Мельзак с юго-запада, но и сильно отставал от правого фланга, а перед правым были две реки.

Оба варианта были доложены генералу Черняховскому.

- Какой вариант вам больше нравится? - спросил меня командующий. - Я думаю использовать тот и другой, но раздельно, - ответил я. - Днем шестнадцатого наступать с решительной целью правофланговым сорок первым корпусом и его наступление обеспечить мощной артподдержкой, чтобы привлечь к правому флангу все резервы противника. А в полночь на семнадцатое атаковать город тридцать пятым корпусом.

- Считаю это правильным, - услыхал я в ответ.

Осуществляя наш план, 41-й стрелковый корпус к четырнадцати часам 16 февраля форсировал реку Вальш, но был остановлен на реке Варнау. Однако основные резервы противника уже были прикованы к нашему правому флангу, и я дал указание Никитину быть готовым к ночному наступлению на город. За три часа до темноты артиллерии приказано было повернуть свои стволы на город и обеспечивать ночное наступление 35-го стрелкового корпуса.

В двух километрах южнее города Мельзак находился кирпичный завод, превращенный противником в опорный пункт; его оборонял, по-видимому, сильный гарнизон. Этот опорный пункт мешал овладеть городом, и мы решили попытаться захватить его до общего наступления. Капитан Зубков, которого знали как исключительно смелого и предусмотрительного офицера, добровольно вызвался выполнить эту задачу со своей дивизионной ротой автоматчиков.

Как только стемнело и наступила тишина, автоматчики проползли по лощине к кирпичному заводу. В то время когда гарнизон численностью около двухсот человек ужинал, они решительно атаковали его с тыла. Среди немцев в момент атаки не оказалось офицеров - их вызвали зачем-то в город, а солдаты сопротивлялись неорганизованно. В результате двадцать восемь автоматчиков капитана Зубкова взяли этот сильный опорный пункт, захватили 62 пленных, 12 пулеметов, 105 винтовок и автоматов и 3 радиостанции. Противник оставил на поле боя 68 трупов. Автоматчики, потеряв лишь пять человек ранеными, не только захватили, но и удержали кирпичный завод, отбив сильную контратаку. Немедленно к ним было послано подкрепление, с помощью которого были отбиты еще две контратаки.

В час ночи тишину нарушил залп "катюш", а потом прогрохотали почти одновременно разрывы трехсот снарядов, выпущенных по переднему краю обороны и по городу. Наши войска с незначительными потерями овладели обороной противника и ворвались в город. К трем часам утра Мельзак был взят.

В этом бою особенно отличились части гвардии полковника Вязниковцева и гвардии полковника Грекова.

Этот успех был использован 41-м стрелковым корпусом: он форсировал левым флангом реку Вальш, а правым - реку Варнау; 40-й стрелковый корпус продвинулся на два километра, вышел к реке Вальш, а 169-я стрелковая дивизия Ф. А. Веревкина даже форсировала ее у левой границы армии.

Захват городов Вормдит, Мельзак и других был отмечен благодарственным приказом и салютом в Москве.

Как ни много было неотложных дел, мне захотелось побывать в роте автоматчиков капитана Зубкова, чтобы поздравить их с выдающейся победой. Крепко обняв капитана Зубкова, я сказал собравшимся: "В лице вашего достойного командира целую и обнимаю вас всех". Мне хотелось не только поблагодарить, но и расспросить участников боя, как им удалось победить противника, в семь раз превосходящего их численностью, захватить столько оружия и овладеть тщательно укрепленным пунктом. Нужно было видеть их настроение! С каким оживлением они рассказывали подробности недавнего события!

- Мы еще днем высмотрели, где находится немецкий пост, наметили путь для его обхода, - сказал один из сержантов. - Чтобы не обнаружить себя, ползли триста метров, а то и больше; когда же оказались в тылу поста, выделили сержанта и трех солдат для снятия часового без шума и стрельбы. Они это сделали.

- Несколько дней мы изучали расположение кирпичного завода, пути подхода к нему, - сказал капитан Зубков, - определили и план действий при ударе по нему с тыла. Но, по правде сказать, когда мы давали слово командиру дивизии, что захватим завод, мы не думали, что там у противника такая сила.

Один из солдат несколько раз нетерпеливо вставал и поднимал руку. Получив слово, он сказал:

- Когда мы с тыла подходили к большому длинному зданию, я один был впереди. Там в помещении был шум и смех. Нетрудно было определить, что немцев там намного больше, чем нас. Мне уже становилось страшно, но в это время тихо подошла рота. Ну, подумал я, видно, до атаки дело не дойдет, пойдем обратно. Но, когда передние остановились, а задние подтянулись, подошел командир роты. Он тоже прислушался к смеху, шуму и стуку посуды и тихо сказал: "Там едят. Хорошо, что они все в помещении. Трое останьтесь снаружи и никого не подпускайте, если нужно будет - стреляйте. Остальные все за мной, в помещение. Как войдем, быстро становитесь правее и левее меня, не мешайте один другому в стрельбе. Огонь открывать только по

моей команде".

Когда мы вошли, там было много фашистов, они сидели за столами и ужинали. Охраны никакой, - видно, надеялись на тот пост, что мы сняли. Помещение большое, а свет электрический, но совсем слабый. Мы тут же, по команде, открыли огонь. Большинство попадало под столы, а часть побежала к выходу на другом конце столовой, мы по ним стали стрелять. Капитан оставил лейтенанта с пятью солдатами в помещении, а сам о остальными выбежал через ту дверь, в какую мы вошли, чтобы ловить убегающих.

Лейтенант, оставленный в помещении, приказал немцам вылезать из-под столов и собираться в угол, но никто но поднимался. Были среди них убитые и раненые, а другие боялись подняться. Тех, кто мог ходить, собрала в одном из углов.

Капитан выбежал из столовой с группой автоматчиков, чтобы не позволить убежавшим взять оружие и оказать сопротивление; но немцы бежали в сторону города и были уже далеко. Мы вскочили в другое помещение, где было два немца, не думавших о сопротивлении, и много оружия, аккуратно поставленного вдоль стены. За хватив весь завод, мы донесли об этом по радио и организовали оборону. Контратаку мы отражали сильным огнем из немецких автоматов, свои патроны уже почти все были израсходованы. Мы боялись, что при повторении контратак такой удачи у нас уже не будет, но тут пришла поддержка.

Вся рот получила достойные награды.

Противник, выбитый из Мельзака, отошел на запасные позиции в двух километрах севернее и западнее города.

Утром 17 февраля генерал армии Черняховский вызвал меня к телефону, поздравил о успехом, ознакомился с обстановкой и спросил, не отстают ли командиры дивизий и корпусов от боевых порядков и где находится штаб армии. Ответив на его вопросы, я добавил:

- Только что вернулся от Урбановича, он находится от противника в полутора километрах. Из-за систематического артобстрела я с трудом выбрался от него. Остальные командиры корпусов в таком же положении.

- Через два часа я буду у вас, - сказал Черняховский.

Учитывая, что он поедет с востока, я предупредил его, что шоссе здесь просматривается противником, обстреливается артогнем, но Черняховский не стал слушать и положил трубку.

Имея в своем распоряжении два часа, я решил съездить к командиру 35-го корпуса Никитину - его НП находился в одном километре севернее города и на таком же расстоянии от противника. Подходы просматривались и обстреливались,

поэтому я был вынужден оставить свою машину на северной окраине города и пойти пешком между железной и шоссейной дорогами.

У 290-й дивизии и 35-го корпуса наблюдательный пункт был совместный. Моему появлению командиры нисколько не удивились - такие посещения были делом обычным. Они доложили обстановку и свои намерения. После этого я отправился тем же путем обратно.

Проехав город, я, чтобы не опоздать, поспешил к развилке шоссе в семистах метрах восточное городской окраины. Не доехав туда метров полтораста, я увидел подъезжавший "виллис" и услыхал один выстрел со стороны противника. Как только "виллис" командующего очутился на развилке, раздался единственный разрыв снаряда. Но он был роковым.

Еще не рассеялись дым и пыль после разрыва, как я уже был около остановившейся машины. В ней сидело пять человек: командующий фронтом, его адъютант, шофер и два солдата. Генерал сидел рядом с шофером, он склонился к стеклу и несколько раз повторил: "Ранен смертельно, умираю".

Я знал, что в трех километрах находится медсанбат. Через пять минут генерала смотрели врачи. Он был еще жив и, когда приходил в себя, повторял: "Умираю, умираю". Рана от осколка в груди была действительно смертельной. Вскоре он скончался. Его тело увезли в деревню Хаинрикау. Никто из четверых не был ранен, не была повреждена и машина.

Из штаба 41-го корпуса я донес о случившейся беде в штаб фронта и в Москву. В тот же день к нам прибыл член Военного совета фронта, а на другой день приехали представители следственных властей. Потом тело генерала Черняховского увезли.

О гибели командующего были извещены войска. Мы призывали беспощадно отомстить врагу за нашу большую утрату. Это была действительно тяжкая утрата для Красной Армии - Черняховский был молод, талантлив и мог еще много дать нашим Вооруженным Силам.

После гибели генерала Черняховского объединенное командование 3-м Белорусским и 1-м Прибалтийским фронтами возложено было на начальника Генерального штаба Маршала Советского Союза А. М. Василевского, который в то время находился в войсках этого направления. В Москве Василевский бывал только тогда, когда подготовлялись большие операции, а остальное время проводил в войсках, помогая командующим.

Александра Михайловича Василевского я видел на Волге осенью 1942 года. Он произвел на меня впечатление выдающегося

по способностям генерала и в то же время человека исключительно скромного и обаятельного.

Сразу же после назначения он прибыл в нашу армию, поздоровался со всеми присутствующими на КП и, обращаясь к ним, сказал:

- Вашего командующего я знаю по Сталинграду, он шел темной ночью вне города, пешком, я подвез его на своей машине.

Когда в комнате остались Коннов, Ивашечкин и я, он предложил мне доложить обстановку, численность дивизий, обеспеченность питанием, боеприпасами и коротко сказать о командирах корпусов.

Я ответил, что упорство противника возрастает, что из-за нелетной погоды сведения наши о нем очень ограниченны; единственным источником являются пленные, которые после перемешивания частей в ходе отступления сами не много знают. Дивизии наши, мягко говоря, далеко не полны: они насчитывают в среднем по 3300 едоков, но не более 300 человек боевого состава. Однако настроение боевое, наступательное. Питание хорошее, продовольствие берем на месте. Но подвоз боеприпасов затруднен из-за удаленности фронтовых складов, а одним трофейным оружием удовлетворить потребности нельзя. Командиры корпусов боевые, опытные и инициативные генералы, вполне соответствующие своему назначению; то же могу сказать и о командирах дивизий.

Маршал, выразив удовлетворение моим докладом и задав несколько вопросов, сказал: "Вам будет передан от соседа 124-й стрелковый корпус со своей полосой" - и убыл в другую армию.

Наступление наше было медленным: упорство противника возрастало по мере того, как он терял надежду на победу или хотя бы на такой мир, который позволил бы сохранить фашизм и германский милитаризм. Солдаты, которые чувствовали себя лишь невольными участниками войны, дезертировали, но на фронте было много таких, которые чувствовали себя военными преступниками и боялись расплаты за свои преступления. Фронт сжимался, и противник мог уплотнять оборонительные участки своих понесших потери частей. Погода по-прежнему была нелетная, мы не могли использовать наблюдение с воздуха, а местность была плоская, покрытая перелесками, населенными пунктами и хуторами. Чтобы хоть что-нибудь видеть в глубине обороны противника, мы при каждом трехкилометровом продвижении строили вышки вровень с высокими деревьями, но и с них было видно не много, мешали туманы. На эти вышки, удаленные на один-полтора километра от противника, часто поднимался Василевский, надеясь хоть что-нибудь рассмотреть.

Он не раз присутствовал на наших предварительных проигрываниях наступления.

Чтобы не ослабло в той обстановке моральное состояние войск, мы проводили непрерывно агитационно-пропагандистскую работу, в которой участвовали все командиры.

Из лесов к нам выходили поодиночке и группами советские женщины, угнанные на работы из Ленинградской, Псковской, Новгородской, Минской, Смоленской областей, из Белоруссии и с Украины. Я не могу описать их радости при встрече с нашими войсками. Они мечтали об одном: скорее возвратиться в родные края, хотя эти местности дочиста были ограблены и сожжены гитлеровцами.

Хорошо запомнив уроки бережливости, полученные от командира Черниговского гусарского полка в 1914 году, я издал приказ о сборе и сохранении брошенного немцами скота и имущества. (Позднее был получен такой же приказ и из штаба фронта.) К 1 марта нами было уже собрано 29 240 голов крупного рогатого скота (недоенных коров, мычавших от боли, доили солдаты, им помогали освобожденные из неволи советские женщины), 890 свиней, 6000 овец, 3100 тонн зерна в другое имущество.

После некоторой передышки и перегруппировки войск мы сосредоточили на пятикилометровом фронте пехоту с двойным превосходством над противником, артиллерию и минометы с превосходством в пять раз (но танков и самоходок у нас было всего восемнадцать) и перешли 14 марта в наступление. За три дня продвинулись на пять километров, овладев двумя оборонительными рубежами противника. При этом наша армия вклинилась узким острием, подвергаясь обстрелу не только с фронта, во и с флангов. По-прежнему каждый километр стоил крови и тяжких трудов.

К счастью, 18 и 19 марта была летная погода. Авиация помогла нам оседлать автостраду, которая, находясь в тылу противника, служила прекрасным рокад ним путем для маневрирования его резервов. В эти два дни авиация не только помогла наземным войскам продвинуться, но и дала ценные сведения о группировке противника в глубине обороны. Наши войска продвинулись еще на пять километров, что в то время было большим успехом. От залива мы находились уже всего в пяти - семи километрах. Последний рубеж противника проходил у города Хайлигенбайль и идущей от него к городу Браунсберг железной дороги, сплошь заставленной вагонами. Этот рубеж был взят ночной атакой 25 марта. (Город Браунсберг не входил в полосу нашей армии, он был занят соседом. Но в приказе

Верховного Главнокомандующего была объявлена благодарность также и войскам нашей армии, так как наше обходное движение вынудило противника отступить.) В тот же день корпус генерала Урбановича вышел к заливу Фришес-Хафф. К рассвету вся наша армия была на его берегу.

Утро 26 марта было солнечным и тихим. Тишину нарушали отдельные выстрелы из орудий - это снайперы-артиллеристы вели огонь по удаляющимся баржам и плотам. Наша авиация укладывала свои бомбы стройным рядком на узкой косе.

А что делалось на берегу залива! Площадь в несколько километров вся была завалена машинами и повозками, груженными военным имуществом, продовольствием, предметами гражданского обихода. Меж машин и повозок лежали трупы немецких солдат. У коновязей лежали тысячи лошадей, убитых гитлеровцами при отступлении.

Рано утром я увидел на берегу укрытия из ящиков с консервами и мешков кофе, которые были уложены на брустверах траншей.

Я позвонил маршалу Василевскому, рассказал ему обо всем. Добавил:

- Чтобы поверить, нужно увидеть своими глазами.

Часа через три Александр Михайлович прибыл к нам, поздравил войска с окончательной победой на этом фронте.

- А это, - он обвел рукой кругом, - надо увековечить для потомков.

Политотдел заснял картину разгрома гитлеровцев на кинопленку, переданную затем в Музей Советской Армии. Уезжая к Кенигсбергу, Василевский сказал:

- Теперь отдыхайте. Отдых вы честно заслужили.

А из толпы солдаты ему кричали:

- На Берлин!

- На Берлин!

К Василевскому тянулись солдаты и офицеры, он пожимал сотни рук. Его машина удалялась под гром приветствий.

Этот день был радостным, ликование было всеобщим. Вместе с Москвой мы сами себе салютовали весь вечер: до самой полуночи то тут, то там взвивались к небу ракеты. Выстрелов на всем фронте нашей армии не было слышно.

С 27 марта армия впервые за все время войны не имела ни соприкосновения с противником, ни боевой за дачи. Мы находились в резерве.

Без устали работали трофейные команды, разгружая и сортируя взятое с обозов и складов. Им охотно помогали стрелки, артиллеристы, саперы, связисты.

В штабах подсчитывались итоги последних двух дней и операции в целом. Итог получался отличный.

Мы рассчитывали получить передышку в десять - пятнадцать дней, пополнить свои ряды, привести себя в порядок. Однако уже 1 апреля поступила директива на переход армии под Франкфурт-на-Одере. Нас предупредили, что артиллерия на авто - и конной тяге, а тем более обозы должны идти своим ходом, так как получено минимальное количество железнодорожных эшелонов, которые предназначались лишь для перевозки гусеничных машин и тяжелых грузов. Получение этой директивы нас не огорчило, скорее, даже обрадовало, так как все горели желанием участвовать в битве за Берлин. Смущала малочисленность боевого состава дивизий, но мы всегда надеялись на лучшее и верили, что получим пополнение до вступления в бой.

Штабы приступили к организации перехода в район, находившийся от нас в пятистах пятидесяти километрах, войска готовились к выступлению.

Мы разведали четыре маршрута, проверили мосты на них, расставили указки с надписями, как было заведено у нас на протяжении всей войны: "Конь - 1", "Лев - 1", "Конь - 2", "Лев - 2". Эти указки исключали возможность того, что конная колонна выйдет на автомобильную дорогу, и, наоборот, обеспечивали отстающим возможность догнать свою часть на привале или ночевке. Предусмотрено было медицинское, ветеринарное и техническое обеспечение маршрутов.

Переход был совершен в срок.

По прибытии мы, как и надеялись, получили пополнение, хотя и небольшое. Произвели разбор сражения за Пруссию и дали указания по предстоящей операции. Вручены были награды большому числу генералов, офицеров, сержантов и солдат, зачитаны указы о присвоении звания Героя Советского Союза группе военных, в том числе и мне.

Я явился к командующему 1-м Белорусским фронтом маршалу Г. К. Жукову, доложил о степени сосредоточения армии. Маршал сообщил мне: начало наступления на Берлин назначено задолго до рассвета при ослеплении противника и превращении ночи в день ста сорока пятью прожекторами; с плацдарма двадцать четыре километра по фронту будут наступать четыре общевойсковые и две танковые армии; рассказал, какими мерами будут отвлекать внимание противника от берлинского направления и от нашей подготовки на кюстринском плацдарме. Берлин будет захвачен на пятый день, а на Эльбу мы выйдем 26 апреля. Наличие двухсот семидесяти артиллерийских и минометных стволов на километр и более тридцати танков

непосредственной поддержки на километр должно обеспечить успех.

Я высказал опасение, что ночное наступление при таких плотностях боевых порядков неизбежно повлечет к перемешиванию соединений и частей. И зачем ночь превращать в день - не лучше ли обождать рассвета? Я подумал еще, хотя этого и не сказал, что боевые порядки на плацдарме излишне уплотнены и это приведет к лишним потерям; нецелесообразно брать Берлин штурмом, лучше блокировать его и выходить на Эльбу. Сомневался я и в том, что мы сумеем заставить противника думать, будто мы отказались от нанесения основного удара с кюстринского плацдарма.

В разговоре по затронутым вопросам командующий фронтом остался при своем мнении. Однако, как известно, наступление он начал не ночью, а в 6 часов 30 минут.

Войска фронта, выйдя к рекам Одер (Одра) и Нейсе и захватив плацдармы, готовились к Берлинской операции. К 15 апреля, когда наша армия (за исключением некоторых тыловых частей) сосредоточилась во втором эшелоне 1-го Белорусского фронта, подготовка к наступлению уже была закончена. В это время две наши дивизии были поставлены в оборону перед плацдармом, который противник занимал на правом берегу Одера, против города Франкфурт-на-Одере.

Не было сомнения в том, что немецкое командование ожидает нашего наступления со дня на день. Оно успело создать мощную оборону на реках Одер и Нейсе. Это был глубокий оборонительный район с промежуточными рубежами и отсечными позициями. Особенно сильной была оборона перед кюстринским плацдармом, на Зеловских высотах; гребень их находился в четырех километрах от нашего переднего края, и противник оттуда просматривал весь плацдарм. Против англо-американцев, между Берлином и Эльбой, немцы оборонительных рубежей не создавали.

Берлинское направление оборонялось немецкой группой армий "Висла" в составе 3-й танковой и 9-й армий и основных сил группы армий "Центр" - общим количеством до шестидесяти дивизий с несчетными отдельными частями усиления. Кроме того, в самом Берлине, опоясанном тремя оборонительными рубежами, формировалось до двухсот отдельных батальонов. Немцы расформировали свою запасную армию, все военные училища и высшие военные учебные заведения и бросили их личный состав на укомплектование фронтовых дивизий и частей (доведя их до семидесяти - восьмидесяти процентов штатной численности) и на формирование отдельных батальонов; они

снимали свои соединения с западного фронта, не боясь его оголения, и перебрасывали их на восточный фронт. Гитлер еще не терял, надежды на заключение компромиссного сепаратного мира с англо-американцами.

Прорыв обороны противника на реках Одер и Нейсе, расчленение и уничтожение этой сильной группировки было возложено нашим командованием на войска 1-го Белорусского, 1-го Украинского и 2-го Белорусского фронтов.

Наступление 1-го Белорусского фронта началось 16 апреля. Оборона была прорвана, и наступление успешно развивалось. К 22-му линия фронта проходила у северных предместий Большого Берлина и далее через Штраусберг, Кинбаум, Духхольц, Болендорф к северной окраине Франкфурта. Одновременно передовые соединения 1-го Украинского фронта подходили к окраинам Большого Берлина с юга, обходя с юга и юго-запада франкфурт-губенскую группировку противника

В это время наша армия сосредоточилась в районе Янсфольде и получила задачу: наступав и полосе Шенефельде, Кагель, Бондсдорф и слева - Хейнерсдорф, Буххольд, Биндов, Маттенвольде; войти в связь с соединениями 1-го Украинского фронта, завершить окружение я отрезать пути отхода франкфурт-губенской группировки к Берлину, а потом ее уничтожить, во взаимодействии с соседями. Правее нас наступала армия генерал-полковника В. И. Чуйкова, а левее - армия генерал-полковника В. Я. Колпакчи.

Решение на полное окружение группировки противника принималось нами в старинном замке Янсфольде. Свидетелями были хозяева замка, их предки и почитаемые ими властители: все они смотрели на нас застывшими глазами из больших позолоченных рам со стен обширной библиотеки.

Мы считали, что моральный дух противника подорван, что немецкие солдаты будут оказывать сопротивление лишь из боязни быть расстрелянными своими же заградительными отрядами и поэтому выгодней наступать ночью, когда действия солдат будут слабо контролироваться офицерами, особенно в лесу. Мы решили форсировать Шпре и канал Одер - Шпре в ночь на 23-е, наступать стремительно и к 25 апреля выйти на шоссе Берлин - Цессен, завершив окружение. Эго была трудная задача, учитывая не только расстояние в тридцать пять километров, но и большие озера с узкими перешейками, перерезанными судоходными каналами. Однако задача была выполнена в срок. Сопротивление мы встречали организованное, но все же далеко не такое, как в Восточной Пруссии. Нас часто контратаковали и в лесистой местности, используя внезапность, но атаки были не

слишком настойчивыми и не достигали цели. Не спасло отступающего противника и разрушении всех мостов и даже малых мостиков на дорогах и каналах. По помогло ему и массовое разбрасывание мин-"сюрпризов" в виде пачек сигарет, спичечных коробок, тюбиков зубной пасты, автоматических ручек, которые взрывались при нажатии, вскрытии и т. п. Не задерживали мы темпа наступления и из-за отставания левого соседа.

Форсирование озер нам облегчили приданный батальон лодок-амфибий под командованием капитана Князева и захваченные немецкие моторные лодки и самоходные баржи. При помощи этих средств мы высаживали десанты на слабо занятых берегах широких озер и потом с тыла атаковали части противника, обороняющие межозерные промежутки.

Самые ожесточенные бои начались после того, как мы замкнули кольцо и приступили к уничтожению окруженной группировки. При этом фронт наступления нашей армии сначала был повернут на юг, потом на юго-восток и почти на восток. Противник оказывал особо упорное сопротивление нашему наступлению и сам наступал как очумелый с десятикратным превосходством там, где мы переходили к обороне.

Пленные немцы показывали: "Нам приказано обороняться до тех пор, пока вся наша группа не отойдет к Берлину и деблокирует его". Некоторые не стесняясь заявляли: "Офицеры нам говорили: уж если придется сдаваться в плен, то не русским, а англичанам и американцам". Находились и такие, которые говорили уже со злобой: "Мы должны были обороняться до тех пор, пока наши начальники, а вместе с ними "тузы" разных мастей не отойдут за Эльбу к англо-саксам..."

А Геббельс в своих листовках продолжал уверять:

"Несмотря на все неудачи, мы должны продолжать борьбу... Мы можем завтра одержать большую победу - и это зависит только от нас, мы еще не проиграли ничего".

Может ли быть что-нибудь более несуразное, чем то, что сказано в этом документе, выпущенном, когда наши войска были между Одером и Берлином, а союзники подходили к Эльбе? Но ведь находились люди, которые продолжали верить в этот бред и сражаться за него с оружием в руках.

Но мере нашего продвижения мы овладевали местностью с вековым сосновым лесом, с множеством красивых вилл, расположенных по озерным берегам. В этом районе издавна жила и развлекалась немецкая знать, позднее - приближенные Гитлера. Слуги, оставшиеся в виллах, вывесили белые флаги.

В Нойе-Моле захвачена была мощная берлинская

радиостанция в полной исправности, с частью персонала, который предложил нам свои услуги. Захвачены были завод взрывчатых веществ и другие предприятия с исправным оборудованием.

Нашей армии приказано было выйти на линию сплошных озер - Тойпиншерзее, Хельцернерзее, Вольпирензее - и перейти к обороне, не допуская просачивания противника. Мы вышли на эту линию 26 - 27 апреля. Из двадцатипятикилометрового фронта двадцать два километра приходились на широкие озера и три километра на сухопутные промежутки между ними (да и то прорезанные каналами). Некоторые наши товарищи считали, что дальше наступать нецелесообразно: надо перейти к обороне на этом водном рубеже, как приказано, - пусть другие армии теснят на нас противника. Но мы не согласились с этим мнением и на рассвете 28 апреля продолжали наступать, как это ни трудно было, в узких сухопутных промежутках, форсируя озера при помощи лодок-амфибий.

Мы знали, что шестидесяти - восьмидесятитысячная армия гитлеровцев, дойдя до линии озер, не будет прорываться на север или юг, а тем более на восток, что она будет прорываться только на запад и северо-запад, - значит, через нашу армию и через правого соседа. Мы знали, что нам может быть очень трудно. Но мы верили в боевой дух наших войск.

Почему мы взяли на себя более трудную задачу - наступление, а не перешли к обороне? Потому что противник, подойдя к нашей обороне на озерах, мог прикрыться небольшой частью сил и прорваться у более слабого правого соседа. Этого нельзя было допустить. Кольцо окружения надо было сжимать.

28 апреля мы намеревались выйти к реке Даме, но, продвинувшись за линию озер на два-три километра, были вынуждены на этом рубеже остановиться. Противник продолжал нас атаковать плотными цепями; гитлеровское командование совсем ужо переставало считаться с потерями.

Нетрудно было догадаться, что 29 апреля противник обрушится на нас всей массой живой силы и огня. Ожидая этого, мы хорошо окопались и запаслись патронами. Действительно, с рассветом немцы перешли в наступление более плотными боевыми порядками и атаковали не цепями, а колоннами. Военного разума в этом уже не оставалось нисколько. Храбрости - тоже. Их гнали вперед отчаяние и, конечно, стрелявшие им в спину фашистские заградительные отряды. Трудно себе представить этот бой в редком сосновом бору без единого кустика! Наши войска стреляли лежа, с упора, уверенно и метко. Противник же шел во весь рост и стрелял на ходу, неточно, не

видя цели. Вся двенадцатикилометровая полоса перед нами была усеяна трупами врагов.

В течение этого дня случалось несколько раз так, что командирам батальонов (которые были в одной цепи с солдатами) казалось, будто на их участке оборона не выдержит и враг прорвется. Но выдержали все. Лишь кое-где удалось просочиться мелким вражеским группам, но и они были уничтожены или пленены нашими тыловыми подразделениями. Самая крупная группа - вероятно, более трех тысяч человек - прорвалась на стыке наших двух дивизий, но и те недалеко ушли.

На рассвете 30 апреля мы услыхали отдаленные разрывы снарядов: это била артиллерия соседних армий, преследовавших отступающего противника. Вскоре окруженная группировка гитлеровцев перестала существовать как военная сила. Мы соединились с войсками армий генералов Цветаева и Колпакчи.

Этот день ознаменовался еще и водружением Знамени Победы над рейхстагом.

До темноты весь личный состав войск - солдаты, сержанты, офицеры, не исключая генералов, - совершал экскурсии за свой передний край обороны. Перед нашими глазами предстало жуткое зрелище: на первых трех сотнях метров трупы лежали сплошь, один за другим - это был результат ружейно-автоматно-пулеметного огня; на следующих семистах метрах людские трупы лежали вперемешку с конскими - это была работа минометчиков и отчасти пулеметчиков; на следующих двух километрах трупы людей располагались отдельными группами - результат работы артиллеристов. Все пространство было завалено исправной и подбитой техникой. На поле осталось 122 танка и самоходки, 1482 орудия и миномета, 9198 автомашин.

Вечером 30 апреля у всех было настроение особо торжественное. Военный совет поздравил личный состав армии с наступающим праздником 1 Мая и пожелал успехов в последнем бою.

Покончив с немецкой группировкой юго-восточнее Берлина, мы понимали, что нам еще предстоит сражаться с врагом, и не ошиблись.

1 мая мы получили новую задачу: сосредоточиться на северной окраине Берлина в районе Шенвальде, Ровенталь, Бланкенбург, Бух с целью нанести удар по окруженному гарнизону противника. С семи часов 2 мая наши дивизии уже были на марше. Но на ночевке у юго-восточной окраины Берлина мы получили новую задачу: в связи с капитуляцией берлинского гарнизона следовать к реке Эльба через южную окраину германской столицы. Мы рассчитали, что расстояние до Эльбы -

сто двадцать километров - необходимо преодолеть за трое суток, чтобы не допустить ухода немецких войск к англо-американцам. Выслав по двум маршрутам передовые отряды, мы поспешили вслед за ними.

Проходя через окраины Берлина, мы видели, во что превратило город бессмысленное сопротивление гитлеровцев: груды развалин, обгорелые остатки строений, скрюченные железные балки... Не раз наши дивизии останавливались, чтобы расчистить себе проход. Многие здания еще дымились.

Наш путь проходил через Потсдам, Бранденбург, Гентин - по местности лесисто-озерной, пересеченной реками и каналами. Сначала шли по территории, занятой нашими войсками. Дальше стали попадаться мелкие группы противника, оставленные, чтобы разрушать мосты и, насколько возможно, задерживать наше продвижение. У Бранденбурга нашим войскам пришлось встретиться с обороной арьергардных частей противника, которую мы преодолевали основными силами головных дивизий, идущих по этим маршрутам. Не раз приходилось изумляться изобретательности наших офицеров, смелости бойцов, доходящей до полного забвения опасности; дивизии оставляли небольшие подразделения перед частями противника, остальными же силами, как вода, просачивались в незначительные промежутки - одни из этих частей выходили в тыл противника, окружали и пленили иго, а другие спешили к Эльбе. Наши левофланговые соединения отважных командиров генерала Михалицина и полковника Романенко вышли к Эльбе 5 мая.

Выход наших частей к Эльбе был встречен салютом с того берега, стрельбой вверх и приветственными возгласами американцев.

В правой части полосы нашего наступления соединения полковника Грекова и генерала Абилова встретили ожесточенное сопротивление на подступах к городу Гентин. Попытка овладеть городом 6 мая не дала результатов. Лишь когда мы подтянули основную артиллерию, форсировали канал и обошли город с севера, удалось сломить сопротивление гарнизона.

В это же время дивизии 40-го стрелкового корпуса, вышедшие на Эльбу, наступали по ее восточному берегу на север, на Ферхлянд, Дербен и севернее, окружили и пленили в атом районе большую группировку противника, пытавшуюся переправиться к американцам.

Наши правофланговые соединения преследовали отступающего противника от города Гентин в северо-западном направлении к Эльбе. Я был при одной из этих дивизий и, оказавшись на берегу реки, увидел не только скопление

окруженных немцев, но и уплывающих через реку различными способами: на пароходах, самоходных баржах, моторных и весельных лодках, даже плывущих одиночек в одном белье, несмотря на холод. Видел, что много пароходов и барж у левого берега причалены в два-три ряда и к ним подходят другие. Тогда я обратился к командиру американской 102-й пехотной дивизии и находящемуся на том берегу командиру пехотного полка с просьбой вернуть нам немцев, переправляющихся на их берег, вместе с пароходами, баржами и лодками. Я не сомневался в том, что там было много военных преступников, пытавшихся скрыться от суда народов. Законность моей просьбы я обосновал тем, что мы легко могли бы перестрелять переправляющихся из автоматов и пулеметов, а пароходы потопить из орудий, но, боясь поразить своих союзников на том берегу, огня не открываем. Командир 102-й пехотной дивизии генерал-майор Китинч признал это правильным и вернул нам группу немцев вместе с пароходами и баржами. От имени армии и от себя лично, через переводчика, я при помощи рупора передал американским войскам и командиру 102-й пехотной дивизии благодарность, которая на том берегу была принята восторженными возгласами американских солдат.

7 мая мы на всем фронте армии вышли к Эльбе, очистив свою полосу от противника. Но война еще не была окончена, мы слышали отдаленную канонаду севернее, а потому продолжали наступать на север, очищая от противника полосу правого соседа, захватывая пленных и трофеи. По берегу оставляли сторожевое охранение с задачей задерживать всех пытающихся переправиться на ту сторону.

Утро 9 мая было самым долгожданным, самым радостным для каждого советского человека. В это утро мы узнали о полной и безоговорочной капитуляции фашистской Германии перед союзными войсками.

В это утро, казалось, и солнце светило особенно ярко.

Все слушали радиопередачи из родной Москвы, доводившие Указ Президиума Верховного Совета СССР о полной капитуляции врага, о победе. Солдаты и офицеры, даже незнакомые, бросались в объятия друг другу и, целуясь, поздравляли с победой. Всюду во всю мощь играли оркестры, люди ходили толпами, смеялись и плакали, пели песни, стреляли вверх трассирующими пулями, бросали ракеты.

На всех немецких домах появились самодельные белые флаги.

Вечером 9 мая офицеры штаба армии отмечали День Победы коллективным ужином. И конечно, подобные же торжества происходили в каждой дивизии, в каждом полку, в каждой роте.

Я упоминал, что в 1907 году дал клятвенное обещание никогда не курить, не пить и не сквернословить. Всю мою жизнь ко мне приставали, принуждая меня выпить, особенно во время войны. Однажды я имел неосторожность сказать: "Вот когда добьемся победы, тогда и выпью". Я об этом позабыл, но мои товарищи не забыли и в этот вечер всем коллективом потребовали от меня выполнения слова. Мы сидели в цветущем саду одного из красивейших особняков Бранденбург-Вест. И в тот вечер я нарушил один из трех своих обетов.

Все встали, держа в руках наполненные бокалы.

- За полную, совершенную победу, за всех вас, за ваше здоровье и счастье, дорогие мои друзья, - сказал я и выпил до дна первую за всю мою жизнь рюмку красного вина. С 10 мая мы несли службу охранения по берегу Эльбы, контролируя переходящих на западный берег реки. Это было совсем не лишним. Возьму на выдержку данные за два дня: 14 мая задержано 317 человек, из них две трети переодетых военнослужащих; 20 мая задержано 267 человек, большая часть из них оказалась военными преступниками, стремившимися уйти на Запад.

Шоссейная дорога, идущая от Гентина на север, проходит по высокому сосновому лесу. По обеим ее сторонам утопают в декоративной зелени красивые дачи. Нельзя было и подумать, что в непосредственной близости от этих домов происходила страшная трагедия. В лесу за дачами находился громадный военный завод, на котором работали девушки, угнанные из различных стран, главным образом из Советского Союза. Завод был так искусно замаскирован, что его нельзя было обнаружить, идя по шоссе или даже низко летя на самолете; заводских труб не было, а на плоских крышах всех корпусов рос высокий кустарник вровень с сосновым лесом.

Полуголодные девушки работали по 10-12 часов в сутки. Надзирательницами у них были женщины, настоящие садистки, которые никогда не ходили с пустыми руками, а всегда у них был при себе хлыст или стек, и избивали они узниц без всякого повода. Если какая-либо из девушек заболевала, ее забирали и больше она не возвращалась. Поэтому заболевшие не жаловались, шли вместе с другими на работу, и если не могли выполнить план, то им помогали соседки.

Мы удивлялись, зачем немцы изнуряли их работой и так плохо кормили? Ведь этим они лишали себя рабочей силы. Узницы сквозь слезы пояснили: на место убывших (уничтоженных) еженедельно привозили новый эшелон.

6 мая, работая на заводе, девушки услыхали отдаленные

артиллерийские выстрелы, которые все приближались. Они не знали, что Берлин нами уже захвачен, но поняли, что это приближаются враги Гитлера - свои или англо-американцы. В то же время распространялся слух, что всех работающих уничтожат; они видели необычайное, нервное состояние администрации завода, а надзирательницы стали чрезмерно любезны. Большинство работниц решило не ждать, пока их уничтожат, а самим уничтожить надзирательниц и солдат охраны. Они это сделали 7 мая и спрятались в лесу до прихода наших войск. Невозможно описать их радость и наше волнение, когда мы встретились.

С 20 мая наши войска регулярно занимались боевой и политической подготовкой, включая боевые стрельбы. Проводили разборы боевых действий в армейском и дивизионном масштабе. Приводили в порядок боевую технику, ремонтировали машины. Работы хватало.

Соединения 40-го стрелкового корпуса первыми вышли к Эльбе и встретились со 102-й пехотной дивизией американских войск. Американские командиры пригласили наших командиров на западный берег Эльбы, чтобы вместе отпраздновать День Победы. Это общее празднование состоялось в городе Гордалеген, где расположился штаб американской дивизии. Наши командиры были встречены с почетом. Генерал Гиллен, отойдя от общей группы, передал генералу Кузнецову официальное пожелание командующего 9-й армейской армией встретиться у него в штабе с генерал-полковником Горбатовым, генералами и офицерами его штаба. Кроме того, он выразил желание отметить заслуги генерала Кузнецова и еще четырех человек американскими наградами.

Вскоре с разрешения командующего фронтом я с большой группой генералов и офицеров выехал на запад. Еще более торжественно, чем в предыдущий раз, наша группа была встречена почетным караулом. С эскортом нас проводили в штаб армии. Там нас встретил командующий 9-й армией с чинами его штаба, и снова был выстроен по четный караул, оркестр играл гимны СССР и США.

В нашу честь американцы устроили парад, а потом спортивные соревнования и большое гулянье в саду. За обедом с помощью многочисленных переводчиков происходили дружественные разговоры; многие из американских офицеров высказывали пожелание встретиться с нами на японском фронте; я обменялся дружественными речами с командующим генерал-лейтенантом Симпсоном. Уезжая, я пригласил хозяев побывать на нашем берегу Эльбы. Позже мы принимали у себя американских

гостей с русским гостеприимством,

Многие из наших товарищей были удостоены американских наград. В свою очередь наше правительство наградило такое же число американских генералов и офицеров советскими орденами.

Глава десятая. Мир на земле

В начале июня случилось большое несчастье: первый комендант Берлина генерал-полковник Берзарин попал в автомобильную катастрофу и скончался. Мне приказали сдать армию начальнику штаба генерал-лейтенанту Ивашечкину, а я получил новое назначение и стал комендантом Берлина.

Было очень трудно расставаться с людьми, с которыми десятки раз рисковал жизнью, с которыми делил радость побед н неизбежные в бою тяжелые переживания. Больше, чем кто-либо другой, я знал свой крутой и неспокойный характер и свою требовательность. Сколько раз я упрекал моих товарищей за то, что у них не получалось так, как нам хотелось, когда в этом была больше виновата обстановка, чем командир!

Я не предполагал, что прощание с армией будет таким трогательным. Моя рука надолго онемела от пожатий, губы растрескались до крови и долго оставались распухшими от поцелуев.

Особенно трудно было расставаться со своими ближайшими помощниками членом Военного совета Конновым, начальником политуправления Пинчуком, начальником штаба Ивашечкиным, заместителями Собенниковым и Ереминым, командующими артиллерией Семеновым, бронетанковыми войсками - Опариным, инженерными войсками - Жилиным, начальником политического отдела Амосовым, оперативного отдела - Грузенбергом, разведывательного - Туманяном, связи Мишиным, с командирами корпусов - Никитиным, Кузнецовым, Урбановичем, с начальниками политических отделов, начальниками штабов, командирами дивизий.

Все мы льстили себя надеждой, что служить нам придется долго и встретимся еще на службе. Никогда мне не забыть этого дружного и трудолюбивого коллектива. Каждый был хорош на своем месте. И если мы после встречались, то всегда как самые близкие люди, как родные.

Да и могло ли быть иначе? Я был всем обязан моим товарищам, и они видели во мне своего друга.

Приняв обязанности коменданта города Берлин и оставив за себя заместителей, я вылетел в Москву для участил в Параде Победы.

Поездка в Москву оставила у меня двойственное впечатление.

Несмотря на то, что война окончилась всего лишь сорок суток назад, столица выглядела по-праздничному; улицы были переполнены людьми, их радостные взгляды были полны благодарности ко всем встречающимся военным, и всюду чувствовалась уверенность, что скоро мы залечим раны войны, на пепелище построим еще лучшие, красивые дома, которые, наполнятся достатком и радостью. От всего виденного меня охватывали радость, гордость и уверенность в светлом будущем нашей страны.

Но по дороге в Москву и на обратном пути я испытывал также чувство тяжелой горести - видел всюду разрушенные города, развалины сел и деревень с одиноко торчащими трубами; разговаривая с колхозниками и рабочими, слышал, что чуть не каждая семья потеряла во время войны по меньшей мере одного дорогого и близкого человека. При этом, думая об испытаниях, выпавших на долю народа, я не раз вспоминал о наших неудачах в начале войны. Эти неудачи могли быть намного меньшими, если бы мы сохранили те обученные и опытные военные и гражданские кадры, которых мы лишились в 1937 - 1938 годах. И все-таки, вспоминая об этих годах, я помнил предвоенные пятилетки и благодарил нашу ленинскую партию за смелое и своевременное проведение индустриализации и коллективизации в нашей стране, которые обеспечили нам победу над таким сильным и коварным врагом.

Как все это сложно...

Возвращаясь из Москвы, я думал и о тех трудностях, с которыми встретятся советские люди при восстановлении разрушенного. Предвидел трудности, которые выпадут на долю и нам, военным, в связи с переходом армии от боевой работы к учебе в мирных условиях.

Для меня, правда, не был особо трудным переход к учебе в мирных условиях. Но дополнительно возложенные на меня обязанности по комендантству в Берлине бы ли мне делом совсем новым.

Вернувшись из Москвы, я осведомился у начальника штаба генерал-лейтенанта Александра Михайловича Кущева о размещении подчиненных мне войск. Здесь все было в порядке. Благодаря исключительным организаторским способностям Александра Михайловича все были расположены в хороших казармах, вблизи от учебных полей, полигонов и стадионов. Всюду уже приступили к плановым занятиям.

Мой заместитель генерал Баринов замещал меня по комендантству в Берлине. Он уже хорошо освоился с новыми для него обязанностями, организовал работу не только в центральной

комендатуре, но и во всех районах Берлина. Было взято на учет продовольствие, составлены списки особо нуждающихся в нем; налаживалось и ремонтировалось самое необходимое для нормальной жизни города: электроосвещение, водоснабжение, бани, лечебницы, городской транспорт; расчищались от обломков улицы и т. п.

В городе скопилось четыре миллиона жителей, подвоз продовольствия из провинции еще не был налажен. Цены на продукты быстро взвинчивали спекулянты, грязные дельцы, жаждущие нажиться на голоде и несчастье других.

Первое время в Берлине мы были одни, потом в западную часть прибыли комендатуры американцев и англичан, а позднее в английской зоне расположилась и французская комендатура.

В первое время коменданты наших бывших союзников и сотрудники комендатур были подобраны из тех, кто воевал, а потому с ними не так трудно было договориться по вопросам управления Берлином. Но чем дальше, том становилось труднее. Служащие в комендатурах, да и сами коменданты постепенно заменялись теми, кто враждебно относился к Советской власти.

Моя квартира находилась в одном из двухэтажных домов офицерского городка.

Это было летом. Я только что вернулся с учения, мы собирались обедать. Но жена, взглянув в окно, сказала:

- К нам гости.

Действительно, у ограды нашего дома остановились две машины, из первой вышел генерал Баринов, а из второй трое гражданских - двое пожилых, третий молодой, - и все направились к нашему дому.

- Кто бы это мог быть? - сказал я.

А жена радостно воскликнула:

- Да это Вильгельм Пик!

Мы оба поспешили вниз по лестнице, чтобы встретить дорогих гостей у входа в дом. Баринов доложил мне о прибытии товарищей Пика и Ульбрихта.

Вильгельм Пик широко раскрыл объятия и заключил в них сначала Нину Александровну, потом и меня, приговаривая: "Вот где встретились". Потом он познакомил нас с Вальтером Ульбрихтом и переводчиком.

Баринов, как бы оправдываясь, говорил:

- Хотел вас предупредить по телефону, но они не позволили, а предложили проводить их к вам, вот я и привез их сам.

Все вопросы пока отложили и сели за накрытый стол. На столе появилось вино.

Поднимая наполненный бокал, Вильгельм Пик сказал моей

жене:

- Помните, Нина Александровна, как в 1936 году у вас за столом в Староконстантинове я провозгласил тост за встречу в освобожденном от гитлеровцев Берлине? Вы усомнились в возможности такой встречи. Но, вот видите, это сбылось.

Обращаясь к нам всем, он провозгласил тост: "За Советскую Армию, которая помогла превратить в действительность мечту народов о свободе!"

В свою очередь я провозгласил тост: "За Германию демократическую, за мужественных борцов против реакции Вильгельма Пика и Вальтера Ульбрихта, за нерушимый мир между Германией и Советским Союзом".

Для участия в Потсдамской конференции прилетели в Берлин Сталин, Трумэн и Эттли с Черчиллем. Вместе с другими комендантами Берлина я встречал их, а потоми провожал.

Мы сразу приступили к выполнению решений этой конференции. Наши же бывшие союзники нарушали согласованные статьи, все больше отказывались от собственных формулировок, записанных в решении.

Мои многократные словесные просьбы об освобождении меня от должности коменданта Берлина оставались без результата. В ноябре мною была послана такая же просьба, но уже в письменной форме. Просьба была мотивированная: по окончании войны для налаживания нормальной жизни во всем городе было целесообразным назначение генерал-полковника комендантом и его заместителем другого генерала. Но теперь городом управляют четыре коменданта, да и жизнь вошла более или менее в колею. Кроме того, все три западных коменданта генерал-майоры и наличие с нашей стороны коменданта в звании генерал-полковника является умалением авторитета советских воинских званий. Генерал Баринов вполне справится с комендантством в восточной части Берлина.

Моя просьба была на этот раз удовлетворена. Комендантом нашей зоны в Берлине был назначен, как я и советовал, генерал Баринов.

Недолго я радовался, что освободился от обязанностей коменданта: на меня возложили не менее беспокойные обязанности начальника провинций Мекленбург и Западная Померания. На нас возлагались охрана демаркационной линии на западе, обеспечение работы предприятий, производящих предметы народного потребления, обеспечение сельскохозяйственных работ на всех площадях и рыбной ловли; восстановление торговли, разъяснение населению политики Советского государства в германском вопросе, соблюдение

законности в провинции и т. п.

Большая работа предстояла также в связи с перемещением войск в новый район. Учитывая приближение зимы, необходимо было застеклить окна в казармах, запасти топливо, отремонтировать водопровод и канализацию и т. д.

Времени до зимы оставалось мало, но благодаря организованности и инициативности всех командиров и политработников, благодаря трудолюбию солдат и сержантов до наступления холодов все встало на свои места. Население городов продолжало страдать от недостатка и дороговизны продовольствия. Совсем еще недавно эти люди были нашими врагами, а теперь мы должны заботиться о них, о их детях, помогать им налаживать нормальную жизнь. Чтобы смягчить продовольственный кризис и улучшить снабжение городов, мы организовали рыболовецкие бригады, которые промышляли в Балтийском море.

Уловы неизменно повышались. За 1946 год было выловлено триста тысяч центнеров рыбы. Это уже было большим подспорьем в рационе питания населения. Из разговоров с крестьянами и руководящими немцами выяснилось, что может остаться незасеянной четвертая часть посевных площадей. Эта земля принадлежала богачам, ушедшим на Запад, и многоземельным крестьянам-фермерам, которые остались здесь, но сокращают посевы, ссылаясь на отсутствие семян; безземельные же боятся сеять на земле ушедших на Запад, а тем более на земле оставшихся здесь хозяев. Необходимо было помочь местным властям в решении этих вопросов.

Плохо обстояло дело с торговлей. Большая часть магазинов была закрыта, а в открытых на полках лежали пустые коробки или неходовой товар. Было ясно, что товар есть, но он припрятан, и торговля идет из-под прилавка. Грубым вмешательством и в этом деле ничего нельзя было исправить, - скорее, можно было еще глубже загнать торговлю в подполье.

Наша работа среди населения города наталкивалась да большие трудности главным образом потому, что мало было своих людей, которые знали бы немецкий язык и могли бы шире привлекать к работе немцев, относящихся к нам с симпатией.

В феврале 1946 года состоялись выборы в Верховный Совет СССР и я был избран депутатом.

В ноябре 1946 года меня назначили командующим объединением, которое дислоцировалось в Советском Союзе. В мирное время трудностей перед нами вставало неожиданно много. Хотя, почему - неожиданно? Трудности были закономерны. Их переживала вся страна, которой приходилось из пепла

возрождать города и села, восстанавливать экономику разрушенных и разграбленных областей. Мы помогали местным предприятиям и колхозам налаживать нормальную работу, делились с ними всем, чем могли. Были у нас и свои трудности. Нелегко перестраивалась жизнь и учеба войск. Нужны были новая методика обучения и воспитания, новая организация службы. Думать, искать приходилось всем генералам и офицерам.

Нам, военным, не приходится долго засиживаться на одном месте: только хорошо узнал людей, сработался с ними - и вот приходится расставаться. В марте 1950 года меня вызвали в Москву. Я получил приказ о назначении меня командующим воздушно-десантными войсками. На этот раз переход на другую работу я считал слишком уж преждевременным. Кроме того, я не чувствовал себя достаточно компетентным в том деле, которое мне поручалось, и доложил об этом начальству. Но А. М. Василевский при встрече сказал: "Ваш самоотвод, товарищ Горбатов, признан неубедительным, беритесь за дело смело, работа интересная, уверен, что вам она понравится".

Первое знакомство с генералами и офицерами управлений штаба войск, политического управления и службы тыла произвело на меня положительное впечатление. В войсках тоже были знающие и любящие свое дело генералы и офицеры.

Особенно же хорошее впечатление оставили у меня солдаты и сержанты. У всех была отличная выправка, образование не ниже шести классов, семьдесят процентов солдат и сержантов были комсомольцы. Командиры батальонов, рот и часть командиров взводов участвовали в Отечественной войне, многие отличились в боях. Большая часть рот и батарей имела партийные организации. Было видно, что много внимания уделяется парашютной, физической и строевой подготовке.

Наблюдая подготовку и проведение учений с десантированием, я с удовольствием видел тщательность в укладывании парашюта, точную выброску десантников в заданный район, смелость и сноровку, с какой парашютисты покидали самолеты и приземлялись. Но иногда десантников выбрасывали только в хорошо знакомые районы, а это снижало значение такого учения. Кроме того, люди под час были медлительны в действиях при захвате района после приземления и в окапывании при обороне.

Глубже вникая в жизнь подразделений, анализируя причины недостатков, я в каждой части проводил опрос относительно претензий, особенно в тех частях, в которых было больше проступков. При опросе майор, командир одного из батальонов, человек атлетического телосложения, заявил:

- Я воевал добросовестно, имею три ордена и четыре медали, без труда переносил холод, голод и другие лишения войны, являюсь лучшим спортсменом в дивизии. На войне командовал батальоном и сейчас командую батальоном. Но меня не только не продвинули по службе, но в представили к увольнению. Правильно ли это?

Естественно, на его вопрос я не мог ответить немедленно, а приказал ему прийти завтра в 17 часов в штаб части.

На следующий день после обеда командир части по моему приказанию собрал своих заместителей, командиров и политработников. Мы беседовали с ними по разным вопросам и о результатах вчерашнего опроса.

Относительно жалобы майора командир полка доложил следующее: воевал он действительно хорошо, командир неплохой и в мирное время, и действительно лучший физкультурник; но жалобы подчиненных на его грубость идут сплошным потоком. Он обзывает калеками всех тех, кто не так, как ему хочется, выполняет упражнение на снарядах. В его батальоне сидящих на гауптвахте больше, чем во всех остальных подразделениях полка. Говорили с ним не раз, он обещал исправиться, но все остается по-прежнему, вот и пришлось представить его к увольнению.

Явился майор. Я его спросил:

- Почему на вас так много жалоб? Почему в батальоне так много проступков?

- Над этим задумывался не раз, но понять не могу. Требую от людей только то, что положено, - ответил майор.

- Методикой обучения предусмотрено переходить от простого и менее трудного к более сложному и трудному. Согласны вы с этим?

- Да, согласен.

- Будете ли вы считать правильным, если подчиненные вам сержанты на первом месяце обучения молодых солдат будут от них требовать, чтобы они стреляли и выполняли упражнения на брусьях так же, как выполняют сами сержанты?

- Нет, буду считать это неправильным.

- Почему же вы, лучший спортсмен части, оскорбляете солдат и сержантов, если они не так выполняют, как вы, то или другое упражнение?

Молчание.

- Вы начали военную службу солдатом или сразу офицером?

- Офицером.

- Давайте разберемся. Вы, товарищ майор, имеете большую физическую силу, вы были храбрым в бою, и мы верим, что вы без труда переносили лишения военной обстановки. Но можно ли

думать, что те, кого вы называете неспособными, калеками, что эти люди, не имеющие такой физической силы, как вы, все являются негодными бойцами лишь потому, что не умеют пока выполнять спортивные упражнения так, как выполняете их вы? Вам не пришлось быть солдатом - это не ваша вина. Но, не испытав на себе солдатской службы, вы не понимаете психологию солдата. Вот я был солдатом в царской армии, хорошо знаю, как тяжело было солдату переносить оскорбления от дворянина-офицера. Вы думаете, легче терпеть оскорбления солдату Советской Армии от офицера, вышедшего из семьи рабочего, крестьянина или из трудовой интеллигенции? Чем отличается наш солдат от офицера? Лишь тем, что меньше учился за счет государства.

Вот здесь мы до вашего прихода обсуждали ваше положение. Возможно, что вы оскорбляете солдат, желая, чтобы они быстрее и большему научились. Но нельзя чрезмерно гнуть палку, ее можно сломать. Нельзя испытывать долго терпение людей, оно тоже может лопнуть. Вы оскорбляете достоинство человека. На вас глядя, по вашему примеру поступают и подчиненные вам офицеры и сержанты. А что из этого получается? Какая польза? Только и есть, что много сидящих на гауптвахте и много жалоб на вас. Поэтому вы и представлены к увольнению из кадров армии.

Майор вскочил со стула и с горечью проговорил:

- Да, верно, это мой большой недостаток, но сам я не мог о нем догадаться, а тот, кто меня вызывал и беседовал со мной, этого не сказал, а только попрекал меня грубостью. Теперь я все понял и свои недостатки могу изжить. Дайте только срок, и вы увидите.

Отпуская майора, я ему сказал:

- Умейте требовать твердо, справедливо и разумно. Это должен уметь каждый командир.

Позднее мы узнали, что майор, вернувшись от нас в батальон, собрал офицеров и сержантов, подробно им рассказал о нашем с ним разговоре. Он дал подчиненным командирам новые установки, сам резко изменил свое отношение к людям. Прошло время, и его батальон стал одним из лучших, а сам он получил продвижение по службе.

Командирам было указано, что отсутствие регулярных опросов относительно претензий мешает узнавать нужды и запросы подчиненных, и это заставляет солдат писать жалобы во все адреса. Проводя опросы регулярно, мы не только узнаем нужды и запросы подчиненных, но и разрешаем вопросы на месте. Не меньший интерес для командиров представляют проводимые ими вечера вопросов и ответов.

Раньше мне не приходилось задумываться над обучением десантников. Мне казалось, что основное отличие от занятий в стрелковых войсках заключается здесь в обучении прыжку с парашютом, в действиях же на земле я большой разницы не замечал. .

Но, когда я присутствовал на первом для меня учении с десантированием, мне показалось странным, что десантники после приземления в тылу условного противника слишком медлят с началом действии.

По своей натуре я не терпел тех вновь назначенных командиров, которые, прибыв в соединение или часть, не успев еще ознакомиться с условиями их жизни и работы, не узнав, почему то или иное делается так, а не иначе, начинают отменять существующее, вводить нечто новое, находить негодным все, что было до них. Но на этот раз я изменил своему правилу и, присутствуя на этом малознакомом мне по принципам организации учении, выступил на разборе с довольно решительной критикой и потребовал, чтобы сразу же после приземления, не теряя на одной минуты, войска приступали к решению задачи.

На одном из учений произошел интересный случай. После выброски большого десанта два парашютиста, у которых были уже раскрыты парашюты, столкнулись в воздухе, и у одного из них парашют сложился, что угрожало ему гибелью. Другой не растерялся в столь сложной обстановке, мгновенно схватил стропы и удержал товарища. На одном парашюте с удвоенной скоростью они начали приближаться к земле.

Командир части вместе с врачом сели в машину и поехали к месту вероятного их приземления, а мы продолжали наблюдать в бинокли за их ускоренным спуском. Видели, что они приземлились и что никто из них не поднялся, как это обычно бывает, чтобы погасить наполненный ветром парашют. Это усилило нашу тревогу, и мы ожидали грустных известий. Но, продолжая наблюдать, мы увидели, как к месту приземления подъехала машина, как из нее вышли командир и врач, как навстречу им поднялись два человека. У всех наблюдавших эту картину вырвался вздох облегчения. Вскоре вернулся командир части и с улыбкой доложил: "Все благополучно, оба отделались небольшими ушибами, а когда мы к ним подъехали, оба обнимали и целовали друг друга".

Кто-то сказал:

- Почему никто из них не стал тушить парашют? Мы уже думали...

- Да им было не до парашюта, - ответил командир. - Если бы

вы были на их место, тоже сначала полежали бы да одумались.

- Так бывает в бою. Один, рискуя своей жизнью, спасает жизнь другого, и оба остаются живы, - сказал я - Десантники, оказывается, это делают и в мирное время.

Кстати упомяну, что парашютист, спасший жизнь товарищу, получил за это государственную награду.

Позднее я не раз наблюдал на тренировках и учениях подобные столкновения парашютов, и почти всегда это происходило с куполами парашюта одной системы. У меня и раньше возникал вопрос: почему сейчас у десантников такие парашюты? Но я молчал, боясь, с одной стороны, показаться невежественным в глазах подчиненных, опытных десантников, а с другой стороны, опасался этим вопросом невольно подорвать веру в принятый тогда парашют.

После ряда случаев я собрал пятерых ответственных и опытных парашютистов из руководящего состава и задал им такие вопросы: почему прежний парашют был заменен новым? От кого исходила инициатива замены? При этом я их предупредил, что разговор должен остаться между нами.

- Конечно, старый надежнее, - сказали двое из пяти.

Трое высказались за новый. При этом все они ответили, что перешли к нему в конце войны, а по чьей инициативе - никто не мог сказать. Тогда я подумал: "Инициатор, вероятно, находится в этой тройке. Все пятеро знают виновника замены и не хотят его поставить в неловкое положение в глазах нового командующего".

Но вот пришло время, когда мы должны были заказывать промышленности очередную большую партию парашютов. Я заказ отменил.

Это вызвало бурю возмущения со стороны руководства фабрики. Они нам говорили, что мы на это не имеем права, заказ утвержден в плане и т. п. У специалистов, прибывших с фабрики для крупного со мной разговора, мне удалось узнать историю перехода от старого парашюта к новому. Они мне ответили: "Новый шить значительно проще, его может сшить любая мастерица, а прежний значительно труднее, его может сшить только высококвалифицированный мастер. Во время войны рабочих рук не хватало, мы и предложили десантникам упрощенные парашюты, они испытали и согласились".

Узнав это, я с еще большим недоверием стал относиться к парашюту упрощенной формы и утвердился в решении их не заказывать. Мы решили перейти на другую систему купола, доложили об этом в Министерство обороны, и с нами согласились.

То же было с заказом на ножи для десантников. На складах

их было очень много, и каждый год заказывались все новые партии. Когда я поинтересовался, зачем они нужны, то оказалось, что задолго до войны, когда десантники прыгали с крыла тихоходного самолета, один из них зацепился за хвостовое оперение; чтобы в таком случае можно было разрезать одну из строп, были введены ножи. Но самолеты уже давно стали иными, и ножи использовались исключительно для открывания консервных банок. С заказом на ножи мы покончили.

Совместный труд по выработке оперативно-тактических принципов для действия воздушно-десантных войск, продумывание крупных вопросов оснащения десантников оружием, мелочей, относящихся к обмундированию и пр., особая забота о том, чтобы улучшение организации и вооружения шло об руку с экономичностью, со сбережением народных денег и труда, - все это служило тому, что командные и начальствующие кадры нашего управления сплотились в дружный коллектив легко приходивших к взаимопониманию людей. Меня это в высшей степени радовало, потому что очень давно я пришел к убеждению, что творческая инициатива необходима самой дисциплинированной воинской организации.

Первый раз в роли командующего воздушно-десантными войсками мне пришлось участвовать в большом учении, которое проводил Маршал Советского Союза А. М. Василевский. Всем генералам, руководившим учением, понравилась наша подготовка к десантированию. Впервые в практике этого рода работ был сделан красиво исполненный рельефный план района десантирования; на нем были предварительно детально проиграны варианты действий десантников после их выброски-высадки. На разборе наш предварительный розыгрыш - как нововведение, - а также удачные действия десантников были высоко оценены руководителем учения.

В 1950 году я вторично был избран депутатом Верховного Совета СССР.

На XIX съезде КПСС я был избран кандидатом в члены Центрального Комитета КПСС. Нечего и говорить, как меня обрадовало это высокое доверие партии и как еще раз мне пришлось почувствовать, что лежащая на мне ответственность все возрастает.

Генералы и старшие офицеры воздушно-десантных войск много внимания уделяли военно-научной работе, и в первую очередь изучению и критическим разборам воздушно-десантных операций, проведенных в мировой войне 1939 - 1945 годов. Мы стремились уяснить себе, что способствовало их успеху и что являлось причиной неудач.

Напрашивался вывод, что эти операции, проведенные как нашими, так и англо-американскими и немецкими войсками, не могут служить полноценным образцом для будущего; чрезмерно полагаясь на старый опыт, можно впасть в ошибку, ибо те десанты не были в достаточной степени оснащены тяжелым оружием и современными техническими средствами, без которых решать задачи в тылу противника впредь будет невозможно.

Вместе с тем изучение операций прошлого имело несомненное значение, так как теория военного искусства в значительной степени зиждется на критическом анализе проведенных операций, подсказывающем, какие существенные изменения должны быть внесены в способы действий, учитывая характер новых средств борьбы. Поэтому у нас в войсках не только не отрицали огромной пользы изучения опыта прошлой войны, но, наоборот, проявляли много инициативы в добывании военно-исторических материалов об организации и проведении их как в нашей армии, так и в иностранных. Нет сомнения, что изучение операций 1939 - 1945 годов сохранит свою ценность и на будущее время, как многому научающий способ делать для себя перспективные выводы. Одним из этих выводов было убеждение, что если нам будет навязана война, то воздушно-десантные войска ожидает многогранная и полезная работа в тылу противника.

Придавали мы громадное значение инициативе и самостоятельности дерущихся в тылу врага войск - и не только инициативе офицеров, но и сержантов и солдат. Наряду с оперативной подготовкой штабов много внимания уделялось совершенствованию тактики, особенно в действиях взводов, отделений и групп.

За четыре года благодаря общим и дружным усилиям нам удалось достичь многого в обучении и воспитании войск, в организации десантирования и действий десантников в тылу условного противника, в создании новой техники и оружия для нашего рода войск.

Было бы странно думать, что над совершенствованием действий воздушно-десантных войск работал один я или только мои ближайшие помощники Н. С. Скрипко, С. Е. Рождественский, И. К. Брушко Нет, такие результаты бывают следствием работы многих и многих людей, обобщающих практическую и теоретическую работу соединений и частей. Я уверен: кто не понимает этого, тот не понимает в военной службе ничего.

А в 1954 году - новое назначение. Я стал командующим войсками Прибалтийского военного округа.

В эти годы началось бурное развитие ядерного оружия, а

также различной новой техники - ракет огромной мощности; самолетов, имеющих сверхзвуковую скорость, достигающих высоких слоев атмосферы, летающих на сверхдальние расстояния и поднимающих тяжелейшие грузы; неизмеримо возросли боевые возможности артиллерии, танков, кораблей.

Мы разъясняли солдатам и офицерам, что если и раньше во всех войнах основную роль играл человек, то в будущей войне его роль еще больше возрастет. Увеличение мощности и усложнение военной техники ставят перед командирами, политработниками и начальниками всех специальностей задачу - с еще большим вниманием обучать, воспитывать людей, укреплять дисциплину. Не буду перечислять всех мер, которые мы для этого принимали; ограничусь тем, что скажу: нами был использован опыт, накопленный многими генералами и офицерами.

На большом учении присутствовал Р. Я. Малиновский. Он положительно оценил результаты обучения.

Многое хотелось бы рассказать о работе командиров и политработников войск округа, о наших взаимоотношениях с местными партийными и советскими организациями - взаимоотношениях, всегда проникнутых сердечностью, дружбой и взаимной помощью, о наших думах и планах. Но это слишком затянуло бы повествование, а книжка моя и так получается громоздкой. Да военному человеку и не обо всем можно и нужно писать...

Сейчас мне семьдесят четвертый год. Я до сих пор служу в Советской Армии. И думаю еще не один год поработать - силы есть, на здоровье не жалуюсь.

Мне часто приходится бывать в войсках, много ездить по стране.

Своими глазами вижу, как много у нас строится повсюду. Взять хотя бы Новосибирск, который я видел в очень печальное время, когда проходил по улицам под конвоем. Он своими многоэтажными домами раскинулся теперь по обоим берегам многоводной Оби на десятки километров. Рядом с ним вырос чудесный Академический городок, утопающий в вечной зелени соснового бора, неподалеку от мощной ГЭС и Обского моря.

Побывал я на Ангаре и на Байкале, на великих сибирских стройках. Я узнавал в строителях людей, которые в свое время разгромили непобедимую до того гитлеровскую армию. Теперь они побеждают дикую, до них никем не покоренную природу. Тогда, более двадцати лет тому назад, я был боевым товарищем и руководителем таких стойких и мужественных советских людей - здесь я только их гость. Но как хорошо видеть, что следующие поколения не уступают в доблести своим отцам и старшим

братьям, и как радуешься за них, что не к войне, а к созидательному труду прилагаются их мысли и силы!

Сталинград разрушался врагами на моих глазах в августе 1942 года, в нем трудно было найти уцелевшее дерево или стену кирпичного здания. Через 15 лет я увидел на его месте город Волгоград - обширный и красивый, гордящийся Волгоградской ГЭС - новым чудом гидростроительства новым благоустроенным городом Волжский. Но, гордясь своим настоящим, волгоградцы свято чтут память наших воинов, павших в боях при обороне в освобождении на весь мир прославившегося города.

Неузнаваемы стали хорошо мне знакомые до войны города Средней Азии. Они не только разрослись вширь и ввысь своими многоэтажными домами, но многие из них превратились в большие промышленные центры. Голодная степь, сохранившая от прошлого лишь свое наименование, превращена в благодатный, цветущий край. Многоводная Амударья, преодолев сотни километров пустыни, оказалась уже у столицы Туркмении - Ашхабада.

Довелось мне как-то побывать и в колхозе села Вяжи, откуда наши войска начали наступление на Орел. Тогда почти все домики были разрушены, а в оставшихся не было ничего, кроме беспросветного горя и тучи мух. Теперь везде новенькие опрятные дома с чистенькими занавесочками и живут в них хорошо одетые, жизнерадостные колхозники. Председатель колхоза - энергичная молодая женщина - с гордостью рассказывала и показывала достижения колхоза. Я видел прекрасные коровники, свинарники и птичники. Большое стадо рогатого скота паслось на лугу, упитанные свиньи лежали на берегу реки, а на площадках птицефермы как будто бы выпал снег, так много там было птицы. Но бывший наш наблюдательный пункт бережно сохраняется местными жителями, а к моему приезду он даже был побелен внутри.

Нечего и говорить, что далеко не все колхозы области работают и живут так хорошо, как этот колхоз. Газеты сообщают об отстающих колхозах Орловщины - да я их видел и сам. Еще много непорядков, много плохих организаторов, во многом ощущается серьезный недохват. Но такие колхозы, как рядовое хозяйство села Вяжи, вселяют уверенность, что организаторов у нас найдется достаточно, чтобы поднять все сельское хозяйство, проводя политику партии в духе XX и XXII съездов.

Старинный город Мценск до войны не имел домов выше двухэтажных. Когда через него проходил передний край обороны, он был разрушен до основания. Теперь же там высятся многоэтажные здания по обоим берегам реки Зуша и в нем есть

все присущие хорошему городу учреждения - клубы, кино, театр, больницы, школы, гостиница, стадион, большой завод, много менее крупных промышленных предприятий.

Орел превратился в изумительно красивый город с широко развитой промышленностью, с роскошным театром, стадионом, парками, красивыми мостами через реки Ока и Орлик. На том месте, где был убит генерал Гуртьев, поставлен обелиск с его барельефом, а бронзовый памятник, изображающий героя во весь рост, стоит в одном из лучших парков, где он похоронен.

Мне случалось слышать о первенце первой пятилетки - о заводе сельскохозяйственных машин в Гомеле. Но этот город, как и Мценск, находился на переднем крае обороны и был также разрушен до основания. Сейчас его центральная часть с прекрасным парком, Дворец пионеров и музей красуются на высоких берегах полноводного Сожа. Белорусы своим творчеством и трудолюбием не уступают орловчанам, и с такой же трогательной заботливостью они относятся к могилам и памятникам своих освободителей; всюду видны живые цветы...

В моем рассказе уже несколько раз речь заходила о могилах и памятниках. Что поделаешь? Жизнь неразлучна со смертью, - по крайней мере, так всегда было. А на войне смерть приходит к людям слишком часто и слишком рано. Но я особенно ясно и радостно чувствую жизнь в тех людях, и старых, и молодых, которые не забывают ушедших от них дорогих людей, родных или вовсе не известных. Память о погибших, когда встречаешь ее, как искреннее чувство, у совсем юных существ, наполняет сердце верой; растет у вас достойная смена, которая продолжит борьбу за счастье для людей. И чувствуешь благодарность к этим ребятам за то, что они такие хорошие, к их родителям и учителям, помогающим детям стать настоящими людьми.

Я являюсь шефом одной из школ на моей родине - в городе Шуя. От ее учеников получаю много писем и поздравлений к праздникам. Дети, видно, прилагают много старания, чтобы выбрать лучшие открытки.

Много писем получаю от школьников из Орла, Мценска, Довска и других. Конечно, я всем отвечаю.

Большое место в моей теперешней жизни занимают и московские дети - я бываю у них в школах, в Домах пионеров, беседую с ними по радио и телевидению. Вряд ли можно найти лучших собеседников.

Вообще очень важно не только теоретически, но и практически знать, насколько полезно для обеих сторон общение между людьми разных поколений - и, конечно, не только двух поколений - "отцов и детей", но и третьего - "дедов". Вопреки

широко распространенному мнению дети умеют ценить благожелательную и достойную старость. Заканчиваю спои воспоминания. Я описал мою жизнь такой, какой она была - со всеми невзгодами, горькими переживаниями и радостями, стараясь обо всем рассказать без преувеличений и прикрас. Конечно, жизнь всегда богаче описаний, к тому же многое забылось - ведь я дневников не вел и писал раньше только то, что требовалось для службы. Но и этот материал оказался надежной опорой при составлении моих воспоминаний. Постепенно, когда я вновь переживал прошлое, воскрешая его в памяти, документы дополнялись подробностями, личными впечатлениями, мыслями о событиях.

Из всех этих подробностей, впечатлений, мыслей четко выкристаллизовывалась одна непреложная истина: что бы ни делал советский человек, какое бы место в обществе ни занимал, как бы ни гнула и ни ломала его судьба, он должен всегда и везде оставаться верным нашим коммунистическим идеалам. Непоколебимая вера в неизбежное торжество этих идеалов, в нашу жизнедеятельную партию, в наш народ поможет с честью выдержать любые испытания.

Слово о советское полководце{2}

Одна из первых встреч с Александром Васильевичем Горбатовым запомнилась мне особенно хорошо. На исходе был август 1942 года. На командном пункте Юго-Восточного фронта мы обсуждали быстро менявшуюся обстановку: враг рвался к городу на Волге с севера и юга.

По указанию Верховного Главнокомандующего в район Сталинграда перебрасывались крупные подкрепления. Но из-за воздействия вражеской авиации они выгружались далеко от линии фронта и далее следовали походным порядком Необходимо было быстро выводить их в заданные районы для срочного укрепления нашей обороны. Об этом я, как представитель Ставки, говорил с командующим войсками фронта.

В это время в помещение стремительно вошел высокий генерал в кавалерийской форме. Правильные черты лица, проницательный взгляд голубых глаз, безукоризненная выправка, четкость, с которой он доложил о себе, - все это тотчас же расположило меня к прибывшему. А его просьба, высказанная просто, но очень энергично, окончательно покорила меня. Перед нами был инспектор кавалерии фронта генерал-майор А. В. Горбатов. Конницы под Сталинградом было мало, и Александр Васильевич просил, чтобы ему поручили какое-нибудь серьезное боевое дело. Сидеть сложа руки на левом берегу Волги, когда

обстановка стала угрожающей, он не мог.

Генералу Горбатову было приказано отправиться в район Городища для выполнения именно тех задач, о которых только что шла речь на КП фронта. Он отлично справился с этим. В полной мере проявились его неиссякаемая воинская изобретательность, энергия и мужество.

На одном из участков неожиданно для нас прорвались танки врага через средний обвод Сталинградской обороны Под руководством Александра Васильевича только что прибывшие части нанесла гитлеровцам контрудар, в ходе которого было обеспечено четкое взаимодействие между пехотой и зенитной артиллерией. Генерал Горбатов приказал зенитчикам вести огонь по танкам. Так был предотвращен прорыв врага к Волге на очень важном для нас в оперативном отношении участке. И в дальнейшем не раз проявлялся самобытный талант Александра Васильевича, прошедшего суровую жизненную и боевую школу.

Выходец из беднейшей крестьянской семьи, Горбатов с ранних лет познал все тяготы борьбы за существование. Но природный ум, несгибаемая воля, необычайная жизнестойкость помогли ему преодолевать все невзгоды.

В 1912 году Александра Горбатова призвали в царскую армию и зачислили в гусарский полк. Позже, на фронтах империалистической войны, проявились его превосходные воинские качества. Смелый до дерзости и одновременно расчетливый разведчик, лихой кавалерист, он снискал уважение не только солдат, но и начальства, среди которого конечно же было немало самодуров и держиморд. В 1917 году унтер-офицера Горбатова, хотя он и не был искушен в политике, избрали в полковой комитет.

На многое открыла ему глаза Великая Октябрьская социалистическая революция. В годы гражданской войны он сформировался как командир революционной армии нового типа, пройдя в ее рядах путь от рядового конной разведки до командира кавалерийской бригады. За боевые дела на Польском фронте он награждается орденом Красного Знамени. В 1919 году Александр Васильевич навсегда связал свою жизнь с ленинской партией.

После гражданской войны А. В. Горбатов продолжал совершенствовать свои знания, чему способствовала учеба на Курсах усовершенствования комсостава и Высших академических курсах. Он всегда аттестовался как командир с широкой инициативой, большим боевым опытом, хорошо подготовленный в оперативном отношении. За предвоенные годы А. В. Горбатов вырос до заместителя командира корпуса.

Я пристально следил за боевой работой Александра Васильевича в. годы Великой Отечественной войны. Вскоре после Сталинградской битвы он был выдвинут на должность командующего армией и стал одним из лучших в прекрасной плеяде наших командармов. Его прославленная 3-я армия прошла путь от реки Зуши, что на границе Орловской и Тульской областей в 300 километрах от Москвы, до реки Шпрее (Шпре), у стен германской столицы.

В период командования армией неоднократно проявлялись самобытность и оригинальность полководческого мышления Александра Васильевича. Стоит, например, сказать, что по первоначальному замыслу в знаменитой Орловско-Курской битве и в освобождении Орла 3-й армии отводилась вспомогательная роль. Но благодаря проявленной генералом Горбатовым разумной инициативе войска армии сыграли основную роль в освобождении древнего русского города.

Весомый вклад внесла 3-я армия и в Белорусскую наступательную операцию. Характерно, что войска, руководимые А. В. Горбатовым, как правило, ранее намеченных сроков выходили на новые рубежи, действовали так, что враг оказывался в мышеловке и вынужден был фактически оставлять важные в оперативном отношении пункты еще до подхода наших главных сил. Так было, например, с Гомелем, а затем и с Бобруйском.

Вновь вместе с Александром Васильевичем мне довелось воевать в Восточной Пруссии, когда на меня приказом Верховного Главнокомандующего было возложено командование объединенными войсками 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов. Тогда упорство и боевой опыт воинов 3-й армии во многом способствовали полному изгнанию врага из Восточной Пруссии. 3-я армия нерпой прорвалась к заливу Фришес-Хафф, что сыграло значительную роль в разгроме врага на этом участке.

В дальнейшем А. В. Горбатов во главе 3-й армии принял активное участие в грандиозной битве за Берлин.

Золотая Звезда Героя Советского Союза, два ордена Ленина, высшие полководческие ордена Суворова и Кутузова, многие другие ордена и медали достойно венчают боевые заслуги А. В. Горбатова в Великой Отечественной войне.

В послевоенный период Александр Васильевич командовал армией, воздушно-десантными войсками, войсками Прибалтийского военного округа. Ему было присвоено звание генерала армии. С 1958 года он на руководящей работе в Министерстве обороны СССР{3}.

Маршал Советского Союза А. М. ВАСИЛЕВСКИЙ

Примечания

{1}В Сообщении ТАСС, на которое ссылается здесь автор, прямо указывалось, что, "по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям". - Прим. ред.).

{2}Написано в 1971 году.

{3}А. В. Горбатов скончался в 1973 году. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище. - Прим. ред.